

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (58) 2021

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминологической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминологической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – **Э22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции и издателя:
400089, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
20.09.2021.

Дата выхода в свет:
27.09.2021.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 28,5.
Усл. печ. л. 26,5.
Тираж 500. Заказ 40.

Цена по подписке на II полугодие 2021 г. по каталогу «Пресса России» 750 руб. 20 коп. (2 номера)

Отпечатано в ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская академия МВД России, 2021

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 3 (58) 2021 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2021. — 228 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index for the second half of 2021 at the catalogue "Pressa Rossii": **322761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№. 3 (58)
2021**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University. Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
20.09.2021.

Date of publication:
27.09.2021.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 28,5.
Conventional print sheets 26,5.
500 copies. Order 40.

Subscription price for the
second half of 2021
according by catalogue
"Pressa Rossii"
750 ruble 20 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2021

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seitenov, the First Vice Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВОПЛЕНКО

9

СТАТЬЯ НОМЕРА

Аширбекова М. Т., Маринина В. Н.
О законных представителях
несовершеннолетних участников
уголовного процесса

11

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бойко Д. В., Мерзликин Р. А.
Взаимосвязь свободы, правосознания
и правоприменительного усмотрения
Грачев Н. И.
Сущность конституции:
опыт постклассической деконструкции
содержания и смысла основного закона
государства эпохи постмодерна
Редько А. А., Губанова В. В.
Правовая цензура
как объективная необходимость построения
современного демократического государства

18

25

35

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Блинков А. П., Садовый С. Х.
Международный опыт противодействия коррупции:
компаративистский аспект
Борисова В. Ф., Спесивов Н. В.
Пробелы в правовом регулировании
порядка помещения несовершеннолетних
в специальные учебно-воспитательные учреждения
закрытого типа
Зотов А. Ю.
Проблемные вопросы рецидива преступлений
в уголовном праве России
Кузнецова Н. И.
Биологическая безопасность:
теоретические и правовые аспекты
Лещенко В. П.
Уголовно-правовая регламентация
основания ответственности за мошенничество,
совершенное с использованием
средств электронного платежа
Лихолетов А. А., Победнова А. А.
Проблемы применения нормы
об уголовной ответственности
за заведомо ложные показания,
заключение эксперта или специалиста
или неправильный перевод
Овчинников Д. К.
Отдельные аспекты
уголовно-правового противодействия
незаконному обналичиванию денежных средств:
проблематика и направления совершенствования

40

49

57

65

74

79

86

CONTENTS

ANNIVERSARY OF NIKOLAY NIKOLAEVICH VOPLENKO

RELEASE ARTICLE

Ashirbekova M. T., Marinina V. N.
On the legal representatives
of minor participants in a criminal process

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

Boiko D. V., Merzlikin R. A.
The interconnection between freedom,
legal awareness and law enforcement discretion
Grachev N. I.
The essence of the constitution:
the experience of postclassical deconstruction
of the content and meaning of the fundamental law
of the state of the postmodern era
Redko A. A., Gubanova V. V.
Legal censorship as an objective necessity
in the conditions of building
a modern democratic state

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Blinkov A. P., Sadovy S. Kh.
International experience in combating corruption:
a comparative aspect
Borisova V. F., Spesivov N. V.
Gaps in the legal regulation
of the position of minors
in special educational and educational
closed institutions
Zotov A. Yu.
Problematic issues
of recidivism in the criminal law of Russia
Kuznetsova N. I.
Biological safety:
theoretical and legal aspects
Leshchenko V. P.
Criminal law regulation of the grounds
for liability for fraud
committed using electronic payment means
Likholetov A. A., Pobednova A. A.
Issues to apply rules on criminal liability
for knowing perjury,
an expert's or specialist's conclusion
or wrong translation
Ovchinnikov D. K.
Certain aspects of criminal law counteraction
to illegal cash withdrawal:
problems and areas of improvement

<p><i>Пшеничнов И. М.</i> «Незаконный найм» и терроризм — две грани одной преступности: проблемы противодействия <i>Садчикова Д. Н., Васильева М. В.</i> Перспективы совершенствования наказания в виде обязательных работ в свете современных тенденций уголовно-правовой политики Российской Федерации <i>Сысолина Н. С., Берестовой А. Н.</i> Криминальная субкультура как криминогенное фоновое явление: понятие и признаки <i>Ханова И. В.</i> Ответственность за преступления против жизни, связанные с суицидом, в странах англосаксонской правовой семьи</p>	<p>94 100 107 115</p>	<p><i>Pshenichnov I. M.</i> "Illegal hiring" and terrorism — two facets of the same crime: problems of counteraction <i>Sadchikova D. N., Vasilieva M. V.</i> Prospects for improving the punishment in the form of compulsory labor in the light of modern trends in the criminal law policy of the Russian Federation <i>Sysolina N. S., Berestovoy A. N.</i> Criminal subculture as a criminogenic background phenomenon: concept and features <i>Khanova I. V.</i> Responsibility for crimes against life, related to suicide, in the countries of the anglo-saxon legal family</p>
--	-----------------------------------	---

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS
AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES**

<p><i>Волколупов В. Г.</i> Общетеоретические подходы к определению понятий «жалоба» и «обжалование», а также к содержанию понятия «институт обжалования» в российском уголовно-процессуальном праве <i>Досова А. В., Задоров А. Г.</i> Об использовании результатов экспертного исследования материальных следов при установлении обстоятельств изготовления подложных документов <i>Дронова О. Б., Проваторова К. В., Сапухин А. А.</i> Интернет-ресурсы, используемые в процессе информационного обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи и сети Интернет <i>Захаров Н. Д.</i> Понятие и особенности оперативно-разыскной характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет <i>Лугович С. М.</i> О необходимости законодательного регулирования правового положения лиц, в отношении которых осуществляются оперативно-разыскные мероприятия <i>Мелихов А. И.</i> Реализация конституционных принципов разделения властей и единства системы государственной власти (на примере оперативно-разыскной деятельности) <i>Пупцева А. В., Дорошенко О. М.</i> Основные вопросы раскрытия и расследования мошенничества, совершенного посредством информационно-телекоммуникационных технологий в банковско-кредитной сфере</p>	<p>123 131 137 145 153 159 168</p>	<p><i>Volkolupov V. G.</i> General theoretical approaches to the definition of the concepts "complaint" and "appeal", as well as to the content of the concept "institute of appeal" in the russian criminal procedure law <i>Dosova A. V., Zadorov A. G.</i> On the use of the results of expert examination of material traces when establishing the circumstances of forged documents production <i>Dronova O. B., Provatorova K. V., Sapukhin A. A.</i> Internet resources used in the process information supply disclosure and investigation of fraud, committed with use mobile communications and Internet networks <i>Zakharov N. D.</i> Definition and peculiarities of the detective characteristics of crimes against sexual inviolability of juveniles committed by using the Internet <i>Lugovich S. M.</i> On the need for legislative regulation of the legal status of persons in relation to whom operational search activities are carried out <i>Melikhov A. I.</i> Implementation of constitutional principles of separation of authorities and unity of the system state authority (on the example of operational search activities) <i>Puptseva A. V., Doroshenko O. M.</i> The main issues of concern in the disclosure and investigation of fraud committed through information and telecommunication technologies in banking and credit</p>
--	--	---

<p><i>Ретюнских И. А., Колосович О. С.</i> Особенности производства некоторых следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации <i>Сафонов Д. А.</i> Тактико-психологические и методические аспекты организации и проведения опознания путем тактильного восприятия опознающим <i>Синкевич В. В.</i> Неоднозначность толкования норм о применении мер процессуального принуждения в условиях чрезвычайного положения <i>Трифонова К. А.</i> Досудебное производство по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого <i>Чурикова А. Ю., Лавнов М. А.</i> Правовая модель деятельности прокурора в Англии и Уэльсе: общая характеристика <i>Шувалов Н. В., Горелов М. Г.</i> Организация работы следователя по предупреждению уклонения обвиняемых (подозреваемых) от следствия и их розыску <i>Янина Т. Н.</i> Типичная следовая картина совершения преступлений против археологического наследия народов России</p>	<p>174</p> <p>181</p> <p>188</p> <p>195</p> <p>204</p> <p>213</p> <p>219</p>	<p><i>Retunskikh I. A., Kolosovich O. S.</i> Peculiarities of conducting some investigative actions during investigation of crimes provided for in art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation</p> <p><i>Safonov D. A.</i> Tactical, psychological and methodological aspects of organization and conducting identification by tactical perception by the identifier</p> <p><i>Sinkevich V. V.</i> Ambiguity of interpretation of norms of applying measures of procedural coercion under the state of emergency</p> <p><i>Trifonova Ch. A.</i> Pre-trial proceedings in a criminal case against a deceased suspected or accused person</p> <p><i>Churikova A. Yu., Lavnov M. A.</i> Legal model of the prosecutor's activity in England and Wales: general characteristics</p> <p><i>Shuvalov N. V., Gorelov M. G.</i> Organization of the work of the investigator to prevent evasion of the accused (suspects) from the investigation and their search</p> <p><i>Yanina T. N.</i> A typical trace picture of the commission of crimes against the archaeological heritage of the nationalities of Russia</p>
--	--	---

ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВОПЛЕНКО

13 сентября текущего года исполнилось 80 лет Николаю Николаевичу Вопленко — известному ученому-теоретику, доктору юридических наук, профессору, академику Российской академии юридических наук и Академии гуманитарных наук, Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации.

Н. Н. Вопленко родился 13 сентября 1941 г. в с. Даниловка Даниловского района Сталинградской области. После службы в Военно-Морском Флоте поступил на юридический факультет Казанского государственного университета, который окончил с отличием в 1967 г. Во время учебы активно участвовал в работе студенческих отрядов, и в 1966 г. был награжден медалью «За освоение целинных земель». Работал старшим следователем, а затем — прокурором отдела прокуратуры Башкирской АССР. В 1968 г. поступил в заочную аспирантуру Саратовского юридического института имени Д. И. Курского, и в 1972 г. под научным руководством профессора М. И. Байтина защитил кандидатскую диссертацию на тему «Акты толкования советского социалистического права». В 1984 г.

во ВНИИ СЗ (г. Москва) защитил диссертацию доктора юридических наук на тему «Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права».

Свою педагогическую деятельность Николай Николаевич начал в марте 1970 г. на кафедре теории и истории государства и права Высшей следственной школы МВД СССР (г. Волгоград). За 25 лет работы в указанном вузе он прошел путь от преподавателя до профессора кафедры. Неоднократно поощрялся руководством МВД СССР и Высшей следственной школы за большой вклад в подготовку сотрудников органов внутренних дел. В 1995 г. вышел в отставку в звании полковника милиции.

Дальнейший трудовой путь Н. Н. Вопленко связан с Волгоградским государственным университетом, где он работал в должности заведующего кафедрой теории и истории государства и права (1995—2008), а затем — профессора (2009—2013). Благодаря научному авторитету и организаторским способностям Н. Н. Вопленко кафедра стала одним из ведущих учебных и научно-исследовательских коллективов университета. Были открыты аспирантура, докторантура и магистратура по специальности 12.00.01. С 2007 по 2013 г. Николай Николаевич являлся главным редактором журнала «Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция», членом экспертного совета УМО по юриспруденции по Южному федеральному округу.

В настоящее время Н. Н. Вопленко работает профессором кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса», является членом редакционного совета рецензируемого научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса».

Юридической общественности Николай Николаевич Вопленко хорошо известен своими многочисленными научными и учебными работами по проблемам законности, толкования и применения права, принципов права, правопонимания, правоприменительной политики, источников права, юридической ответственности, юридической справедливости и др. Он — автор более 200 публикаций, включая такие знаковые для отечественной теории государства и права труды, как «Официальное толкование права» (Москва, 1976); «Следственная деятельность и толкование права» (Волгоград, 1978); «Социалистическая законность и применение права» (Саратов, 1983); «Нормы права» (Волгоград, 1997); «Сущность, принципы и функции права» (Волгоград,

1999); «Правосознание и правовая культура» (Волгоград, 2000); «Реализация права» (Волгоград, 2001); «Право в системе социальных норм» (Волгоград, 2003); «Источники и формы права» (Волгоград, 2004); «Правовые отношения» (Волгоград, 2004); «Правонарушение и юридическая ответственность» (Волгоград, 2005); «Законность и правовой порядок» (Волгоград, 2006); «Очерки общей теории права» (Волгоград, 2009). Последний труд отмечен премией Волгоградской областной администрации.

Николай Николаевич — соавтор ряда крупных коллективных работ, среди которых особо следует выделить монографию «Нормы советского права: проблемы теории» (Саратов, 1987), курс лекций «Общая теория права» (Нижний Новгород, 1993); трехтомный академический курс «Общая теория государства и права» (Москва, 2001).

Н. Н. Вопленко удалось выработать свой особый узнаваемый научный и педагогический стиль. Его характерные черты — фундаментальность поднимаемых теоретических проблем; бережное отношение к научному наследию; научная добросовестность; скрупулезность в терминологии; последовательная приверженность нормативному правопониманию и, одновременно, открытость иным научным воззрениям; умение проникать в сущность анализируемых проблем. Юбилляр убежден, что вся правовая наука вращается вокруг идеи

справедливости, и юриспруденцию можно назвать наукой о юридической справедливости.

Профессор Н. Н. Вопленко плодотворно работает на ниве подготовки научно-педагогических кадров. В течение многих лет он являлся членом диссертационных советов Саратовского юридического института имени Д. И. Курского (ныне СГЮА) и Волгоградского государственного университета. Свои научные замыслы ученый успешно воплощает в кандидатских и докторских исследованиях своих учеников и последователей. Под его научным руководством защищено 13 кандидатских диссертаций (В. Г. Антропов, М. Н. Козюк, В. А. Рудковский, А. А. Шанин, Д. А. Гаврилов, М. Л. Давыдова, А. П. Рожнов, Ю. Ю. Ветютнев, Ю. А. Гаврилова, М. О. Кульков, М. А. Латушкин, А. В. Козлов, Ю. Г. Кипселиди), а два ученика (В. А. Рудковский и М. Л. Давыдова) стали докторами юридических наук.

Наш юбиляр — человек с огромной жизненной энергией, творческими устремлениями, широким научным кругозором, высококвалифицированный, преданный своей профессии специалист.

Руководство и профессорско-преподавательский состав Волгоградской академии МВД России сердечно поздравляют Николая Николаевича Вопленко с юбилеем. Желаем крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, благополучия и счастья!

* * *

УДК 343.12
ББК 67.410.201
doi: 10.25724/VAMVD.VGHI

М. Т. Аширбекова, В. Н. Маринина

О ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассмотрены вопросы межотраслевой природы понятия «законный представитель несовершеннолетнего», предполагающей внимание субъектов, ведущих уголовный процесс, к нормам семейного законодательства о лицах, заменяющих родителей, к правовым основаниям опеки и попечительства. С учетом норм гражданского и семейного законодательства об опеке и попечительстве сделан вывод о целесообразности уточнения содержания п. 12 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по кругу лиц, вовлекаемых в качестве законных представителей. Обосновывается идея дополнения гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной особенностям производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних, нормами, устанавливающими права и гарантии несовершеннолетнего потерпевшего и несовершеннолетнего свидетеля, их законных представителей, что углубит дифференциацию видов процессуальных производств по признаку субъектного состава — несовершеннолетних участников уголовного дела. Одновременно подобный подход позволит систематизировать нормативные предписания, посвященные процессуальным гарантиям несовершеннолетних участников. Потребность же в систематизации видится из следующего: во-первых, законодатель в главе 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты», а именно в ст. 48, указывает законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого как субъекта уголовного процесса, но при этом регламентирует его процессуальные права и обязанности в ст. 426, 428, т. е. в другой главе кодекса (глава 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), что с точки зрения юридической техники сложно признать оптимальным; во-вторых, в названные статьи нужно переместить нормативные положения, предусмотренные в иных разделах кодекса. Это касается права законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого участвовать в судебном заседании при избрании к несовершеннолетнему заключения под стражу как меры пресечения, для чего в ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует переместить нормативные положения, предусмотренные ч. 4 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Ключевые слова: несовершеннолетний, законные представители несовершеннолетнего, опекун, попечитель, органы опеки и попечительства.

М. Т. Ashirbekova, V. N. Marinina

ON THE LEGAL REPRESENTATIVES OF MINOR PARTICIPANTS IN A CRIMINAL PROCESS

The article examines the issues of the interdisciplinary nature of the concept of "legal representative of a minor", which implies the attention of the parties performing the criminal proceedings to the norms of family legislation on persons replacing parents, as well as to the legal grounds for custody and guardianship. Taking into account the norms of civil and family legislation on custody and guardianship, it was concluded that it is advisable to clarify the content of paragraph 12 of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the scope of persons involved as a legal representative. This article endorses the feasibility of the idea of supplementing Chapter 50 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, dedicated to the specifics of criminal proceedings against minors, with the norms establishing the rights and guarantees of a minor victim and a minor witness, their legal representatives, which will deepen the differentiation of the types

of legal proceedings on the basis of the parties involved — minor participants in a criminal case. At the same time, such an approach will make it possible to systematize the regulations on procedural guarantees for minors. The need for systematization is seen from the following: firstly, the legislator in Chapter 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "Participants in criminal proceedings on the part of the defense", namely in Article 48 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, indicates the legal representative of a minor suspect and accused, as a subject of criminal proceedings, but at the same time regulates his procedural rights and obligations in Articles 426, 428 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, that is, in another chapter of the code (Chapter 50 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), which from the point of view of legal technique is difficult to recognize as optimal; secondly, the regulations stipulated in other sections of the code should be moved to the aforementioned articles. This concerns the right of the legal representative of a juvenile suspect and accused to participate in a court hearing when a juvenile is placed in custody as a preventive measure, for this purpose, in Article 426 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the normative provisions provided for by Part 4 of Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for the legal representative of a minor suspect and accused should be shifted.

Key words: minor, legal representatives of a minor, guardian, curator, guardianship and custodianship authorities.

Порядок производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних наделяется законодателем определенными особенностями, представляющими повышенные гарантии для защиты интересов этой категории лиц (гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). В числе таких гарантий выделяется требование об обеспечении участия законного представителя несовершеннолетнего начиная с момента первого допроса в качестве подозреваемого или обвиняемого до разрешения уголовного дела по существу, а также вопросов, связанных с освобождением от наказания и применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных уголовным законом.

Надо отметить, что требование об участии законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого можно определить как ключевое, поскольку большинство особенностей в виде специальных гарантий интересов несовершеннолетнего, предусмотренных в гл. 50 УПК РФ, так или иначе сопряжено с реализацией законным представителем своей процессуальной миссии по содействию несовершеннолетнему в отстаивании его интересов, связанных как с законностью и обоснованностью принимаемых в отношении него процессуальных действий и решений, так и в целом с исходом уголовного дела. Очевидно, что миссия законного представителя как участника уголовного процесса заключается в защите несовершеннолетнего от обвинения и от незаконного и необоснованного ограничения его прав и свобод (п. 46 ст. 5, ст. 6, 48 УПК РФ). Законный представитель должен оказывать несовершеннолетнему подростку психологическую и мо-

ральную поддержку, активно пользоваться предоставленными ему правами, действовать в его интересах, выбирать наиболее эффективные способы защиты несовершеннолетнего совместно с адвокатом. Участие законных представителей несовершеннолетнего помогает установлению обстоятельств, способствовавших совершению им преступления, полному исследованию фактических сведений, подлежащих доказыванию по уголовному делу [1, с. 85].

Несмотря на то что в гл. 7 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого указан в ст. 48, его права и обязанности регламентированы обособленно, т. е. в ст. 426, 428 УПК РФ, размещенных в гл. 50 УПК РФ. По сути, ст. 48 УПК РФ лишь констатирует, что в числе участников уголовного судопроизводства есть такая процессуальная фигура, как законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, и не более.

Таким образом, юридико-технический прием, использованный законодателем применительно к регламентации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, должен давать понимание того, что участие законного представителя и есть особенность производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних. Этим, соответственно, подчеркивается значимость реализации регламентируемых ст. 426, 428 УПК РФ процессуальных прав законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого как обязательного требования уголовно-процессуальной формы.

Не приводя полный текст названных статей, отметим, что права и обязанности законного представителя в целом сходны с правами другого участника уголовного процесса — защитника, что объясняется единством выполняемой ими функции защиты. Однако надо заметить, что ст. 426, 428 УПК РФ отражают не весь спектр процессуальных прав законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, поскольку указание на те или иные права содержится и в других статьях кодифицированного закона. Например, право законного представителя участвовать в судебном заседании при избрании к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) такой меры пресечения, как заключение под стражу, вытекает из содержания ч. 4 ст. 108 УПК РФ. В то же время закон умалчивает об участии законного представителя при назначении судебной экспертизы в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), что говорит об отличии процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) от процессуального статуса защитника как профессионального участника уголовного судопроизводства, да и от законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, который таким правом наделен по нормам ч. 4 ст. 195 УПК РФ.

Закон говорит, что «законные представители — родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства» (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Само понятие «законный представитель» предполагает, что лицо, участвующее в этом качестве, должно обладать некой правовой связью с несовершеннолетним, при том что эта связь должна возникнуть вне рамок уголовного судопроизводства, т. е. до момента допуска его к участию в уголовном деле в отношении несовершеннолетнего. Эта правовая связь основана либо на происхождении несовершеннолетнего, как родившегося от конкретных родителей, либо на факте усыновления (удочерения) несовершеннолетнего, либо на волевом решении публичного органа, определившего то или иное лицо для опекунства и попечительства несовершеннолетнего, либо в силу закона, как это имеет место в отношении органов опеки и попечительства (ст. 1, п. 8 ст. 8 Федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г.) и учреждений (организаций),

оказывающих социальные услуги для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и общественных организаций (ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»).

Потому термин «законный», в первую очередь, задается не нормами уголовно-процессуального закона, а нормами гражданского и семейного законодательства. Иначе говоря, УПК РФ в части определения понятия «законный представитель» основывается на нормах указанных отраслей законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) на родителей возлагается обязанность защиты прав и интересов детей, вследствие чего родители являются законными представителями своих детей и вступают в интересах последних в отношения с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Оговорку «без специальных полномочий», думается, надо понимать как ничем не ограниченные ситуации, при которых родитель вправе и должен выступать на защиту интересов своих детей во всех случаях.

Однако Семейный кодекс Российской Федерации допускает, что такая защита интересов несовершеннолетних может осуществляться и лицами, заменяющими родителей, а также органом опеки и попечительства (ч. 1 ст. 56 СК РФ). Как видим, семейное законодательство оперирует понятием «лица, заменяющие родителей». Таковыми, полагаем, могут быть только усыновители, опекуны и попечители из числа частных лиц, поскольку в интересах несовершеннолетнего они наделяются правами и обязанностями, фактически сходными с родительскими (ст. 148.1 СК РФ).

На практике возникают ситуации, когда следователь, дознаватель или суд воспринимают указанные в УПК РФ категории «законные представители» и «близкие родственники» как тождественные. Согласно положениям п. 4 ст. 5 УПК РФ к числу близких родственников относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки. Поэтому при отсутствии родителей или усыновителей у несовершеннолетнего правоприменители иногда ошибочно наделяют процессуальным статусом законного представителя одного из числа других совершеннолетних близких родственников. Отчасти это происходит потому, что положения ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55 УПК РФ, посвященные представителям, допускают в качестве представителя одного из близких родственников. Однако это правило не касается законных представителей.

Так, 22 октября 2019 г. Тракторозаводским районным судом г. Волгограда прокурору возвращено уголовное дело в отношении Б. в связи с тем, что в ходе предварительного расследования по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего Б. в качестве законного представителя несовершеннолетнего Б. был привлечен его дедушка, который, однако, не был определен в установленном порядке попечителем несовершеннолетнего. Суд, таким образом, обнаружил нарушение положений п. 12 ст. 5 УПК РФ, выразившееся в том, что статусом законного представителя было наделено ненадлежащее лицо [2]. По факту получилось, что досудебное производство по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего было проведено без участия его законного представителя. Понятно, что в приведенном примере из практики дедушка несовершеннолетнего Б. мог бы быть законным представителем, если бы в соответствии с гражданским и семейным законодательством ему под попечительство был определен этот несовершеннолетний. Но оформление попечительства требует времени и определенных действий со стороны органов опеки и попечительства. Так или иначе, в приведенном случае следовало бы принять во внимание нормы гражданского и семейного законодательства.

В соответствии с ч. 3 ст. 31 ГК РФ «опека и попечительство над несовершеннолетними устанавливаются при отсутствии у них родителей, усыновителей, лишении судом родителей родительских прав, а также в случаях, когда такие граждане по иным причинам остались без родительского попечения, в частности когда родители уклоняются от их воспитания либо защиты их прав и интересов».

Нормы гражданского и семейного права, касающиеся несовершеннолетних, приводятся нами для того, чтобы обратить внимание на некоторые моменты, требующие учета межотраслевого характера определения оснований участия опекунов и попечителей в качестве законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого). Так, опека устанавливается только над малолетними детьми, т. е. детьми, не достигшими четырнадцати лет (п. 2 ст. 145 СК РФ и п. 1 ст. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Понятно, что данная категория лиц не может наделяться статусом обвиняемого (подозреваемого) в силу недостижения возраста, с которого может наступить уголовная ответственность. Попечительство же устанавливается над несовершеннолетними лицами в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (п. 2 ст. 145 СК РФ

и п. 1 ст. 33 ГК РФ). Отсюда следует, что вряд ли корректно использование термина «опекун» применительно к возрастной группе лиц от четырнадцати до восемнадцати лет, независимо от того, являются они обвиняемыми или потерпевшими. Данное уточнение имеет значение для определения лица, которое надлежит вовлечь к участию в деле в качестве законного представителя, как заменяющего родителей или усыновителей несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого). Словом, законным представителем несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) при отсутствии возможности участия его родителей выступают только попечители, а они имеют некоторое отличие от опекунов.

Опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту их прав и законных интересов в любых отношениях таким же образом, как и родители, т. е. без специального полномочия (ч. 2 ст. 15 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»). Иными словами, право опекунов действовать в интересах малолетнего безусловно и абсолютно в любых ситуациях конфликта, в том числе и правового. В то время как попечители могут выступать в качестве законного представителя своего подопечного только в случаях, прямо указанных в законодательстве, содействуя несовершеннолетнему в защите его интересов, ограждая их от злоупотреблений со стороны третьих лиц (ч. 3 ст. 15 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»).

Иначе говоря, интересы несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) должен защищать попечитель, замещая родителя своим участием в качестве законного представителя. Что же касается опекуна как законного представителя, то его участие в уголовном деле востребовано в интересах малолетних потерпевших и свидетелей. Понятно, что в интересах потерпевших и свидетелей в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет в качестве законного представителя также участвует попечитель.

В УПК РФ нет отдельной статьи, посвященной правам и обязанностям законного представителя несовершеннолетнего и малолетнего потерпевшего, а также несовершеннолетнего и малолетнего свидетеля. Конечно, нельзя не признать, что в ст. 45 УПК РФ, посвященной всем представителям — участникам уголовного процесса со стороны обвинения, говорится о том, что законные представители несовершеннолетнего потерпевшего имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Понятно, что это положение по аналогии

распространяется и на законного представителя несовершеннолетнего свидетеля, но регламентации прав такого законного представителя в отдельной статье нет, как нет и упоминания о нем ни в ст. 56 УПК РФ «Свидетель», ни в п. 12 ст. 5 УПК РФ, определяющего круг лиц, выступающих в качестве законного представителя. Между тем отдельные права этого участника получили фрагментарную регламентацию, наряду с правами законного представителя несовершеннолетнего и малолетнего потерпевшего, в ст. 191 УПК РФ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего», а также в ч. 4 ст. 195 УПК РФ «Порядок назначения судебной экспертизы», т. е. в Особенной части кодекса.

В связи с изложенным не будет лишним внесение соответствующих уточнений в определение понятия «законные представители», содержащееся в п. 12 ст. 5 УПК РФ. Оптимальной видится следующая редакция содержания п. 12 ст. 5 УПК РФ: *«законные представители — родители, усыновители, попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства»*.

Хотя предложенное уточнение не столь значительно, оно, во-первых, акцентирует межотраслевой подход к понятию «законный представитель» как происходящему из природы правовой связи лица с представляемым лицом (подопечным) на основе реализации норм гражданского и семейного законодательства; во-вторых, нацеливает на учет интересов несовершеннолетнего свидетеля как указываемого наряду с процессуальными фигурами несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего; в-третьих, станет отправным для приведения в соответствие друг с другом нормативных положений, касающихся интересов всех несовершеннолетних участников уголовного процесса и процессуального статуса их законных представителей.

Считаем важным подчеркнуть, что законодатель, выделяя в качестве участников уголовного процесса несовершеннолетнего потерпевшего, несовершеннолетнего свидетеля и их законных представителей, не сконцентрировал нормы, посвященные им, в отдельной главе УПК РФ, а рассредоточил в Общей и Особенной частях кодекса: они содержатся и в ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ, и в ч. 3 ст. 191 УПК РФ, и в ч. 4 ст. 195 УПК РФ.

В связи с этим предложенное уточнение п. 12 ст. 5 УПК РФ нацеливает на необходимость выделения не только отдельной статьи в УПК РФ, которая посвящалась бы законному представителю именно несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, но и переноса нормативных положений, содержащихся в ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ, ч. 3 ст. 191 УПК РФ, ч. 4 ст. 195 УПК РФ, в гл. 50 УПК РФ. В таком случае этой главе было бы логично дать новое название «Производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних». Посредством такого юридико-технического приема специализация гл. 50 УПК РФ углубится, как ориентированная в целом на интересы несовершеннолетних участников уголовного процесса, независимо от процессуального статуса. Соответственно, и нормы об условиях участия законного представителя несовершеннолетних участников уголовного процесса будут синхронизированы, поскольку уголовно-процессуальный закон равным образом определяет основания и условия их отстранения от участия в деле ввиду того, что его действия нарушают права несовершеннолетнего участника уголовного дела, наносят ущерб его интересам.

Так, следовательно, дознаватель вправе при таких обстоятельствах своим процессуальным решением отстранить законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от участия в уголовном деле (ч. 4 ст. 426 УПК РФ). Суд при аналогичных обстоятельствах также наделен правом отстранить своим определением (постановлением) законного представителя от участия в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 428 УПК РФ). В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Ровно такое же положение предпосылается и для законного представителя потерпевшего. Согласно ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ предусматривается отстранение от участия в деле законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, если будут основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего. В таких случаях к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего. Данная норма общей части кодекса продублирована в ч. 3 ст. 191 УПК РФ применительно к участию несовершеннолетнего потерпевшего и несовершеннолетнего свидетеля и их законных представителей при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний. По этому поводу можно отметить следующее.

Законодатель, допуская возможность нанесения ущерба интересам несовершеннолетнего со стороны его законного представителя, фактически оценивает последнего как «недостойного законного представителя». Полагаем, что в рассматриваемом контексте термин «недостойный законный представитель» имеет право на существование по аналогии с термином «недостойный наследник», примененным в ст. 1117 ГК РФ. Суть поведения законного представителя, выказывающего вредоносное поведение в отношении представляемого несовершеннолетнего, сходна с обстоятельствами, позволяющими относить некоторых наследников к числу недостойных. Таковым «недостойным законным представителем» может быть только физическое лицо (родитель, усыновитель, опекун, попечитель). Вряд ли представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, сотрудники, представляющие органы опеки и попечительства, могут действовать в ущерб интересам своих подопечных, хотя и этого абсолютно исключать нельзя.

Кроме того, следует отметить, что отстранение законного представителя несовершеннолетнего — право субъекта, ведущего уголовный процесс. Ясно, что следователь, дознаватель и суд действуют по своему усмотрению, анализируя поведение законных представителей и оценивая это поведение на основе собственного внутреннего убеждения. Никаких критериев (такие имеются в гражданском законодательстве) для оценки наследника как недостойного УПК РФ не содержит.

Вполне очевидно, что по своим последствиям рассматриваемое властное отстранение субъектом, ведущим уголовный процесс, законного представителя несовершеннолетнего от участия в деле сходно с отводом. Однако законодатель не определяет это отстранение как отвод.

Между тем отвод, как процессуальное средство, вполне может быть востребован применительно к законным представителям несовершеннолетних участников. Так, не исключены ситуации, когда в одном уголовном деле может возникнуть коллизия интересов между несовершеннолетними участниками — например, при совершении одним несо-

вершеннолетним лицом преступления в отношении другого несовершеннолетнего, родного брата или сестры. В этом случае законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего может выступить мать (отец), несмотря на то что она (он) является близким родственником обвиняемого, законные интересы которого противоречат законным интересам потерпевшего. Тут объективно возникают обстоятельства, сходные с теми, что по смыслу п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ являются основанием для отвода представителя. Но возможности отвода законного представителя несовершеннолетнего, будь последний обвиняемым или потерпевшим, закон не предусматривает. В данном случае возникает проблема с заменой, т. е. определения и допуска другого законного представителя несовершеннолетнего, который бы не был связан родственными узами с несовершеннолетними участниками дела.

Обрисованная ситуация сходна по последствиям с отстранением «недостойного законного представителя» по волевому решению субъекта, ведущего уголовный процесс (ч. 2.2 ст. 45, ч. 3 ст. 191, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ). Более того, она может быть осложнена тем, что у несовершеннолетних может быть только один родитель. Определение над лицом опеки или попечительства требует времени. В таких случаях, полагаем, целесообразно принять во внимание положение ч. 3 ст. 11 Федерального закона «Об опеке и попечительстве», устанавливающее, что «если лицу, нуждающемуся в установлении над ним опеки или попечительства, не назначен опекун или попечитель в течение месяца, исполнение обязанностей опекуна или попечителя временно возлагается на орган опеки и попечительства по месту выявления лица, нуждающегося в установлении над ним опеки или попечительства». А это означает, что ч. 2.2 ст. 45, ч. 3 ст. 191, ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ следует дополнить положением, устанавливающим, что в случае отстранения от участия в деле законного представителя несовершеннолетнего в качестве такового должны привлекаться должностные лица органа опеки и попечительства по месту жительства несовершеннолетнего лица.

---

1. Актуальные проблемы реализации уголовной ответственности и обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: коллективная монография / под ред. В. Н. Троневой. Волгоград: Изд-во Волгогр. ин-та управления — филиала РАНХиГС, 2019. 160 с.

---

1. Current issues of the implementation of criminal liability and ensuring the rights of the individual in criminal proceedings. A collective monograph. Ed. by V. N. Troneva. Volgograd: Publishing house of the Volgograd Institute of Management — branch of RANEPА; 2019: 160 (in Russian).

2. Обобщение судебной практики рассмотрения судами Волгоградской области уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2019 г. и 1-е полугодие 2020 г. // Волгоградский областной суд: сайт. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1011 (дата обращения: 07.06.2021)

© Аширбекова М. Т., Маринина В. Н., 2021

Аширбекова Мадина Таукеновна, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент; e-mail: madina.55@mail.ru

Маринина Виктория Николаевна, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: vtroneva@mail.ru

2. Generalization of judicial practice regarding the consideration of criminal cases against minors by the courts of the Volgograd region for 2019 and the first half of 2020. In: Volgograd Regional Court. Site. Available from: http://oblsud.vol.sudrf.m/modules.php?name=docum_sud&id=1011. Accessed: 7 July 2021 (in Russian).

© Ashirbekova M. T., Marinina V. N., 2021

Ashirbekova Madina Taukenovna, professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, doctor of juridical sciences, docent; e-mail: madina.55@mail.ru

Marinina Viktoria Nikolaevna, associate professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd institute of management — branch of the Russian Presidential academy of the national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: vtroneva@mail.ru

* * *

УДК 340.132
ББК 67.0
doi: 10.25724/VAMVD.VHIJ

Д. В. Бойко, Р. А. Мерзликун

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОБОДЫ, ПРАВОСОЗНАНИЯ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ**

В статье определяются закономерности влияния правосознания лица на качество правоприменительного усмотрения. Анализируются риски, которые могут возникать при слишком широком спектре правоприменительного усмотрения, и возможность наступления таких негативных социальных явлений, как коррупция, произвол, злоупотребление правом.

Проблема усмотрения в праве во многом сложна и дискуссионна: будучи феноменом, реально существующим в праве, оно парадоксальным образом противоречит сути права, кроме того, вписать усмотрение в непротиворечивые научные теории очень трудно. Вместе с тем анализируемая проблема затрагивает самые основы правового способа регулирования общественных отношений.

Авторами исследованы точки зрения известных школ права о роли усмотрения в социальном регулировании. Определены связи между смежными категориями, такими как свобода, субъективное право и т. д. В завершение сделан вывод о том, что категорией, объединяющей свободу и усмотрение, является способ или прием правового регулирования: дозволяющий метод правового регулирования по принципу «разрешено все, что не запрещено законом»; диспозитивный метод правового регулирования, дающий возможность субъектам самим определять свои правовые позиции в том или ином юридическом деле; в конструкциях норм — относительно-определенные или альтернативные предписания (применяются часто) и абсолютно-определенные предписания (значительно ограничиваются); оценочные понятия, дающие возможность расширять сферу усмотрения; расширительное толкование правовых понятий; ограничение сферы вмешательства государственных органов.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительная деятельность, усмотрение, дискреция, правоприменительная политика, свобода, субъективное право, правосознание, произвол, злоупотребление правом.

D. V. Boiko, R. A. Merzlikin

**THE INTERCONNECTION BETWEEN FREEDOM,
LEGAL AWARENESS AND LAW ENFORCEMENT DISCRETION**

The article focuses on the mechanisms of the individual's legal awareness influence on the quality of law enforcement discretion. The authors analyze the risks that may arise when a range of law enforcement discretion is too wide as well as the possibility of such negative social phenomena as corruption, arbitrariness and abuse of law.

The problem of discretion in law is quite complicated and debatable: being a phenomenon that actually exists in law, it paradoxically contradicts the essence of law; moreover, it is very difficult to write discretion into consistent scientific theories. At the same time, the analyzed problem affects the fundamentals of the legal way of regulating public relations.

The authors analyze the viewpoints of well-known law schools about the role of discretion in social regulation. They also define connections between related categories such as freedom, subjective right, etc. At the end of the article, it was concluded that the category uniting freedom and discretion is a method or method of legal regulation: a permissible method of legal regulation on the principle "everything that is not prohibited by law is permitted"; a dispositive method of legal regulation, which makes it possible for the subjects to determine their own legal positions in a particular legal case; in the constructions of norms - relatively-definite or alternative prescriptions (used often) and absolutely-definite prescriptions (significantly limited); evaluative concepts that make it possible to expand the scope of discretion; broad interpretation of legal concepts; limiting the scope of government intervention.

Key words: law enforcement, law enforcement activity, discretion, law enforcement policy, freedom, subjective right, legal awareness, arbitrariness, abuse of law.

В последнее время в России произошли серьезные преобразования в социальной, экономической и политической областях, осуществляется важный и глубинный процесс реформирования политико-правовой сферы. Постоянно изменяющиеся обстоятельства социально-экономической реальности требуют адекватных ответов со стороны главного системного фактора общественного развития — органов государства, и наоборот. В целях приведения системы управления в соответствие с объективными реалиями социального развития XXI в. в стране проводится административная реформа.

Как пишут С. Е. Нарышкин и Т. Я. Хабриева, «в довольно короткий срок была выработана новая структура федеральных органов исполнительной власти: проинвентаризованы их государственные функции и строго разделены по характеру и видам деятельности органов исполнительной власти; предприняты усилия для сокращения количества административных барьеров; упрощены многие административные процедуры, по существу, создана новая система управления» [1, с. 3].

Вполне логично, что структурные преобразования в системе управления высветили ключевую проблему государственного масштаба — проблему человека (управленца, чиновника), которая в механизме государственной власти часто выходит на первый план в связи с противодействием таким негативным явлениям, как бюрократизм, злоупотребление полномочиями, коррупция и т. п. Как отмечали В. Б. Гончаров и В. В. Кожевников, «к сожалению, в юридической науке долгое время господствовала тенденция, связанная с необходимостью изучать лишь организационные структуры, а личностная тематика недооценивалась либо трактовалась неверно; общественные науки выпускали из поля зрения индивидуального человека, имела место недооценка субъективного начала, творческой активности и свободы человека» [2, с. 57].

В спорах о важности тех или иных стадий, наверное, некорректно было бы их противопоставление, поскольку без правотворчества стадия правореализации не могла бы вообще состояться. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что среди различных форм правореализации — исполнения, использования, соблюдения — как особую форму выделяют правоприменение. Правоприменение есть сложный и комплексный механизм, в котором переплетаются познавательный процесс, норма-

тивные, институциональные и поведенческие механизмы. Суть правоприменения заключается в разрешении конкретного юридического дела компетентным субъектом власти; основой его является, конечно, действующее право. Однако сложная многомерная правовая действительность часто порождает ситуации, когда позитивного права как явления социального, т. е. «рукотворного», явно недостаточно, или, как в случае с «правовым пробелом», вообще не существует для полного и справедливого решения задач по регулированию общественных отношений. Сознание правотворца, будучи фундаментом правотворчества, является все же ограниченным инструментом, который не в состоянии предусмотреть все потребности социальной жизни в регулировании со стороны внешнего авторитета. Тогда в дело вступает воля и сознание правоприменителя: физически — если речь идет о должностном лице, и абстрактно — если дело решает коллегиальный орган. Кроме того, сам нормативный правовой акт при развитой социальной жизни не может не содержать вариантов своей реализации. Чем сложнее регулируемый участок социальной жизни, тем больше вариантов действий субъектов права должно быть предусмотрено. Однако «регулирущиками» на перекрестках правового движения должны стать правоприменители, как доверенные лица закона. Во всех указанных случаях закон доверяется усмотрению конкретных лиц, делая их частично законодателями в этих, возможно, не главных с точки зрения всего социального регулирования, но таких важных применительно к конкретному юридическому делу случаях.

Трудно согласиться с утверждением Ю. Н. Старилова о том, что «борьба с административным усмотрением — одна из целей и одновременно одно из направлений административной реформы» [3, с. 38]. Само по себе административное усмотрение — это нормальный инструмент государственного управления. Другое дело, что это сложный инструмент, требующий к себе очень внимательного отношения, поскольку очень легко перерастает в волюнтаризм, произвол, административные барьеры и административные ресурсы, злоупотребление правом. Эти и им подобные явления — вот настоящие враги административной реформы и всего государственного управления.

Об усмотрении как факторе управленческой и правоприменительной деятельности упоминается

в международно-правовых актах. Так, в Модельном кодексе поведения для государственных служащих, утвержденном Рекомендациями Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № К (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих говорится: «При принятии решения государственный служащий должен действовать в соответствии с законом и беспристрастно осуществлять свое право на оценку, учитывая только соответствующие обстоятельства». В другой статье прямо предусматривается, что «осуществляя свою дискреционную власть, государственный служащий должен следить за тем, чтобы управлять с пользой, эффективно и экономно персоналом и вверенным ему имуществом, установками, службами и финансовыми средствами» [4]. Очевидно, что кодекс исходит из того, что управление по усмотрению является вполне «нормальной» частью деятельности государственного служащего, под которым понимается любое лицо, служащее в публичном органе.

Проблема коррупции в современной России проявилась не неожиданно. О ней долгое время говорили политики, общественные деятели, работники правоохранительных органов. Поскольку реальных мер по борьбе с ней не предпринималось, то коррупция стала восприниматься как привычное явление. Однако укрепление федеральных органов и резкое усиление коррупционных проявлений, отмечаемое отечественными и зарубежными наблюдателями, потребовало вывести борьбу с коррупцией в практическую плоскость. Анализ причин и условий существования коррупции в системе органов государственной власти позволил критически оценить ситуацию с человеческим фактором в государственном управлении и обратить более пристальное внимание на такой феномен государственного управления, как административное усмотрение. Собственно, во всех аналитических работах по данной проблеме отмечается, что среди главных причин коррупции можно назвать возможность принятия значимого правоприменительного решения по усмотрению чиновника. Так, в указанной работе С. Е. Нарышкина и Т. Я. Хабриевой отмечается, что для эффективного осуществления мероприятий по снижению коррупционных факторов в сфере деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления среди прочих важных мероприятий можно предложить ввести строго формализованный порядок осуществления большинства действий в органах власти для снижения процента административного усмотрения [1].

Таким образом, административное усмотрение попало в фокус общественного внимания, и приходится констатировать, что данный феномен в теоретическом плане освоен довольно слабо, в отличие от законности — другого правового явления, которое может выступить своеобразным антиподом усмотрения. Проблема соотношения усмотрения и законности была рассмотрена в монографии В. Н. Дубовицкого «Законность и усмотрение в советском государственном управлении» [5]. Вместе с тем очевидно, что работа, написанная много лет назад в совершенно иных государственно-правовых и социально-политических условиях, не может удовлетворить потребность в теоретическом обосновании практических действий в сфере государственно-правового строительства. Поэтому можно согласиться с тем, что следует подтвердить важный вывод о необходимости более активного включения всего имеющегося научного потенциала в реализацию целей административной реформы. Как пишут С. Е. Нарышкин и Т. Я. Хабриева, многие конкретные вопросы реформы требуют проведения серьезных правовых исследований, научного прогнозирования путей дальнейшего развития правового регулирования в указанной области, формулирования необходимых законодательных предложений, а также предложений по совершенствованию имеющейся практики [1].

Проблема усмотрения в праве во многом сложна и дискуссионна: будучи феноменом, реально существующим в праве, оно парадоксальным образом противоречит сути права, кроме того, вписать усмотрение в непротиворечивые научные теории очень трудно. Вместе с тем анализируемая проблема затрагивает самые основы правового способа регулирования общественных отношений.

Так, проведя сравнительно-правовое исследование судебного усмотрения в рамках семей общего и континентального права, Л. Н. Берг отмечает: «Анализируя проблему судебного усмотрения, можно прийти к выводу, что признание судебной дискреции, определение ее оснований и пределов во многом зависит от конкретной концепции правопонимания, господствующей в той или иной правовой семье, в том или ином государстве» [6, с. 21]. Российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, где источником права является нормативный правовой акт. Поэтому «как в теоретическом, так и в практическом плане точка зрения на проблему судебной дискреции в правовой семье континентального права представляет своеобразный компромисс между естественно-правовым направлением и правовым

позитивизмом и состоит в том, что судебное усмотрение все-таки существует, но имеет место тогда, когда отсутствуют необходимые правовые нормы, а также там, где сложно дать квалификацию спора или правильно установить обстоятельства дела» [6, с. 9].

В своей общетеоретической работе по проблеме правового усмотрения А. А. Малиновский отмечал, что она мало изучена. По его мнению, недостаточно исследованы такие вопросы, как соотношение усмотрения и свободы, взаимообусловленность интереса, субъективного права и усмотрения, законодательное установление пределов усмотрения. А. А. Березин по тому же поводу пишет: «К настоящему времени не только не сложилось единого понимания природы правоприменительного усмотрения, не только отсутствуют сколь-нибудь четкие представления о правовых основаниях рассматриваемого явления и, что наиболее значимо, нет научно обоснованного ответа на вопросы о том, каковы должны быть пределы усмотрения правоприменителя, какова диалектика соотношения пределов усмотрения в правоприменительном процессе с законностью и правопорядком» [7, с. 3—4]. Всецело соглашаясь с автором, все же отметим, что в последнее время появился ряд работ, в том числе монографических, в которых освещаются многие из указанных проблем. Однако одному из аспектов усмотрения, важнейшему для такой формы реализации права, как применение, все же пока не уделено должного внимания. Речь идет о соотношении законности и усмотрения, что чрезвычайно значимо для функционирования государственности. Как отмечает И. Н. Сенякин, «законность и усмотрение — не идентичные понятия, ибо законность не всегда совпадает с усмотрением, но не в том смысле, что решение по усмотрению может отыскиваться за пределами законности, а в том, что не всякое законное решение в ряду таких же решений всегда выступает как принятое по усмотрению» [8, с. 118].

Само по себе понятие усмотрения является многоаспектным и в основном тяготеет к психологическим наукам, поскольку относится главным образом к субъективной стороне жизнедеятельности человека. Поэтому часто в усмотрении выделяют интеллектуальную и волевую стороны. «Интеллектуальная сторона усмотрения характеризуется тем, что субъект осознает предоставленную правом возможность выбора неких вариантов поведения для удовлетворения своих интересов и выбирает тот вариант, который представляется ему наиболее предпочтительным, исходя из анализа

правового предписания и конкретных жизненных обстоятельств» [9, с. 102]. Волевая сторона характеризуется готовностью приложить необходимые усилия для реализации принятого решения.

Вообще усмотрение очень сильно коррелирует с понятием свободы. М. Л. Нохрина замечает, что «в самом общем смысле содержание свободы состоит в возможности по своему усмотрению действовать в какой-либо области» [10, с. 24]. А. Барак пишет, что определение термина «усмотрение» как свободы выбора из числа законных альтернатив требует, чтобы существовала область, в которой управомоченная сторона свободна выбирать между разными вариантами поведения; если такой области не существует, усмотрение исчезает, т. е. исчезает свобода [11, с. 27].

Усмотрение в праве возможно только в том случае, когда субъект имеет не только формально провозглашенную свободу выбора, но и реальную возможность реализации своего выбора. Не является большой тайной тот факт, что в праве наряду с нормативно-регулирующим потенциалом существует еще часть ценностно-идеологических явлений, которые могут искажать реальное положение вещей. Чаще всего это выражается в декларативных установлениях власти и не всегда речь в таких случаях идет о банальной манипуляции сознанием населения. Так, скажем, провозглашение широкого спектра субъективных прав граждан, которые население не может реализовать в силу экономических возможностей (например, поездки за границу), еще не означает, что эти права не нужно провозглашать. Например, А. А. Малиновский утверждает, что юридическая провозглашенность свободы выбора вариантов поведения и фактическая ограниченность поведения одним-единственным вариантом не позволяют говорить о наличии в данном случае свободы усмотрения у субъекта права [9]. С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку неясно, что же является ограничителем. Если речь идет о внеправовых факторах, то в данном случае мы, наверное, должны игнорировать эти обстоятельства, а вести речь только о юридической возможности или субъективном праве. Конечно, право и благо тесно связаны, но это не одно и то же. Как остроумно заметил однажды Г. Ф. Шершеневич, «субъективное право есть средство для обеспечения пользования благами, но последние так же мало принадлежат к понятию прав, как сад к садовой ограде» [12, с. 613]. Это, конечно, не означает, что проблема реальной социальной жизни не интересует правоведов. Здесь сложность в другом: даже если у малого

процента населения в настоящий момент есть реальная возможность воспользоваться неким правовым благом, то это право ему необходимо предоставить и сделать его юридически реальным, не забывая при этом делать все зависящее от права, чтобы данное благо было доступно все большему количеству людей.

Как видно, усмотрение связано с такой фундаментальной категорией права, как субъективное право. Свобода действия в юридическом смысле и субъективное право — это одно и то же. Право личности — официальное признание ее свободы в определенной сфере, одна из форм такого признания. Эта свобода обеспечивается всем содержанием субъективного права, а не каким-либо отдельным его элементом. Давая определения прав и свобод, ученые обычно или прямо говорят об усмотрении, лежащем в основе прав, или используют синонимичные средства. Так, в учебнике по теории государства и права утверждается, что «субъективное право — это предоставляемая и охраняемая государством возможность (свобода) субъекта по своему усмотрению удовлетворять те интересы, которые предусмотрены объективным правом» [13, с. 229]. А в определении конституционных прав и свобод Л. Д. Воеводина под ними понимаются «закрепленные в Конституции или гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения, созидать и пользоваться предоставленными им социальными благами, как в личных, так и в общественных интересах» [14, с. 135]. В работах, посвященных субъективному праву на личную свободу, говорится о связи свободы и усмотрения еще более определенно. Так, по мнению В. Л. Слесарева, право на личную свободу имеет своим содержанием право управомоченного лица требовать от всех окружающих его лиц (в том числе государственных органов) воздержания от любых действий, ограничивающих его в определении им своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, кроме случаев, предусмотренных законом [15, с. 131].

Если задаться целью определить рамки свободы, то необходимо обратить внимание на то, что дозвольтельный тип поведения ограничивается не только запретами, но и обязываниями. Как верно отмечал И. Л. Петрухин, юридическая свобода — определяемая правовыми нормами дозволенность социально одобряемого поведения, дополняемая предписаниями о должном поведении и правовыми

запретами [16, с. 9]. Совершенно точно указывает М. Л. Нохрина: применительно к праву личной свободы можно сказать, что лицо вправе совершать по собственному усмотрению любые действия в неимущественной сфере, помимо: 1) прямо запрещенных; 2) тех действий, которые лицо совершает не по своему усмотрению, а в силу установленной обязанности [10, с. 26]. Это касается не только физических, но и отчасти юридических лиц. Вместе с тем встает вопрос: являются ли понятия «усмотрение» и «свобода» синонимами? На первый взгляд, здесь проблемы не возникает, поскольку государственные образования, аналогично юридическим лицам, могут действовать в личной неимущественной сфере (право личной свободы) через свои органы и должностных лиц. Однако проблема здесь в другом. В отношении государства действует не дозвольтельный, а разрешительный порядок правового регулирования. Государственные образования могут совершать лишь те действия, которые прямо предписаны законом, т. е. в объеме своей компетенции. Например, в сфере собственности основное отличие публичной собственности от частной заключается в том, что объекты публичной собственности могут использоваться исключительно в целях, определенных законодательством, т. е. для материального обеспечения функционирования государственных и муниципальных органов и организаций.

Для предоставления свободы субъекту права законодатель должен не только встать на эту идеологическую позицию, но и уметь обеспечить ее средствами юридической техники.

В завершение можно сказать, что категорией, объединяющей свободу и усмотрение, является способ или прием правового регулирования:

— дозвольтельный метод правового регулирования по принципу «разрешено все, что не запрещено законом»;

— диспозитивный метод правового регулирования, дающий возможность субъектам самим определять свои правовые позиции в том или ином юридическом деле;

— в конструкциях норм — относительно-определенные или альтернативные предписания (применяются часто) и абсолютно-определенные предписания (значительно ограничиваются);

— оценочные понятия, дающие возможность расширять сферу усмотрения;

— расширительное толкование правовых понятий;

— ограничение сферы вмешательства государственных органов.

1. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Административная реформа в субъектах Российской Федерации // Журнал Российского права. 2008. № 10. С. 3—14.

2. Гончаров В. Б., Кожевников В. В. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 3. С. 51—60.

3. Стариллов Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 29—45.

4. Модельный кодекс поведения для государственных служащих (приложение к Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № К (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Дубовицкий В. Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Минск, 1984. 141 с.

6. Берг Л. Н. Проблема судебного усмотрения в аспекте криминалистики // Академический юридический журнал. 2007. № 4. С. 4—9.

7. Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. М. 25 с.

8. Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2007. 504 с.

9. Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102—104.

10. Нохрина М. Л. Право личной свободы как личное неимущественное право // Правоведение. 2008. № 2. С. 21—39.

11. Барак А. Судейское усмотрение. Москва, 1999. 376 с.

12. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Москва, 1912. 814 с.

13. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Москва, 1993. 343 с.

14. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. Москва, 1997. 304 с.

15. Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. 167 с.

16. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Москва, 1985. 239 с.

1. Naryshkin S. E., Khabrieva T. Ia. The administrative reform in the regions of the Russian Federation. Journal of Russian Law, 3—14, 2008 (in Russian).

2. Goncharov V. B., Kozhevnikov V. V. The problem of discretion of a law enforcement entity in the law enforcement sphere. State and Law, 51—60, 2001 (in Russian).

3. Starilov Iu. N. Administrative law as a means of destroying the "injustice syndrome" in the modern legal state. Journal of Russian Law, 29—45, 2005 (in Russian).

4. Model code of conduct for civil servants (annex to the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe No. K (2000) 10 on 11 May 2000 on codes of conduct for civil servants). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Dubovitskii V. N. Legality and discretion in the Soviet state administration. Minsk: Science and technic; 1984: 141 (in Russian).

6. Berg L. N. The problem of judicial discretion in the aspect of comparative studies. Academical Law Journal, 4—9, 2007 (in Russian).

7. Berezin A. A. The limits of law enforcement discretion. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2007: 25 (in Russian).

8. Seniakin I. N. Federalism as a principle of the Russian legislation. Saratov: Saratov State academy of law; 2007: 504 (in Russian).

9. Malinovskii A. A. Discretion in law. State and Law, 102—104, 2006 (in Russian).

10. Nokhrina M. L. The right to personal freedom as a personal non-property right. Pravovedenie, 21—39, 2008 (in Russian).

11. Barak A. Judicial discretion. Moscow: NORMA; 1999: 376 (in Russian).

12. Shershenevich G. F. General theory of law. Moscow; 1912: 814 (in Russian).

13. Khropaniuk V. N. Theory of state and law. Moscow: Otechestvo; 1993: 343 (in Russian).

14. Voevodin L. D. The legal status of a person in Russia. Moscow: Publishing house of Moscow state university; 1997: 304 (in Russian).

15. Slesarev V. L. The object and result of a civil offense. Ed. L. K. Merenkova. Tomsk: Publishing house of Tomsk university; 1980: 167 (in Russian).

16. Petrukhin I. L. Personal freedom and criminal procedural coercion: General concept, personal inviolability. Moscow: Nauka; 1985: 239 (in Russian).

Бойко Дмитрий Валентинович,
заместитель начальника кафедры
огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: 777diman@mail.ru

Мерзликин Роман Александрович,
начальник кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
8-937-532-91-09

Boiko Dmitrii Valentinovich,
deputy head of the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: 777diman@mail.ru

Merzlikin Roman Aleksandrovich,
head of the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
8-937-532-91-09

* * *

УДК 342.4
ББК 67.400.1
doi: 10.25724/VAMVD.VIJK

Н. И. Грачев

**СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ:
ОПЫТ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ
СОДЕРЖАНИЯ И СМЫСЛА ОСНОВНОГО ЗАКОНА
ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА**

Основные научные подходы к сущности конституции сложились еще в конце XVIII — начале XX в., в эпоху становления и развития капитализма и всех основных политических идеологий Нового времени. Настоящий период развития человечества, характеризующийся радикальной трансформацией социальных и политических систем и идеологических парадигм, требует новых подходов в этом вопросе. В связи с этим автор рассматривает классические концепции сущности конституции в целях проведения деконструкции (критического переосмысления) данного понятия применительно к настоящему периоду эволюции мирового сообщества, состоянию современной государственности и основополагающим тенденциям ее развития. В статье определяется сущность основного закона государства для XXI в. как эпохи постмодерна на основе постклассической модели правопонимания, исключающей нигилистический отказ от прежних подходов к исследуемому явлению, но предполагающему приостановку целого ряда их концептов, которые кажутся самоподразумеваемыми или очевидными.

Автор приходит к выводу, что сущность конституции XXI в. заключается в ее способности быть юридической формулой национальной идеологии, символом общего сознания государствообразующего народа, выражения его этнополитических и духовно-нравственных ценностей. Наличие государственной идеологии и адекватное отражение ее базовых постулатов в основном законе государства может со временем снять перманентно возникающее противоречие между юридической и фактической, формальной и реальной конституцией. Только конституция, основанная на национальной идеологии, может наиболее полно реализоваться в социально-политической практике, утвердиться в качестве элемента духовной культуры общества, синонима его социального прогресса и «живой» действительности его существования.

Ключевые слова: понятие и сущность конституции, модерн, постмодерн, либерализм, постклассическая теория права, формальная и реальная («живая») конституция, национальная идеология, социально-культурные ценности.

N. I. Grachev

**THE ESSENCE OF THE CONSTITUTION:
THE EXPERIENCE OF POSTCLASSICAL DECONSTRUCTION
OF THE CONTENT AND MEANING OF THE FUNDAMENTAL LAW
OF THE STATE OF THE POSTMODERN ERA**

The main scientific approaches to the essence of the constitution were formed at the end of the 18th — beginning of the 20th centuries, in the era of the formation and development of capitalism and all the main political ideologies of the modern era. The present period of human development, characterized by a radical transformation of social and political systems and ideological paradigms, requires new approaches to this issue. In this regard, the author examines the classical concepts of the essence of the constitution in order to carry out deconstruction (critical rethinking) of this concept in relation to the present period of the evolution of the world community, the state of modern statehood and the fundamental trends in its development. The article determines the essence of the fundamental law of the state for the 21st century, as the postmodern era, on the basis of the postclassical model of legal thinking, which excludes the nihilistic rejection of previous approaches to the phenomenon under study, but presupposes the suspension of a number of their concepts, which seem self-understood or obvious.

The author comes to the conclusion that the essence of the constitution of the 21st century lies in its ability to be a legal formula of national ideology, a symbol of the general consciousness of the state-forming people, the expression of its ethno-political and spiritual and moral values. The presence of state ideology and an adequate reflection of its basic postulates in the fundamental law of the state can eventually remove the permanently arising contradiction between the legal and actual, formal and real constitution. Only a constitution based on national ideology can be most fully realized in socio-political practice, asserted as an element of the spiritual culture of society, a synonym for its social progress and the "living" reality of its existence.

Key words: concept and essence of the constitution, modernity, postmodernity, liberalism, postclassical theory of law, formal and real ("living") constitution, national ideology, socio-cultural values.

Современное понятие и классические подходы к определению конституции, пониманию ее сущности и содержанию теории конституционализма сложились в конце XVIII — XIX вв. в эпоху буржуазных революций и становления капиталистической формации в Западной Европе и ее североамериканском анклаве — США. Это был этап истории человечества, когда Новое время (модерн) шло на смену традиционному обществу (премодерну), происходила смена мировоззренческих парадигм, социально-экономических, идеологических и политических структур общества. В этот период возникла теория конституционализма, а конституция получила статус основного закона и стала необходимым элементом в правовых системах западных государств. Первыми документами такого рода были: Конституция США 1787 г., действующая по настоящее время; Конституция («Устава государственная») Польши (Речи Посполитой) 1791 г., которая имела юридическую силу менее 19 месяцев, так как в 1794 г. Речь Посполитая прекратила свое существование как независимое государство; Конституции Франции 1791 и 1793 гг., фактически так и не вступившие в законную силу по причине революционного кризиса.

Поэтому именно Конституция США положила начало современному пониманию конституции в формальном смысле, что в дальнейшем повлияло и на различные определения ее сущности. Впервые конституцией стал называться единый юридический акт, осуществляющий целостное регулирование основ государственного строя. Его особая значимость обусловила наличие у него специфических формально-юридических признаков: наивысшей юридической силы, усложненного порядка принятия и изменения и др. Поэтому все писанные конституционные акты в известном смысле можно считать потомками Конституции США [1, с. 9]. С другой стороны, в силу особенностей исторического развития в целом ряде стран основы общественно-политических отношений регулируются не единым правовым документом, а несколькими

актами, простыми законами плюс судебными решениями и нормами обычного права. В этом случае говорят о наличии конституции в материальном смысле как совокупности норм, регламентирующих организацию и порядок реализации государственной власти, на основе которых строятся ее взаимоотношения с гражданами и различными негосударственными структурами, хотя формально конституция как единый правовой документ либо даже как совокупность писанных актов отсутствует. Не случайно родиной конституционализма как теории и практики либерально-демократического устройства общества считается не США, а Англия, в которой до сих пор нет писаной конституции, но где его идейные и политические предпосылки возникли гораздо ранее XVII в., когда произошла английская буржуазная революция [2, с. 9, 61—70].

Методологической основой различных представлений о понятии и сущности конституции являются, во-первых, господствующий тип политической идеологии, на которой основывается юридическая наука в том или ином государстве или придерживается тот или иной ученый (либерализм, социализм, консерватизм), во-вторых, типы правопонимания (естественно-правовая теория, позитивизм, социология права, историческая школа права), что зачастую игнорируется в исследованиях по данной проблеме. Эти два критерия могут пересекаться, образуя достаточно сложный симбиоз, так как однозначной связи между политической идеологией и правопониманием не существует. Однако вне зависимости от возможных вариантов соединения или взаимопроникновения положений этих теорий все их можно определить как классические (современные, модернистские) подходы к назначению и сущности конституции, давно признанные научным сообществом или какой-то значительной его частью.

Наиболее распространенным понятием конституции является ее трактовка, вытекающая из *позитивистской теории права* (И. Бентам, Д. Остин, А. Эсмен), логическим продолжением которой стала

нормативистская концепция Г. Кельзена. Они рассматривают право как систему юридических норм, установленных государственной властью. Именно отсюда идет отождествление конституции с Основным законом государства в сугубо формальном смысле, при этом любые версии позитивизма исходят из посылки, что путем принятия Конституции и конкретизирующего ее законодательства можно произвольно устанавливать и менять общественно-политический строй и природу любого государства. Конституция выступает здесь как сконструированный акт, созданный по воле и плану законодателя, кто бы им ни был — верховная власть, господствующий класс или народ. Поэтому его разделяют позитивистски настроенные представители всех основных политических идеологий Нового времени: либерализма, консерватизма и коммунизма (социализма). Однако все они по-разному подходят к сущности конституции.

Исторически либерализм возник первым. К последней четверти XVIII в. почти все его классические работы были написаны, и его теория имела уже богатую интеллектуальную традицию, идущую из XVII столетия от Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка к идеологам французского Просвещения (Ф. Вольтер, Ш. Л. Монтескье и др.), британским экономистам (А. Смит, Д. Рикардо) и отцам-основателям США (Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон). Именно либерализм, будучи наиболее последовательным выражением мировоззрения буржуазии, точнее всего соответствовал эпохе модерна, оказался самым устойчивым и успешным, победив в конце концов своих соперников в исторической схватке, провозгласив после победы США над СССР в холодной войне устами американского философа Ф. Фукуямы «конец истории», означавший, что распространение либерализма во всем мире свидетельствует о конечной точке социокультурной эволюции человечества, а конституционный режим в либерально-демократической упаковке становится единственной и окончательной формой политической организации общества [3].

Наиболее лаконично и емко либеральное понимание сущности конституции и конституционного государства выразила принятая во время буржуазной революции Национальным учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г. Декларация прав человека и гражданина в ст. 16: «Государство, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет Конституции» [4, с. 29]. В соответствии с этим постулатом ценностью для отдельных людей и их сообществ может обладать только такое госу-

дарство, в котором есть конституция. Но не любая, а такая, в которой в качестве исходных принципов правового регулирования закрепляются либерально-демократические ценности: формальное равенство всех перед законом, права человека, частная собственность, разделение властей, правовое государство, толерантность и плюрализм в отношении к религиозным, этническим, языковым, гендерным и другим меньшинствам и т. п. *Сущность конституции и ее основное назначение* заключаются при таком подходе в *ограничении государственной власти конституционными принципами и нормами*. Конституции присваивается роль, которую играло в обществах древности и средневековья священное писание. «Она выражает своего рода правовое вероисповедание» [5, с. 31], в соответствии с которым должны действовать все государственные органы, общественные организации, должностные лица и граждане *в целях обеспечения определенной меры индивидуальной свободы в обществе*.

Одним из основных источников либеральной идеологии выступала *теория естественного права* (Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант), которое признается ее адептами более высоким, чем позитивные законы государства. Оно коренится в природе и разуме человека, в его основе находятся естественные (природные) и неотъемлемые права личности, присущие ей от рождения: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, частную собственность и др., которые выступают критерием демократичности позитивного законодательства и которым оно должно соответствовать. В силу этого предполагается, что в разработке и принятии конституции должны иметь право и реальную возможность участвовать все граждане государства посредством политических партий и общественных организаций, выражающих интересы различных социальных групп и слоев населения в соответствии с естественно-правовым принципом политического и идеологического многообразия. Поэтому *конституция рассматривается здесь как своеобразный «общественный договор»*, выражающий общее согласие населения страны по поводу основных принципов и форм организации ее жизнедеятельности и дальнейших путей развития. В различных версиях конституции как общественного договора *ее сущность рассматривается либо как социальный компромисс или консенсус между различными классами и слоями общества* [6, с. 49], *либо как юридически оформленный гражданский мир между ними* [5, с. 190—200], *форма и способ легитимации социального согласия и партнер-*

ства [7, с. 134—135], всегда основанных на личной и политической свободе. В этом она полностью совпадала с либеральной идеологией, краеугольным основанием которой она всегда и являлась.

Теория консерватизма (Э. Берк, Ж. де Местр, Л. Бональд) стала критической реакцией на Великую французскую буржуазную революцию и доктрину либерального конституционализма «справа», с позиций монархической и религиозной традиции. Она возникает в самом конце XVIII — начале XIX в. Ее наиболее ярким представителем был Ж. де Местр, идеям которого были во многом близки основные положения возникшей примерно в это же время исторической школы права (Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта). Все они оспаривали постулаты теории естественного права и полностью отвергали концепцию общественного договора, критиковали претензии либерализма на универсальность провозглашаемых им политико-правовых ценностей. «Конституция, которая создана для всех наций, не годится ни для одной, — писал де Местр, — это схоластическое произведение, выполненное в расчете на абстрактного „общечеловека“, не существующего в природе». Исходя из этого он различает естественные и писанные конституции. Под естественной конституцией понимаются исторически сложившиеся «коренные» права народа, аристократии и суверена, устоявшиеся на уровне обычаев и основывающиеся на нравах, религии, географическом положении, политических традициях и свойствах характера конкретного народа. Такая конституция обычно не имеет ни даты, ни творца. Писаная конституция, если она не опирается на естественную, «есть не что иное, как лоскут бумаги, не имеющей престижа и власти над людьми». Она «всегда бездушна, а между тем вся сущность дела в народном духе, которым и стоит государство». Он выражается в чувстве патриотизма граждан, которое чуждо всякой выгоды и совершенно безотчетно. Поэтому де Местр отстаивал тезис о непрочности писанных конституций, считая, что пространно написанные тексты, в которых детально закрепляются права граждан и компетенция органов власти, не способны придать конституционным нормам какую-либо реальную силу. Множество писанных законов свидетельствует, по его мнению, лишь об опасности распада государства [8, с. 120—135]. Таким образом, *сущность конституции с точки зрения консервативной теории* заключается в *гарантировании традиционных социально-нравственных ценностей государствообразующего народа*, выработанных им в процессе своего исторического

развития, и *формировании* на этой основе *национально ориентированной политико-правовой системы*, легитимизируемой исключительно изнутри общества и недоступной для внешнего вмешательства.

Коммунистическая (социалистическая) теория появляется в середине XIX в. как критическая реакция на становление капиталистической системы и либеральной идеологии «слева», со стороны угнетенных классов буржуазного общества. Ее концепция сущности конституции зиждется на идеях одного из основателей германской социал-демократии Ф. Лассалья, который также стоит у истоков *социологического правопонимания*. Как и де Местр, Лассаль разделяет конституции на действительные (реальные) и писанные (юридические). Реальную конституцию, под которой понимается сложившийся общественный уклад, имеют все государства во все времена. Писанные конституции являются характерной чертой нового времени. Их основное назначение Лассаль видит в отражении фактического соотношения социально-политических сил, действующих в обществе, чем и определяется, по его мнению, сущность любой конституции [9]. Из этой мысли вырос классовый подход к сущности конституции, который наиболее ярко выразил В. И. Ленин: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [10, с. 345]. *В буржуазном обществе конституция выражает волю эксплуататорских классов: всего класса буржуазии*, как это было в XIX в. в Великобритании, США и Франции, либо совместную волю *крупной буржуазии и дворянской аристократии* в странах с феодальными пережитками (Германия, Россия), либо волю *монополистической буржуазии* в период вступления капиталистических государств в эпоху империализма (с начала XX в.). Классовый характер конституции не отрицался и для первого, социалистического этапа построения коммунистического общества, основной политической формой которого выступает государство диктатуры пролетариата. Но с момента построения социализма государство становится общенародным, его конституция перестает носить классовый характер и начинает выражать волю и интересы всего народа, что просматривалось уже в Сталинской Конституции 1936 г. и было прямо закреплено в Конституции СССР 1977 г. В них основным принципом социалистического строительства провозглашалось обес-

печение социальной справедливости: «от каждого — по способностям, каждому — по труду», а его целью выступало построение бесклассового коммунистического общества [11, с. 146—150] (см. также: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. (Гл. I); Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. (Преамбула) [12]). Таким образом, важнейшим вопросом, поставленным советскими конституциями, был «вопрос создания правовых предпосылок социального прогресса» [13, с. 423]. Поэтому видеть социалистический подход к сущности конституции в выражении воли господствующего класса или сводить его к социальному конфликту, как это часто делается в литературе, не совсем точно. Кроме того, содержание и сущность социалистической конституции не в меньшей степени, чем буржуазной, основывались на юридических ограничениях публичной власти, в том числе и воли правящей партии, только не буржуазно-либеральными принципами, а базовыми устоями социализма, в соответствии с которыми обязаны были действовать партийные и государственные органы и которые на практике имели не более формальный характер, чем в развитых капиталистических странах.

Из идей Ф. Лассалья о наличии в обществе действующего государственного порядка как фактической конституции в полемике с юридическим позитивизмом сложилась *социологическая школа права*, представители которой (О. Эрлих, К. Ллевеллин, Г. Д. Гурвич и др.) противопоставляли подходу к праву как системе норм его понимание как «живого» правопорядка. По аналогии возникло понятие «живой конституции», впервые появившееся в 1927 г. в названии книги североамериканского профессора Г. Макбейна [14]. Ее теория исходит из того, что содержание конституции, какой бы реальной она ни была на момент своего принятия, является динамичным и не может не меняться с течением времени. По сути «живая конституция» ассоциируется с политико-правовой практикой, при этом одни ученые относят к источникам «живой конституции» нормы, судебные решения, законодательные и административные акты, правовые обычаи и даже доктрины. Другие считают, что ее понятие включает в себя сам текст основного закона плюс толкование его положений Верховным Судом США, что позволяет приспособить ее положения к изменяющимся историческим условиям и сообщает ей гибкость и эластичность [15, с. 109]. Как выразился Ч. А. Хьюз, возглавлявший Верховный Суд США с 1930 по 1941 г., «Конституция —

это то, что скажут о ней судьи», что вполне соответствует североамериканским реалиям, где без учета судебного толкования, путем лишь одного ознакомления с текстом Конституции невозможно понять ни одного ее положения, в частности решить вопрос о том, соответствует ли ей тот или иной закон [16, с. 372]. Таким образом, *социологическая юриспруденция видит сущность конституции в ее реальности и фактической действительности в жизни общества.*

Все указанные идеологические и теоретические концепты были интеллектуальным порождением Нового времени и достигли пика своего распространения и влияния в XIX—XX вв. Они воплощали, хотя и по-разному, дух модерна. Но к концу XX столетия после разрушения СССР и скорой вестернизации бывших социалистических стран, что в идеологическом плане означало победу либерализма над коммунизмом и различными версиями консервативной традиции, мир стал стремительно меняться. Возник феномен глобализации, наметился переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, началась эпоха постмодерна. Победивший *либерализм* в лице своих наиболее ярких представителей заявил о «конце идеологий» [17, с. 549—582], а затем и о «конце истории». Его учение стало почти общеобязательным, *перестав быть теорией*, превратившись в единственную *постполитическую практику* [18, с. 30—31], где государства и нации, вовлекаясь в плавильный котел глобализации, должны прийти, в соответствии с различными постлиберальными версиями, к «мировому государству» во главе с мировым правительством или «глобальному гражданскому обществу». Казалось бы, безальтернативным при сложившейся конъюнктуре является и либеральный подход к сущности конституции. Юридические конституции почти всех государств, за небольшим исключением (Китай, Иран, Саудовская Аравия и другие ближневосточные монархии КНДР, Вьетнам, Куба), основываются на принципах буржуазной демократии. И даже фиктивный характер конституционных положений во многих странах не вызывает серьезного сомнения в окончательной и бесповоротной победе ставшего «единственно верным учения», поскольку подразумевается, что со временем, по мере усвоения их народами (пост)либеральных ценностей, они должны стать реальными.

Однако упадок суверенной национальной государственности, сопровождающий процесс строительства глобального мирового порядка, не делает

жизнь подавляющего большинства людей и народов лучше, скорее наоборот. Либеральная идеология, претендующая на универсальность западных политико-правовых ценностей и распространение их на все страны мира, по сути, отказывает им в собственной культурной и политико-правовой идентичности. Стремление к созданию глобального общества жестко элиминирует все национальное и грозит появлением нового тоталитарного порядка. Иными словами, речь идет о создании гиперимперии, развитие которой, по мнению одного из идеологов политической глобализации Ж. Аттали, должно привести через долгий процесс разрушения государств к гипердемократии [19, с. 167—265]. Не вызывает, однако, сомнения, что в указанной версии нового империализма уничтожению подвергается цивилизационно-культурная идентичность подавляющего большинства наций и народов, которая на самом деле тождественна их существованию. В таких условиях либеральный конституционализм как политико-правовой срез господствующей идеологии выступает во многих государствах незападного мира средством понуждения широких народных масс к уважению чуждых им западных ценностей, которые продолжают выдаваться за общечеловеческие, а действующие конституции перестают быть фактором стабилизации общества. В то же время, как показывает практика государственного строительства, за фасадом формальной либерально-демократической конституции способен скрываться самый антидемократический политический режим.

Вместе с тем постмодерн как эпоха перехода к новому посткапиталистическому обществу характеризуется «резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от унификации и принципов чистой экономической целесообразности, возрастанием многовариантности прогресса, формированием новой системы стимулов и мотивов деятельности человека, замещением материальных ориентиров культурными и др.», а в международной сфере «связывается с утратой европейским регионом доминирующих позиций в мировой экономике и политике, с отказом от идеи национального государства и выдвижением на первый план иных социокультурных моделей» [20], что влечет за собой трансформацию социальных и политических систем, идеологических парадигм, в том числе формирование новых моделей государственности, соответствующих новому жизненному укладу, что создает предпосылки для перехода к многополярному политическому устройству мира.

Радикальные изменения в общественной жизни вынудили правоведов к поискам новой модели правопонимания, отвечающей исторической эпохе. Результатом стало появление *постклассической теории права*. Основываясь на изменениях в научной картине мира, ее представители обосновывают необходимость смены концепта в самом понимании права, отождествляя его с правовой реальностью, понимаемой как правовая система, или бытие права.

Эта реальность включает в себя: человека и различные социальные образования, вплоть до государства, социализированные в определенной культуре, и конструирующие вполне определенную правовую систему; знаковые формы, образцы должного, упрощенно-правовые и другие социальные нормы; действия человека, его поведенческую и ментальную активность по воспроизводству, в том числе переконструированию правовой системы [21, с. 18]. Соответственно, праву эпохи постмодерна присущи следующие черты: а) *динамичность* как постоянное «воспроизводство» в соответствии с изменяющимися социальными условиями при сохранении нормативности; б) *диалогичность (полифоничность)* — его расщепление на противоположные моменты, такие как должное и сущее, материальное и идеальное, общее и особенное, которые обуславливают друг друга, переходя один в другой; в) *незавершенность (перманентность становления)* как постоянность изменения внутреннего содержания; г) *антиуниверсализм*, понимаемый как отказ от претензий на всечеловечность западных социально-правовых ценностей и от представлений о наличии единой сущности права для всех времен и народов; д) *социокультурный контекстуализм* как обусловленность права историей и культурно-цивилизационными ценностями государствообразующего народа; е) *преемственность*, проявляемая в постоянном воспроизводстве юридических норм в правоприменительных практиках; ж) *общеобязательность*, означающая, что именно право обеспечивает целостность и нормальное функционирование общества, т. е. само его существование [22, с. 366—370, 74, 292—293, 630, 242—243].

Постклассическая теория права подвергает все классические подходы к пониманию и сущности права деконструкции (от лат. *de* — «обратно» и *constructio* — «строю»), т. е. переосмыслению. Она *представляет собой форму критического исследования объекта* с выходом из традиции его рассмотрения, но без отказа от нее, с нахождением новых возможностей мысли, без нигилистического

отказа от старого, но лишь с его «подвешиванием», приостановкой его рецептов, которые ошибочно кажутся самоподразумеваемыми [1, с. 25, 51, 59; 23]. Именно это необходимо сегодня для анализа политико-правовых явлений, включая конституцию и конституционализм.

Настоящий период развития человечества требует такого права, которое было бы более гибким, эластичным и адаптивным к внешним и внутренним условиям существования любого государства, желающего обеспечить суверенное существование, в основе которого всегда находится культурно-цивилизационная идентичность государствообразующего народа. Такое государство должно не только закрепить в тексте своей конституции в качестве основополагающих принципов социально-нравственные ценности, отвечающие духу национальной политико-правовой традиции, но и воплотить их в реальной жизни, в собственном политико-правовом порядке. Это непростая задача, поскольку в настоящий период конституция любого государства вмещает в себя в различных пропорциях как национальный компонент, так и опыт мирового политико-правового развития. Поэтому текст конституции фактически суверенного государства не может имплицитно не содержать критическое переосмысление сущности и содержания основного закона, представляемого различными версиями классического правопонимания XIX—XX вв. Их необходимо переосмыслить, переработать и приняв то, что несет в себе ценность, и отбросив все, в чем они уже теоретически и практически несостоятельны.

Так, признавая за конституцией сущностное качество общей меры свободы в обществе, на чем настаивают различные разновидности либерализма, постклассическая методология не абсолютизирует свободу как социальную ценность. Во-первых, в разных обществах и культурах существует различное понимание свободы. Во-вторых, при любых условиях жизни социума свобода всегда подчинена функционированию общественного целого, из чего следует, что в современном государстве существуют и другие, не менее важные, чем свобода, общезначимые ценности, выступающие ее нормативными ограничителями: государственный суверенитет, социальный характер государства, общественная нравственность, здоровье населения, обороноспособность страны, общественная безопасность и др.

Постклассическое правопонимание во многом смыкается с консервативной трактовкой сущности конституции, полагая, что фундаментом конститу-

ционного строя могут быть только принципы, воплощенные в правовой культуре и традиционном правопорядке конкретного общества. Но соглашаясь с указанным постулатом, следует отметить примитивно-понятый метафизический подход классического консерватизма к историческому процессу, свойственный также исторической школе права и естественно-правовой теории, которые рассматривают все природные и социальные явления, в том числе человека, государство и право, как пребывающие в стабильном (статичном) состоянии, тогда как реалии модерна и постмодерна свидетельствуют о все нарастающем динамизме общественных процессов, на вызовы которых конституция и правовые системы суверенных государств должны уметь отвечать, одновременно адаптируясь к ним.

Мало кому могут не импонировать принципы социальной справедливости и направленность на прогрессивное развитие общества, которые выступали главными сущностными чертами социалистических конституций. Однако в целом можно согласиться с мнением о фиктивности социалистических конституций, отражавших попытки правящей партии отвергнуть государственно-правовые традиции прошлого и построить совершенно новое общество в соответствии с основными постулатами марксизма-ленинизма. Поэтому эти конституции были чрезмерно идеологизированы, в них закреплялось множество программных положений, цели развития нередко выдавались за уже достигнутые результаты, что постепенно привело к все большему расхождению идеологически окрашенных положений с реальной жизнью. Кроме того, в СССР так и «не удалось создать конституционную концепцию общественного прогресса», которая была заменена нормативным описанием экономических и политических основ идеальной модели социалистического общества [13, с. 423].

Весьма близка постклассическому правопониманию социологическая идея «живой» конституции. Однако это не свидетельствует о том, что юридическая конституция, ее текст, не имеет существенного значения. Кроме того, практически все течения социологической школы «ограничиваются изучением влияния права на фиксируемые параметры общества, и наоборот», не предлагая механизма изменения правовой реальности [22, с. 623].

Критическое переосмысление сущности конституции в классических парадигмах правопонимания вплотную подводит к новому концепту природы основного закона государства, который базируется на принципах культурной и политической многополярности существующего мира, где этот мир

выступает пространством предельно открытой истории, с участием всех стран и народов в создании жизненной реальности, не ограниченной никакими внешними рамками чужой гегемонии, никаким универсализмом или навязанными со стороны транснациональными правилами. Западные страны могут оставаться в рамках их аутентичной либеральной идеологии. Но выбор государств иных цивилизаций — евразийской, исламской, китайской, индуистской, латиноамериканской, африканской — в настоящих условиях заключается в том, чтобы, освободившись от глобального влияния гегемонистского дискурса Запада, принуждающего к копированию чуждых политико-правовых образцов, раскрыть собственную версию смысла и содержания конституции, построенную на основе собственного исторического и культурного наследия. Тем более что в этих странах под тонкой пленкой вестернизированных политических систем в подавляющем большинстве сохраняется традиционная социокультурная матрица.

По своей сути такой выбор есть движение к преодолению западного конституционализма посредством постепенного возрождения обновленных форм традиционного государственного и правового порядка через осознание собственных социально-экономических, политических и правовых ценностей, закрепление их в конституционном законодательстве с одновременной адаптацией заимствованных принципов, институтов и норм к автохтонной социокультурной среде и их абсорбцией на собственной духовной основе. Конституции восточноевропейских, азиатских, латиноамериканских государств могут при этом отличаться и друг от друга, и от западноевропейских, и любая из них может развиваться и видоизменяться со временем, так как содержание конституции не есть нечто, раз и навсегда данное и неизменное, а сама конституционно-правовая реальность становится в условиях многополярности намного более сложной и многомерной, поскольку разные цивилизации оперируют различными смысловыми конструктами по отношению к одним и тем же политико-правовым явлениям. Они по-разному интерпретируют понятия человека, общества, государства, права, свободы, прав личности, власти, суверенитета, парламента и парламентаризма, демократии и авторитаризма, конституции и конституционализма и др. Идентичные и аутентичные их культуре смысловые интерпретации этих понятий должны стать исходным пунктом начала развития собственного, самобытного конституционализма, не сводимого к ограничению власти правом, правам человека и гарантиям частной собственности.

В этом случае подлинные субъекты верховной власти, укорененные в социальных структурах традиционных обществ, утратят необходимость скрывать себя под поверхностью принятыми и двусмысленными либерально-демократическими стандартами и получат возможность институционализировать свои особые формы организации власти и управления, соответствующие традиционному укладу, историческому состоянию общества и волеизъявлению социальных сил, выступающих выразителями культурного кода нации. Эксплицитность самобытной формы устройства верховной власти даст возможность насытить эксклюзивным цивилизационным содержанием и остальные конституционно-правовые институты, закрепив в основном законе такие модели экономической, политической и правовой систем общества, личной и публичной свободы, которые адекватны объективному состоянию и уровню развития того или иного государства, создавая тем самым предпосылки для его дальнейшего поступательного развития.

Таким образом, в многополярном мире сущность конституции может определяться только через назначение и основную цель государства, которые заключаются в сохранении, воспроизводстве и благополучии государствообразующего народа. Соответственно, назначение конституции заключается в создании правовых условий для этого. *Конституция должна* играть консолидирующую роль в государстве и обществе, *объединять страну и народ* не только политически, но духовно и нравственно. В этом состоит особая социально-культурная архитектура конституции в государственно организованном обществе, не исчерпываемая формальным признанием за ней высшей юридической силы, ограничителя государственной власти или выразителя интересов господствующей социальной группы.

Исходя из сказанного, *сущность конституции в XXI в. заключается в «ее способности быть юридической формулой национальной идеологии»* [13, с. 428], *символом общего сознания государствообразующего народа, выражения его этнополитических и духовно-нравственных ценностей.* Необходимо при этом иметь в виду, что никакая идеология не вырабатывается в тиши академических кабинетов и бюрократических канцелярий. Она может быть там только окончательно сформулирована. Национальная (государственная) идеология рождается в практической борьбе за суверенное, независимое и самостоятельное существование государствообразующего народа среди других стран и народов. Лишь при наличии такой идеологии и адекватном отражении ее базовых постула-

тов в основном законе государства может быть снято перманентно возникающее противоречие между юридической и фактической, формальной и реальной конституцией. Оно заключается в необходимости фактической конституции неизбежно объективироваться в формально закрепленных в ее тексте нормах, которые, однако, не могут полностью совпадать с реально действующими, что вытекает из самого предмета конституционного регулирования. С одной стороны, нормы основного закона должны отразить реальные отношения властвования, требующие правового закрепления и легитимации. С другой — их задачей является закрепление в явной или скрытой форме определенного социально-политического, национального или цивилизационного проекта как идеальной модели общественного устройства и цели общественного развития. И в этом смысле «конституция нормативно провозглашает не реальное, а должное состояние государства», выступая «не отражением действительности, а образцом для нее» [24,

с. 13]. Однако указанное противоречие полностью устраняется максимально ясным, четким и полным отражением в конституции этнополитических и духовно-нравственных ценностей государствообразующего народа, официально установленной иерархией принципов, составляющих основы конституционного строя, которые вместе с конкретизирующими их нормами адекватно определяют формы экономической, политической, социальной и духовной организации общества, пути и средства государственного строительства, *способные обеспечить его суверенное существование, справедливый общественный порядок и поступательное развитие* на длительную перспективу. В этом случае конституция, основанная на обновленной национальной идеологии, постепенно реализуясь в социально-политической практике, сможет со временем утвердиться не только в качестве элемента духовной культуры государствообразующего народа и синонима его социального прогресса, но и «живой» действительности его существования.

---

1. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник. В 4 т. Т. 4. Часть Особенная: страны Америки и Азии / отв. ред. проф. Б. А. Страшун. Москва: НОРМА — ИНФРА-М, 2001. 656 с.

2. История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. Москва: Наука, 1983. 295 с.

3. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84—118.

4. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты: пер. с фр. / сост. В. В. Маклаков, В. Л. Энтин. Москва: Прогресс, 1989. С. 26—29.

5. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. Санкт-Петербург: Юрид. центр — Пресс, 2003. 658 с.

6. Хабриева Т. А., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. Москва: Норма, 2005. 320 с.

7. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. 336 с.

8. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. Москва: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. 216 с.

9. Лассаль Ф. О сущности конституции // Сочинения: в 3 т. Москва: Круг, 1925. Т. 2. С. 5—24.

10. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полное собрание сочинений. Т. 17. Москва: Политиздат, 1968. С. 339—353.

---

1. Constitutional (state) law of foreign countries. Textbook. In 4 volumes. Vol. 4. Part Special: the countries of America and Asia. General ed. prof. B. A. Strashun. Moscow: Publishing group NORMA — INFRA-M; 2001: 656 (in Russian).

2. History of bourgeois constitutionalism of the 17th — 18th centuries. General ed. V. S. Nerseyants. Moscow: Nauka; 1983: 295 (in Russian).

3. Fukuyama F. End of the story? Questions of philosophy, 84—118, 1990 (in Russian).

4. Declaration of the rights of man and citizen of 1789. In: French Republic: Constitution and legislative acts. Translation from French. Comp. V. V. Maklakov, V. L. Entin. Moscow: Progress; 1989: 26—29 (in Russian).

5. Aranovskiy K. V. Constitutional tradition in the Russian environment. Saint Petersburg: Legal Center — Press; 2003: 658 (in Russian).

6. Khabrieva T. A., Chirkin V. E. The theory of the modern constitution. Moscow: Norma; 2005: 320 (in Russian).

7. Ebzeev B. S. Constitution, power and freedom in Russia: the experience of synthetic research. Moscow: Prospect; 2014: 336 (in Russian).

8. Mestre J. de. Reasoning about France. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 1997: 216 (in Russian).

9. Lassalle F. On the essence of the constitution. In: Works. In 3 volumes. Moscow: Krug; 1925. Vol. 2: 5—24 (in Russian).

10. Lenin V. I. How socialist revolutionaries sum up the results of the revolution and how the revolution summed up the socialist revolutionaries. In:

11. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сочинения. Изд. 2-е. Тверь: СОЮЗ, 2007. Т. 14. С. 137—169.

12. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917—1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. Москва: Зерцало, 1997. 592 с.

13. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Москва: Норма, 2010. 672 с.

14. McBain H. L. The Living constitution, a consideration of the realities and legends of our fundamental law. New York: The Workers education bureau press, 1927. 284 p.

15. Егоров С. А. Современная наука конституционного права США. Москва: Наука, 1987. 191 с.

16. Давид Р. Основные правовые системы современности. Москва: Прогресс, 1988. 496 с.

17. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Москва: Мысль, 2016. 612 с.

18. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. Москва: Акад. проект, 2014. 683 с.

19. Аттали Ж. Краткая история будущего. Санкт-Петербург: Питер, 2014. 288 с.

20. Иноземцев В. Л. Постмодерн, постсовременность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. URL: <https://enc.biblioclub.ru/Termin/175645> (дата обращения: 21.06.2021)

21. Честнов И. Л. Постклассическое правовопонимание: основные характеристики // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 13—25.

22. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

23. Деррида Ж. О грамматологии. Москва: Ad Marginem, 2000. 512 с.

24. Государственное право Германии: в 2 т. / редкол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.), Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс. Москва: ИГПАН, 1994. Т. 1. 312 с.

© Грачев Н. И., 2021

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: grachev.n.i@mail.ru

Complete works. Vol. 17. Moscow: Politizdat; 1968: 339—353 (in Russian).

11. Stalin I. V. On the draft Constitution of the USSR. Report at the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936. In: Works. 2nd ed. Vol. 14. Tver: SOYUZ; 2007: 137—169 (in Russian).

12. Reader on the history of the national state and law. 1917—1991. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Zertsalo; 1997: 592 (in Russian).

13. Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to general theory. Moscow: Norma; 2010: 672 (in Russian).

14. McBain H. L. The Living constitution, a consideration of the realities and legends of our fundamental law. New York: The Workers education bureau press; 1927: 284 (in English).

15. Egorov S. A. Modern science of US constitutional law. Moscow: Nauka; 1987: 191 (in Russian).

16. David R. Basic legal systems of our time. Moscow: Progress; 1988: 496 (in Russian).

17. Lipset M. Political person: social foundations of politics. Moscow: Mysl; 2016: 612 (in Russian).

18. Dugin A. G. Fourth way. Introduction to the Fourth Political Theory. Moscow: Academic project; 2014: 683 (in Russian).

19. Attali J. Brief history of the future. Saint Petersburg: Peter; 2014: 288 (in Russian).

20. Inozemtsev V. L. Postmodernity, postmodernity. In: New philosophical encyclopedia. In 4 vol. Available from: <https://enc.biblioclub.ru/Termin/175645>. Accessed: 21 June 2021 (in Russian).

21. Chestnov I. L. Postclassical legal thinking: basic characteristics. Law and State, 13—25, 2017 (in Russian).

22. Chestnov I. L. Postclassical theory of law. Saint Petersburg: Alef-Press; 2012: 650 (in Russian).

23. Derrida J. On grammatology. Moscow: Ad Marginem; 2000: 512 (in Russian).

24. State law of Germany. In 2 vol. Editorial board: B. N. Topornin (editor-in-chief), B. M. Lazarev, Yu. P. Uryas. Moscow: IG PAN; 1994. Vol. 1: 312 (in Russian).

© Grachev N. I., 2021

Grachev Nikolay Ivanovich,

professor at the department of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: grachev.n.i@mail.ru

* * *

УДК 340.12
ББК 67.021
doi: 10.25724/VAMVD.VJKL

А. А. Редько, В. В. Губанова

**ПРАВОВАЯ ЦЕНзуРА
КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТРОЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Предметом интереса авторов статьи выступает феномен цензурной деятельности в аспекте возможности ее использования при построении современного гражданского общества и демократического государства. На протяжении веков цензура являлась государственным инструментом реализации собственного вектора целей управления. Наступление эпохи глобализации и холодных войн ознаменовало резкую интенсификацию информационных потоков, содержащих вредоносную и дезорганизующую информацию. В данной статье особое внимание авторы уделяют рассмотрению факторов, препятствующих нормальному развитию отдельных членов общества и демократических институтов в целом. В результате исследования выявилась проблема отсутствия эффективного фильтра информационных потоков, основанного на демократических принципах работы. В качестве решения проблемы авторы предлагают новый, усовершенствованный институт правовой цензуры, который представляет собой обусловленный нормами морали, религии, обычаями, устоями общества и нормами права общественно-государственный фильтр информационного пространства страны от деструктивной, фальсифицированной, экстремистской, дезориентирующей информации.

Ключевые слова: правовая цензура, правовое государство, право, гражданское общество, государственный суверенитет на информационном уровне.

A. A. Redko, V. V. Gubanova

**LEGAL CENSORSHIP AS AN OBJECTIVE NECESSITY
IN THE CONDITIONS OF BUILDING A MODERN DEMOCRATIC STATE**

The object of the interest of the author's article is the phenomenon of censorship in the aspect of the possibility of its use in the construction of a modern civil society and a democratic state. For centuries, censorship has been a state instrument for implementing its own vector of achieving management goals. The onset of the era of globalization and cold wars marked a sharp intensification of information flows, inductive and disorganizing information. In this article the authors pay special attention to examining the factors that hinder the normal development of individual members of society and democratic institutions in general. In this regard, there is a problem of the lack of an effective filter of information flows based on democratic principles of work. The authors propose new improved institution of legal censorship which can act as a solution to the problem. This institution is a public-state filter of the country's information space from destructive, falsified, extremist, disorienting information, conditioned by the norms of morality, religion, customs, foundations in society and the norms of law.

Key words: legal censorship, legal state, law, civil society, state sovereignty at the information level.

Цензура как род деятельности органов государственной власти далеко не новое явление в жизни общества. Обобщив проведенный документально-исторический анализ, И. Е. Марцоха представляет периодизацию развития института цензуры в России, исходной точкой которого признает XVIII — начало XIX в. [1]. Следует отметить, что указанный период является хронологическим

рубежом лишь официального учреждения общественно-правового института. Некоторые исследователи признают существование отдельных цензурных практик в более ранние периоды развития Российского государства, когда указанные мероприятия еще не получили институционального оформления.

Обращаясь к реалиям современной правовой действительности, мы вынуждены констатировать факт наличия прямого запрета цензуры в Российской Федерации. В частности, исходя из положений Конституции Российской Федерации [2], а также Федерального закона «О средствах массовой информации» в России гарантируется свобода массовой информации, а цензура запрещена.

Мотивируя и разъясняя смысл указанных правовых положений, законодатель ссылается на обязательность признания и защиты свободы выражения мнений и убеждений, свободы массовой информации как основ существования и развития современного общества и демократического государства [3]. С данными положениями сложно не согласиться. Свобода слова, совести и мнений, появление и распространение средств массовой информации сегодня — это непереносимая основа и признак всякого прогрессивного государства, претендующего на звание демократического.

Несмотря на законодательный запрет цензуры, острые дискуссии на эту тему не прекращаются. Так, одни авторы отмечают необходимость существования хотя бы «нравственной цензуры», служащей ограничивающим фактором распространения информации, наносящей вред психическому здоровью людей. Другие решительно настаивают на позиции, в соответствии с которой любая цензура представляет собой исключительно негативное явление, создающее угрозу возникновения и распространения опасных проявлений политических или националистических пристрастий [4].

В связи с этим предполагаем, что цензура как явление политической и культурной жизни общества имеет неоднозначный характер, что отмечено в ряде научных трудов. Так, В. Д. Харитонов считает, что цензура способна не только уберечь общество от «информационной грязи», но и поставить его в жесткие информационные рамки, исключить всякое проявление личности [4]. Некоторые авторы также отмечают, что, с одной стороны, цензура способствует таким важным процессам, как борьба с проявлениями экстремизма, распространением вредоносных идей, противодействием моральному разложению общества. С другой стороны, создает инструмент такого социального контроля, злоупотребление которым способно привести к существенному ограничению свободы выражения мысли, помешать развитию общества в сферах искусства и науки [5].

Таким образом, необходимо понимать, что неприемлема оценка цензуры как однозначно негативного или позитивного явления в отрыве от исторически

сложившейся политической, социальной, культурной и иной действительности. Ретроспективный взгляд на феномен цензурной практики со стороны государственной власти позволяет прийти к выводу о том, что прямой ущерб или истинная польза для развития общества и государства в целом были принесены цензурной деятельностью элиты в зависимости от того, какие именно силы и в каких целях использовали подобную практику.

Следует различать цензуру, направленную на подавление свободы слова и мысли, на консервацию сложившихся угнетательских устоев, и цензуру, направленную на созидательные цели. На наш взгляд, политика ограничения распространения определенной информации способна и, соответственно, должна приносить пользу обществу в аспекте способствования воспитанию поколений и защиты их сознания от деструктивно направленных проявлений информационного поля окружающего мира.

В научной мысли существует точка зрения, согласно которой сложившаяся в современной России негативная правовая оценка цензуры находит свои корни в либеральных реформах 80—90-х гг. XX столетия. Так, В. Д. Харитонов отмечает, что сложившееся в современности понимание цензуры в обществе возникло под влиянием конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда провозглашение демократических начал сопровождалось активным и целенаправленным формированием отрицательного отношения к большинству институтов советской системы [6].

Как известно, данный период и, в частности, позиция и деятельность ряда реформаторов перестройки базировалась на стремлении к практически полной трансформации того общественного и конституционного строя, который сложился в советский период государства. Думается, что такое стремление далеко не всегда носило полезный и обоснованный характер, что затем вылилось в глубокий и системный кризис государственности, нашедший отражение во всех сферах жизнедеятельности общества.

Иногда слепая направленность, которая проявляется в отсутствии дальновидности при принятии решений, отказе детального анализа их возможных последствий, игнорировании альтернативных точек зрения, находивших угрозу в некоторых реформах и т. д., деструктивных преобразований в силу своей неразумной и инфантильной природы, на наш взгляд, не имеет права быть основой и двигателем государственной политики.

Кроме того, к субъективно обусловленным причинам кризиса, выраженным в позиции реформаторов и тенденции к его углублению, справедливо добавить и объективные. Сегодня оперативность, динамичность, общедоступность Интернета дают возможность эффективно воздействовать на духовную жизнь общества, на сознание широчайших масс населения. Они могут способствовать возбуждению общественного мнения в поддержку определенных целей, в поддержку того или иного политического курса. Лидеры многих стран мира, в том числе и России, а также отдельные лидеры субъектов Российской Федерации являются активными пользователями приложений Facebook, Instagram, «ВКонтакте» и др. Их позиция, распространенная посредством аккаунтов на миллионы людей, не может не найти свое отражение в формировании общественного, политического и правового сознания. Преимущества новых средств массовых коммуникаций и их стремительное развитие предоставили заинтересованным лицам качественно иные возможности по манипулированию общественным сознанием и групповым поведением. Сущность этих процессов еще мало изучена, а практика в данной области значительно опережает юридическую теорию и законодательство. Уже сегодня необходимо реально оценивать роль этих инструментов в политической жизни страны.

Исходя из сказанного, а также осознавая потребность в совершенствовании и развитии институтов правового государства, считаем необходимым поставить вопрос о рассмотрении цензуры в качестве инструмента достижения целей государственной политики. Такие цели предполагают деятельность, направленную, во-первых, на решение задач по воспитанию и всестороннему развитию граждан в качестве истинных членов правового государства, выступающих важнейшим источником его развития; во-вторых, на совершенствование государственно-правовых механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина в современном обществе.

В связи с рядом факторов, обуславливающих существование человека в современном мире, считаем правовые нормы, запрещающие цензурную деятельность в Российской Федерации, утратившими свою актуальность.

Принадлежность факторов, упомянутых выше, по своей сути можно отнести к двум концепциям, приводящим к осознанию необходимости реабилитации и детального совершенствования института цензуры как практики государственного правоприменения, а также дополнительного ее изучения

и новой интерпретации в качестве позитивного, а не негативного инструмента государственной власти.

Несмотря на некоторое отличие в содержании названных концепций, они обе по своей сути сводятся к необходимости построения правового государства.

Суть первого подхода заключается в следующем: правовое государство как особая система организации политической жизни предполагает:

— как минимум — наличие у каждого или хотя бы у подавляющей части населения государства гражданского самосознания и правосознания;

— как целевую перспективу — полноценную практику воспитания всесторонне развитого человека, обладающего высокой правовой культурой, образованностью, самосознанием, правовой и политической активностью.

Реализация поставленных задач по воспитанию и развитию человеческого потенциала на практике сталкивается с рядом проблем, обусловленных объективными и субъективными обстоятельствами современной действительности.

На наш взгляд, справедливо суждение о том, что без цензуры невозможно соответствующим образом воспитать ребенка. В связи с этим, вспоминая патриархальное общество Аристотеля, можно провести аналогию с воспитанием ребенка, в присутствии которого родители не употребляют нецензурных выражений и стараются контролировать свое поведение. Это тоже своего рода цензура (поскольку предполагает ограничение обращения информации определенного рода и качества), без которой ребенок вырос бы неуправляемым, без внутренних регуляторов и стремления к справедливости. Никогда нельзя забывать, что свобода подразумевает под собой ограничения и паритет по отношению к другим личностям. Полностью свободны только животные. По своей сути цензура — это своего рода фильтр распространения определенного рода информации. Вполне очевидно, что информация бывает разная, в том числе деструктивно направленная, побуждающая человека к асоциальному, аморальному, деградационному поведению; и не менее очевидно, что ограничение распространения такой информации есть благо. В противном случае неокрепшее сознание человека подвергается серьезному информационному воздействию, под которым возможно произвести в нем практически любые искажения. Современные информационные потоки настолько интенсивны и зачастую наполнены деградационно ориентированными моделями поведения, что высок риск

вращения на их почве людей с изуродованным сознанием и мыслями, превращенных в элемент общей серой массы.

Если информационное поле общества наполняется негативно воздействующей на сознание членов общества информацией, тогда вполне закономерным станет явление индивида с запрограммированным поведением, с отсутствующей способностью критически и логически мыслить. Подобная практика в конце концов приводит к крайне неблагоприятному последствию: снижению качества и количества важнейшего ресурса государства — образованных людей. Как известно, «умные граждане — умное государство» [7], люди — вот основной ресурс всякого развития.

Вторая концепция, обуславливающая причинность возрождения практики цензуры, связана с конкретным явлением общественно-правовой жизни. Следует понимать, что свобода слова и отсутствие цензуры — не одно и то же. В современных обществах, и особенно на интернет-пространствах, существует довольно распространенная практика буллинга, которую с правовой точки зрения нередко можно рассматривать в качестве правонарушения. Законодательство Российской Федерации признает честь, репутацию и доброе имя объектами, находящимися под охраной закона. На практике реализация защиты данного права осуществляется не в полной мере. По привычке, предпочитая не обращать внимания или не желая обращаться в правоохранительные органы, люди нередко игнорируют факт нарушения этих прав. В данном случае цензура, как инструмент блокирования оскорбительной и нарушающей права других людей информации, может выступить гарантией обеспечения прав человека.

Подводя итог сказанному ранее, можно сделать вывод о том, что развитие общества закономерно влечет за собой развитие и трансформацию его институтов, одним из которых является институт цензуры. При созидательно направленном его применении, нацеленном на воспитание всесторонне развитого гражданина правового государства, и разумном, гуманном применении в непрерывной взаимосвязи с принципом приоритета прав и свобод человека и гражданина данный институт может стать эффективным инструментом защиты этих прав.

Предлагаем рассмотреть возможность возникновения нового политико-правового института — правовой цензуры.

Изучая особенности цензуры и ее места в правовой политике государства, невольно задумываешься

о порядке и форме ее протекания. В настоящее время приходится говорить о двух видах цензуры: цензуры в общественном понимании и правовой цензуры сдерживания негативных явлений.

Говоря о цензуре, а также о смежных с ней категориях, необходимо учитывать факт динамического развития этих явлений вместе с развитием человечества, с расширением знаний. До настоящего времени не решен вопрос четкого трактования цензуры и правовой цензуры, не обозначена черта, отделяющая цензуру как негативное явление, препятствующее демократическому развитию общества и государства, от правовой цензуры с позитивными свойствами и содержанием. Остаются открытыми вопросы существования форм ее реализации.

На наш взгляд, правовая цензура — это обусловленный нормами морали, религии, обычаев, устоев в обществе и нормами права общественно-государственный фильтр информационного пространства страны (СМИ, Интернет, мессенджеры, социальные сети и др.) от деструктивной, фальсифицированной, экстремистской, дезориентирующей информации.

Важным фактором является коллегиальность в работе правовой цензуры общества и государства. Правовую цензуру нельзя отдавать на откуп государству. В противном случае теряется нецензурно важный принцип института — принцип демократичности, или проявления народовластия при разработке и реализации политики в сфере цензурной деятельности. Указанный принцип коллегиальности представляется исключительно важным, выступая гарантом выражения воли и власти народа в современном обществе, он также выступает гарантом недопустимости эксплуатации инструмента цензуры в интересах узкого круга лиц, стремящихся защитить лишь свои политические интересы. Неслучайно правоведы различных исторических периодов в той или иной интерпретации неоднократно отмечали, что «политика слишком важна, чтобы отдать ее политикам» [8]. Похожее соображение высказывает и Президент Российской Федерации В. В. Путин, настаивая на важности выработки системы морально-этических фильтров, чем должно заняться, в первую очередь, именно само общество [9]. Считаем, что совместная работа в указанном направлении и интенсификация научных исследований позволят взрастить новое поколение граждан с высоким уровнем самосознания, правосознания и правовой культуры.

1. Марцоха И. Е. Цензура в России: историко-правовые и духовно-нравственные аспекты // *Философия права*. 2007. № 3 (23). С. 20—24.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Чирскова И. М. Цензура как историко-культурный феномен в России XIX века // *Вестник РГГУ*. 2008. № 10. С. 115—125.

5. Баева Е. О., Ишханова Д. И. Цензура и ее влияние на культуру общества // *Уникальные исследования XXI века*. 2015. № 11. С. 88—91.

6. Харитонов В. Д. Цензура в Российской Федерации // *Юридический мир*. 2011. № 6. С. 42—45.

7. Новек Бет Симон. Умные граждане — умное государство: экспертные технологии и будущее государственного управления / пер. с англ. Ю. Константиновой, М. Лапшинова, О. Лобачевой. Москва: Олимп-Бизнес, 2016. 503 с.

8. Лукашук Н. Н. Демократия, капитал, государство // *Журнал российского права*. 2000. № 1. С. 109—118.

9. Из выступления В. В. Путина на Молодежном образовательном форуме «Таврида», 2017 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55376> (дата обращения: 12.05.2021).

© Редько А. А., Губанова В. В., 2021

Редько Александр Александрович,
начальник кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: tuapsina@yandex.ru

Губанова Виктория Владимировна,
курсант факультета подготовки
экспертов-криминалистов
и оперативных сотрудников полиции
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Viktoriagub@mail.ru

1. Martsokha I. E. Censorship in Russia: historical and legal and spiritual and moral aspects. *Philosophy of law*, 20—24, 2007 (in Russian).

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved by national vote on 01.07.2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on 15 June 2010 "On the practice of the courts' application of the Law of the Russian Federation "On the Mass Media"". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Chirskova I. M. Censorship as a historical and cultural phenomenon in Russia in the 19th century. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, 115—125, 2008 (in Russian).

5. Baeva E. O., Ishkhanova D. I. Censorship and its influence on the culture of society. *Unique research of the XXI century*, 88—91, 2015 (in Russian).

6. Kharitonov V. D. Censorship in the Russian Federation. *Juridical World*, 42—45, 2011 (in Russian).

7. Novek Beth Simon. Smart citizens — smart state: expert technologies and the future of public administration. Translation from English by Y. U. Konstantinova, M. Lapshinov, O. Lobacheva. Moscow: Olymp-Business; 2016: 503 (in Russian).

8. Lukashuk N. N. Democracy, capital, state. *Journal of Russian rights*, 109—118, 2000 (in Russian).

9. From the speech of V. V. Putin at the Tavrida Youth Educational Forum, 2017. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55376>. Accessed: 12 May 2021 (in Russian).

© Redko A. A., Gubanova V. V., 2021

Redko Alexander Alexandrovich,
head of the department of physical training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: tuapsina@yandex.ru

Gubanova Victoria Vladimirovna,
cadet of the faculty of training
of forensic scientists and operative police officers
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: Viktoriagub@mail.ru

* * *

УДК 341.4
ББК 67.911.15
doi: 10.25724/VAMVD.VKLM

А. П. Блинков, С. Х. Садовы́й

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время в Российской Федерации коррупционным преступлениям и механизму противодействия им уделяется особое внимание. Коррупция выступает серьезным фактором, останавливающим социально-экономическое развитие страны и угрожающим национальной безопасности. В то же время ее влияние в нашем государстве не уменьшается, а остается примерно на том же уровне, однако в скором времени может повлечь за собой массовые негативные последствия. В связи с этим авторами были проанализированы статистические данные международных организаций, занимающихся исследованием уровня коррупции в различных странах, что позволило обосновать актуальность темы и показать уровень коррумпированности должностных лиц в Российской Федерации и ряде государств Европейского Союза.

В статье проведен компаративный анализ антикоррупционной политики некоторых стран. Авторами исследуется степень имплементации в национальные правовые системы России и государств Европейского Союза международных соглашений, направленных на противодействие коррупции, оценивается выполнение государствами индивидуальных антикоррупционных мер, рекомендованных ГРЕКО. По результатам сравнительного исследования реализации международных антикоррупционных стандартов авторы предлагают использовать опыт Венгрии, Словении и Чехии в российской правовой и экономической системах.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство и политика, Российская Федерация, Венгрия, Словения, Чехия, ГРЕКО, международный опыт, противодействие коррупции.

A. P. Blinkov, S. Kh. Sadovy

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION: A COMPARATIVE ASPECT

Currently, the Russian Federation pays special attention to corruption crimes and the mechanism for counteracting them. Corruption is a serious factor stopping the socio-economic development of the country and threatening national security. At the same time, its influence in our state is not decreasing, but remains approximately at the same level, however, it may soon entail massive negative consequences. In this regard, the authors analyzed the statistical data of international organizations that study the level of corruption in various countries, which made it possible to substantiate the relevance of the topic and show the level of corruption of officials in the Russian Federation and a number of European Union states.

The article provides a comparative analysis of the anti-corruption policies of some countries. The authors investigate the degree of implementation of international agreements aimed at combating corruption into the national legal systems of Russia and the European Union states, assessing the implementation by states of individual anti-corruption measures recommended by GRECO. Based on the results of a comparative study of the implementation of international anti-corruption standards, the authors propose to use the experience of Hungary, Slovenia and the Czech Republic in the Russian legal and economic systems.

Key words: anti-corruption legislation and policy, Russian Federation, Hungary, Slovenia, Czech Republic, GRECO, international experience, anti-corruption.

Несмотря на непрерывное совершенствование антикоррупционного законодательства ситуация с коррумпированностью должностных лиц в России остается весьма сложной. Коррупция наносит

существенный урон демократическим институтам и национальной безопасности, что, в свою очередь, обуславливает регресс или замедление темпов экономического развития и, как следствие,

приводит к сокращению доходов населения и инвестиций.

Безусловно, руководство российского государства осознает наличие данной проблемы и рассматривает коррупцию в качестве серьезного препятствия на пути дальнейшего социально-экономического роста и предпринимает точечные меры и локальные поправки к законодательству, которые не способны кардинально изменить ситуацию в нашей стране, — считает директор Центра Transparency International [1].

Председатель Счетной палаты Российской Федерации Алексей Кудрин заявляет, что уровень коррупции пока не снижается и ущерб от нее может измеряться триллионами рублей [2]. Генеральная прокуратура России, основываясь на данных судебной статистики, оценила ущерб от коррупционных преступлений за 2019 г. в размере около 55,1 млрд рублей [3].

Для более эффективного противодействия коррупционной преступности имеет определенный смысл использовать зарубежный опыт, в частности опыт некоторых европейских стран, которые демонстрируют на этом поприще лучшие результаты среди всех постсоциалистических государств. Кроме того, отправной точкой системной борьбы с коррупцией и в России, и в странах Европейского Союза (ЕС) стала ратификация Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., что позволило им сформировать грамотную антикоррупционную политику, обеспечиваемую хорошо развитой законодательной базой, а в нашей стране привело к созданию комплексной системы антикоррупционных мер, включающей Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, Национальную стратегию противодействия коррупции, утвержденную Указом Президента от 13 апреля 2010 г. № 460, и Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 гг., утвержденный Указом Президента от 16 августа 2021 г. № 478.

Традиционно антикоррупционная политика государства включает два уровня — международный и национальный. Международное правовое регулирование предполагает установление универсальных моделей противодействия различным коррупционным проявлениям и носит наднациональный характер.

При получении независимости Венгрия, Словения и Чехия выбрали курс евроинтеграции и 1 мая 2004 г. стали членами Европейского союза. Напомним, что страна, ставшая кандидатом на вступле-

ние в Европейский Союз, должна соответствовать Копенгагенским критериям. Степень готовности независимого государства к членству в ЕС оценивается по огромному перечню политических и социально-экономических параметров. Одним из таких параметров выступает реформирование судебной системы и борьба с коррупцией.

В ходе реализации данного критерия потенциальные члены должны привести свое законодательство в соответствие с принципами права Европейского союза. В области противодействия коррупции указанные европейские страны имплементировали в национальное законодательство следующие международные нормативные акты [4]:

— Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию, которая представляет собой документ, направленный на координацию в области уголовной ответственности в отношении большого количества деяний, связанных с коррупцией. Конвенция вступила в силу на территории Словении в 2002 г., в Венгрии в 2005 г., а на территории России в 2007 г.;

— Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, предусматривающий антикоррупционные меры, направленные на арбитражных судей и присяжных заседателей. Документ вступил в силу на территории Словении в 2005 г., а на территории России до сих пор не прошел процесс ратификации;

— Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (представляет собой создание системы норм во внутреннем законодательстве эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате коррупции). Данная конвенция вступила в силу в Словении в 2003 г., в Чехии в 2013 г., а Российской Федерацией так и не была подписана.

Успехи ряда европейских стран (Венгрии, Словении, Чехии) в противодействии коррупции по сравнению с Российской Федерацией наглядно подтверждаются многочисленными исследованиями уровня коррупции, проведенными различными международными организациями. Проиллюстрируем сравнительную характеристику состояния коррупции с помощью графиков.

Согласно исследованиям международной неправительственной организации Transparency International (TI), основанным на опросах, проведенных среди экспертов и в деловых кругах, уровень восприятия коррупции в государственном секторе (на примере Словении и России) в период с 1998 по 2019 г. выглядит следующим образом (рис. 1).

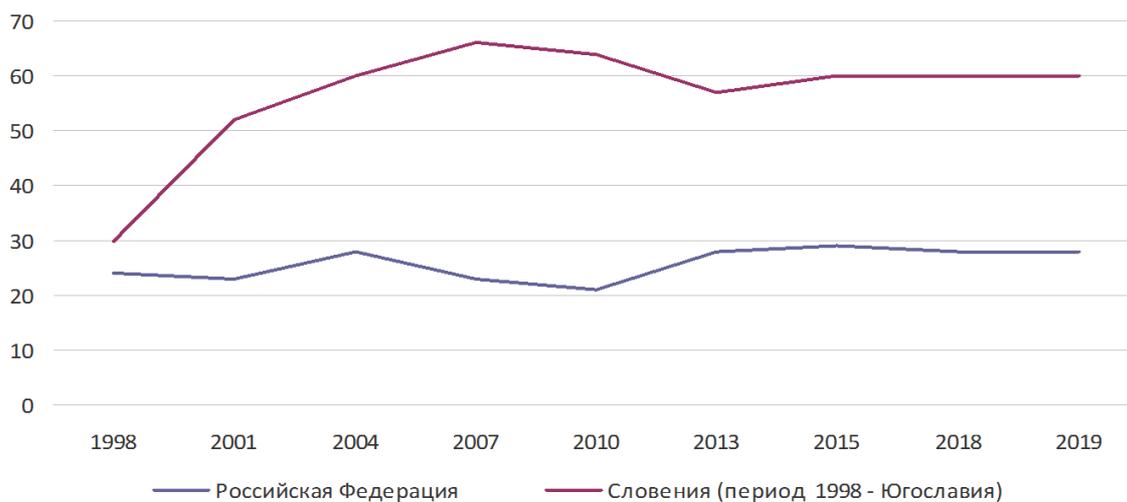

Рис. 1. Индекс восприятия коррупции Transparency International (больше — лучше)

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки усовершенствования национального законодательства в области противодействия и профилактики коррупции в соответствии с нормами международных соглашений Россия в последние несколько лет устойчиво набирает 28—29 баллов из 100 в индексе восприятия коррупции, который составляется Всемирным банком и множеством крупнейших зарубежных организаций, занимающихся прогнозированием и исследованием состояний экономики.

Однако не стоит акцентировать внимание лишь на сведениях, предоставленных TI, так как данный индекс составляется на основе опросов 13 рес-

пондентов, что, на наш взгляд, повышает роль субъективного фактора при подсчете. Полагаем, что более авторитетными источниками являются Всемирный банк (ВБ) и Всемирный экономический форум, которые свыше 20 лет интересуются проблемами коррупции как в отдельных странах, так и в международном масштабе.

Приведенный далее процентный рейтинг отражает представления о степени использования органами государственной власти для своей личной выгоды и мелких, и крупных форм коррупции, а также захвата власти элитами в частных целях (рис. 2).

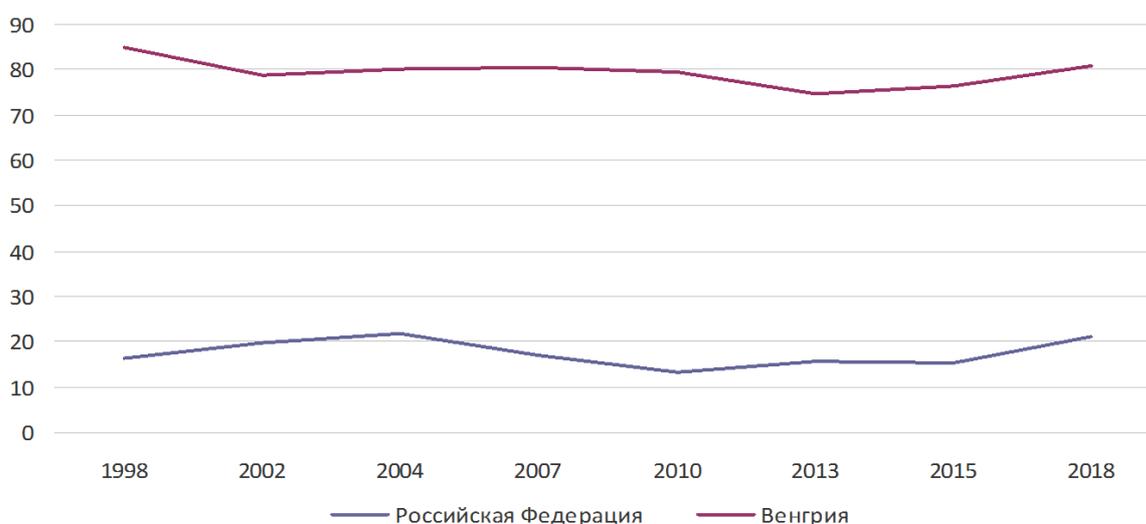

Рис. 2. Процентный рейтинг Всемирного банка (больше — лучше) [5]

Всемирный банк при составлении рейтинга опирается на 82 источника, разделяя их условно на четыре типа: домашние хозяйства и фирмы, поставщики коммерческой бизнес-информации, неправительственные организации (некоммерческие организации), организации государственного сектора.

Представленный график демонстрирует, что и в Российской Федерации, и в Венгрии нет какого-либо серьезного улучшения или ухудшения позиции. Так, обе страны в настоящее время вернулись к своим исходным показателям 2004 г. Отличием выступает лишь разница в занимаемом положении, которая между Россией и Венгрией составляет около 60 % в пользу Венгерского государства, что в очередной раз свидетельствует о большей эффективности антикоррупционной политики ряда европейских государств.

Вместе с тем Всемирный банк обнаружил корреляцию уровня коррупции страны в зависимости от размера ее территории и плотности населения. «Поэтому крупным странам необходимо усили-

вать мониторинг и тяжесть наказания для коррумпированных чиновников сильнее, чем малым, — отмечают в ВБ. — Отметим, что, выдав такую неоднозначную рекомендацию, исследователи признались, что не смогли выявить механизм, отвечающий за вроде бы обнаруженную ими зависимость» [6].

Далее проиллюстрируем индекс глобальной конкурентоспособности всемирного экономического форума, который отображает рейтинг страны в сфере незаконных выплат и взяток, а также нецелевого использования государственных средств. Названный показатель формируется на основании данных 160 партнерских организаций и институтов по всему миру. От каждой страны — участницы всемирного форума выступает как минимум одна организация или институт как источник базы данных. От нашего государства информация представлена Евразийским институтом конкурентоспособности и консалтинговой компанией Strategy Partners, которая берет на себя российскую часть работы и является частью компаний Сбербанка России (рис. 3).

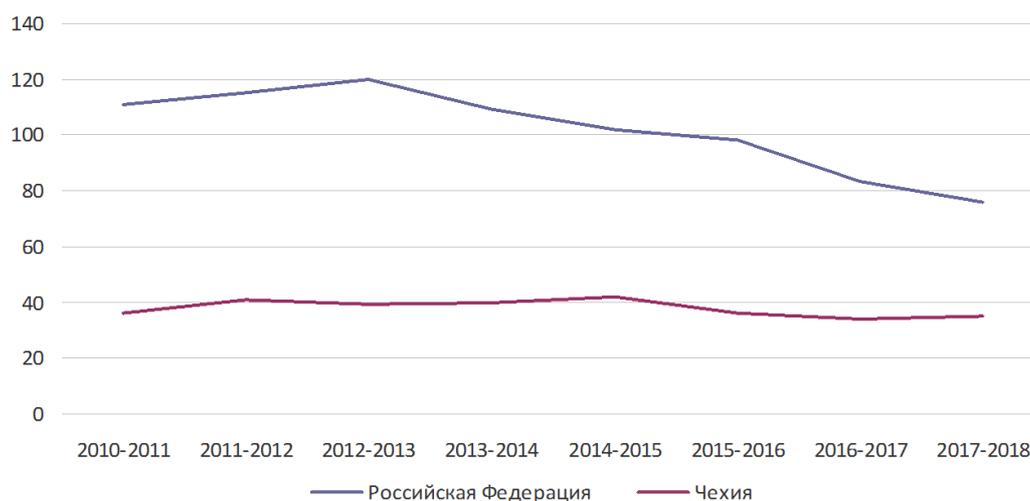

Рис. 3. Индекс глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума в сфере незаконных выплат и взяток (меньше — лучше) [7]

Представленный график обнаруживает определенные успехи России в борьбе с незаконными выплатами и взятками: в период с 2012 по 2018 г. наше государство преуспело в противодействии указанным видам коррупционных преступлений практически в два раза, в то же время позиция Чехии в рейтинге не претерпела сильных изменений. Однако такую оптимистическую динамику по России можно объяснить отсутствием учета в Индексе других форм проявления коррупции: злоупотребления полномочиями, коммерческого под-

купа, кумовства, конфликта интересов. Несмотря на это невозможно отрицать успех России в борьбе с незаконными выплатами и взятками.

Значительную роль в совершенствовании механизмов борьбы с коррупцией играет ГРЕКО — международная организация, созданная Советом Европы, однако участниками этой организации могут быть не только члены Евросоюза, но и любая иная страна. Так, Россия стала членом ГРЕКО в 2007 г.

Главной задачей данной организации является помощь государствам в борьбе с коррупцией путем мониторинга соответствия их законодательства антикоррупционным стандартам Совета Европы.

После проведения мониторинга ГРЕКО рекомендует индивидуальные антикоррупционные меры для каждого государства. В качестве проверки выполнения данных рекомендаций выступают «оценки по раундам», где по каждой конкретной рекомендации указывается, была ли она выполнена, выполнена частично или же не была выполнена вовсе.

В настоящее время заканчивается четвертый раунд оценки и начинается пятый.

Первый и второй раунды рекомендаций носят общий антикоррупционный характер, меры в данных рекомендациях не концентрируются на каком-то определенном круге лиц.

Третий раунд рекомендаций касается криминализации преступных коррупционных деяний и прозрачности финансирования политических партий.

Четвертый раунд рекомендаций направлен на предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров.

Проиллюстрируем итоги всех доступных раундов оценки (на примере Российской Федерации и Словении) (рис. 4, 5).

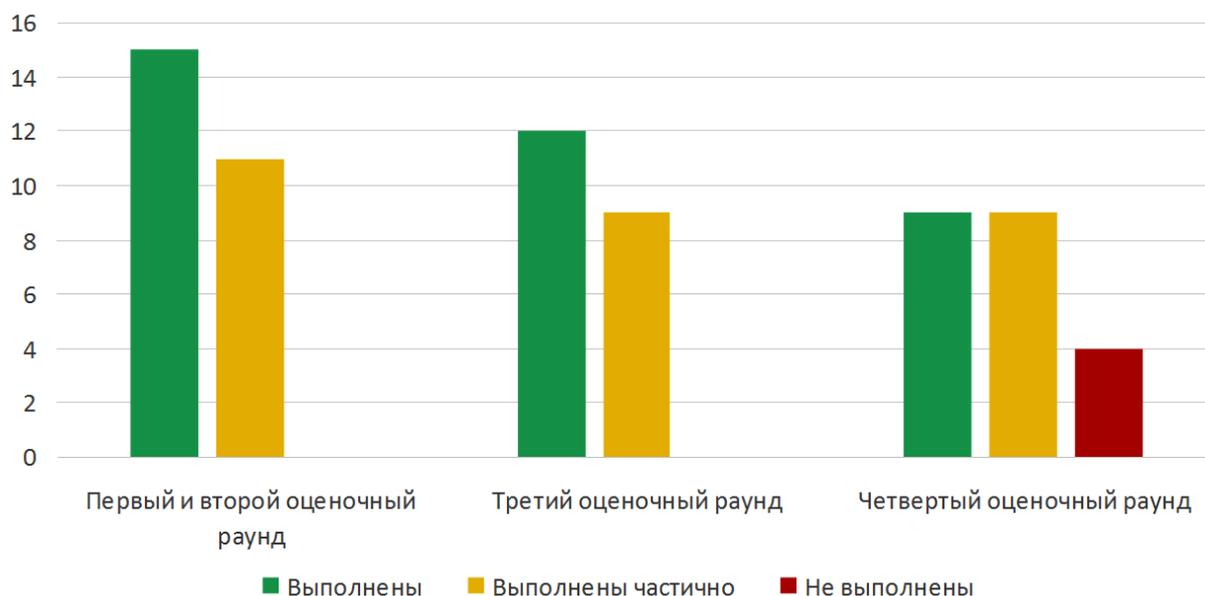

Рис. 4. Итоги оценочных раундов ГРЕКО по Российской Федерации [8]

Данная гистограмма показывает, что по всем раундам были полностью выполнены лишь 36 рекомендаций из 69, что соответствует 52 процентам. Показательно, что по первому, второму и третьему раунду нашим правительством выполняется более половины рекомендаций. Результаты четвертого раунда являются не такими позитивными. По итогам очередного раунда ГРЕКО пришла к выводу, что Российская Федерация удовлетворительным образом выполнила или приняла удовлетворительные меры по 9 из 22 рекомендаций, содержащихся в Оценочном докладе четвертого раунда. Девять рекомендаций выполнены частично,

а четыре рекомендации не выполнены. В то же время ГРЕКО отмечает, что в отношении членов парламента и прокуроров был достигнут некоторый прогресс. В отношении судей по оценке ГРЕКО были сделаны определенные шаги по выполнению ряда рекомендаций, при этом многие конкретные результаты еще не достигнуты. В связи с этим ГРЕКО предлагает главе делегации Российской Федерации представить дополнительную информацию об имплементации невыполненных и выполненных частично рекомендаций до 30 июня 2021 г. [9]

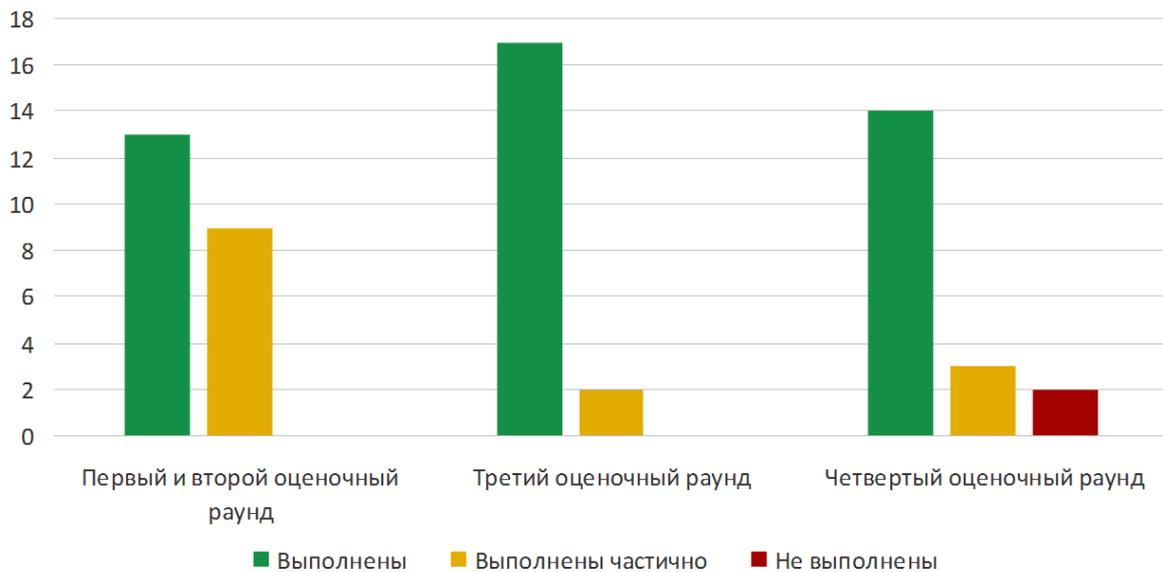

Рис. 5. Итоги оценочных раундов ГРЕКО по Словении

Анализируя гистограмму по Словении, можно сказать, что эта страна выполняет куда большее количество рекомендаций, выдвигаемых ГРЕКО. Так, по итогам всех раундов правительство Словении выполнило 44 рекомендации из 60, что соответствует 72 %.

Проведем сравнительное исследование реализации международных антикоррупционных стандартов, предусмотренных Конвенцией ООН против коррупции в национальном праве стран — участниц ГРЕКО — России, Венгрии, Словении, Чехии.

Согласно ст. 17 Венской конвенции о праве международных договоров государство может присоединиться лишь к части договора, если подобное допускается соглашением или если с этим согласны другие договаривающиеся государства. Диспозитивный характер положений Конвенции против коррупции позволяет странам-участницам ратифицировать отдельные статьи и пункты данного соглашения. Отметим, что и Россия, и ряд указанных европейских стран подписали Конвенцию с изъятием отдельных норм, что обуславливает определенную критику со стороны как российской общественности, так и представителей истеблишмента. Некоторые замечания у теоретиков и практиков в России вызывают нератифицированные положения, закрепляющие ответственность юридических лиц (ст. 26), устанавливающие механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации

(ст. 54), предусматривающие возвращение активов и распоряжение ими (ст. 57).

Наибольший интерес критиков вызывает отсутствие криминализации незаконного обогащения в Российском законодательстве (ст. 20 Конвенции). На протяжении последнего десятилетия неоднократно предпринимались попытки внесения в Госдуму законопроекта о внедрении статьи, устанавливающей ответственность за незаконное обогащение, в юридическое поле России. Так, в 2013 г. Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев заявил, что Минюст готовит ряд предложений по 20-й статье Конвенции ООН [10]. Но на сегодня данный вопрос так и не был решен.

Считаем, что не совсем обоснованно связывать недостаточную эффективность существующих мер противодействия с отсутствием криминализации незаконного обогащения в Уголовном кодексе Российской Федерации.

В отечественном законодательстве предусмотрены альтернативные механизмы контроля за сомнительными доходами чиновников. Каждый год госслужащие сдают декларации о доходах и имуществе. Еще в 2012 г. был принят закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», который дает право прокурорам обращаться в суд, чтобы забрать в доход государства недвижимость, автомобили и ценные бумаги, принадлежащие чиновникам, если нет подтверждения законности их приобретения, а стои-

мость превышает официальный доход семьи за предыдущие три года.

Система успешно работает. По данным Генпрокуратуры, в прошлом году судами по искам прокуроров взыскано с чиновников в пользу государства имущества на сумму свыше 20 млрд рублей. Стоит отметить, что в настоящее время взыскание в доход государства не распространяется на денежные средства, однако в Госдуме уже внесен проект соответствующих поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации, разработанный Министерством юстиции России; также в Министерстве финансов России готовят необходимые изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Если говорить об опыте Венгрии, Словении и Чехии, то нужно отметить, что данными странами тоже не была введена уголовная ответственность за незаконное обогащение. Вместо этого там созданы системы декларирования своих активов и установлены жесткие правовые последствия нарушения обязательств по раскрытию финансовой информации. Кроме того, в законодательстве указанных стран закреплены механизмы международного сотрудничества в деле конфискации имущества, а также уголовная и административная ответственность для юридических лиц.

В ходе реализации некоторых положений конвенции Словенией была также создана Комиссия по предупреждению коррупции, в Чехии был организован Департамент по конфликтам интересов и борьбы с коррупцией Министерства юстиции, в Венгрии — Департамент по предупреждению коррупции. Перечисленные антикоррупционные органы имеют определенные исполнительные, надзорные и следственные полномочия: занимаются выявлением и расследованием предполагаемых коррупционных преступлений, защитой заявителей, ограничениями на получение подарков и финансовые операции, контролем финансового положения должностных лиц.

Все большая глобализация экономических отношений между странами приводит к тому, что коррупция приобретает транснациональный характер и становится одной из ключевых проблем для мирового сообщества. В свою очередь европейский конвенционный механизм выводит антикоррупционные меры на новый уровень. Так, договор о Европейском Союзе устанавливает приоритет сотрудничества правоохранительных органов по уголовным делам в сфере борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, которые декларируются

в качестве чрезвычайной угрозы для стран ЕС. К данному виду преступлений также относятся преступления коррупционной направленности.

Закрепленные законодательством интеграционные процессы, происходящие в ЕС, привели к созданию новых специализированных межгосударственных организаций, занимающихся вопросами экономической безопасности. К данным организациям можно отнести Европейскую организацию полиции, Европейскую организацию по вопросам юстиции, Европейское бюро по борьбе с мошенничеством. Полагаем, что введение подобной структуры в нашем государстве, например в Договор о союзном государстве с Республикой Беларусь, Содружество Независимых Государств или Шанхайскую организацию сотрудничества, позволит усовершенствовать существующие антикоррупционные меры.

Таким образом, международный аспект борьбы с коррупцией играет важную роль внутри отдельно взятого государства. Выполнение большинства рекомендаций ГРЕКО и ратификация отдельных положений Конвенции ООН против коррупции позволили Венгрии, Словении и Чехии создать антикоррупционную базу, цель которой состоит в профилактике и предотвращении коррупционных преступлений.

Не меньшее значение имеет и экономическая интеграция Венгрии, Словении и Чехии с сопредельными государствами, приведшая к созданию совместных методов борьбы с коррупцией.

На основании изложенного считаем уместным использовать опыт указанных европейских стран применительно к современной российской действительности следующим образом:

1. Объединить усилия правоохранительных органов в борьбе с коррупцией под руководством Председателя Совета Безопасности Российской Федерации.

2. Принять меры к созданию технической базы, позволяющей дальнейшую интеграцию с сопредельными государствами.

3. Предоставить возможность специализированным межгосударственным организациям, занимающимся вопросами экономической безопасности, беспрепятственно осуществлять свою деятельность на территории Российской Федерации.

4. В случае реализации данных нововведений не реже раза в год осуществлять мониторинг противодействия коррупции.

Уверены, что использование зарубежного опыта повысит уровень правопорядка в России.

1. Transparency International. URL: <https://transparency.org.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).

2. Алексей Кудрин: ущерб от коррупции в России можно измерять триллионами. URL: <https://ria.ru/20200114/1563387576.html> (дата обращения: 15.01.2021).

3. Взятка в особом размере. URL: <https://rg.ru/2020/03/30/v-genprokurature-podschitali-ushcherb-ot-korruptcii.html> (дата обращения: 15.01.2021).

4. Полный список договоров Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list> (дата обращения: 17.01.2021).

5. Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents#docReading> (accessed: 17.01.2021).

6. Всемирный банк увидел зависимость уровня коррупции от размеров страны. URL: <https://pasm.ru/archive/234863/> (дата обращения: 20.01.2021).

7. Global Competitiveness Index. URL: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/downloads/?doing_wp_cron=1599988158.9054410457611083984375 (accessed: 20.01.2021).

8. Evaluations Council of Europe. URL: [https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations#{%222235946%22:\[2\]}](https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations#{%222235946%22:[2]}) (accessed: 21.01.2021).

9. Доклад о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО. URL: <http://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2020.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).

10. Медведев: РФ готовит предложения по коррупционной статье Конвенции ООН. URL: <https://ria.ru/20131206/982436132.html#ixzz2rnsiLel7> (дата обращения: 21.01.2021).

© Блинков А. П., Садовый С. Х., 2021

1. Transparency International. Available from: <https://transparency.org.ru/>. Accessed: 15 January 2021 (in English).

2. Alexey Kudrin: the damage from corruption in Russia can be measured in trillions. Available from: <https://ria.ru/20200114/1563387576.html>. Accessed: 15 January 2021 (in Russian).

3. Special amount of bribe. Available from: <https://rg.ru/2020/03/30/v-genprokurature-podschitali-ushcherb-ot-korruptcii.html>. Accessed: 15 January 2021 (in Russian).

4. Complete list of treaties of the Council of Europe. Available from: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list>. Accessed: 17 January 2021 (in Russian).

5. Worldwide Governance Indicators. Available from: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents#docReading>. Accessed: 17 January 2021 (in English).

6. The World Bank saw the dependence of the level of corruption on the size of the country. Available from: <https://pasm.ru/archive/234863/>. Accessed: 20 January 2021 (in Russian).

7. Global Competitiveness Index. Available from: http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/downloads/?doing_wp_cron=1599988158.9054410457611083984375. Accessed: 20 January 2021 (in English).

8. Evaluations Council of Europe. Available from: [https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations#{%222235946%22:\[2\]}](https://www.coe.int/en/web/greco/evaluations#{%222235946%22:[2]}). Accessed: 21 January 2021 (in English).

9. Report on the implementation by the Russian Federation of the recommendations of GRECO. Available from: <http://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2020.pdf>. Accessed: 21 January 2021 (in Russian).

10. Medvedev: RF is preparing proposals on the corruption article of the UN Convention. Available from: <https://ria.ru/20131206/982436132.html#ixzz2rnsiLel7>. Accessed: 21 January 2021 (in Russian).

© Blinkov A. P., Sadovy S. Kh., 2021

Блинков Александр Павлович,
начальник кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: ablinkov3@mvd.ru

Садовый Самир Хаганинович,
специалист по учебно-методической работе
юридического факультета
Волжского института экономики,
педагогика и права;
e-mail: sadovyysamir@yandex.ru

Blinkov Alexander Pavlovich,
head of the department
of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: ablinkov3@mvd.ru

Sadovy Samir Khaganinovich,
specialist in educational and methodical work
of the faculty of law
of Volzhsky institute of economics,
pedagogy and law;
e-mail: sadovyysamir@yandex.ru

***

УДК 343.244
ББК 67.408.06
doi: 10.25724/VAMVD.VLMN

В. Ф. Борисова, Н. В. Слесивов

**ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПОРЯДКА ПОМЕЩЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
ЗАКРЫТОГО ТИПА¹**

В статье исследуются недостатки правового регулирования помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Авторы констатируют неопределенность правовой природы помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, которая в зависимости от категории несовершеннолетних может считаться административной либо уголовно-процессуальной процедурой. Сделаны выводы о дисбалансе публичных и частных интересов не в пользу несовершеннолетнего в судебном разбирательстве, наличии широкого круга дискреционных полномочий у судьи, недостаточной регламентации процессуального положения участников дела и непривлечения к участию в процессе субъектов, обеспечивающих соблюдение прав несовершеннолетних. Ряд нарушений прав детей вызван проблемами организации системы специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, а именно: удаленностью учреждений от места проживания детей, слабым применением внесудебных мер к несовершеннолетним, негибкостью в применении воспитательных мер. На основании зарубежного опыта авторы сделали актуальные предложения по изменению подхода к помещению несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения.

Ключевые слова: специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, несовершеннолетние, меры воспитательного воздействия.

V. F. Borisova, N. V. Spesivov

**GAPS IN THE LEGAL REGULATION
OF THE POSITION OF MINORS
IN SPECIAL EDUCATIONAL AND EDUCATIONAL
CLOSED INSTITUTIONS**

The article examines the shortcomings of the legal regulation of the placement of minors in special educational institutions of a closed type. The authors state the uncertainty of the legal nature of the placement of minors in special educational institutions of a closed type, which, depending on the category of minors placed in special educational institutions of a closed type, can be considered an administrative or criminal procedural procedure. In the course of the study, conclusions were drawn about the imbalance of public and private interests not in favor of the minor in court proceedings, the presence of a wide range of discretionary powers in the judge, insufficient regulation of the procedural status of the participants in the case and the lack of involvement in the process of subjects ensuring the observance of rights juveniles. A number of violations of the rights of children are caused by the problems of organizing the system of special educational institutions of a closed type, namely: the remoteness of institutions from the place of residence of children, weak use of extrajudicial measures against minors, inflexibility in the application of educational measures. Based on foreign experience, the authors made relevant proposals to change the approach to the placement of minors in special educational institutions.

Key words: special educational institutions of a closed type, minors, measures of educational influence.

Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации характеризуется тенденцией к гуманизации по отношению к несовершеннолет-

ним правонарушителям, связанной с постепенным переходом от карательных к реабилитационным мерам. Идеи гуманизации отражены в Концепции

федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017—2025 г.)» [1], направленной на повышение гарантий соблюдения прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, осужденных в соответствии с международными стандартами. Среди задач программы указывается гуманизация пенитенциарной системы; расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы.

Действующее уголовное законодательство имеет значительные резервы для оптимизации практики применения норм, содержащих основания и условия освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания и назначения принудительных мер воспитательного воздействия, поэтому им как альтернативе уголовному наказанию в следственной и судебной практике стало уделяться все большее внимание. В качестве меры освобождения от наказания несовершеннолетних уголовный закон предусматривает возможность помещения детей в специальные учебно-воспитательные учреждения [2, с. 201]. Осуществление данной меры воспитательного воздействия осложнено недостатками правовой регламентации, неопределенностью ее правовой природы в системе принудительных мер воспитательного воздействия, отсутствием единообразного толкования оснований, условий и порядка направления несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения. В юридической литературе отмечается промежуточное положение меры по помещению несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУ ЗТ) между уголовным наказанием и принудительными воспитательными мерами. В зависимости от категории помещаемых в СУВУ ЗТ несовершеннолетних эта мера может считаться административной либо уголовно-процессуальной процедурой [2, с. 201].

Порядок рассмотрения судами материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа установлен ст. 27, 28 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ФЗ № 120).

Для решения вопроса о возможности помещения несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в СУВУ ЗТ начальник органа внутренних дел или прокурор направляют в суд по месту жительства (пребывания) несовершеннолетнего, а в случае его отсутствия — по месту фактического нахождения несовершеннолетнего

имеющиеся материалы. Материалы о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа рассматриваются судьей в течение 10 суток со дня их поступления в суд.

Положения ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) служат источником для проявления усмотрения суда. Оно заключается в использовании судьей дискреционных полномочий по определению нужды несовершеннолетнего в особых условиях воспитания и обучения, а также по установлению срока нахождения подростка в специальном закрытом учебном учреждении [3, с. 47]. Дискреционные полномочия в решении процессуальных вопросов предоставлены суду на основании ч. 2 ст. 28 ФЗ № 120. На усмотрение судьи остается вопрос о привлечении в судебное разбирательство иных лиц (медицинских работников, проводивших обследование несовершеннолетнего [4], специалистов по социальной работе, психолога, педагога, классного руководителя [5, с. 46]). В то же время для несовершеннолетнего осужденного, его родителей, адвоката, прокурора, представителей специального учреждения и комиссии по делам несовершеннолетних согласно ч. 5 ст. 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) установлено императивное участие в деле. Между тем подростку должна быть гарантирована качественная и доступная юридическая помощь, психологическое и педагогическое сопровождение. Эти требования вытекают из контекста международных актов, регулирующих предупреждение преступности, осуществление правосудия, применение мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних с девиантным поведением. Так, п. 10.3 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил), гласит: «Контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ей или ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела». Согласно п. 17.1 Пекинских правил «меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества» [6].

Кроме того, международной судебной практикой выявлен еще один существенный пробел в области соблюдения прав несовершеннолетних при назначении мер воспитательного воздействия. Фактически к детям применяется ограничение свободы в условиях отсутствия на уровне государства ответственности за незаконное помещение подростков в специальные закрытые учебные заведения.

Европейский Суд по правам человека констатировал в Постановлении «Блюдик (Blyudik) против Российской Федерации» (жалоба № 46401/08) от 25 июня 2019 г. несоблюдение ст. 5, 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которое выразилось в нарушении права на свободу и личную неприкосновенность несовершеннолетней [7]. Дочь заявителя была незаконно помещена в СУВУ ЗТ без привлечения к уголовной и административной ответственности, что привело к разрыву семейных связей из-за удаленности учреждения, в которое была помещена К., от ее родного города (2 500 км), цензуре переписки. Российское законодательство не предусматривает выплаты компенсации материального ущерба и морального вреда органами государственной власти за вынесение неправосудного решения о помещении несовершеннолетнего в СУВУ ЗТ. Следовательно, судебный контроль должен осуществляться при максимальном уровне обеспечения несовершеннолетнему средств процессуальной защиты, законности и обоснованности выносимых судебных решений.

Таким образом, следует заключить, что современные редакции национальных правовых норм не обеспечивают несовершеннолетним правонарушителям необходимых процессуальных гарантий в ситуации, когда они являются отвечающей стороной в судебной тяжбе с государственными правоохранительными органами. Вместе с тем соблюдение прав несовершеннолетних при помещении в СУВУ ЗТ в первую очередь зависит от четкой фиксации в законе порядка рассмотрения данной категории дел с учетом баланса частных и публичных интересов. В связи с этим был разработан законопроект, посвященный новой процедуре помещения несовершеннолетних в СУВУ ЗТ.

Проект Федерального закона № 618625-7 предусматривает рассмотрение изучаемой категории дел в порядке административного судопроизводства [8]. Согласно законопроекту в Кодексе административного судопроизводства (КАС РФ) должны появиться две новые главы, посвященные производству по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних

правонарушителей, а также с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. В законопроекте фиксируются требования к административному исковому заявлению и прилагаемым к нему документам, сроки рассмотрения дела, порядок проведения судебного слушания в открытом или закрытом режиме, назначения представителя для несовершеннолетнего в случае его отсутствия; предусмотрено обязательное участие в деле прокурора, однако формы его участия выглядят размыто. В законопроекте обозначены обстоятельства, подлежащие выяснению судом; требования к порядку вынесения и обжалования судебного решения. Персона административного ответчика в законопроекте прямо не обозначена. Из частей 5, 8 ст. 285¹⁶ следует, что административное исковое заявление подается в отношении несовершеннолетнего. Очень спорно положение о том, что в качестве административного ответчика по административному иску, поданному прокурором или должностным лицом органа внутренних дел, может выступать несовершеннолетний ребенок от 11 до 18 лет. Суть административного судопроизводства заключается в контроле за действиями органов публичной власти. В делах изучаемой категории публичная власть преследует несовершеннолетнего ребенка, пусть даже правонарушителя. В такой постановке вопроса сохраняется нарушение баланса частных и публичных интересов, а также нарушение принципа равенства между стороной административного истца — представителем органа государственной власти и стороной административного ответчика в лице ребенка и его законных представителей, с явным перевесом в пользу первого. Проблема привлечения в судебное разбирательство комиссий по делам несовершеннолетних решена непоследовательно. В статье 285⁹ говорится о возможности привлечения к участию в деле, связанном с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, комиссии по делам несовершеннолетних в качестве заинтересованного лица. В отношении дел, связанных с помещением несовершеннолетнего правонарушителя в СУВУ ЗТ, такое правило не предусмотрено. Суд должен привлекать комиссии по делам несовершеннолетних в процесс в обоих случаях по причине возложения на них обязанности по рассмотрению материалов для принятия решения о возбуждении перед судом ходатайства о помещении ребенка в СУВУ ЗТ [9]. Того же мнения придерживается Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, которая опубликовала пра-

вовую позицию о Проекте Федерального закона № 618625-7, указав на недопустимость привлечения комиссии по делам несовершеннолетних к участию в деле по усмотрению суда, поскольку это может ухудшить положение несовершеннолетнего [10]. Следовательно, законопроект следует признать нуждающимся в доработке, поскольку любые изменения, снижающие гарантии соблюдения прав несовершеннолетних в судебном процессе, недопустимы.

Проблема гуманного подхода к наказанию детей не решается исключительно модернизацией законодательства в связи с тем, что необходимы изменения системы специальных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Действующая система СУВУ ЗТ имеет жесткую иерархию и не предполагает альтернативного применения мер воспитательного воздействия, в то время как понижающая альтернатива становится трендом в системе наказаний в мировой практике [11].

Система специальных учебно-воспитательных учреждений базируется на положениях пп. 4, 5, 6 ст. 22 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, согласно которым образовательная организация в зависимости от того, кем она создана, является государственной, муниципальной или частной. Государственной образовательной организацией является образовательная организация, созданная Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации.

В систему специальных учебно-воспитательных учреждений входят:

1. Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа (СУВУ ОТ), подведомственные органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования. Данные учреждения представлены государственными бюджетными общеобразовательными и профессиональными образовательными учреждениями, государственными казенными общеобразовательными учебно-воспитательными учреждениями, а также муниципальными бюджетными общеобразовательными учреждениями.

2. Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. К ведению Министерства просвещения Российской Федерации относятся СУВУ ЗТ, имеющие статус федерального государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения. Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере

образования, подведомственны государственные бюджетные общеобразовательные специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа принимают для содержания, воспитания и обучения лиц в возрасте от восьми до восемнадцати лет, требующих специального педагогического подхода. Помещение несовершеннолетних в специальное учреждение производится на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, заключения психолого-медико-педагогической комиссии и при наличии согласия родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, а также согласия несовершеннолетних, достигших возраста четырнадцати лет. Согласно п. 7 Приказа Минпросвещения России «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа» от 17 июля 2019 г. № 381 [12] в учреждения открытого типа могут быть направлены обучающиеся с устойчивым противоправным поведением; отказывающиеся посещать общеобразовательные организации; испытывающие трудности в социальной адаптации.

Целями помещения несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является ограждение от контакта с криминальной средой во избежание совершения повторных правонарушений, обеспечение контроля за их поведением, реализация права на образование, применение мер по реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних. В специальные учебно-воспитательные учреждения помещаются обучающиеся, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода.

Несмотря на серьезные меры по совершенствованию деятельности СУВУ ЗТ, предпринятые за 20 лет и направленные на организацию психолого-медико-педагогической реабилитации несовершеннолетних, медицинское обслуживание, получение образования, организацию спортивных секций, кружков, реализацию программ формирования законопослушного поведения несовершеннолетних, многие проблемы полностью решить не удалось. Они существенно снижают эффективность применения помещения несовершеннолетних в СУВУ ЗТ как меры воспитательного воздействия. Среди негативных явлений следует отметить:

— отсутствие согласованной правовой базы и методических рекомендаций для направления несовершеннолетних из одного региона в другой для помещения в СУВУ ЗТ;

— отсутствие возможностей для реабилитации ряда категорий правонарушителей и малое количество специальных учреждений закрытого типа для подростков с отклонениями в развитии;

— слабую материально-техническую базу СУВУ ЗТ;

— недостаточную укомплектованность штата педагогических и медицинских работников специальных учебно-воспитательных учреждений [13];

— низкую пропускную способность СУВУ ЗТ;

— низкие показатели численности несовершеннолетних осужденных, направленных по приговору суда в СУВУ ЗТ [14, с. 839];

— высокий процент рецидивов среди несовершеннолетних выпускников СУВУ ЗТ как следствие изъянов в социализации личности во время нахождения в СУВУ ЗТ, отсутствия сопровождения специалиста (куратора) для успешной социализации после возвращения из СУВУ ЗТ [15], возвращения в девиантную среду;

— самовольные уходы несовершеннолетних из СУВУ ЗТ.

Кроме того, эффективность применения мер воспитательного воздействия существенно снижают следующие обстоятельства:

— уклонение органов внутренних дел от привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Это является причиной формирования у подростков представления о безнаказанности, и как следствие, повторность совершения ими правонарушений;

— отсутствие ювенальных судов, и как следствие, рассмотрение материалов в отношении несовершеннолетних районными судами, ориентированными на «взрослое» правосудие с соответствующим опытом назначения наказания за совершенное преступление;

— недостаточная активность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по принятию решений и подготовке материалов для направления детей в СУВУ ЗТ;

— отсутствие механизма судебного контроля за исполнением судебных актов по применению меры воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетних в СУВУ ЗТ.

На национальном уровне в качестве мер организационно-правового и экономического характера, направленных на устранение вышеназванных проблем, рекомендуется:

— расширение перечня несовершеннолетних, направляемых в СУВУ ЗТ;

— введение специализации судей, ориентированных на осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних;

— приведение производства по делам о помещении несовершеннолетних в СУВУ ЗТ в соответствие национальным и международным стандартам;

— совершенствование правовых норм, регулирующих порядок применения принудительных мер воспитательного воздействия, а также порядок помещения несовершеннолетних правонарушителей в СУВУ ЗТ;

— создание ресурсных центров на базе специальных учебно-воспитательных учреждений;

— повышение квалификации руководителей, преподавателей, психологов СУВУ ЗТ;

— усиление социального контроля за лицами, вернувшимися из СУВУ ЗТ.

Анализ документов, регулирующих назначение уголовных наказаний несовершеннолетним в Канаде [16], Швеции [17], Франции [18], а также исследование системы специальных учебно-воспитательных учреждений этих государств позволяет выделить положения, которые могут быть интегрированы в российскую практику применения мер воспитательного воздействия в отношении подростков:

— индивидуализация применения мер воспитательной работы;

— создание специализированного органа по судебной защите прав несовершеннолетних (по аналогии с Комитетом правосудия по делам молодежи во Франции, Альтернативной организацией правосудия молодежи в Канаде);

— многоступенчатость воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, дифференцируемых по количеству принимаемых детей и их возрасту, по степени строгости осуществляемого надзора, по степени необходимости ограничения свободы;

— создание общественных организаций, отвечающих за применение внесудебных мер к несовершеннолетним правонарушителям, оказывающих консультативную помощь детям и их семьям;

— привлечение несовершеннолетних правонарушителей к волонтерской работе в качестве меры воздействия;

— создание службы пробации;

— применение предварительного заключения в отношении несовершеннолетнего;

— активное применение внесудебных мер воспитательного характера к несовершеннолетним;

— разделение срока помещения несовершеннолетних в реабилитационные центры на пребывание в центре и за его пределами.

Одним из наиболее действенных способов повышения эффективности помещения несовершеннолетних в учебно-воспитательные учреждения как меры воспитательного воздействия является совершенствование сети данных учебных заведений. С организационно-экономической точки зрения возможно рассмотрение нескольких моделей специализированных учебно-воспитательных учреждений:

— передача всей системы специальных учебно-воспитательных учреждений в ведение субъектов Российской Федерации;

— система специализированных учебно-воспитательных учреждений, действующая на основе федерального и регионального софинансирования;

— организация деятельности специализированных учебно-воспитательных учреждений в рамках государственно-частного партнерства.

Первая модель имеет свои недостатки в силу неравного финансирования образовательных учреждений регионами и децентрализации управления системой специализированных учебно-воспитательных учреждений.

Вторая модель софинансирования имеет право на существование, поскольку позволит расширить сеть региональных специализированных учебно-воспитательных учреждений, а также увеличить количество мест в них при условии включения соот-

ветствующих мероприятий в государственную программу.

Третья модель предполагает привлечение организаций-партнеров, формирование сетевого взаимодействия между участниками государственно-частного партнерства с целью решения задач по привлечению финансирования и улучшению качества реализуемых реабилитационных программ, методического сопровождения и повышению квалификации педагогического состава специализированных учебно-воспитательных учреждений, усилению контакта между родителями, учреждениями, партнерами проектов. В качестве наиболее приемлемой формы реализации государственно-частного партнерства в сфере деятельности моделей специализированных учебно-воспитательных учреждений рассматриваются контракты или административные договоры.

Таким образом, в сложившихся условиях особую значимость приобретает совершенствование законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, реформирование системы специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, повышение эффективности их деятельности с учетом международных стандартов осуществления правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и зарубежного опыта применения внесудебных мер к несовершеннолетним правонарушителям.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00686.

1. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017—2025 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р // СЗ РФ. 2017. № 2 (Ч. II), ст. 413.

2. Евстифеева Е. В. Теоретические проблемы правовой регламентации оснований освобождения от наказания несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 198—202.

3. Зубенко В. М. К вопросу об освобождении несовершеннолетних от наказания с помещением в закрытое воспитательное учреждение: некоторые аспекты ювенальной уголовной политики в России // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 47—52.

4. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правона-

1. Order of the Government of the Russian Federation No. 2808-r on 23 December 2016. "On Approval of the Concept of the Federal Target Program" Development of the Penitentiary System (2017—2025)". Collection of legislation of Russian Federation. 2017; No. 2 (Part II); Art. 413 (in Russian).

2. Evstifeeva E. V. Theoretical problems of legal regulation of the grounds for releasing minors from punishment. Bulletin of the Saratov state law academy, 198—202, 2017 (in Russian).

3. Zubenko V. M. On the issue of releasing minors from punishment with placement in a closed educational institution: some aspects of juvenile criminal policy in Russia. Law and modern states, 47—52, 2013 (in Russian).

4. Bevzyuk E. A., Biryukova T. A., Vakhrusheva Yu. N., Polit O. I. (et al.) Commentary on the Federal Law No. 120-FZ on 24 June 1999. "On the Foundations

рушений несовершеннолетних» (постатейный) / Е. А. Бевзюк, Т. А. Бирюкова, Ю. Н. Вахрушева, О. И. Полит, Н. Ю. Тимофеева. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Митягин Ю. В., Яшина А. А. Актуальные проблемы рассмотрения судами дел о помещении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, в спецучреждение // Российский судья. 2018. № 8. С. 44—48.

6. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Блюдик (Blyudik) против Российской Федерации: постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2019 г. (жалоба № 46401/08). URL: <https://european-court-help.ru/de-lo-46401-08-bliudik-protiv-rossii> (дата обращения: 20.06.2021).

8. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон „Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних“»: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 25 декабря 2018 г. URL: http://www.vsrp.ru/press_center/news/27504/ (дата обращения: 20.06.2021).

9. Ильгова Е. В., Борисова В. Ф., Спесивов Н. В. Проблемы правового регулирования участия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в рассмотрении судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 60—66.

10. Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов РФ о проекте Федерального закона № 618625-7. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/the-legal-position-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation_28.06.19/ (дата обращения: 21.06.2021).

11. Brovkina A., Vezlomtsev V., Zakharova S., Shuranova O. System of criminal penalties of Russian Federation: legal regulation and sentencing practice // E3S Web of Conferences 135(1):04066. URL: https://www.researchgate.net/publication/337734495_System_of_criminal_penalties_of_Russian_federation_legal_regulation_and_sentencing_practice (accessed: 20.06.2021).

of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (itemized). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Mityagin Yu. V., Yashina A. A. Actual problems of court consideration of cases on placing a person under the age of criminal responsibility in a special institution. Russian judge, 44—48, 2018 (in Russian).

6. UN Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules), adopted on 29 November 1985 by General Assembly resolution 40/33. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

7. Judgment of the European Court of Human Rights on 25 June 2019. "Blyudik v. Russian Federation" (application No. 46401/08). Available from: <https://european-court-help.ru/delo-46401-08-bliudik-protiv-rossii>. Accessed: 20 June 2021 (in Russian).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 on 25 December 2018. "On the submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the draft federal law "On Amendments to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the Federal Law "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency". Available from: http://www.vsrp.ru/press_center/news/27504/. Accessed: 20 June 2021 (in Russian).

9. Ilgova E. V., Borisova V. F., Spesivov N. V. Problems of legal regulation of the participation of commissions on minors' affairs and protection of their rights in court consideration of cases related to the stay of a minor in a special educational institution of a closed type. Legal policy and legal life, 60—66, 2020 (in Russian).

10. The legal position of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on the draft Federal Law No. 618625-7. Available from: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/the-legal-position-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation_28.06.19/. Accessed: 21 June 2021 (in Russian).

11. Brovkina A., Vezlomtsev V., Zakharova S., Shuranova O. System of criminal penalties of the Russian Federation: legal regulation and sentencing practice. In: E3S Web of Conferences 135(1):04066. Available from: https://www.researchgate.net/publication/337734495_System_of_criminal_penalties_of_Russian_federation_legal_regulation_and_sentencing_practice. Accessed: 20 June 2021 (in English).

12. Order of the Ministry of Education of Russia No. 381 on 17 July 2019. "On approval of the Pro-

12. Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа: приказ Минпросвещения России от 17 июля 2019 г. № 381 (зарегистрирован в Минюсте России 30 августа 2019 г. № 55790) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2021).

13. О расширении сети специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого и открытого типа, повышении их роли в индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними: приказ Министерства образования РФ от 2 ноября 2001 г. № 1303/285. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Качалова О. В., Марковичева Е. В., Николук В. В., Смирнова И. Г. Направление несовершеннолетних осужденных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, вып. 5. С. 837—845.

15. О направлении методических рекомендаций: письмо Министерства образования и науки РФ от 28 июля 2016 г. № 07-3188. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71381180/> (дата обращения: 20.06.2021).

16. Youth Criminal Justice Act. URL: <https://www.law-lois.justice.gc.ca/eng/acts/y-1.5/index.html> (accessed: 20.06.2021).

17. Lag (1964:167) med särskilda bestämmelser om unga lagöverträdare. URL: <http://www.notisum.se/rnp/document/?id=19640167> (accessed: 20.06.2021).

18. LOI n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018—2022 et de réforme pour la justice. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000038261631/> (accessed: 20.06.2021).

cedure for organizing and carrying out the activities of special educational and educational institutions of open and closed type" (registered with the Ministry of Justice of Russia on 30 August 2019 No. 55790). In: Official Internet portal of legal information. Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. Accessed: 20 June 2021 (in Russian).

13. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 1303/285 on 2 November 2001. "On expanding the network of special educational institutions of closed and open type, increasing their role in individual preventive work with minors". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

14. Kachalova O. V., Markovicheva E. V., Nikolyuk V. V., Smirnova I. G. Sending juvenile convicts to special educational institutions of a closed type. All-Russian criminological journal, 837—845, 2019 (in Russian).

15. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 07-3188 on 28 July 2016. "On the direction of methodological recommendations". Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71381180/>. Accessed: 20 June 2021 (in Russian).

16. Youth Criminal Justice Act. Available from: <https://www.law-lois.justice.gc.ca/eng/acts/y-1.5/index.html>. Accessed: 20 June 2021 (in English).

17. Lag (1964: 167) med särskilda bestämmelser om unga lagöverträdare. Available from: <http://www.notisum.se/rnp/document/?id=19640167>. Accessed: 20 June 2021 (in Swedish).

18. LOI n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice. Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000038261631/>. Accessed: 20 June 2021 (in French).

© Борисова В. Ф., Спесивов Н. В., 2021

© Borisova V. F., Spesivov N. V., 2021

Борисова Виктория Федоровна,

доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: vfb2709@yandex.ru

Borisova Viktoria Fedorovna,

associate professor at the department of civil procedure of the Saratov State Law Academy, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: vfb2709@yandex.ru

Спесивов Никита Владимирович,

директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

Spesivov Nikita Vladimirovich,

head of the Institute of prosecutor's office of the Saratov State Law Academy, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

* * *

УДК 343.23
ББК 67.408.010
doi: 10.25724/VAMVD.VMNO

А. Ю. Зотов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В статье дается определение понятия рецидива преступлений как самостоятельной категории в уголовном праве, выделяются его виды в уголовно-правовой доктрине, выявляются основные детерминанты рецидивной преступности, схематически представляются соотношения видов рецидива преступлений, указанных в ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также соотношение числа лиц, ранее совершавших преступления и ранее судимых, привлеченных к уголовной ответственности в 2020 г. за вновь совершенные преступления. Автором проанализирована судебная практика применения уголовно-правовых норм, регламентирующих порядок установления наличия рецидива преступлений, выделены основные задачи суда при вынесении обвинительного приговора и назначении наказания при наличии рецидива преступлений, а также особенности назначения наказания лицу, совершившему умышленное преступление при наличии неснятой и непогашенной судимости за ранее совершенное умышленное преступление.

Делается вывод о взаимосвязанности и взаимообусловленности категорий «наказание» и «рецидивная преступность», определяется научная и практическая значимость рецидива преступлений, отражаются условия, при которых ошибочное установление наличия либо отсутствия рецидива преступлений делает невозможным реализацию принципа справедливости как одного из основополагающих в уголовном праве.

Ключевые слова: множественность преступлений, рецидив преступлений, виды рецидива преступлений, назначение наказания при рецидиве преступлений, уголовно-правовой рецидив.

А. Yu. Zotov

PROBLEMATIC ISSUES OF RECIDIVISM IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

The article defines the concept of recidivism as an independent category in the Criminal Law, it distinguishes its types in the Criminal Law doctrine, targets the main determinants of recidivism, shows schematically the correlation of recidivism types specified in the Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the correlation of the number of persons who has previously committed crimes and previously had criminal records, convicted to a criminal offence in 2020 for newly committed crimes. The author analyzes the judicial and investigative practice of application of the Criminal Law norms that regulate the procedure for establishing the presence of recidivism, points the main objectives of the court in sentencing and imposing of punishment in the presence of recidivism, as well as the peculiarities of imposing of punishment on a person who has committed an intentional crime in the presence of criminal history on record and unspent offence for the previously committed intentional crime.

The author comes to a conclusion about the interrelatedness and interdependence of the categories of "punishment" and "recidivism", defines the scientific and practical significance of recidivism, specifies the conditions under which the erroneous establishment of the presence or absence of repetition of the crime makes it impossible to implement the principle of justice as one of the fundamental in the Criminal Law.

Key words: plurality of crimes, recidivism, types of recidivism, imposition of punishment for recidivism, criminal recidivism.

Рецидив преступлений рассматривается в российском уголовном законодательстве на протяжении всей его истории. В связи с этим наукой уголовного права разработаны соответствующие направления в выделении видов рецидива преступлений: фактического, уголовно-правового и криминологического.

Фактический рецидив преступлений был предложен в качестве одного из видов рецидива Б. С. Утевским в 1927 г. в связи с обострением в СССР борьбы с профессиональной преступностью [1; 2, с. 25—26]. Под ним понимают систематическое совершение преступлений лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление. В дальнейшем данная дефиниция неоднократно подвергалась изменениям, в частности, в уголовно-правовой доктрине отмечались некоторые особенности этого преступления (см., напр.: [3—6]). Вместе с тем следует иметь в виду, что в настоящее время законодательное оформление получил лишь уголовно-правовой рецидив преступлений, имеющий определяющее значение для квалификации отдельных видов преступлений (в частности, половых преступлений, совершенных лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление, совершенное в отношении несовершеннолетних), для назначения наказания, для определения вида исправительного учреждения, в котором в последующем будет отбывать наказание осужденное лицо.

В соответствии с ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) под рецидивом преступлений понимается умышленное совершение преступления лицом, судимым за ранее

совершенное умышленное преступление. Наличие неснятой и непогашенной судимости свидетельствует об устойчивой асоциальной установке лица, игнорировании им требований закона и повторном совершении преступления. Однако именно первая устанавливает необходимость применения к лицу иных, более строгих мер уголовно-правового воздействия.

Действующее уголовное законодательство выделяет уголовно-правовой (или, как его еще называют, легальный) рецидив преступлений, который в соответствии со ст. 18 УК РФ представлен тремя видами: простой, опасный и особо опасный. Каждый из них характеризуется определенными признаками. В основу разграничения указанных видов рецидива преступлений положены:

- кратность совершенных преступлений;
- наличие судимостей;
- категория совершенного преступления.

В частности, при определении наличия либо отсутствия опасного и особо опасного рецидивов преступлений правоприменителю необходимо принять во внимание, какие категории преступлений (в частности, тяжкие и особо тяжкие) совершены подсудимым. Кратность их совершения свидетельствует не только об устойчивой асоциальной установке личности виновного лица, но и о необходимости применения к нему более строгих мер государственного принуждения, связанных с отбыванием виновным наказания в исправительных колониях строгого и особого режимов, а в отдельных случаях — и в тюрьме (рис. 1).

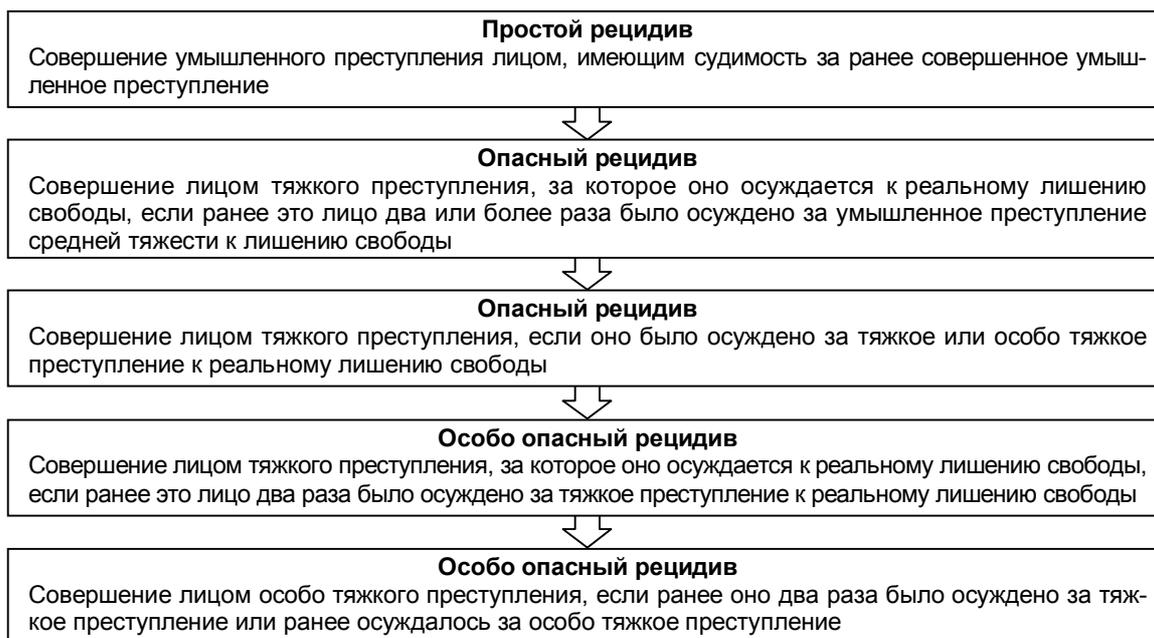

Рис. 1. Соотношение видов рецидива преступлений

Анализ уголовно-правового рецидива преступлений позволяет отметить, что для изучения личности осужденного лица, повторно совершающего преступления, внимания заслуживает в том числе криминологический рецидив преступлений. В научной литературе не утихают дискуссии о необходимости выделения самостоятельного криминологического рецидива преступлений или о его совпадении по содержанию с фактическим рецидивом преступлений.

Например, Н. Ф. Кузнецова [7, с. 179] считает, что криминологический и фактический рецидивы преступлений — это совпадающие понятия, не требующие разграничения, Т. Хорват [8], напротив, полагает, что эти два понятия соотносятся как часть и целое, соответственно имеет место необходимость дифференциации данных видов рецидива преступлений на криминологический и фактический.

Криминологический рецидив преступлений предполагает совершение нового преступления ранее освобожденным лицом либо лицом, освобо-

жденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Кроме того, в юридической науке принято делить криминологический рецидив еще на два подвида: «рецидив фактический» и «рецидив судимостей» (см., напр.: [9—13]).

В списке обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), рецидив преступлений занимает первое, главенствующее место, свои особенности имеет как порядок назначения наказания при наличии рецидива преступлений (ст. 68 УК РФ), так и порядок выбора судом вида исправительного учреждения при установлении рецидива преступлений (ст. 58 УК РФ). Вследствие этого логично предположить, что именно уголовно-правовой рецидив преступлений имеет определяющее значение как для науки уголовного права, так и для правоприменительной деятельности. Вместе с тем отметим, что в официальной статистике МВД России учитываются два вида рецидива: уголовно-правовой и фактический (рис. 2).

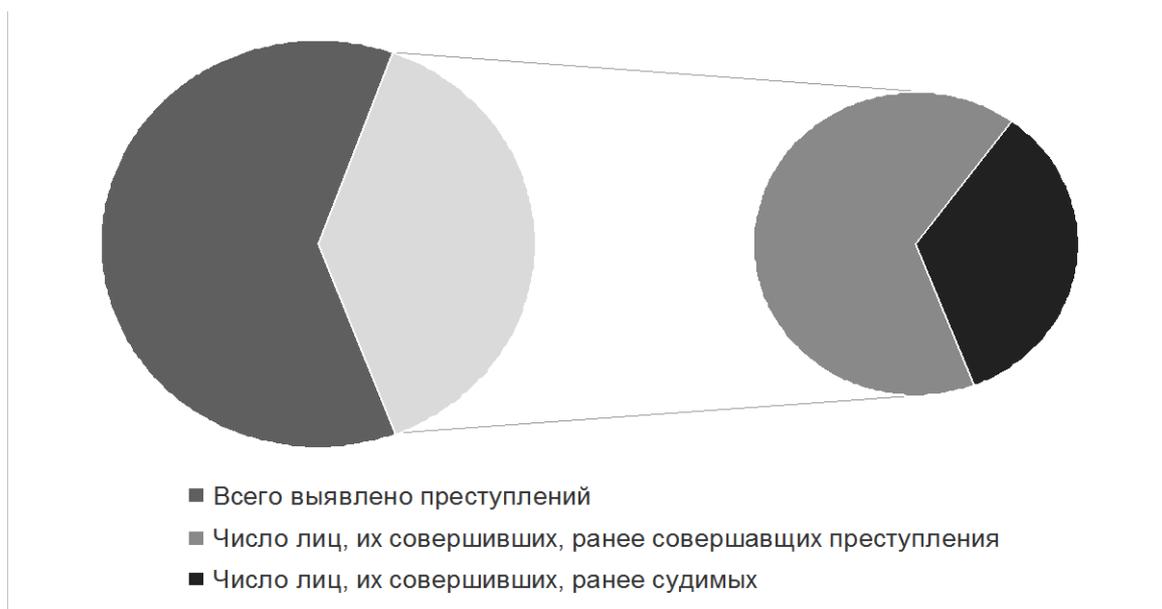

Рис. 2. Соотношение числа лиц, ранее совершавших преступления и ранее судимых, привлеченных к уголовной ответственности в 2020 г. за вновь совершенные преступления [14]

Анализируя связь состояния рецидива с характером наказания, необходимо раскрыть два ключевых понятия и установить их соотношение: состояние рецидива преступлений и наказания как меры уголовно-правового воздействия.

Состояние уголовно-правового рецидива преступлений определяется разграничением его видов. Законодатель разделяет рецидив преступлений на простой, опасный и особо опасный, дифферен-

цируя, таким образом, различные меры ответственности для лица при наличии рецидива преступлений.

Исходя из законодательного определения простого вида рецидива преступлений, следует выделить его признаки:

- 1) наличие судимости у лица, совершившего преступление;
- 2) присутствие умышленной формы вины;

3) наличие судимости за ранее совершенное преступление у лица, вновь совершающего умышленное преступление.

Совокупность обозначенных признаков и определяет простой рецидив преступлений, что, казалось бы, на нормативном уровне решает все проблемы установления рецидива преступлений. Между тем на правоприменительном уровне нередко возникают проблемы установления рецидива преступлений, в том числе простой его разновидности. В связи с этим постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» детализирует положения уголовного закона, требующего особого внимания на правоприменительном уровне. Таким образом, актуализируется задача судов по установлению рецидива преступлений при назначении лицу, признанному виновным, наказания.

Приведем перечень обстоятельств, точность определения которых необходима для назначения справедливого наказания лицу, признанному судом виновным в совершении преступления.

1. Степень общественной опасности совершенного преступления, его характер.

2. Степень общественной опасности личности виновного лица при рецидиве преступлений.

3. Совокупность смягчающих и отягчающих обстоятельств.

4. Влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

5. Условия жизни его семьи.

Решение вышеуказанной задачи невозможно без правильного определения категории преступления, поскольку она устанавливает либо исключает наличие рецидива преступлений. Казалось бы, ответ очевиден и прямо предусмотрен пп. «а», «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, однако нередки случаи, когда суд, вынося приговор, ошибочно, вопреки установленному законом порядку, констатирует наличие рецидива преступлений в действиях подсудимого.

Рассматривая вопрос назначения судом наказания при рецидиве преступлений, следует отметить, что лишения и ограничения, с которыми связано наказание, назначаемое лицу, признанному виновным в совершении преступления, накладываются для достижения целей наказания, указанных в ст. 43 УК РФ. Однако анализ судебной практики по уголовным делам позволяет сделать вывод, что суды при назначении наказания виновному зачастую ошибочно определяют не только вид, но и сам факт наличия рецидива преступлений.

Так, в соответствии со вступившим в законную силу обвинительным приговором суда первой

инстанции [15], П., имея неснятую и непогашенную судимость за покушение на половое сношение с угрозой применения насилия, в период отбывания условного наказания был вновь осужден, но уже за совершение квалифицированной кражи чужого имущества, умышленного причинения смерти другому человеку при отягчающих обстоятельствах и покушение на половое сношение, совершенное с особой жестокостью, к пожизненному лишению свободы. Исходя из особенностей, которые законодатель предусмотрел для назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), суд, признавая лицо виновным в совершении преступления, к новому наказанию частично присоединил неотбытую часть наказания по первому приговору в размере одного года лишения свободы, назначив окончательное наказание в виде пожизненного лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Однако в последующем, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного П., Президиум Верховного суда Российской Федерации изменил ранее вынесенные судебные решения, указав в постановлении следующее:

1) суд первой инстанции, вынося обвинительный приговор П., установил наличие в его действиях особо опасного рецидива преступлений и, назначая ему наказание, признал это обстоятельство отягчающим, отмечая, что П., имея неснятую и непогашенную судимость за совершение преступления, относящегося к категории тяжких, в период испытательного срока наказания в виде лишения свободы условно вновь совершил особо тяжкое преступление;

2) суд кассационной инстанции, изучив приговор, согласно которому П. был признан виновным в совершении инкриминированных ему преступлений, усмотрел ошибочное признание судом первой инстанции в действиях П. особо опасного рецидива преступлений, внес в приговор изменения, указав, что в действиях осужденного П. содержится не особо опасный рецидив преступлений, а опасный рецидив преступлений.

Кроме того, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении указал: поскольку П. в период отбывания условного наказания за совершение первого преступления в места лишения свободы не направлялся, условное осуждение ему не отменялось, что, в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, исключает в действиях последнего рецидив преступлений (в том числе опасный и особо опасный). Вследствие этого приговор, на основании которого П. было назначено наказание, претерпел изменения, наличие реци-

дива преступлений и признание его в качестве отягчающего вину П. обстоятельства в действиях последнего было исключено.

Наличие в действиях лица рецидива преступлений ошибочно устанавливается не только при вынесении обвинительного приговора судом первой инстанции, но и при последующем пересмотре дела в Президиуме суда субъекта Российской Федерации. Так, ошибочное признание судом в действиях лица рецидива преступлений подтверждает приговор [16], по которому Д., будучи осужденным за грабеж, совершенный лицом, ранее два или более раза судимым за хищение либо вымогательство по ч. 3 ст. 161 УК РФ в редакции 1996 г., условно-досрочно освободившись, вновь совершил преступление — убийство при отягчающих обстоятельствах. Суд первой инстанции установил в приговоре наличие рецидива преступлений в действиях Д., после чего в 2012 г. Президиум областного суда с учетом изменений, внесенных в ст. 161 УК РФ, переqualificировал деяние, совершенное Д., с ч. 3 на ч. 2 ст. 161 УК РФ, ввиду чего испытательный срок по «первой» судимости Д. истек до момента совершения им убийства. Однако пока Д. не обратился с надзорной жалобой в Верховный Суд Российской Федерации, изменения в приговор внесены не были, отсутствие в его действиях рецидива преступлений не было исключено, Д. продолжал отбывать наказание по совокупности приговоров.

Самым показательным примером некорректного признания судом в действиях лица рецидива преступлений является приговор [17], по которому К., будучи осужденным за незаконное хранение наркотических средств в значительном размере к условному наказанию в виде 1 года лишения свободы, через 11 месяцев совершил ряд особо тяжких преступлений. При вынесении приговора за них суд учел в действиях К. рецидив преступлений и назначил наказание К. по совокупности приговоров, что прямо противоречит пп. «а», «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ. Исключение рецидива преступлений как отягчающего вину К. обстоятельства стало возможным лишь после изменений, внесенных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в приговор и определение суда апелляционной инстанции.

Кроме того, наличие в действиях лица рецидива преступлений как обстоятельства, отягчающего наказание, в ряде случаев не учитывается судами при расчете времени содержания лица под стражей во время производства предварительного следствия по уголовному делу в срок лишения свободы. Так, вынося приговор П. [18], то время, которое осужденная провела под стражей во время пред-

варительного следствия по уголовному делу, суд первой инстанции зачел из расчета один к одному, т. е. приравнял один день пребывания под стражей к одному дню отбывания наказания в исправительной колонии общего режима, так как в действиях Б. имел место особо опасный рецидив преступлений. Впоследствии Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, изменяя приговор, зачла один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания, что прямо противоречит положению ч. 3.2 ст. 72 УК РФ. Президиум Верховного Суда Российской Федерации своим постановлением исправил данное нарушение.

Анализ примеров судебной практики позволяет заключить, что именно вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 детализирует отдельные положения, не нашедшие отражения в уголовном законе. Однако постановление Пленума Верховного Суда является лишь актом толкования, а не нормативным актом. Безусловно, данное постановление имеет огромное значение для правоприменительной практики, однако пока суды при вынесении приговоров по уголовным делам будут продолжать игнорировать положения, предусмотренные ч. 4 ст. 18 УК РФ, говорить о реализации принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ, преждевременно.

Таким образом, можем сделать следующие выводы.

Уголовно-правовой рецидив преступлений влияет на порядок, размер и вид наказания, а криминологический рецидив преступлений позволяет отметить особенности личности осужденного лица и возможность соответствующего направленного, индивидуального и дифференцированного уголовно-правового воздействия на указанное лицо не только в момент совершения преступления, период отбывания наказания, но и в наиболее неблагоприятный период — период социальной адаптации и ресоциализации, реинтеграции указанного лица в общество.

Категории «наказание» и «рецидивная преступность» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. При назначении наказания суд учитывает рецидив преступлений в качестве отягчающего наказания, но в соответствии со ст. 18 УК РФ рецидив не может учитываться, если имело место условное осуждение, при условии, что оно не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в исправительные учреждения. Кроме того, рецидив преступлений не учитывается при совершении преступлений в несовершеннолетнем возрасте.

Определяющее значение уголовно-правового рецидива имеет как научную, так и практическую значимость. Суды общей юрисдикции, принимая решения по уголовным делам, при назначении наказания учитывают не только вид рецидива, но и его наличие либо отсутствие, поскольку отсутствие рецидива преступления указывает на невозможность учета данного отягчающего обстоятельства. Кроме того, немаловажной является норма, закрепленная в ч. 2 ст. 63 УК РФ, запрещающая суду повторно учитывать одно и то же отягчающее обстоятельство при назначении лицу наказания в случае, если это обстоятельство является составообразующим признаком. Так, правоприменитель должен учитывать рассмотренную норму, исключая в действиях лица рецидив преступлений, при квалификации таких деяний, как: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера; половое сношение и иные действия сексуального

характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста; развратные действия, при условии, что все вышеперечисленные деяния совершены лицом при наличии особо отягчающих обстоятельств (совершены лицом, которое имеет судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего).

Таким образом, от правильности установления наличия у лица рецидива преступлений (в том числе вида рецидива) зависит реализация принципа справедливости как одного из основополагающих в уголовном праве. Между тем анализ судебной практики показывает, что не всегда правоприменителями учитываются положения, предусмотренные как нормативными актами, так и актами толкования уголовного закона, регламентирующими порядок определения рецидива преступлений как обстоятельства, отягчающего наказание лица, совершившего преступление.

---

1. Утевский Б. С. Преступность и рецидив // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). Москва, 1927. С. 32—34.

2. Ольховик Н. В., Прокументов Л. М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.

3. Кривоченко Л. Н. Борьба с рецидивом по советскому уголовному праву. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1973. С. 6—13.

4. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 153 с.

5. Журавлев М. П. Ответственность и наказание особо опасных рецидивистов. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1977. 96 с.

6. Коломытцев Н. А. Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним: монография / науч. ред. В. М. Баранов. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005.

7. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. Москва: Изд-во МГУ, 1969. 232 с.

8. Хорват Т. Новое в судебной практике по уголовным делам в Венгерской Народной Республике // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 97—98.

9. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр — Пресс», 2009. 504 с.

10. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: монография / под науч. ред. заслу-

---

1. Utevsky B. S. Criminality and recidivism. In: Modern crime (crime, gender, repression, recidivism). Moscow; 1927: 32—34 (in Russian).

2. Olkhovik N. V., Prozumentov L. M. Recidivism crime of convicts and its prevention. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University; 2009: 160 (in Russian).

3. Krivochenko L. N. The fight against recidivism under the Soviet Criminal Law. Kharkov: Publishing house of Kharkov University; 1973: 6—13 (in Russian).

4. Filimonov V. D. Public danger of individual categories of criminals and its criminal-legal significance. Tomsk: Publishing house of Tomsk University; 1973: 153 (in Russian).

5. Zhuravlev M. P. Responsibility and punishment of especially dangerous criminals. Moscow: ASRI MIA USSR; 1977: 96 (in Russian).

6. Kolomyttsev N. A. Specially dangerous recidivism and struggle against it. Monograph. Ed. by V. M. Baranov. 3rd ed., rev. and add. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005 (in Russian).

7. Kuznetsova N. F. Crime and Criminality. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1969: 232 (in Russian).

8. Horvath T. New in judicial practice in criminal cases in the Hungarian People's Republic. The Soviet State and the Law, 97—98, 1968 (in Russian).

9. Gilinsky Y. I. Criminology: theory, history, empirical basis, social control. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Yuridicheskiy tsentr — Press"; 2009: 504 (in Russian).

женного юриста Рос. Федер., д-ра юрид. наук, проф. В. А. Уткина. Москва: Юрлитинформ, 2012. 168 с.

11. Криминология и профилактика преступлений: учеб. пособие. Курс лекций / Г. Н. Горшенков, Е. А. Костыря, О. В. Лукичев [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова; С.-Петербург. ун-т МВД России, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2001. 224 с.

12. Давыденко В. М. Рецидив преступлений условно осужденных несовершеннолетних: понятие и основные характеристики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 3. С. 10—14.

13. Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений. Структура, связи, прогнозирование. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1980. 152 с.

14. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.04.2021).

15. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 апреля 2016 г. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15168/> (дата обращения: 25.04.2021).

16. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за январь — июль 2014 г.: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 сентября 2014 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70631472/> (дата обращения: 25.04.2021).

17. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2020 г. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_39/ (дата обращения: 25.04.2021).

18. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 209-П19ПР: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/practice/29143/> (дата обращения: 25.04.2021).

10. Gorodnyanskaya V. V. Post-penitentiary recidivism. Monograph. Ed. by the Honored lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor V. A. Utkin. Moscow: Yurлитinform; 2012: 168 (in Russian).

11. Gorshenkov G. N., Kostiryay E. A., Lukichev O. V. (et al.) Criminology and crime prevention. Textbook. Course of lectures. Ed. by V. P. Salnikov; St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Academy of Law, Economics and Life Safety. Saint Petersburg: Foundation "University"; 2001: 224 (in Russian).

12. Davydenko V. M. Recidivism of crimes by conditionally convicted juveniles: notion and main characteristics. Criminal executive system: law, economics, management, 10—14, 2010 (in Russian).

13. Zelinsky A. F. Recidivism: structure, connections, forecasting. Kharkov: Vyshcha shkola. Publishing house of Kharkov University; 1980: 152 (in Russian).

14. State of crime in Russia for January — December 2020. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

15. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016). Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13 April 2016. Available from: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15168/>. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

16. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for January — July 2014. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 1 September 2014. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70631472/>. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

17. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020). Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 23 December 2020. Available from: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_39/. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

18. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 209-P19PR. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020). Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22 July 2020. Available from: <http://www.supcourt.ru/documents/practice/29143/>. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

© Зотов А. Ю., 2021

© Zotov A. Yu., 2021

Зотов Алексей Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: b-a-baracus@mail.ru

Zotov Alexey Yurievich,
associate professor at the criminal law
department of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: b-a-baracus@mail.ru

* * *

УДК 343.37
ББК 67.408.1
doi: 10.25724/VAMVD.VNOP

Н. И. Кузнецова

**БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье анализируются основные положения нового Федерального закона «О биологической безопасности в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ, устанавливающего основы государственного регулирования в сфере обеспечения биобезопасности в нашей стране. Раскрывается содержание нового для отечественной правовой науки понятия «биологическая безопасность», находящегося на стыке биологии, экологии, медицины, сельского хозяйства, различных отраслей права. Автором отмечается, что понятие биологической безопасности дает юридический критерий для отнесения различных ситуаций к биологически опасным и подпадающим под регулирование рассматриваемого закона. Приводится перечень потенциальных угроз биологической безопасности, отмечается, что именно они в ближайшей перспективе могут стать одной из главных опасностей для человечества.

Автор рассматривает соотношение экологической и биологической безопасности, отмечая при этом, что экологическая безопасность в настоящее время должна рассматриваться не как часть национальной безопасности, а как часть системы международной глобальной безопасности всего человечества.

Ключевые слова: экологическая безопасность, биологическая безопасность, биологическая угроза, опасный биологический фактор, пандемия COVID-19, геновая инженерия, клонирование.

N. I. Kuznetsova

**BIOLOGICAL SAFETY:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS**

The article analyzes the basic concepts and provisions of the new Federal Law "On Biological Safety in the Russian Federation" on 30 December 2020 No. 492-FZ, which establishes the foundations of state regulation in the field of ensuring biosafety in our country. The content of the concept of "biological safety", which is quite new for domestic legal science, is revealed, which lies at the intersection of biology, ecology, medicine, agriculture, and various branches of law. The author notes that the concept of biological safety provides a legal criterion for classifying various situations as biologically hazardous and subject to the regulation of the law in question. A list of potential threats to biological safety is given, it is noted that it is they in the near future that can become one of the main threats to humanity. The author notes that the concept of biological safety provides a legal criterion for classifying various situations as biologically hazardous and subject to the regulation of the law in question. A list of potential threats to biological safety is given, it is noted that it is they in the near future that can become one of the main threats to humanity.

The author examines the relationship between environmental and biological safety, at the same time, notes that environmental security at the present time should be considered not as part of national security, but as part of the system of international global security of all mankind.

Key words: environmental safety, biological safety, biological threat, biological hazard, COVID-19 pandemic, genetic engineering, cloning.

В декабре 2020 г. вступил в действие Федеральный закон «О биологической безопасности в Российской Федерации» [1], который установил основу государственного регулирования в сфере обеспечения биологической безопасности в нашей

стране. Его принятие стало закономерным следствием действия ряда факторов. Во-первых, повсеместное нарастание биологических угроз различного рода требует создания эффективной системы обеспечения биологической безопасности. Ярким

подтверждением уязвимости человечества перед инфекциями является пандемия COVID-19 и другие подобные события последних лет, такие как вирус Эбола, свиной грипп, птичий грипп. Эпидемия наглядно продемонстрировала ущербность выстраиваемой на протяжении последних десятилетий модели функционирования здравоохранения в подавляющем большинстве стран мира. И дело здесь не только в печально известных «майских указах» и последующей «оптимизации» здравоохранения в Российской Федерации. Даже такие благополучные в нашем понимании страны, как США, Испания, Франция и др. понесли сокрушительный урон от эпидемии. Здравоохранение из важной социальной функции государства превратилось в одну из разновидностей бизнеса. В этой оценке следует согласиться с профессором С. Ф. Милюковым [2, с. 13] и участниками беседы «Криминология здравоохранения», проведенной Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом 5 июня 2020 г. [3]

Вопрос о происхождении коронавирусной инфекции остается открытым. В частности, специалисты Центра по контролю заболеваний США усомнились, что COVID мог возникнуть естественным путем [4]. Важно другое. Коронавирусная пандемия независимо от своего происхождения имеет далеко идущие негативные последствия в сфере образования (переход на дистанционное обучение, снижение качества образовательного процесса), социальной сфере и экономике (сокращение или полная ликвидация так называемого среднего класса, малого и среднего бизнеса в угоду транснациональным корпорациям). Эти процессы ведут к обострению социальных конфликтов, социальной напряженности, росту безработицы и других негативных явлений, а следовательно, прямо или косвенно, — к росту преступности. Пандемия и связанный с ней психоз, во многом искусственно порожденный средствами массовой информации [5, с. 48—50], служат благоприятной средой для реализации различного рода коррупционных схем, необоснованного извлечения сверхприбыли отдельными участниками экономических отношений, сокрытия истинных причин просчетов и откровенной несостоятельности политиков. Во-вторых, такие весьма специфические общественные отношения нуждаются в законодательном регулировании путем создания нормативно-правовой базы. В-третьих, принятый закон восполняет «существующий правовой пробел и определяет содержание деятельности по обеспечению биологической безопасности, в том числе путем введения понятийного аппарата,

в настоящее время отсутствующего в законодательстве, для однозначного толкования и формирования единой правоприменительной практики» [6], — отмечается в пояснительной записке к нему.

В законе традиционно изложен перечень понятий, используемых в этом нормативном правовом акте: «опасный биологический фактор», «биологический риск», «допустимый уровень биологического риска», «инфекция», «биологическая угроза (опасность)», «биологическая защита», «патогенные биологические агенты», «патогенные микроорганизмы», «штамм», «микробиота» и др.

Терминологический аппарат призван обеспечить единообразное понимание рассматриваемых понятий гражданами и специалистами в различных областях, а также единое правоприменение. Терминология нуждается в постоянном обновлении. Как справедливо отмечает профессор Е. П. Прохоров, развитие науки постоянно требует содержательной, а потому и терминологической модернизации — введения новых терминов, изменения содержания устоявшихся (расширения или сжатия), уточнения соотношения между используемыми терминами. Вместе с тем важно стремление к хотя бы более или менее однозначному употреблению разными специалистами вводимых (и даже привычных) терминов и т. д. [7, с. 27].

Понятийный блок указанного закона имеет важное значение, поскольку все последующие нормативные правовые акты, принятые в сфере биологической безопасности, должны опираться на термины, используемые в нем. Кроме того, закрепленный в законе терминологический комплекс является основой для верного толкования понятий, используемых в п. «а» ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Террористический акт», ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», ст. 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами», ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» и др.

Основным понятием закона является «биологическая безопасность», под которой следует понимать состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

Само по себе понятие «биологическая безопасность» достаточно новое. Оно находится на стыке биологии, экологии, медицины, сельского хозяйства, различных отраслей права. Если в биологической

и медицинской литературе исследованию биологической безопасности, в том числе влиянию патогенных микроорганизмов на здоровье человека, а также профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями, вызываемыми ими, уделяется самое серьезное внимание, проводятся многочисленные исследования и эксперименты [8, с. 3], то, к сожалению, вопросы обеспечения биобезопасности остаются маловостребованными юридической наукой и практикой.

В связи с этим необходимо определить место биологической безопасности в системе общей безопасности, рассмотреть ее взаимосвязь с экологической безопасностью. Предположим, что для этих видов безопасности родовым понятием является общее понятие безопасности. Что же такое безопасность?

Ряд ученых рассматривают безопасность как «состояние защищенности от каких-либо угроз». Такое понимание неоднократно подвергалось критике [9, с. 140]. Тем не менее, оно является доктринальным и в настоящее время, по мнению ряда ученых, получило наибольшее распространение. Данное определение принято многими отечественными исследователями в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий, хотя они и расходятся в определении объекта защиты, характера угроз и защищаемых интересов [10, с. 7—8].

В Стратегии национальной безопасности экологическая безопасность понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [11]. В этом же документе отмечено, что национальная безопасность включает в себя экологическую безопасность. Такое положение представляется дискуссионным. Очевидно, что это отдельная сложная тема, требующая серьезной проработки. Однако позволим предположить, что понятие экологической безопасности гораздо шире, чем понятие национальной безопасности. Экологическая безопасность в настоящее время должна рассматриваться как часть системы международной глобальной безопасности всего человечества. Дело в том, что экологические проблемы, экологические катастрофы, исчезновение представителей флоры и фауны, загрязнение окружающей среды,

потепление климата оказывают влияние не только на территорию того или иного государства. Они не имеют границ. Невозможно обеспечивать экологическую безопасность государства независимо от экологического состояния соседних государств, не только сопредельных, но и дальних.

Приведем пример. Каспийское море омывает берега пяти прибрежных государств — России, Казахстана, Ирана, Туркмении, Азербайджана. В него впадает множество рек, расположенных на их территории. Загрязнение вод, впадающих в Каспийское море, является проблемой всех государств, а не только Российской Федерации. Следовательно, невозможно говорить об обеспечении национальной безопасности одного государства без обеспечения экологической безопасности соседнего.

В настоящий момент в научной литературе биологическая безопасность рассматривается довольно бессистемно — например, как развивающаяся область научных знаний, охватывающих теорию и практику защиты человечества от опасных биотических факторов [12, с. 53]; как состояние защищенности от возбудителей особо опасных и широко распространенных инфекций [13, с. 24]; как медицинская специальность [14, с. 11] и др. Такое положение еще раз актуализирует необходимость осмысления понятия «биологическая безопасность» в современной парадигме права, его дальнейшей легитимизации.

Кроме того, до настоящего времени окончательно не решен вопрос соотношения экологической и биологической безопасности. Одни ученые считают правильным биологическую безопасность относить к экологической безопасности [15, с. 552]. Другие полагают, что биологическая безопасность является самостоятельным видом безопасности и относится к «иным видам безопасности», указанным в Федеральном законе «О безопасности» [16]. Третьи ставят знак равенства между химической и биологической безопасностью и относят их к национальной безопасности [17]. Четвертые в системе биологической безопасности видят медико-биологическую и химико-биологическую безопасность [18, с. 63].

На наш взгляд, у экологической и биологической безопасности много общего, но существуют различия, которые не позволяют однозначно рассматривать их как часть и целое. Эти виды безопасности пересекаются по ряду моментов. Они призваны защитить население и окружающую среду от негативного воздействия различных факторов деятельности человека, имеют определенные

правовые формы и основываются на системе гарантий сосуществования людей и природы.

В то же время экологическая безопасность содержит иной круг общественных отношений, регулируемых при ее обеспечении. Прежде всего это общественные отношения в процессе природопользования, охраны окружающей среды от антропогенной деятельности человека, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В качестве объекта регулирования биологической безопасности выступают общественные отношения (например, в сфере борьбы с распространением инфекционных болезней) по сохранению и восстановлению нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных; по формированию коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов; созданию единой сети мониторинга биологических рисков, что подпадает в сферу регулирования отношений в области медицины (здравоохранения), санитарно-эпидемиологического надзора, биологии (микробиологии), вирусологии; по предупреждению и предотвращению аварий и (или) диверсий на потенциально опасных биологических объектах. Кроме того, возможны посягательства на биобезопасность без вреда для окружающей среды (например, причинение смерти путем заражения спорами сибирской язвы). Отличие экологической и биологической безопасности заключается в том, что в целях обеспечения первой экологи научились понимать и прогнозировать последствия негативного воздействия на компоненты окружающей среды. В свою очередь, последствия нарушения биобезопасности полностью непредсказуемы, поэтому являются более опасными.

Классификация безопасности по видам, объектам, типам требует отдельного правового и систематизированного анализа. Ученым еще предстоит определить место таких видов безопасности, как химическая, биосферная, климатическая, генетическая, радиоактивная и др. Возможно, эти понятия должны быть закреплены в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ.

Уроки пандемии COVID-19 показали, что нарушение биологической безопасности является ощутимой, повсеместной, глобальной проблемой, затрагивающей все сферы жизнедеятельности не только одного государства, но и мирового сообщества. Очаг инфекции может возникнуть где угодно и быстро распространиться по всему миру, причем, как выяснилось, средства диагностики, лечения и профилактики этих инфекций разработаны слабо. Люди в очередной раз почувствовали на себе эту «хруп-

кость бытия», уязвимость и беззащитность перед биологическими факторами.

Происходящие на наших глазах события, несомненно, затронули все без исключения стороны жизни человечества. Уже сегодня можно утверждать, что мы будем жить в другом, изменившемся навсегда мире и, возможно, в другой стране. Поэтому криминологи не могут обходить вниманием вопросы биологической безопасности. Они уже сейчас должны дать объяснения ее внутренним пружинам и сделать научно обоснованный прогноз последствий быстро текущих процессов пандемии COVID-19 [2, с. 13]. В связи с этим нуждается в криминологическом анализе та часть закона, которая посвящена предупреждению и предотвращению биологических опасностей.

В пункте 4 ст. 12 рассматриваемого закона указано, что «для предупреждения и предотвращения террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов, а также иных преднамеренных биологических угроз (опасностей) осуществляются...» [1].

Таким образом, с одной стороны, на законодательном уровне признана возрастающая угроза применения биологического оружия, которое, по мнению ряда специалистов, опаснее других видов оружия, поскольку оно обладает рядом специфических характеристик:

- 1) его не видно невооруженным глазом;
- 2) ему свойственен большой масштаб заражения территории, что приводит к поражению большего количества людей;
- 3) слабый контроль зоны распространения в связи с тем, что биологические агенты являются живыми и быстро размножающимися организмами;
- 4) причиненный ущерб не всегда возможно компенсировать;
- 5) длительность латентного периода;
- 6) общность симптомов при огромном разнообразии возможных причин патологии [19].

С другой стороны, закон не в полной мере раскрыл свой превентивный потенциал, сосредоточив внимание главным образом на предупреждении террористических актов с использованием патогенов. Как видится, биологические угрозы могут представлять опасность для других групп общественных отношений, связанных с экологической безопасностью, экономикой страны, жизнью и здоровьем граждан.

К примеру, целью создания и распространения новой инфекции для определенных животных (например, свиней) может являться устранение конкуренции, что приведет к росту цен, нарушению

продовольственной безопасности страны. Известны случаи, когда из-за обнаруженной у животных инфекции уничтожению подвергалось все поголовье [20].

Биологическая безопасность призвана обеспечить не только общественную безопасность, но и защиту генетической информации (генофонда), защиту биологических систем, сохранение живыми организмами (человеком, животными, растениями) своей биологической сущности, биологических качеств, предотвращение потери биологической ценности и др. [21]

Биологическая безопасность — это своего рода конечная цель реализации комплекса мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от опасных биологических факторов.

В свою очередь, под опасным биологическим фактором понимается событие, условие, свойство, эпидемический, эпизоотический, эпифитотический процессы или их комбинация, являющиеся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (патогенов), паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде. Как видно, понятие опасного биологического фактора достаточно объемно, а также весьма абстрактно. Это связано с тем, что люди до конца не знают, что именно (какие процессы и их комбинации) могут представлять биологическую угрозу и каковы будут ее фактические масштабы.

Тем не менее, понятие биологической безопасности дает юридический критерий для отнесения различных ситуаций к биологически опасным и подпадающим под регулирование рассматриваемого закона. Иными словами, в понятии четко установлено, какую угрозу следует признавать биологической — угрозу от опасного биологического фактора.

Важно отметить, что подробный перечень основных биологических угроз содержится в ст. 8 Федерального закона «О биологической безопасности в Российской Федерации», а также в Указе Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [22]. Речь идет о таких угрозах, как возникновение и распространение новых смертельных инфекций, распространение инфекций животных и растений, причиняющих вред окружаю-

щей среде, паразитарных болезней, спонтанных инфекций; проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии; возникновение опаснейших мутаций; разработка генно-инженерных технологий; распространение резистентности и др. Ученые отмечают наличие других, не прописанных в законе биологических угроз, таких как мусорный экоцид [23], климатическое потепление, массовое нашествие чужеродных видов растений и животных [24], создание и использование генетически модифицированных организмов [25, с. 103], влияние которых на окружающую среду и здоровье человека до конца не изучено, и др. Отмечается, что в ближайшие десятилетия не военные столкновения, не пожары и аварии на предприятиях, промышленных объектах, а именно экологические и биологические угрозы составят основной предмет сосредоточения усилий всех государств и правительств [26, с. 47].

Представляет интерес определение уголовно-правового режима перечисленных угроз. Лидирующие позиции в неопределенности правового регулирования занимают вопросы развития генетической инженерии.

Генная инженерия является основой биотехнологии и представляет собой совокупность методов и подходов, имеющих целью получение биологических структур, передающихся по наследству свойств, которые невозможно получить традиционными методами селекции [27, с. 9]. В отличие от традиционной селекции, в ходе которой генотип подвергается изменениям лишь косвенно, генная инженерия напрямую вторгается в генетический аппарат любого механизма, применяя технику молекулярного клонирования [28, с. 481].

Многие специалисты обеспокоены возможностью проведения генетических исследований с целью их криминального использования [29]. То, что совсем недавно было невозможным или почти невозможным (например, редактирование генома человека), сегодня становится реальностью. Польза или вред будут извлечены — зависит от того, в чьих руках окажутся эти инструменты.

В конце 2019 г. общественности стало известно, что китайский ученый Хэ Цзянькуй осужден к трем годам лишения свободы за незаконную медицинскую деятельность с эмбрионами человека [30]. Хэ Цзянькуй удалось отредактировать геном двух эмбрионов человека с помощью методов генной инженерии и тем самым обеспечить двум детям пожизненный иммунитет к ВИЧ.

Дело Хэ спровоцировало масштабную дискуссию среди ученых-генетиков, биологов, социологов,

философов, юристов, представителей общественности о необходимости регулирования экспериментов по редактированию генома человека, в том числе установления уголовно-правового запрета на такую деятельность.

Все большую актуальность приобретает проблема клонирования человека. Клонирование — это воспроизведение генетически однородных организмов (клеток) путем бесполого (вегетативного) размножения. При клонировании исходный организм (или клетка) служит родоначальником клона — ряда организмов (клеток), повторяющих из поколения в поколение и генотип, и все признаки родоначальника. Таким образом, сущность клонирования заключается в повторении одной и той же генетической информации [31].

В УК РФ до сих пор отсутствует уголовная ответственность за незаконные действия с генно-модифицированными организмами, в то время как в ряде стран такая ответственность существует. Так, в Уголовном кодексе Грузии предусмотрена ст. 289¹ «Нарушение правил деятельности в сфере использования живых генно-модифицированных организмов» [32]. В Уголовном кодексе Республики Казахстан установлена ответственность за клонирование человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях (ст. 129). В Уголовном кодексе Испании предусмотрен целый раздел V «Преступления, связанные с геной инженерией» [33], в котором содержатся нормы об ответственности за изменение человеческого генотипа, использование генетической инженерии для производства биологического оружия или оружия массового поражения, оплодотворение яйцеклетки с какой-либо целью, отличной от цели человеческого воспроизводства, клонирование человека.

На наш взгляд, в Уголовный кодекс Российской Федерации необходимо включить нормы, предусматривающие ответственность за незаконную генно-инженерную деятельность, в том числе с человеческими эмбрионами.

В связи с этим напомним, что ст. 12 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» декларирует, что «лица, которые осуществляют генно-инженерную деятельность и действия или бездействие которых причинили вред работникам организации, осуществляющей генно-инженерную деятельность, населению, окружающей среде, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [34].

Полагаем, что указанные общественные отношения нуждаются в уголовно-правовой охране. Право должно успевать за стремительным развитием научных достижений. Создаваемые нормы должны иметь упреждающий характер, поэтому следует признать обоснованным мнение З. А. Незнамовой о том, что «запаздывание в изменении охранительных норм может создавать сложнейшие правовые коллизии, которые фактически парализуют правоприменительный механизм» [35, с. 192].

Из всего сказанного следует, что вопросы обеспечения биологической безопасности объективно носят междисциплинарный характер, затрагивают сферы применения научных познаний целого ряда научных дисциплин. Ученым еще предстоит определить место таких видов безопасности, как химическая, биосферная, климатическая, генетическая, радиоактивная и др. Полагаем, что эти понятия должны быть закреплены в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Обозначенные угрозы требуют тщательного научного осмысления, выработки и установления в нормативных правовых актах комплекса правовых средств обеспечения биологической безопасности, криминализации новых видов общественно опасных деяний, выработки предупредительных мер. В то же время отметим: проблема заключается в том, что невозможно заранее предусмотреть все варианты и все последствия проявления и распространения биологических угроз.

1. О биологической безопасности в Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 1, ч. I. Ст. 31.

2. Милюков С. Ф. Криминологические хроники времен пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (57). С. 13—18.

3. Криминология здравоохранения: беседа // Сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. URL: <https://www.crimi>

1. Federal Law No. 492-FZ on 30 December 2020. "On biological safety in the Russian Federation". Collection of legislation of Russian Federation. 2021; No. 1 (part I); Art. 31 (in Russian).

2. Milyukov S. F. Criminological chronicles of the times of the pandemic. Criminology: yesterday, today, tomorrow, 13—18, 2020 (in Russian).

3. Health Criminology. Conversation. In: Site of the Saint Petersburg International Criminologi-

nologyclub.ru/the-last-sessions/392-2020-06-07-17-48-04.html (дата обращения: 21.03.2021).

4. Специалисты Центра по контролю заболеваний США усомнились, что COVID мог возникнуть естественным путем // Радио Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/news/2811706-echo.html> (дата обращения: 28.03.2021).

5. Дикаев С. У. Важна ли проблема преступности в условиях пандемии? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (57). С. 48—51.

6. Пояснительная записка к законопроекту № 850485-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850485-7> (дата обращения: 06.02.2021).

7. Прохоров Е. П. Терминологический аппарат — понятийно-смысловой скелет науки // Вестник Московского университета. 2012. № 1. С. 27—38.

8. Андреева Л. С. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 228 с.

9. Голубев С. И. Экологическое преступление: в лабиринте определений // Lex Russica. 2017. № 9 (130). С. 138—142.

10. Ирошников Д. В. Комментарий к Федеральному закону «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (постатейный). Рязань: Концепция, 2014. 340 с.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

12. Ляпин М. Н., Дроздов И. Г. Биобезопасность — область специальных знаний // Санитарная охрана территории государств — участников СНГ: материалы VI межгос. науч.-практ. конф. Волгоград, 2005. С. 53—57.

13. Биологическая безопасность. Термины и определения / под ред. Г. Г. Онищенко. Москва: Медицина, 2011. 220 с.

14. Онищенко Г. Г., Смоленский В. Ю., Ежлова Е. Б. Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 1 // Вестник РАМН. 2013. № 10. С. 11—18.

15. Краснова И. О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex Russica. 2014. № 5. С. 543—555.

16. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5 (69). С. 60—73.

cal Club. Available from: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/392-2020-06-07-17-48-04.html>. Accessed: 21 March 2021 (in Russian).

4. Specialists at the US Centers for Disease Control questioned that COVID could have arisen naturally. In: Radio Echo of Moscow. Available from: <https://echo.msk.ru/news/2811706-echo.html>. Accessed: 28 March 2021 (in Russian).

5. Dikayev S. U. Is the problem of crime important in a pandemic? *Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 48—51, 2020 (in Russian).

6. Explanatory note to the bill No. 850485-7. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850485-7>. Accessed: 6 February 2021 (in Russian).

7. Prokhorov E. P. Terminological apparatus — conceptual and semantic skeleton of science. *Bulletin of Moscow University*, 27—38, 2012 (in Russian).

8. Andreeva L. S. Criminal liability for violation of safety rules when handling microbiological or other biological agents or toxins. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2014: 228 (in Russian).

9. Golubev S. I. Environmental crime: in the labyrinth of definitions. *Lex russica*, 138—142, 2017 (in Russian).

10. Iroshnikov D. V. Commentary on the Federal Law No. 390-FZ "On Security" on 28 December 2010 (itemized). Ryazan: Concept; 2014: 340 (in Russian).

11. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 on 31 December 2015. "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Collection of legislation of Russian Federation. 2016; No. 1 (part II). Art. 212 (in Russian).

12. Lyapin M. N., Drozdov I. G. Biosafety — an area of special knowledge. In: Sanitary protection of the territory of the CIS member states. Materials of VI interstate scientific-practical conference. Volgograd; 2005: 53—57 (in Russian).

13. Biological safety. Terms and definitions. Ed. by G. G. Onishchenko. Moscow: Medicine; 2011: 220 (in Russian).

14. Onishchenko G. G., Smolenskiy V. Yu., Yezhlova E. B. Conceptual foundations of biological safety. Part 1. *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*, 11—18, 2013 (in Russian).

15. Krasnova I. O. Environmental safety as a legal category. *Lex Russica*, 543—555, 2014 (in Russian).

16. Orekhov S. N., Yavorskiy A. N. Biological threats and biological safety. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy)*, 60—73, 2020 (in Russian).

17. Андреев В. Г., Бараненко В. В. Химическая и биологическая безопасность как часть национальной безопасности России // *Обозреватель = Observer: науч.-аналит. журн.* 2012. № 7 (270). С. 23—36.
18. Лукомская А. С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2020. № 1 (52). С. 62—67.
19. Трусов А. И. Некоторые криминологические аспекты биотерроризма // *Пробелы в российском законодательстве.* 2009. № 3. С. 118—120.
20. PepsiCo оценила ущерб из-за изъятия продукции с ящуром в 100 млн рублей. URL: <https://www.interfax.ru/business/535224> (дата обращения: 03.03.2021).
21. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биологической и генетической безопасности // *Lex Russica.* 2019. № 9 (154). С. 102—103.
22. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // *СЗ РФ.* 2019. № 11. Ст. 1106.
23. Есина Е. Мусорный экоцид в России. Москва: Издательские решения, 2019. 230 с.
24. Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права.* 2020. Т. 15, № 4 (113). С. 187—194.
25. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биологической и генетической безопасности // *Lex Russica.* 2019. № 9 (154). С. 96—108.
26. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Экологическая, биологическая, социальная безопасность: организационно-правовой аспект // *Lex Russica.* 2020. № 7 (164). С. 43—49.
27. Красовский О. А. Правовые проблемы генной инженерии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1997. 193 с.
28. Белов О. А., Спиридонова Ю. Н., Одинцов А. И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования // *Пенитенциарная наука.* 2020. Т. 14, № 4 (52). С. 479—485.
17. Andreev V. G., Baranenko V. V. Chemical and biological safety as part of the national security of Russia. *Observer. Scientific-analytical journal,* 23—36, 2012 (in Russian).
18. Lukomskaya A. S. Multi-subject nature of criminal encroachments in cases of environmental crimes when the courts make decisions to terminate a criminal case on non-rehabilitating grounds. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 62—67, 2020 (in Russian).
19. Trusov A. I. Some criminological aspects of bioterrorism. *Gaps in Russian legislation,* 118—120, 2009 (in Russian).
20. PepsiCo assessed the damage due to the seizure of products with foot and mouth disease at 100 million rubles. Available from: <https://www.interfax.ru/business/535224>. Accessed: 3 March 2021 (in Russian).
21. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Theoretical and methodological problems of legal support of ecological, biological and genetic safety. *Lex Russica,* 102—103, 2019 (in Russian).
22. Decree of the President of the Russian Federation No. 97 on 11 March 2019. "On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Chemical and Biological Safety for the Period up to 2025 and Beyond". *Collection of legislation of Russian Federation.* 2019; No. 11. Art. 1106 (in Russian).
23. Esina E. *Waste ecocide in Russia.* Moscow: Publishing solutions; 2019: 230 (in Russian).
24. Agafonov V. B., Zhavoronkova N. G. Theoretical and legal problems of ensuring the biological safety of the Russian Federation. *Actual problems of Russian law,* 187—194, 2020 (in Russian).
25. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Theoretical and methodological problems of legal support of ecological, biological and genetic safety. *Lex Russica,* 96—108, 2019 (in Russian).
26. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. *Environmental, biological, social security: organizational and legal aspect.* *Lex Russica,* 43—49, 2020 (in Russian).
27. Krasovsky O. A. *Legal problems of genetic engineering.* Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1997: 193 (in Russian).
28. Belov O. A., Spiridonova Yu. N., Odintsov A. I. *Genetic engineering: problems of criminal law regulation.* *Penitentiary science,* 479—485, 2020 (in Russian).
29. Sergeev D. N., Kozachenko I. Ya., Bolkov M. A. (et al.) *Genetic research: legislation and criminal policy.* Monograph. 2nd ed., rev. and add.

29. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / Д. Н. Сергеев, И. Я. Козаченко, М. А. Болков [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. Н. Козаченко, канд. юрид. наук, доц. Д. Н. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 340 с.

30. Миклашевская А. Редактирование генома оценили тремя годами тюрьмы // Коммерсантъ. 2019. 30 дек.

31. Биология. Современная энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 03.03.2021).

32. Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=232> (дата обращения: 03.03.2021).

33. УК Испании. URL: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country/w> (дата обращения: 04.03.2021).

34. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федер. закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

35. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург: Cricket, 1994. 286 с.

© Кузнецова Н. И., 2021

Кузнецова Наталья Ивановна,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: natasha40480@mail.ru

Ed. by doctor of juridical sciences, professor I. N. Kozachenko, candidate of juridical sciences, docent D. N. Sergeeva. Moscow: Prospect; 2021: 340 (in Russian).

30. Miklashevskaya A. Genome editing was evaluated by three years in prison. Kommersant, 2019. 30 December (in Russian).

31. Biology. Modern Encyclopedia. Available from: <https://gufo.me/dict/efremova>. Accessed: 3 March 2021 (in Russian).

32. Criminal Code of Georgia. Article 289¹ "Violation of the rules of activity in the sphere of using living genetically modified organisms". Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=232>. Accessed: 3 March 2021 (in Russian)

33. Criminal Code of Spain. Available from: <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country/w>. Accessed: 4 March 2021 (in Russian).

34. Federal law No. 86-FZ on 5 July 1996 (as amended on 02.07.2021). "On state regulation in the field of genetic engineering". Collection of legislation of Russian Federation. 1996; No. 28. Art. 3348 (in Russian).

35. Neznamova Z. A. Collisions in criminal law. Yekaterinburg: Cricket; 1994: 286 (in Russian).

© Kuznetsova N. I., 2021

Kuznetsova Natalia Ivanovna,

senior lecturer at the department of criminal law
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: natasha40480@mail.ru

* * *

УДК 343.72
ББК 67.408.121.2
doi: 10.25724/VAMVD.VOPQ

В. П. Лещенко

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОГО ПЛАТЕЖА

Стремительное развитие цифровой экономики в современной России обусловило замещение традиционных платежных средств, используемых для наличного расчета, электронными, неоспоримые преимущества которых заключаются в скорости их перевода, соответственно, осуществления расчетных операций; возможности дистанционного платежа, исключающей необходимость физического присутствия в магазине или кредитном учреждении; отсутствии административно-территориальных границ и др. Однако, несмотря на многочисленные достоинства электронных средств платежа, необходимо учитывать их уязвимость, т. е. возможность их неправомерного использования в корыстных целях.

Принимая во внимание важность развития сектора цифровой экономики, государство стремится обеспечить его безопасность, достижение которой во многом строится на эффективной системе уголовно-правовой охраны. Обращение автора к анализу состава преступления, являющегося единственным основанием уголовной ответственности за мошенничество, совершаемое с использованием средств электронного платежа, обусловлено попыткой изучения проблем, не нашедших научного и практического разрешения. Данное обстоятельство позволяет говорить об актуальности рассматриваемого вопроса, ответ на который может быть получен в результате комплексного исследования. Автор считает важным уяснение сути объективных и субъективных признаков состава мошенничества, закрепленного в ст. 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации. Решение приведенных проблем будет способствовать уточнению доктринального определения признаков соответствующего состава, а также совершенствованию его юридико-технической конструкции.

Ключевые слова: хищение чужого имущества, уголовная ответственность, состав преступления, мошенничество, имущественный ущерб, средство электронного платежа.

V. P. Leshchenko

CRIMINAL LAW REGULATION OF THE GROUNDS FOR LIABILITY FOR FRAUD COMMITTED USING ELECTRONIC PAYMENT MEANS

The rapid development of the digital economy in modern Russia has led to the replacement of traditional means of payment used for cash payments with electronic means of payment. The undeniable advantage of these means of payment is the speed of their transfer, and, accordingly, the implementation of settlement operations, the possibility of remote payment, eliminating the need for physical presence in a store or credit institution, the absence of administrative and territorial borders, and much more. However, despite the undeniable advantages of electronic means of payment, it is necessary to take into account their vulnerability, in the sense of the permissibility of remote availability of their misuse for selfish purposes.

Taking into account the importance of the development of the digital economy sector, the state, quite naturally, seeks to ensure its security, the achievement of which is largely based on an effective system of criminal law protection. The author's appeal to the analysis of the corpus delicti, which is the only basis for criminal liability for fraud committed using electronic payment means, is due to an attempt to study a set of problems that have not found scientific and practical solutions. This circumstance allows us to talk about the scientific problems of the topic, which is a question that can be answered as a result of a comprehensive study. The formulation of the research problem is largely represented by the problems that make up the understanding of the essence of the

objective and subjective signs of the composition of fraud enshrined in Article 159³ of the Criminal Code of the Russian Federation. In turn, the success of the solution of the mentioned range of problems will contribute to the clarification of the doctrinal definition of the characteristics of the corresponding composition, as well as to the improvement of its legal and technical design.

Key words: theft of other people's property, criminal liability, corpus delicti, fraud, property damage, electronic payment method.

Предусмотрев уголовную ответственность за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа, закрепив ее основание в ст. 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), законодатель обеспечил охрану имущественных интересов широкого круга субъектов. Данное решение во многом было определено цифровизацией как национальной (отечественной), так и мировой экономики. Этот процесс повлек за собой замену традиционных платежных средств электронными, бесспорные преимущества которых состоят в скорости их перевода, возможности совершения дистанционных платежей, отсутствии административно-территориальных границ и т. д. Однако при всех своих достоинствах электронные средства платежа не лишены и недостатков. В первую очередь здесь необходимо вести речь об их уязвимости.

Развитие сектора цифровой экономики повлияло на характер имущественных преступлений, что привело к возникновению новых, ранее не известных способов хищения чужого имущества. С этой точки зрения мошенничество не стало исключением. Перемещение корыстной преступности, в том числе мошенничеств, с «улиц» в виртуальное пространство приобрело особую актуальность и стало «криминальным трендом» периода пандемии 2020 г., отметившейся увеличением количества преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий [1]. Статистические данные позволяют утверждать, что в настоящее время рост числа таких преступлений продолжается и вряд ли остановится в ближайшие годы. Сказанное детерминирует необходимость дифференцированного подхода к установлению ответственности за обман или злоупотребление доверием, совершаемым в сфере электронных платежных систем [2].

Предусмотрев ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа в ст. 159³ УК РФ, законодатель выделил особые признаки данного преступления, позволяющие дифференцировать его в системе специальных видов мошенничества. Скажем несколько слов о его объекте. Им являются отношения собственности,

имеющие исключительно имущественный характер, преступление посягает на законные интересы в сфере установленного банковской системой порядка использования средств электронного платежа. Кроме того, на сугубо имущественный характер указывает отсутствие в составе преступления каких-либо дополнительных (факультативных) признаков, т. е. данный вид мошенничества не угрожает никаким иным охраняемым уголовным законом объектам. Однако, следуя логике законодателя, примем во внимание тот факт, что степень вероятности хищения электронных платежных средств пропорциональна степени утраты доверия обществом всей системе электронных платежей, развитие которой входит в число приоритетных направлений российской экономики. Таким образом, анализируемое преступление может выступить препятствием в развитии данного сегмента государственной политики.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, образуют средства электронного платежа, сами по себе не обладающие меновой стоимостью, но обеспечиваемые банковской гарантией и представляющие часть национальной платежной системы.

Известно, что признаки объективной стороны преступления зависят от юридической конструкции состава преступления (материальный, формальный, усеченный). Большинство преступлений против собственности характеризуются такими обязательными признаками, как деяние и состоящее с ним в причинно-следственной связи общественно опасное последствие. Здесь мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа, не является исключением. Его объективная сторона выражена в совершении активного действия, направленного на хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием.

В случаях хищения или иного незаконного приобретения средства электронного платежа лицо не может подлежать самостоятельной ответственности за хищение. Если платежное средство похищалось для последующего обмана и завладения имуществом потерпевшего, действия виновного могут рассматриваться как приготовление к преступлению

или покушение на него. Приведем пример. Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в целях хищения чужого имущества незаконно проник в торговую палатку по продаже овощей и фруктов, разрезав брезент лезвием от канцелярского ножа. Из ящика торгового прилавка Г. похитил у С. три пластиковых стакана с металлическими монетами на общую сумму 2 100 рублей, а также банковскую карту ПАО «Сбербанк России» на имя С., после чего скрылся. Через некоторое время Г. решил совершить хищение денежных средств с лицевого счета С. путем обмана с использованием электронных средств платежа с причинением значительного ущерба гражданину при оплате товаров бесконтактным способом, умалчивая и не сообщая продавцам о незаконном владении им данной банковской картой. Действуя с единым умыслом, он попытался оплатить выбранные им товары на сумму 3 400 рублей, однако при осуществлении платежной операции потребовалось ее подтверждение путем введения пин-кода, который не был известен злоумышленнику. Не сумев осуществить подтверждение платежной операции, Г. не смог похитить имущество С. и вскоре был задержан нарядом полиции [3]. Действия виновного были квалифицированы как тайное хищение, предметом которого стали три пластиковых стакана с металлическими монетами на общую сумму 2 100 рублей. В то же время банковская карта ПАО «Сбербанк России» сама по себе ценности не представляет, поэтому не может образовывать предмета хищения, более того, находясь во владении лица, она не перестает быть собственностью банка.

Мошенничество, совершаемое с использованием средств электронного платежа, являясь специальным видом мошенничества, воспроизводит общие признаки хищения чужого имущества, определенные в прим. 1 к ст. 158 УК РФ. В первую очередь в их числе нужно назвать противоправный характер завладения — нарушение правовых предписаний, обеспечивающих право собственности, закрепленных в уголовном законе, — а также безвозмездность изъятия имущества. Противоправное завладение средствами электронного платежа предполагает их безвозмездное изъятие из фондов потерпевшего.

Субъективным признаком хищений выступает корыстная цель, предполагающая получение материальной выгоды или избавление от имущественных затрат, в том числе способствование обогащению лиц, в определенных отношениях с которыми виновный заинтересован [4]. Применительно к ст. 159З УК РФ данная цель корреспондирует с имущественным ущербом, причиняемым в резуль-

тате утраты потерпевшим средства электронного платежа.

Совершая обман или злоупотребляя доверием в целях завладения средствами электронного платежа, виновный причиняет имущественный ущерб собственнику ввиду изъятия средств с лицевого счета, куда они ранее поступили. Кроме того, собственник может лишиться части своих доходов, получаемых от использования похищенных средств, на остаток которых в соответствии с договором банком могут зачисляться дополнительные средства [5]. Допуская возможным причинение опосредованного ущерба или понесение упущенной выгоды собственником средств электронного платежа, считаем недопустимым их признание общественно опасными последствиями преступления, прежде всего, из-за невозможности установления их прямой причинно-следственной связи с хищением.

Моментом окончания мошенничества, совершенного с использованием электронных платежных средств, является момент причинения имущественного ущерба собственнику [6].

Анализ материалов уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 159З УК РФ, позволил установить, что характерной чертой большинства из них является продолжающийся характер, обусловленный совершением множества однородных действий, охватываемых единым умыслом и направленных на достижение единого преступного результата.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражена признаками хищения имущества. Диспозиция статьи не содержит прямого указания на форму вины, но ее определение не вызывает каких-либо дискуссий в теории и практике: мошенничество, совершаемое с использованием средств электронного платежа, является умышленным преступлением, при этом допускается лишь прямой умысел. Данное заключение вытекает из указания на цель совершаемого преступления — завладение чужим имуществом и его последующее использование для получения материальных выгод [7, с. 147]. Вид умысла детерминирован тем, что речь идет о материальном составе: поскольку общественно опасные последствия образуют один из трех обязательных признаков объективной стороны преступления, предметное содержание вины охватывает общественную опасность действий, преступное последствие и причинно-следственную связь между ними.

Устанавливая уголовную ответственность за мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа, законодатель

не называет каких-либо дополнительных признаков субъекта в составе ст. 1593 УК РФ. Однако с учетом качественных особенностей данного преступления становится очевидным тот факт, что для осуществления манипуляций по завладению средствами электронного платежа виновный должен обладать определенными знаниями, достаточными для введения в заблуждение работника банковской или иной расчетной организации. В связи с тем что преступление совершается интеллектуальным способом, вопрос об отсутствии вменяемости просто не возникает.

Характеризуя признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ, отметим отсутствие каких-либо специальных из них, получивших юридическое закрепление в уголовно-правовой норме.

Общий возраст уголовной ответственности (ч. 1 ст. 20 УК РФ) дифференцирует мошенничество в структуре иных видов хищений чужого имущества, большинство из которых предполагают пониженный возраст уголовной ответственности — 14 лет.

Законодатель установил общую возрастную границу признания субъектом лица, совершающего преступление, указав в ст. 20 УК РФ («Возраст, с которого наступает уголовная ответственность»), что возраст уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 1593 УК РФ, установлен с 16 лет. Однако при определении общего возраста уголовной ответственности законодатель далеко не всегда руководствуется критериями повышенной опасности преступления, представляющими основу категоризации (ст. 15 УК РФ). Показательным является установление 14-летнего возраста уголовной ответственности за кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ), которая является преступлением небольшой тяжести, и 16-летнего возраста ответственности за особо тяжкое преступление, предусмотренное ст. 317

УК РФ — «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Такой подход законодателя свидетельствует о том, что категория совершенного преступления (характер, степень общественной опасности, форма вины) не является единственным критерием, определяющим момент достижения субъектом возраста уголовной ответственности за совершение конкретного преступления.

Полагаем, в основу установления возрастной границы, определяющей деликтоспособность лица, совершившего преступление, положена его способность осознания совершаемого деяния как противоправного и наказуемого. Совершая обман, любой несовершеннолетний, достигший 16 лет (при условии, что он не отстает в психическом развитии), способен осознавать противоправный характер своего поступка. Возможно, он будет заблуждаться в правовой оценке содеянного, однако это не окажет влияния на уголовную ответственность.

Таким образом, установив общий возраст уголовной ответственности за мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа, законодатель отметил его более сложный интеллектуальный характер, указав на его более сложную форму по сравнению с кражей.

В завершение подчеркнем, что установление самостоятельного основания уголовной ответственности за мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа, полностью соответствует современным реалиям социальной и экономической действительности. Средства электронного платежа давно перестали образовывать лишь признаки предмета мошенничества: их неправомерное использование способно причинить реальный вред системе экономических отношений, складывающихся в условиях научно-технического прогресса.

---

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genp.roc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_12_2020.pdf (дата обращения: 12.04.2021).

2. Русскевич Е. А. Новые нормы УК об «электронном» мошенничестве и коррупционных преступлениях // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 26—33.

3. Приговор Ноябрьского городского суда (Ямало-Ненецкий автономный округ) № 1-263/2019 от 27 сентября 2019 г. по делу № 1-263/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/k0a3WKX7LTZR> (дата обращения: 12.04.2021).

---

1. The state of crime in Russia in January — December 2020. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Available from: https://genp.roc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_12_2020.pdf. Accessed: 12 April 2021 (in Russian).

2. Russkevich E. A. The New criminal code provisions about electronic fraud and corruption crimes. *Criminal trial*, 26—33, 2018 (in Russian).

3. The verdict of Noyabrsk municipal court (Yamal-Nenets Autonomous Okrug) No. 1-263/2019 on 27 September 2019 in case No. 1-263/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/k0a3WKX7LTZR>. Accessed: 12 April 2021 (in Russian).

4. Архипов А. В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4—9.

5. Теплова Д. О. Корыстная цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь. 2013. № 13. С. 22—23.

6. Федоров Д. А. Учет размера хищения в «специальных» составах мошенничества (ст. 159.1—159.6 УК РФ) // Российский следователь. 2014. № 4. С. 29—32.

7. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Теоретико-прикладное исследование. Москва: ЛексЭст, 2005. 408 с.

© Лещенко В. П., 2021

Лещенко Владимир Павлович,

адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии

Краснодарского университета МВД России;
e-mail: vladimirleschenko@mail.ru

4. Arkhipov A. V. Selfish purpose as a sign of theft. Criminal law, 4—9, 2016 (in Russian).

5. Teplova D. O. Self-serving purpose and motive as signs of theft. A Russian investigator, 22—23, 2013 (in Russian).

6. Fedorov D. A. Accounting for the size of theft in "special" fraud compositions (Article 159.1—159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation). Russian investigator, 29—32, 2014 (in Russian).

7. Lopashenko N. A. Crimes against property. Theoretical and applied research. Moscow: LexEst; 2005: 408 (in Russian).

© Leshchenko V. P., 2021

Leshchenko Vladimir Pavlovich,

associate adjunct of the department
of criminal law and criminology

of the Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: vladimirleschenko@mail.ru

* * *

УДК 343.362
ББК 67.408.143
doi: 10.25724/VAMVD.VPQS

А. А. Лихолетов, А. А. Победнова

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ ПОКАЗАНИЕ,
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА ИЛИ СПЕЦИАЛИСТА
ИЛИ НЕПРАВИЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД**

В ходе расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде правоприменитель путем исследования доказательств, сопоставления их между собой и другими способами, предусмотренными законом, стремится установить истину. В связи с этим крайне важно, чтобы вся имеющаяся информация, полученная в рамках уголовного процесса и облеченная в форму доказательств, содержала в себе подлинные сведения, поскольку данное обстоятельство определяет обоснованность применения мер уголовно-правового реагирования в отношении лица, совершившего преступление. Однако далеко не каждый член российского общества обладает необходимым уровнем правосознания, что нередко проявляется в предоставлении заведомо ложной информации в рамках допроса, при производстве экспертизы или осуществлении перевода. Подобные действия со стороны отдельных участников судопроизводства не только препятствуют реализации основных целей правосудия, но и содержат в себе состав преступления. В данной статье предпринята попытка анализа проблем применения уголовно-правовой нормы об ответственности за лжесвидетельство¹, на основе которых сформулированы предложения по внесению изменений в диспозицию ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: лжесвидетельство, показания, потерпевший, свидетель, специалист, уголовная ответственность, эксперт.

A. A. Likholetov, A. A. Pobednova

**ISSUES TO APPLY RULES ON CRIMINAL LIABILITY
FOR KNOWING PERJURY,
AN EXPERT'S OR SPECIALIST'S CONCLUSION
OR WRONG TRANSLATION**

While investigating crimes and hearing criminal cases in court, a law enforcement officer tries to find truth by examining evidence and comparing it with each other as well as in other ways provided for by law. In this regard, it is very important that all available information obtained while conducting criminal procedure and collected in the form of evidence should contain just true information. It is this condition that ensures justification to take measures of criminal law response as applied to person who has committed a crime. However, not every member of the Russian society has sufficient legal consciousness which results in perjuring while interrogating, making examination or translating. Such actions to be carried out by individual participants in the court proceedings not only prevent from realizing the main aims of justice, but also contain corpus delicti. The authors of the given article try to analyze the issues related to apply rules on criminal liability for perjury on the basis of which the proposals to amend the disposition of Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation are formulated.

Key words: perjury, testimony, a victim, a witness, a specialist, criminal liability, an expert.

В настоящее время в ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за дачу в суде либо в ходе досудебного производства:

- 1) заведомо ложных показаний свидетелем;
- 2) заведомо ложных показаний потерпевшим;
- 3) заведомо ложного заключения экспертом;
- 4) заведомо ложных показаний экспертом;

- 5) заведомо ложных показаний специалистом;
- 6) заведомо неправильный перевод.

Федеральным законом «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ [1] анализируемая статья была подвергнута модернизации.

В частности, законодатель в ч. 1 ст. 307 УК РФ увеличил временной промежуток, в течение которого совершение действий, перечисленных в диспозиции нормы, выступает в качестве основания уголовной ответственности. Так, если до внесенных изменений состав изучаемого преступления образовывался в случае дачи заведомо ложных показаний, заключения эксперта либо неправильного перевода при производстве предварительного расследования, то в настоящее время принятие мер уголовно-правового реагирования возможно в случае совершения указанных выше деяний в ходе досудебного производства, т. е. в том числе на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. Соответствующие изменения были внесены и в примечание к анализируемой статье.

Согласно п. 9 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) досудебное производство — это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. Таким образом, теперь привлечение к ответственности за перечисленные противоправные деяния стало возможным не только в ходе предварительного расследования, но и в процессе проверки сообщения о преступлении.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что эти изменения позволят принимать при рассмотрении сообщения о преступлении обоснованное процессуальное решение, что в ряде случаев определяется заключением экспертных исследований. Например, именно экспертиза играет первостепенную роль при разрешении сообщения о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, а также устанавливает наличие признаков насильственной смерти при обнаружении трупа [2].

Принятые поправки обусловлены изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, внесенными еще в 2013 г., наделившими правом органы дознания и предварительного следствия при проведении проверки сообщения о преступлении назначать экспертизы, принимать участие

в их производстве и получать заключение эксперта в разумный срок [3].

Следует с положительной стороны оценить стремление законодателя к достижению внутренней согласованности между нормами смежных отраслей права, и с учетом этого внесение изменений в ст. 307 УК РФ в декабре 2019 г. вполне актуально, хотя вряд ли своевременно. Вместе с тем, устраняя один из имеющихся пробелов, правотворец породил определенную коллизию между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, которая, по нашему мнению, заключается в следующем.

Согласно ст. 144 УПК РФ к числу следственных действий, производство которых возможно на стадии проверки сообщения о преступлении, т. е., по сути, первоначального этапа досудебного производства, допросы свидетелей, потерпевших, экспертов или специалистов, как источник получения показаний, не относятся. Проведение данных процессуальных мероприятий возможно только после возбуждения уголовного дела, равно как и приобретение отдельных процессуальных статусов, таких как «свидетель» и «потерпевший». Если же применять буквальное толкование уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 307 УК РФ, то можно прийти к выводу о том, что получение показаний осуществимо и на стадии досудебной проверки, что никак не соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству. Таким образом, основания для привлечения лица к ответственности за заведомо ложное сообщение сведений, имеющих значение для уголовного дела, на указанном этапе судопроизводства также отсутствуют.

Выявленная проблема может быть устранена путем внесения уточнений в диспозицию ч. 1 ст. 307 УК РФ относительно стадии уголовного процесса, на которой возможно получение показаний свидетеля, потерпевшего, эксперта или специалиста, дача заключения эксперта и осуществление перевода, не отвечающих требованиям достоверности.

Следует отметить, что инициаторы внесенных изменений в обоснование принятого решения указывали, что «при проведении проверки по сообщению о преступлении заведомо ложное заключение или показания эксперта, заведомо ложные показания специалиста имеют не меньшую общественную опасность, чем при расследовании или судебном рассмотрении уголовного дела, поскольку создают условия как для необоснованного уголовного преследования невиновных, так и незаконного

отказа в возбуждении уголовного дела, нарушая право потерпевшего на доступ к правосудию» [2].

Заключение эксперта в рамках доследственной проверки в совокупности с иными материалами, в первую очередь, выступает в качестве основания возбуждения либо отказа в возбуждении дела. Между тем следует согласиться с мнением о том, что указанный вид доказательства, содержащий в себе ложные сведения, может привести к принятию необоснованных решений по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Однако приведенная ранее позиция авторов законопроекта вступает в противоречие с положениями ст. 80 УПК РФ, согласно которым показания эксперта и показания специалиста — это сведения, сообщенные указанными процессуальными фигурами в рамках допроса, осуществление которого возможно также только на стадии предварительного расследования.

Следует отметить, что законодательная дефиниция показаний не позволяет разделить позицию ряда авторов относительно возможности привлечения по ст. 307 УК РФ свидетеля или потерпевшего не только сообщивших несоответствующие действительности факты, но и скрывших обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [4, с. 212; 5, с. 93; 6, с. 67], поскольку допрос, в рамках которого лицом сообщаются какие-либо сведения, представляет собой активную форму поведения человека, а бездействие путем умолчания интересующей следствие или суд информации априори невозможно. Кроме того, этимологически термин «сообщение» происходит от глагола «сообщить», означающего «рассказать кому-нибудь о чем-нибудь; довести до чьего-нибудь сведения, передать словами» [7, с. 641]. Таким образом, информация, имеющая значение для уголовного дела, которая не была озвучена лицом в ходе допроса, не может быть признана заведомо ложными показаниями.

Вместе с тем на практике суды нередко синонимизируют понятия «дача заведомо ложных показаний» и «умолчание об обстоятельствах, имеющих значение для дела» [8—10].

Так, приговором Березовского городского суда Кемеровской области Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ. В тексте судебного решения указано, что Л. «дал заведомо ложные показания при производстве судебного следствия: отрицал свою осведомленность о совершении ФИО9 преступного деяния, установленного приговором суда. Тем самым Л. в судебном заседании при его допросе

умолчал о достоверных известных ему обстоятельствах совершения преступления ФИО9» [11].

Анализ приговора позволил прийти к выводу, что в приведенной выше ситуации деяние осужденного заключалось не в утаивании интересующей информации, а именно в осознанном сообщении недостоверных сведений в ходе допроса, выразившемся в отрицании известных ему обстоятельств совершенного преступления. Иными словами, на поставленный судом вопрос, имеющий значение для уголовного дела, осужденный предоставил ложные данные.

Исключением будет являться ситуация, в которой допрашиваемый свидетель или потерпевший открыто и прямо выражают нежелание давать показания, что при наличии иных составообразующих признаков может быть квалифицировано по ст. 308 УК РФ [12, с. 27].

27 августа 2019 г. с 14 ч 50 мин до 15 ч 05 мин в служебном кабинете ОМВД России по Тихорецкому району Краснодарского края М. в ходе разъяснения прав и обязанностей свидетеля, предусмотренных ч. 4 ст. 56 УПК РФ, был предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ. С целью затруднить принятие законного процессуального решения по уголовному делу, располагая сведениями о фактических действиях ФИО2, М., не являясь ему близким родственником, беспричинно, ясно и категорично умышленно отказался от дачи показаний в качестве свидетеля [13].

Относительно заведомо неправильного перевода можно отметить, что в соответствии со ст. 18 и 169 УПК РФ участие переводчика возможно и на стадии проверки сообщения о преступлении. В этой части внесенные в ст. 307 УК РФ изменения также следует признать обоснованными, несмотря на то что в пояснительной записке каких-либо доводов относительно подобных нововведений не приведено [2].

Следует обратить внимание и на отсутствие межотраслевой согласованности в нормах уголовного и уголовно-процессуального кодексов, выражающейся в несоблюдении единства формулировок при использовании специальных терминов, относящихся к различным отраслям права.

Диспозиция ст. 307 УК РФ относится к бланкетным [14], и для уяснения ее содержания необходимо обращаться к нормам УПК РФ. Так, в соответствии со ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств наряду с другими допускаются показания потерпевшего и свидетеля, показания и заключения эксперта или специалиста. Согласно ст. 78—80 УПК РФ показаниями, как отмечалось выше, необходимо счи-

тать сведения, сообщенные указанными процессуальными фигурами на допросах, проведенных в ходе досудебного производства или в суде с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, формулировка диспозиции ч. 1 ст. 307 УК РФ не соответствует перечисленным положениям УПК РФ, поскольку в уголовно-правовой норме используется термин «показание» в единственном числе. Вызывают определенное недоумение подобные разногласия в смежных отраслях права и игнорирование данного обстоятельства со стороны правотворца при внесении соответствующих изменений в нормы закона.

Нельзя не признать очередным упущением со стороны законодателя непринятие в рамках реформирования Уголовного кодекса России мер по криминализации дачи заведомо ложного заключения специалистом, несмотря на то что в соответствии с п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение специалиста, наряду с показаниями такого участника процесса, также допускается в качестве доказательства. На данное обстоятельство неоднократно указывали ученые [15, с. 13; 16, с. 22].

С целью совершенствования уголовного законодательства К. В. Цепелев предлагает дифференцировать ответственность по ст. 307 УК РФ в зависимости от процессуального статуса субъекта преступления, установив более строгое наказание за намеренное сообщение не соответствующих действительности сведений при допросе со стороны свидетеля или потерпевшего в рамках ч. 2 анализируемой статьи [16, с. 22].

Безусловно, деяния, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 307 УК РФ, имеют не только определенные различия в степени общественной опасности, но и в некоторых случаях обладают неравноценной значимостью для установления истины по уголовному делу. Вместе с тем следует помнить положения ч. 2 ст. 17 УПК РФ, согласно которым никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Нередко показания свидетеля или потерпевшего в совокупности с другими доказательствами имеют решающее значение при изобличении виновных в совершении преступления лиц, а заключения экспертиз играют второстепенную роль. В подобных ситуациях предоставление следствию или суду во время допросов заведомо недостоверной информации может неминуемо привести к тому, что лица,

совершившие преступление, не понесут заслуженного наказания или более того — меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда, будут обращены в адрес невиновного. Подобное положение дел недопустимо в правовом государстве.

Однако не стоит исключать вероятность того, что в основу обвинения может быть положено и заключение эксперта в тех случаях, когда показания свидетелей или потерпевших являются малоинформативными (например, заключение генетической экспертизы по делам о преступлениях против личности).

Так, сотрудниками правоохранительных органов Волгоградской области в декабре 2020 г. раскрыто убийство двух лиц, совершенное почти двадцать пять лет назад (в феврале 1996 г.). Оперативным путем удалось установить лицо, причастное к совершению указанного преступления. При сравнении образцов отпечатков пальцев рук, полученных у задержанного, со следами папиллярных узоров, изъятых с места происшествия, в рамках проведенной дактилоскопической экспертизы была определена их идентичность [17].

Таким образом, дифференциация ответственности по ст. 307 УК РФ в зависимости от вида доказательства по приведенным причинам вряд ли целесообразна.

С учетом изложенного можно прийти к выводу о том, что внесенные в декабре 2019 г. изменения в ст. 307 УК РФ частично оправданны. Вместе с тем при подготовке законопроекта не учтены действующие положения Уголовно-процессуального кодекса России, что привело к образованию новых коллизий.

С целью устранения имеющихся недостатков предлагается изложить часть первую анализируемой статьи в следующем виде (редакция примерная):

«Статья 307. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод

1. Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста в суде либо при производстве предварительного расследования, а равно заведомо ложные заключения эксперта или специалиста или неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства, — наказываются...».

Соответствующие изменения должны быть внесены и в примечание к рассматриваемой статье.

Примечание

¹ Для краткости изложения под лжесвидетельством в настоящей статье будет пониматься преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ.

1. О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Пояснительная записка к законопроекту № 751070-7 «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (об уточнении ответственности за заведомо ложное заключение эксперта в ходе досудебного производства). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751070-7> (дата обращения: 12.04.2021).

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кулик С. В. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, и разграничения его со смежными составами // Известия ЮФУ. Технические науки. 2007. № 2. С. 211—216.

5. Епихин А. Ю. Межотраслевые проблемы квалификации состава преступления заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильного перевода (ст. 307 УК РФ) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском севере: материалы итоговой (тринадцатой) всерос. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 23—24 окт. 2014 г.): в 3 ч. Сыктывкар: КРАГСИУ, 2014. Ч. 1. С. 89—97.

6. Лавров П. В., Карпенко О. А. Умолчание как форма дачи заведомо ложных показаний // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 63—69.

7. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. Москва: Аделланта, 2013. 800 с.

8. Приговор Покровского районного суда Орловской области от 14 июня 2018 г. по делу № 1-14/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 26.04.2021).

9. Приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 28 июня 2016 г. по делу № 1-181/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 26.04.2021).

10. Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 28 октября 2014 г.

1. Federal Law No. 410-FZ on 2 December 2019. "On Amendments to Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Explanatory Note to Legislative Proposal No. 751070-7 "On Amendments to Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation" (related to specifying liability for perjury of an expert's report during pre-trial proceedings). Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751070-7>. Accessed: 12 April 2021 (in Russian).

3. Federal Law No. 23-FZ on 4 March 2013. "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Kulik S. V. On issue to qualify crime provided for in Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation and its distinction among related corpus delicti. YuFu Izvestiya. Technical Sciences, 211—216, 2007 (in Russian).

5. Yepikhin A. Yu. Interdisciplinary issues of qualifying corpus delicti of knowing perjury, an expert's or a specialist's report or wrong translation (Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation). In: Political, economic and social and cultural aspects related to regional governance in the European North. Materials of the final (the thirteenth) All-Russian scientific and practical conference, 23—24 October 2014, Syktyvkar. In 3 vol. Vol. 1. Syktyvkar: KRAGSIU; 2014: 89—97 (in Russian).

6. Lavrov P. V., Karpenko O. A. Omission as a form of knowing perjury. Research works of the Academy of management of the Interior Ministry of Russia, 63—69, 2019 (in Russian).

7. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Adellant; 2013: 800 (in Russian).

8. Verdict of the Pokrovsky District Court of the Oryol Region on case No. 1-14/2018 on 14 June 2018. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/>. Accessed: 26 April 2021 (in Russian).

9. Verdict of the Budyennovsk City Court of the Stavropol Region on Case No. 1-181/2016 on 28 June 2016. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/>. Accessed: 26 April 2021 (in Russian).

10. Verdict of the Orekhovo-Zuyevo City Court of the Moscow Region on Case No. 1-614/2014

по делу № 1-614/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 26.04.2021).

11. Приговор Березовского городского суда Кемеровской области от 25 декабря 2014 г. по делу № 1-218/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 26.04.2021).

12. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007. 54 с.

13. Приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 21 марта 2021 г. по делу № 1-28/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.04.2021).

14. Тепляшин П. В. Преступления против правосудия: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2004. 160 с.

15. Дегтярева Н. И. О некоторых направлениях совершенствования законодательства об ответственности за преступления против правосудия, связанные с сокрытием и фальсификацией доказательств // Российский следователь. 2009. № 22. С. 13—16.

16. Цепелев К. В. Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 25 с.

17. В Волгограде заключен под стражу подозреваемый в двойном убийстве, совершенном почти 25 лет назад. URL: <https://volgograd.sledcom.ru/news/item/1522799/> (дата обращения: 21.04.2021).

© Лихолетов А. А., Победнова А. А., 2021

Лихолетов Александр Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

on 28 November 2014. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/>. Accessed: 26 April 2021 (in Russian).

11. Verdict of the Berezovsk City Court of the Kemerovo Region on Case No. 1-218/2014 on 25 December 2014. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/>. Accessed: 26 April 2021 (in Russian).

12. Kuleshov Yu. I. Crimes against justice: problems of theory, legislation and law enforcement. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Vladivostok; 2007: 54 (in Russian).

13. Verdict of the Tikhoretsk City Court of the Krasnodar Region on Case № 1-28/2020 on 21 March 2021. Available from: <https://bsr.sudrf.ru/>. Accessed: 26 April 2021 (in Russian).

14. Teplyashin P. V. Crimes against justice. Text-book. Krasnoyarsk: The Siberian Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 2004: 160 (in Russian).

15. Degtyaryeva N. I. On some ways to improve legislation on liability for crimes against justice related to concealing and falsifying evidence. Russian Investigator, 13—16, 2009 (in Russian).

16. Tsepelev K. V. Knowing false accusation and perjury, an expert's or a specialist's report or wrong translation: criminal law characteristics and qualification problems. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2018: 25 (in Russian).

17. In Volgograd a suspect has been taken into custody for the double murder committed at least 25 years ago. Available from: <https://volgograd.sledcom.ru/news/item/1522799/>. Accessed: 21 April 2021 (in Russian).

© Likholetov A. A., Pobednova A. A., 2021

Likholetov Alexander Alexandrovich,

associate professor at the criminal law
department of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Победнова Анна Александровна,
курсант 4А курса факультета
подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Pobednova Anna Alexandrovna,
cadet of the 4th course of the faculty
of training of investigators
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.9
ББК 67.515
doi: 10.25724/VAMVD.VQST

Д. К. Овчинников

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ОБНАЛИЧИВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ:
ПРОБЛЕМАТИКА И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Преступления, связанные с криминальным обналичиванием денежных средств, в настоящее время выступают базовым катализатором формирования и расширения сектора теневой экономики Российской Федерации. Совокупный ущерб от указанных преступных посягательств исчисляется многозначными суммами, тогда как их латентность вместе с существующими уголовно-правовыми механизмами противодействия не позволяют правоохранительным органам давать достойный ответ подобным вызовам криминального мира. Поскольку юридическая доктрина и практика не сформировали единого подхода к правовой оценке рассматриваемого девиантного поведения. Существующие положения уголовного закона, регламентирующие вопросы привлечения к ответственности за совершение обозначенных общественно опасных деяний, во многом отличаются неунифицированностью и бессистемностью, что стало причиной многочисленных проблем в правоохранительной деятельности, в частности, обусловленных процессом квалификации. Проведенное исследование специфики противодействия преступлениям, связанным с незаконным обналичиванием денежных средств, наглядно демонстрирует масштаб угрозы, разросшейся до уровня экономической и национальной безопасности. Сформировано комплексное системное представление о проблемах юридической оценки соответствующих противоправных деяний. Предложены пути совершенствования действующего уголовного законодательства в обозначенной области.

Ключевые слова: криминальное обналичивание, денежные средства, теневая экономика, преступность, противодействие, законодательство, уголовная ответственность.

D. K. Ovchinnikov

**CERTAIN ASPECTS OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION
TO ILLEGAL CASH WITHDRAWAL:
PROBLEMS AND AREAS OF IMPROVEMENT**

Crimes related to criminal cash withdrawal currently act as a basic catalyst for the formation and expansion of the shadow economy sector of the Russian Federation. The total damage caused by these criminal attacks is calculated in multi-digit amounts, while their latency, together with the existing criminal law mechanisms of counteraction, do not allow law enforcement agencies to give a worthy response to such challenges of the criminal world. While legal doctrine and practice have not formed a unified approach to the legal assessment of the considered deviant behavior. The existing provisions of the criminal law regulating the issues of bringing to justice for the Commission of designated socially dangerous acts are largely non-uniform and unsystematic, which has caused numerous problems in law enforcement, in particular, due to the qualification process. The conducted research on the specifics of countering crimes related to illegal cash withdrawal clearly demonstrates the scale of the threat that has grown to the level of economic and national security. A comprehensive system view of the problems of legal assessment of the relevant illegal acts has been formed. Directions for improving the current criminal legislation in the designated area are proposed.

Key words: criminal cashing, money, shadow economy, crime, counteraction, legislation, criminal liability.

Интенсивное развитие рыночных отношений в современном мире, в ходе которого формируются новые экономические институты, становится следствием новых общественных отношений, в том числе и криминальных. Вместе с тем отечественное законодательство не всегда своевременно проходит модернизацию и адаптацию под динамично развивающиеся социально-экономические реалии, что в значительной степени влияет на состояние защищенности от преступных посягательств законных интересов различных субъектов экономической деятельности, социальных ценностей и благ, непосредственно проистекающих из экономических отношений. Представители криминалитета постоянно совершенствуют способы совершения экономических и коррупционных преступлений, разрабатывают новые преступные схемы для разного рода манипуляций в сфере финансово-кредитной деятельности. В этом ключе особо показательно суждение А. Я. Татульника, гласящее, что «лица, непосредственным образом участвующие в незаконном обналичивании денежных средств (далее — НОДС), регулярно модернизируют соответствующие преступные схемы, становятся „более изощренными“ в поиске новых путей для обхода действующего законодательства, что позволяет им безнаказанно совершать противоправные деяния, дестабилизирующие экономические отношения в государстве» [1, с. 78]. Таким образом, по мнению данного исследователя, *«важное значение приобретает разработка и формулировка научно обоснованных и практико-применительных предложений для предупреждения и предотвращения подобных преступлений»* [1, с. 78].

Такое развитие механизмов преступного поведения приводит к неоднородной правоприменительной практике, к произвольному толкованию отечественного уголовного законодательства вследствие отсутствия в последнем конкретных нормативных возможностей по ретроспективному юридическому реагированию на новые модели общественно опасного поведения. Изложенное, в свою очередь, демонстрирует непредусмотрительность российского материального права, тем самым подрывая авторитет государственной власти в части, касающейся уголовной политики.

Так, актуальной остается проблема отсутствия в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) специального механизма противодействия НОДС — общественно опасному деянию, получившему достаточно широкую распространенность в различных сферах экономической

преступности и сыгравшему не последнюю роль в становлении сектора теневой экономики.

Высокая общественная опасность НОДС объясняется тем, что оно обеспечивает состоятельность и латентность таких преступлений, как незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), создание фирм-однодневок (ст. 173¹, 173² УК РФ), отмывание преступных доходов (ст. 174, 174¹ УК РФ), взяточничество (ст. 290, 291, 291¹, 291² УК РФ), различные виды налоговых преступлений и др. Фактически благодаря НОДС лица, виновные в экономических преступлениях, получают возможность распорядиться доходами, извлекаемыми из запрещенной законом деятельности. Иными словами, НОДС является одним из ключевых инструментов, поддерживающих жизнеспособность теневой экономики, причиняя вред общественным отношениям, складывающимся на финансовом рынке, в сфере кредитования, в сферах государственной власти, службы в коммерческих и некоммерческих организациях и т. д.

В то же время, несмотря на повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния, законодатель не создает обособленных возможностей по привлечению к уголовной ответственности именно за названное преступление. Из-за этого правоприменителю приходится прибегать к инкриминированию статей УК РФ, диспозиции которых свидетельствуют о том, что данные нормы не предназначены для противодействия НОДС и не содержат в себе признаков данного деяния, а это означает вынужденное расширительное толкование уголовного закона. В результате такого подхода формируется неоднородная следственно-судебная практика.

Даже в юридической литературе до сих пор нет однозначного мнения по поводу того, какой статьей УК РФ предусмотрен состав НОДС: 159² «Мошенничество при получении выплат», 171 «Незаконное предпринимательство», 172 «Незаконная банковская деятельность», 173¹ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», 173² «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», 174¹ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» или 327 «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград,

штампов, печатей или бланков». Тем не менее практика показывает не меньшее количество различных точек зрения на фактически идентичные ситуации, что говорит об отсутствии единообразия в правоохранительной деятельности, связанной с противодействием «обналичке», а также неунифицированности и бессистемности соответствующих законодательных положений. Остановимся подробнее на несовершенстве существующей законодательной регламентации и проблемах ее правоприменения.

Мошенничество, сопряженное с обналичиванием, как правило, вызывает вопросы по квалификации асоциального поведения в силу конкуренции со своими однородными составами. К примеру, в соответствии с приговором Советского районного суда г. Красноярск от 2 октября 2017 г. по делу № 1-333/2017:

...реализуя свой преступный умысел, К., достоверно зная, что ее мама Т. пропала без вести и местонахождение последней неизвестно, в УПФР об отсутствии Т. не сообщила и, не имея полномочий, установленных законами Российской Федерации, для дальнейшего получения, снятия и использования денежных средств с лицевого счета, открытого на имя Т., стала похищать денежные средства, ежемесячно перечисляемые УПФР на лицевой счет, открытый на имя Т., обманывая уполномоченный орган — УПФР — путем сознательного умолчания о юридически значимом факте, а именно о безвестном исчезновении Т., при этом действия К., регулярно снимавшей денежные средства с лицевого счета, открытого на имя Т., вводили в заблуждение УПФР и давали основания уполномоченному органу полагать, что указанным счетом продолжает пользоваться получатель выплат — Т., тем самым не давали УПФР возможности установить основания для приостановления зачисления денежных средств на счет Т. ... [2].

Содеянное гр. К. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 159 УК РФ, основываясь на доводах, что после безвестного исчезновения матери — Т. гр. К. сознательно умолчала о юридически значимом факте, а именно о безвестном исчезновении Т., и не предоставила в уполномоченный орган — УПФР сведения о фактическом отсутствии Т. и, воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, незаконно обналичивала при помощи банковской карты с лицевого счета, открытого на имя Т., денежные средства, перечисляемые УПФР в качестве пенсионного обеспечения Т. Тем не менее сами выплаты были назначены и выплачивались в соот-

ветствии с действующим законодательством, никаких противоправных действий, в том числе обмана, при этом не происходило. Незаконное обналичивание происходило не благодаря тому, что виновное лицо умалчивало о сведениях, которые при этом его никто и не обязывал предоставлять. Способ совершения преступления совершенно не связан с обманом: гр. К. тайно, безвозмездно, воспользовавшись тем, что банковская карта принадлежит не ей, обналичила находящиеся на счету денежные средства, другими словами, похитила их, в дальнейшем распорядившись ими по своему усмотрению. В ином случае, если вести речь об обмане, позволившем в дальнейшем получать пенсию матери в нарушение требований действующего законодательства о том, что пенсия начисляется конкретному лицу и может получаться иными лицами только в случаях, закрепленных законом, тогда как гр. К. к таковым лицам не относится, то было бы уместно говорить о юридической оценке по ст. 159² УК РФ. Однако приведенный пример из судебной практики демонстрирует наличие проблем квалификации деяний, осложненных необходимостью установления правомерности обналичивания денежных средств.

Следующей нормой уголовного закона, вызывающей дискуссии относительно своей принадлежности к исследуемой группе преступлений, является ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Прежде всего стоит обратить внимание на терминологический аспект, а именно: согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации под таковой стоит понимать самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Если не рассматривать риск быть привлеченным за «криминальный обнал» к уголовной ответственности, то его присутствие здесь становится достаточно спорным. Более того, обналичивание денежных средств по своему содержанию, скорее, является лжепредпринимательством, поскольку полностью противоречит смыслу предпринимательской деятельности.

В то же время указание на осуществление «мнимых» сделок в диспозиции нормы, регламентированной ст. 171 УК РФ, отсутствует, тогда как сам перевод безналичных денег в наличные не относится к перечню видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию. Примечательно, что даже судебная практика порой придерживается абсолютно противоположной позиции. Так,

согласно приговору Первомайского районного суда г. Омска от 29 августа 2011 г. по делу № 1-17/2011:

...действия гр. П. следует квалифицировать по п. «Б» ч. 2 ст. 171 УК РФ как незаконное предпринимательство, т. е. осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. Как установлено судом, А. В. Пушко зарегистрировал ряд организаций, используя которые занимался обналичиванием денежных средств, а также перечислением денежных средств по просьбе клиентов на счета сторонних организаций за обусловленный процент комиссии. Указанные деяния он совершал без специального разрешения (лицензии). Хотя эта деятельность входит в перечень видов деятельности, для занятия которыми необходимо получение специального разрешения (лицензии) [3].

Как отмечает А. А. Бутенко, «по своей сути операции с финансовыми активами при незаконном „обналичивании“ хотя и являются экономическими, но не составляют деятельности в сфере единства производства, распределения, обмена и потребления, что в экономической литературе отождествляется с законной экономической деятельностью» [4, с. 74]. Это же следует и из толкования положений ст. 3 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». В свою очередь, деятельность коммерческих организаций по обналичиванию денежных средств (независимо от того, правомерный этот процесс или незаконный) по своей сущности является разновидностью операций, проводимых банками (в частности, речь ведется о кассовом обслуживании физических и юридических лиц), следовательно, по своей юридической конструкции она относится именно к банковской деятельности.

Однако из данного тезиса не должен последовать вывод о том, что ст. 172 УК РФ является оптимальным и унифицированным вариантом по квалификации анализируемых общественно опасных деяний. М. Ю. Немцев указывает, что «большинство распространенных преступных схем действительно предполагает совершение банковских операций, но при этом они совершаются „обналичниками“ как клиентами кредитных организаций» [5, с. 230]. Иными словами, они не берут на себя их полномочия, а выступают всего лишь в качестве

посредников для перевода электронных денег в наличные, что, в свою очередь, исключает посягательство на установленный порядок осуществления банковской деятельности. В то же время действия самих сотрудников банка, принявших участие в подобных схемах, должно квалифицироваться как злоупотребление полномочиями по ст. 201 УК РФ.

Таким образом, указанные нормы напрямую не предназначены для квалификации незаконного обналичивания. Как справедливо отмечал В. С. Белохребетов, «актуальные проблемы применения ст. 172, 173¹, 173² УК РФ в правоохранительной практике стали предметом активной дискуссии в специальной литературе» [6, с. 83]. Так и К. В. Фролов, изучая проблему квалификации НОДС, подчеркивал, что «у ученых и первоприменителей нет общего согласия, касающегося применения той или иной уголовно-правовой нормы» [7, с. 358]. Подобной позиции придерживается В. В. Лошкарев, объяснивший существование рассматриваемой проблемы отсутствием «уголовной ответственности собственно за незаконное обналичивание денежных средств, а на практике уголовно-правовая оценка подобной финансовой (коммерческой) деятельности дается через составы преступлений, как правило, предусмотренных ст. 172, 173¹, 173² УК РФ» [8, с. 159].

Фактически уголовный закон предусматривает ответственность не за само НОДС, а за создание так называемых обналичивающих площадок [9, с. 233], и квалификация, соответственно, ввиду различного характера подобных криминальных учреждений, не может быть однородной. Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что оно вообще не содержит в своей структуре нормы, предусматривающей ответственность за НОДС. Вместе с тем это нельзя назвать проблемой исключительно Российской Федерации. Так, Т. С. Фетисенкова, проанализировав уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств, пришла к выводу, что НОДС не выделяется в качестве отдельного состава преступления, «как правило, уголовная ответственность наступает за деяния, сопряженные с незаконным обналичиванием денежных средств» [10, с. 65]. С учетом того, что НОДС образует самостоятельный механизм преступного поведения, не ясна причина отсутствия самостоятельного состава преступления в УК РФ. Относиться к такому законодательному попустительству снисходительно нельзя. В связи с этим неоднозначна, к примеру, точка зрения Н. А. Волковой и А. А. Карпухиной, пола-

гавших, что уголовно-правовое значение категории НОДС и вытекающая из нее проблема квалификации очевидны, и подобные деяния «*стоит квалифицировать по ст. 172 УК РФ*» [11, с. 110].

Е. П. Бойкова, например, утверждает, что «учитывая возрастающую для законотворческой деятельности роль дифференциации ответственности за различные способы совершения преступлений, необходимо дополнить УК РФ новой статьей». В частности, указанный исследователь предлагает предусмотреть ответственность за незаконное «*обналичивание и (или) транзитирование денежных средств*» [12, с. 75].

В то же время уголовно-правовой доктриной пока что не было предложено комплексного научного исследования на эту тему, позволяющего судить о целесообразности разработки предполагаемых уголовно-правовых средств.

Не меньшей проблемой является тематика юридически верного уголовно-правового реагирования на преступления, сопряженные с обналичиванием денежных средств, предварительно интегрированных в цифровую экономику. Например, обществу уже известна практика возбуждения уголовных дел по факту обналичивания денежных средств через биржу цифровых (крипто-) валют [13] (еще не признанного Россией финансового инструмента, что, тем не менее, не отменяет общественной опасности совершаемых с ним махинаций).

На взгляд Е. Смирновой, данная проблематика нуждается в глубоком научном осмыслении, по результатам которого предполагается создание комплекса уголовно-правовых мер, предназначенных для борьбы с НОДС, что позволит юридически грамотно разрешить вопрос о правильной квалификации такого преступления и, соответственно, унифицирует правоприменительную практику в аспекте отнесения НОДС к конкретному составу преступления [13].

Так, Б. А. Смагоринский и А. В. Щелконогов резюмировали, что модификация методической основы для расследования подобных преступлений должна улучшить работу как оперативно-разыскных, так и следственных органов [14, с. 108]. На наш взгляд, разрешение заявленной проблемы лежит, в первую очередь, в плоскости законотворческой деятельности, а не методического обеспечения, так как последнему, с учетом актуального состояния уголовного законодательства, попросту не на что ориентировать сотрудников практических подразделений и служб. Обозначенное также позволит более полно раскрыть потенциал уголовной политики по противодействию множеству других пре-

ступлений экономической направленности, непосредственно сопряженных с незаконным обналичиванием.

Правомерная с точки зрения формальной логики и действующего уголовного законодательства квалификация противоправного поведения «обналичивателей» в настоящее время вызывает немало споров в силу отсутствия единых подходов к юридической оценке указанных деяний. Однозначная определенность доктрины и практики в этом вопросе состоит лишь в том, что данное поведение общественно опасно и должно влечь за собой уголовную ответственность. М. И. Мамаев подчеркивает, что «вознаграждение в виде комиссионных от суммы обмененных на наличные деньги денежных средств следует рассматривать как доход от преступной деятельности» [15, с. 52]. К сожалению, деятельность, осуществляемую правоохранительными органами в этом направлении, не удастся признать эффективной в достаточной мере, в первую очередь по причине того, что существующее правовое поле не предоставляет нам сегодня действительно эффективных механизмов противодействия соответствующей группе преступлений. Результатом этого становится неконтролируемое расширение сектора теневой экономики Российской Федерации. В связи с этим представляется целесообразным пересмотр существующих законодательных подходов с целью дальнейшего совершенствования мер по борьбе с этой отраслью преступности.

Одна из основных угроз для плодотворного функционирования и развития финансового сектора государственных правоотношений заключается в том, что процедура криминального обналичивания детерминирует неравенство условий для хозяйствования субъектов, существующих в одной экономической нише. Организации и предприниматели, не пользующиеся предложениями фирм-однодневок, обременяют себя значительными издержками в виде НДС, налога на прибыль и т. д. по сравнению с теми, кто прибегает к таким услугам. Таким образом, формируются достаточно невыгодные условия для добросовестных предпринимателей, поскольку отказ от операций по «обналичке» способен стать причиной серьезных финансовых потерь в силу неконкурентной цены. Законопослушные субъекты либо вытесняются с рынка, либо начинают вынужденно втягиваться в «сферу незаконного обналичивания», вследствие чего становятся предметом пристального внимания правоохранительных органов.

Стоит при этом понимать, что речь ведется не только о формировании теневое сектора

экономики, основанного на неучтенных наличных денежных средствах. Происходит укрытие большей части сделок, а также извлеченной прибыли, значительная часть финансовых активов в виде налогов и других обязательных отчислений обходит поступление в бюджет государства и внебюджетные фонды. Осуществляются неконтролируемые транзакции из сферы законного денежного оборота в криминальный, становится востребованной легализация средств платежа, полученных преступным путем, что также сопровождается огромным массивом общеуголовных правонарушений и по существу оказывает крайне негатив-

ное влияние на стабильность денежной системы Российской Федерации и в целом экономической безопасности страны.

На основании изложенного считаем целесообразным:

1) устранить неоднородность следственно-судебной практики в вопросах квалификации НОДС;

2) не допустить произвольного толкования отдельных норм уголовного закона;

3) усовершенствовать механизм противодействия экономическим преступлениям в целом.

1. Татульник А. Я. К вопросу о борьбе с незаконным обналичиванием денежных средств // Современность в творчестве начинающего исследователя: сб. материалов науч.-практ. конф. молодых ученых (Иркутск, 29 марта 2018 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. С. 77—80.

2. Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 2 октября 2017 г. по делу № 1-333/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eGCWASinmC6M/> (дата обращения: 10.09.2020).

3. Приговор Первомайского районного суда г. Омска от 29 августа 2011 г. по делу № 1-17/2011. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/02cZoX4pbkLR/> (дата обращения: 10.09.2020).

4. Бутенко А. А. Противопривная деятельность по обналичиванию безналичных денежных средств // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 72—75.

5. Немцев М. Ю. Незаконное обналичивание денежных средств: уголовно-правовая квалификация // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3 (32). С. 229—232.

6. Белохребетов В. С. Противодействие преступлениям, связанным с незаконным обналичиванием денежных средств // Известия Тульского Государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4 (2). С. 82—87.

7. Фролов К. В. О некоторых правовых аспектах деятельности по незаконному обналичиванию денежных средств как виду незаконной банковской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 357—361.

8. Лошкарев В. В. Проблемы противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. материалов VIII науч.-практ. конф. молодых ученых / под

1. Tatulyuk A. Ya. To the question of the suppression of illegal cashing of funds. In: Modernity in the work of a novice researcher. Collection of materials of the scientific and practical conference of young scientists, 29 March 2018, Irkutsk. Irkutsk: VSI MVD of Russia; 2018: 77—80 (in Russian).

2. Verdict of the Soviet district court of Krasnoyarsk on 2 October 2017 in case No. 1-333/2017. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/eGCWASinmC6M/>. Accessed: 10 September 2020 (in Russian).

3. Verdict of the Pervomaisky district court of Omsk on 29 August 2011 in case No. 1-17/2011. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/02cZoX4pbkLR/>. Accessed: 10 September 2020 (in Russian).

4. Butenko A. A. Illegal activity on cashless cash withdrawal. Society and law, 72—75, 2016 (in Russian).

5. Nemtsev M. Yu. Illegal cash withdrawal: criminal law qualification. Bulletin of Omsk University. Series "Law", 229—232, 2012 (in Russian).

6. Belokhrebetov V. S. Counteraction to crimes related to illegal cash withdrawal. Proceedings of the Tula State University. Economic and legal Sciences, 82—87, 2017 (in Russian).

7. Frolov K. V. On some legal aspects of illegal cash withdrawal as a type of illegal banking activity. Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 357—361, 2015 (in Russian).

8. Loshkarev V. V. Problems of countering illegal cash withdrawal. In: Actual problems of legal science and practice: the view of young scientists. Collection of materials of the VIII scientific and practical conference of young scientists, 3 June 2016. Ed. by A. Yu. Vinokurov, K. A. Komogortseva; Council of young scientists of the Academy of the General Prosecutor's office of the Russian

ред. А. Ю. Винокурова, К. А. Комогорцевой; Совет молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (3 июня 2016 г.). Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 159—165.

9. Светлова В. В. Методическое обеспечение раскрытия преступлений, связанных с обналичиванием бюджетных средств // Синергия учета, анализа и аудита в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: сб. материалов II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Петровой и проф. М. И. Баканова (10 ноября 2015 г.). Москва: Аудитор, 2016. С. 229—236.

10. Фетисенкова Т. С. Опыт зарубежных стран в направлении противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2014. № 7—8. С. 65—69.

11. Карпухина А. А., Волкова Н. А. Незаконное обналичивание денежных средств: сущность и квалификация // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (25 марта 2018 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 107—110.

12. Бойкова Е. П. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных незаконным обналичиванием и транзитированием денежных средств // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 2 (16). С. 72—80.

13. Смирнова Е. Первое уголовное дело за обналичивание биткоинов заведено в России // Ведомости: электрон. период. изд. 2017. 1 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali> (дата обращения: 10.09.2020)

14. Смагоринский Б. П., Щелконогов А. В. Некоторые вопросы организации обналичивания денежных средств через счета фиктивных организаций как вид незаконной банковской деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 107—112.

15. Мамаев М. И. О квалификации незаконного «Обналичивания» денежных средств // Журнал российского права. 2006. № 1 (109). С. 44—52.

Federation. Moscow: Academy of the General Prosecutor's office of the Russian Federation; 2016: 159—165 (in Russian).

9. Svetlova V. V. Methodical support of the disclosure of crimes related to the cashing in of budgetary funds. In: Synergy of accounting, analysis and audit in ensuring the economic security of business and the state. Collection of materials of the II International interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of prof. V. I. Petrov and prof. M. I. Bakanova, 10 November 2015. Moscow: Auditor; 2016: 229—236 (in Russian).

10. Fetisenko T. S. the Experience of foreign countries in the direction of counteraction to illegal withdrawal of cash. Modern science: actual problems of theory and practice. Series "Economics and law", 65—69, 2014 (in Russian).

11. Karpukhina A. A., Volkova N. A. Illegal cash withdrawal: essence and qualification. In: Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations. Collection of articles of the VII International scientific and practical conference, 25 March 2018. Penza: Science and Education; 2018: 107—110 (in Russian).

12. Boykova E. P. Some problems of qualification of crimes related to illegal cash withdrawal and transit of funds. Bulletin of the Samara humanitarian Academy. Series "Law", 72—80, 2014 (in Russian).

13. Smirnova E. The First criminal case for cashing bitcoins was opened in Russia. Vedomosti. Electronic periodical, 1 September 2017. Available from: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali>. Accessed: 10 September 2020 (in Russian).

14. Smagorinsky B. P., Shchelkonogov A. V. Some issues of organization of cash withdrawal through accounts of fictitious organizations as a type of illegal banking activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 107—112, 2015 (in Russian).

15. Mamaev M. I. On the qualification of illegal cash withdrawal. Journal of Russian law, 44—52, 2006 (in Russian).

© Ovchinnikov D. K., 2021

© Овчинников Д. К., 2021

Овчинников Дмитрий Константинович,
начальник Управления
экономической безопасности
и противодействия коррупции
ГУ МВД России
по Нижегородской области;
268-53-63

Ovchinnikov Dmitry Konstantinovich,
head of the Department of economic security
and anti-corruption of the Main directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Nizhny Novgorod region;
268-53-63

* * *

УДК 343.33
ББК 67.408.16
doi: 10.25724/VAMVD.VSTU

И. М. Пшеничнов

**«НЕЗАКОННЫЙ НАЕМ» И ТЕРРОРИЗМ —
ДВЕ ГРАНИ ОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Актуальность исследования заключается в характере общественно опасных посягательств, сопряженных с терроризмом и осложненных такой уголовно-правовой категорией, как «незаконный наем». Сложившаяся в настоящее время криминальная обстановка в мире свидетельствует о несовершенстве существующих механизмов противодействия указанным явлениям, что подтверждается не только стабильно растущим количеством преступлений террористического характера, но и спецификой форм их проявления, аморальным мировоззрением отдельных слоев общества и крайней жестокостью лиц, в этом задействованных. Действующее уголовное законодательство не позволяет в полной мере правоохранительным органам реализовывать принцип справедливости в процессе противодействия преступлениям террористического характера, сопряженным с наймом. Основной причиной этого является отсутствие унифицированности соответствующих норм, недостаточное внимание к заказчикам криминальной активности, а также излишне гуманный подход к фиксации «незаконного найма» в качестве квалифицирующего признака отдельных преступлений. Исследование современного состояния противодействия преступлениям террористического характера, сопряженным с наймом, позволило выделить пробелы в действующем уголовном законодательстве, в качестве механизмов преодоления которых выделяются: модернизация института соучастия посредством включения в него нового субъекта — заказчика, расширение круга общественно опасных деяний посредством выделения дополнительного квалифицирующего признака, унификации и систематизации соответствующих норм.

Ключевые слова: терроризм, незаконный наем, преступность, противодействие, общественная опасность, уголовный закон, модернизация.

I. M. Pshenichnov

**"ILLEGAL HIRING" AND TERRORISM —
TWO FACETS OF THE SAME CRIME:
PROBLEMS OF COUNTERACTION**

The relevance of the study lies in the nature of socially dangerous attacks associated with terrorism, and complicated by such a criminal legal category as "illegal hiring". The current criminal situation in the world indicates the imperfection of existing mechanisms to counter these phenomena. This is confirmed not only by the steadily growing number of terrorist crimes, but also by the specific forms of their manifestation, the immoral worldview of certain segments of society and the extreme cruelty of those involved. The current criminal legislation does not allow law enforcement agencies to fully implement the principle of justice in the process of countering terrorist crimes involving recruitment. The main reason for this is the lack of uniformity of the relevant norms, insufficient attention to customers of criminal activity, as well as an excessively humane approach to fixing "illegal hiring" as a qualifying feature of individual crimes. The research carried out on the current state of countering terrorist crimes involving recruitment has allowed us to identify gaps in the current criminal legislation, which can be overcome by modernizing the institution of complicity by including a new subject — the "customer", expanding the range of socially dangerous acts by identifying an additional qualifying feature, and unifying and systematizing the relevant norms.

Key words: terrorism, illegal hiring, crime, counteraction, public danger, criminal law, modernization.

Криминальная активность, обусловленная деятельностью террористических формирований, вполне заслуженно относится к профессиональной и высокоорганизованной разновидности преступности, приобретшей международный характер. Баланс сил, характеризующий систему международных отношений, подвергся серьезной деформации: все их субъекты независимо от своего статуса и военного потенциала ощущают на себе реальную опасность стать жертвой подобных посягательств. Каждый подобный факт становится свидетельством пробелов и иных проблем в механизме обеспечения национальной безопасности и, соответственно, во всей системе государственной власти. Еще в 2018 г. бывший министр внутренней безопасности США Кирстен Нильсен отметила, что «в различных точках земного шара возникает вакуум власти, который быстро заполняется террористами и транснациональной преступностью, у них у всех общая цель: они хотят разрушить наш образ жизни, и многие провоцируют хаос, нестабильность и насилие» [1].

Не представляется возможным представить, чтобы такие противоправные деяния были бы совершены непредумышленно, по случайному стечению обстоятельств. Каждое подобное проявление сопровождается как минимум определенной подготовкой и проработкой планируемых действий, которые существенно повышают шансы на достижение желаемого результата. Ужасные события, приводящие к весьма трагичным последствиям, как правило, характеризуются участием наемников. Например, человека, обладающего всеми необходимыми физическими и психическими качествами, новейшим оружием и экипировкой, боевым опытом и навыками. Это в сумме позволяет ему не только выполнить определенную задачу (причинение вреда здоровью или того хуже — убийство), но и создать условия для сокрытия следов преступления и выставить содеянное в качестве несчастного случая.

Вместе с тем террористы не ограничивают себя лишь услугами профессионалов: нередко в деяниях, вызывающих общественный резонанс, задействованы люди, не обладающие какими-либо специальными познаниями в области военного дела. Так, в июле 2016 г. во Франции произошло ужасное по своей агрессивности и бесчеловечности событие: уроженец Туниса Мохаммед Ляуж Булель, управляя грузовиком, буквально протаранил толпу людей, празднующих День взятия Бастилии на Английской набережной в Ницце. В результате данного акта насилия погибло 86 человек, а 458 —

получили телесные повреждения различной степени тяжести. Впоследствии было установлено, что незадолго до теракта он направил своим родным крупную сумму денег — 100 тысяч евро, при этом работал он водителем в службе доставки [2].

В то же время, кроме той материальной награды, которую получают родственники смертников, «со стороны соседей, старейшин им также причитается особое уважение и почет» [3, с. 77]. Деформация общественной нравственности и моральных устоев в отдельных социальных группах фактически достигла своего предела, как минимум по той причине, что речь ведется о «летальном найме», предполагающем совершение насильственных действий, как правило сопровождающихся самоубийством исполнителя, за различного рода вознаграждение. В данном контексте не исключаются случаи, когда «смертник» в силу различного рода обстоятельств, в том числе по собственному желанию, остался в живых.

Таким образом, не стоит возлагать серьезных надежд на наличие каких-либо ограничений в пределах развития человеческого порока, поскольку мировая история также располагает фактами привлечения несовершеннолетних и даже малолетних для осуществления террористических целей [4; 5].

Обзор уголовной статистики показывает нам, что раскрываемость такого рода преступлений крайне незначительна и составляет не более 15 %, и это при том, что их сравнительно небольшой удельный вес совершенно не соответствует создаваемой ими угрозе. Фактически каждое подобное деяние вызывает серьезный социальный резонанс, дестабилизирует общественный порядок, нивелирует компетентность государств в обеспечении безопасности, провоцирует эскалацию напряженности отдельных международных отношений, а также вызывает множество других деструктивных последствий. Все это, в свою очередь, обуславливает актуальность поиска путей совершенствования существующих механизмов противодействия преступлениям террористического характера, сопряженным с наймом, чему будет способствовать обнаружение и дальнейшее исключение существующих коллизий и пробелов на национальном уровне, а также недопущение различного рода недоработок и упущений, имеющих в зарубежном и международном законодательстве. Полученный опыт и достигнутые результаты позволили бы правоприменителю по-новому взглянуть на сложившуюся криминальную ситуацию и на уголовную практику, что в итоге дало бы толчок для активизации его работы в данном направлении.

В настоящее время уголовный закон предусматривает «незаконный найм» в качестве квалифицирующего признака по пяти разновидностям общественно опасных деяний: «Убийство» ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» ст. 111 УК РФ, «Истязание» ст. 117 УК РФ, «Захват заложника» ст. 206 УК РФ и «Наемничество» ст. 359 УК РФ. Стоит отметить при этом, что указанные положения присутствовали в законе уже на момент его принятия 24 мая 1996 г. и, соответственно, не претерпевали никаких изменений в обозначенном контексте. Тогда как предшествующий кодифицированный источник права 1960 г. вообще не располагал таким квалифицирующим признаком, как найм. Это обстоятельство в некоторой степени дает нам право рассуждать об относительной новизне вышеуказанных норм для отечественного законодательства и даже частично оправдывает этим существующие пробелы и коллизии. Тем не менее логику данного умозаключения нарушает Модельный уголовный кодекс, принятый государствами — участниками СНГ в 1996 г. [6] Он, являясь научно аргументированной рекомендацией, должен был упорядочить механизм привлечения к уголовной ответственности, в том числе и за рассматриваемое явление, установить единые универсальные нормы, которых бы придерживалась указанная группа стран. «Следование этому закону могло стать основой для создания уголовного законодательства, в известной мере унифицированного для всех государств, входящих в СНГ» [7, с. 8—9]. Однако каждая держава по-своему восприняла этот закон и совершенно по-разному усмотрела, что из себя должен представлять комплекс мер, направленных на противодействие преступлениям террористического характера, а также посягательствам, сопряженным с наймом.

В частности, если обратить внимание на уголовное законодательство Азербайджанской Республики, то можно обнаружить рассматриваемый квалифицирующий признак в нормах, регламентирующих ответственность за нанесение вреда здоровью средней тяжести, что в полной мере оправдывается объективной действительностью и формальной логикой. Однако дальнейшей криминализации этого феномена в рамках менее тяжких телесных повреждений не последовало. Подобная позиция законодателя, исключая отягчающий признак из деяний небольшой степени тяжести, может быть оправдана принципом экономии репрессии и возможностью дифференциации ответственности

в рамках уголовного наказания. Однако с данным подходом нельзя согласиться, так как криминальная активность, сопряженная с наймом, носит не однократный, а системный характер, данные правонарушения олицетворяют собой преступность как профессиональный род деятельности и источник достойного заработка. В связи с этим соответствующие послабления в законодательстве позволяют «определенному» контингенту уходить от справедливого, соразмерного наказания, более того, фактически целый спектр общественно опасных деяний против личности и не только не предполагает ужесточения ответственности в случае, если те оказались результатом выполнения заказа.

Далее, обращаясь непосредственно к правоприменительному аспекту заявленной проблемы, целесообразно подчеркнуть, что, как правило, существенных проблем с юридической оценкой содеянного исполнителем-наемником у правоохранительных органов возникнуть не должно. Тогда как действительные затруднения обнаруживаются при попытке квалификации действий инициатора противоправного поведения — заказчика: «тот может признаваться соисполнителем, подстрекателем, пособником и организатором» [8, с. 67].

В данном ключе наиболее распространена практика признания его в качестве подстрекателя преступления, основанная на обывательском заблуждении, что заказчик с помощью подкупа склоняет наемника к совершению преступления. С точки зрения расширительного толкования норм уголовного закона (что недопустимо) подобное может показаться вполне приемлемым. Однако необходимость субъективного вменения требует учитывать сущностные и содержательные показатели произошедшего, в чем поможет разобраться терминологический аппарат. В частности, понятие «подкуп» олицетворяет собой «склонение на свою сторону деньгами, подарками...» [9, с. 434]. В свою очередь термин «склонять» предполагает «располагать к кому-либо, привлекать на чью-либо сторону; убеждать, уговаривать делать что-либо, соглашаться на что-либо» [10, с. 177]. Указанные аспекты определенно имеют отношение к найму, однако его природа в большей степени заключена в коммерческой среде, предполагающей взаимовыгодные отношения — сделку между двумя субъектами, взаимодействие которых базируется на элементах спроса и предложения. Каждого интересует лишь личная выгода, а не общее дело или идеи, поэтому если потенциальный исполнитель не согласен с условиями заказчика, последний не станет утруждать себя различными способами

склонить исполнителя на свою сторону, ему всего лишь придется обратиться к другому специалисту «криминального рынка труда».

Весьма примечательное решение этого вопроса предложено законодателем Словацкой Республики, который наряду с «привычными» для отечественного УК разновидностями соучастников противоправного поведения также выделяет «лицо, нанимающее другого для совершения преступления». Это позволяет минимизировать проблемы судебно-следственной практики, обусловленные поиском тождественных черт поведения заказчика с категориями подстрекателя, организатора и соисполнителя.

Возвращаясь к уголовному законодательству Азербайджана, мы можем заметить еще один примечательный момент, а именно — в нем, в отличие от УК РФ, наем предусмотрен в качестве квалифицирующего признака при похищении человека, а не при захвате заложника. Это в совокупности с ранее сказанным уже свидетельствует о существенных разрозненностях и дискуссионных вопросах в рамках установления ответственности за данную категорию преступлений на территории государств, входящих в СНГ.

Далее, если обратиться к следующему представителю государств постсоветского пространства — Республике Молдова, то уголовный закон не закрепляет в себе такой формулировки, как совершение общественно опасного деяния по найму, ни в рамках обстоятельств, отягчающих преступность деяния, ни в рамках квалифицирующих составов правонарушений. Вместо него он руководствуется дефиницией «казак», что также нельзя признать в полной мере тождественным первому. Всего в настоящем кодексе имеется два подобных состава преступления — это «умышленное убийство и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью». Что касается международной разновидности изучаемого феномена, то молдавский законодатель несколько расширил понятие наемника в сравнении с тем, что указано в примечании к ст. 359 УК РФ. Не углубляясь в подробности, отметим, что действительно важным дополнением в рамках этого определения оказалось положение, касающееся мотивации, а именно — извлечение личной выгоды, которое значительно шире категории материального вознаграждения.

Таким образом, мы можем констатировать, что государства, входящие в состав СНГ, принявшие участие в создании Модельного Уголовного кодекса, совершенно по-разному отнеслись к установле-

нию ответственности за противоправные деяния, сопряженные с наймом. Отдельные страны, такие как Узбекистан, вообще не выделяют данного квалифицирующего признака. Рассмотренные недоработки, противоречия и пробелы выступают в качестве тормозящего фактора как в самой работе правоприменителя, так и в сотрудничестве государств по противодействию преступности.

На основании изложенного вполне обоснованно возникает вопрос: в связи с чем отечественный законодатель предусмотрел данный феномен только в пяти статьях уголовного кодекса? Подобное, как мы уже заметили, не оправдывается ни предшествующими нормативно-правовыми актами, ни зарубежным опытом. Ведь в действительности рассмотренные нормы уголовного кодекса стран СНГ показали нам, что это явление может быть сопряжено и с другими преступлениями. Об этом же свидетельствует и современная отечественная судебно-следственная практика, демонстрирующая факты найма при причинении вреда здоровью средней и легкой степеней тяжести, похищении человека, совершении террористических актов и других посягательств, даже в самой краже может присутствовать подобный элемент. К сожалению, ответа на данный вопрос пока что найти не удалось, но и без него совершенно очевидно просматривается потребность во внесении перспективных изменений в действующее уголовное законодательство, которые в большей степени бы отвечали сложившейся криминальной и социально-экономической ситуации в стране.

В свою очередь, автор не призывает к необдуманному массовому внедрению в уголовный закон соответствующего квалифицирующего признака. Подобное, на наш взгляд, скорее привело к отрицательному результату и захламлению кодекса. Вместе этого предлагается рассмотреть вопрос о создании единой унифицированной нормы, предусматривающей ответственность за «незаконный наем». Это выступило бы своего рода превентивным ударом по деятельности заказчиков общественно опасных деяний, способствующим общей и частной превенции. Данное предписание достаточно удачно включилось бы в группу посягательств на общественную нравственность, так как именно она ставится под угрозу действиями заказчика, предлагающего купить «совесть» исполнителя. Все это приводит к подмене истинных ценностей ложными, материальные блага становятся важнее норм морали, традиций, обычаев и законов. И в то же время происходит формирование и развитие «криминального рынка труда».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что наем во всех своих проявлениях ознаменует собой наиболее тяжкие общественно опасные деяния, и с каждым годом уровень его распространения и угрозы несоизмеримо растет. Взглянуть хотя бы на недавние конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вооруженные конфликты в Ливии и Йемене и в других странах, стабильно увеличивающаяся активность экстремизма и терроризма, наемничества и связанных со всем этим массовых беспорядков. Эти события оказали негативное влияние на сознание граждан всех стран, поставили под угрозу отношения мира и безопасности человечества и в результате показали мировому сообществу, что в настоящее время на нашей планете нет такого государства, которое может в полной степени гарантировать защищенность своего населения от подобных посягательств. По этой причине вопрос противодействия преступности,

сопряженной с наймом, не позволяет никому из нас оставаться в стороне и требует своего дальнейшего изучения и проработки, хотя бы для того, чтобы уравнивать наши шансы в борьбе с этим явлением.

Именно для этого от нас требуются положительные результаты в таком перспективном направлении, как преодоление и устранение коллизий и пробелов в сфере противодействия преступности, сопряженной с наймом, а также терроризмом. Поскольку они выступают в качестве весьма существенного тормозящего фактора в деятельности правоприменителей и создаются многочисленные трудности, накладывающие свой негативный отпечаток на процесс квалификации. В связи с этим одним из основополагающих этапов в области борьбы с подобными деяниями должно стать комплексное исследование зарубежного и международного опыта.

1. «Хаос и насилие». В Вашингтоне обнаружили страшную реальность // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180907/1527988064.html> (дата обращения: 15.10.2020).

2. Федякина А. Террорист из Ниццы отправил 100 тысяч евро семье перед атакой // Российская газета. 2016. 17 нояб.

3. Журавель В. П. Террористы-смертники: проблемы противодействия // Право и безопасность. 2010. № 3 (36). С. 76—84.

4. Syrian boy describes how he turned into a terrorist // Syrian official News Agency. URL: <http://en.alalam.ir/news/1523592> (дата обращения: 15.10.2020).

5. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers // FARS News Agency. URL: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907> (дата обращения: 15.10.2020).

6. Модельный Уголовный кодекс (принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г.)). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 15.10.2020).

7. Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юрид. фак.; под ред. Л. Л. Кругликова и Н. Ф. Кузнецовой. Москва: ЛексЭст, 2002 (Тип. АДИ Бизнес-Карта). 463 с.

8. Попов А. Н. Преступления против жизни с отягчающими обстоятельствами, относящимися к субъективным признакам содеянного (пп. «з» —

1. "Chaos and violence". In Washington, discovered a terrible reality. In: RIA Novosti. Site. Available from: <https://ria.ru/20180907/1527988064.html>. Accessed: 15 October 2020 (in Russian).

2. Fedyakina A. the Terrorist from nice sent 100 thousand euros to the family before the attack. Russian newspaper. 2016; 17 November (in Russian).

3. Zhuravel V. P. Suicide Bombers: problems of counteraction. Law and security, 76—84, 2010 (in Russian).

4. Syrian boy describes how he turned into a terrorist. In: Syrian official News Agency. Available from: <http://en.alalam.ir/news/1523592>. Accessed: 15 October 2020 (in English).

5. Taliban Lures Children to Become Suicide Bombers. In: FARS News Agency. Available from: <http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13920431000907>. Accessed: 15 October 2020 (in English).

6. Model criminal code. Adopted at the seventh plenary session of the inter-parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (resolution No. 7-5 on 17 February 1996). Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>. Accessed: 15 October 2020 (in Russian).

7. New criminal legislation of the CIS and Baltic countries. Collection of scientific articles. Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Yuridical faculty. Ed. by L. L. Kruglikov and N. F. Kuznetsova. Moscow: LeksEst; 2002 (Publishing house ADI Business Map): 463 (in Russian).

8. Popov A. N. Crimes against life with aggravating circumstances related to the subjective signs of the deed (paragraphs "z" — "m" part 2 of article

«м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Монография. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2003. 192 с.

9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук. 4-е изд., доп. Москва: ИТИ Технологии, 1999. 944 с.

10. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Москва: АСТ; Астрель; Харвест, 2006. Т. 2. 1160 с.

© Пшеничнов И. М., 2021

105 of the Criminal code of the Russian Federation). In: Monograph. Saint-Petersburg: Saint Petersburg law Institute of the Prosecutor General's office of the Russian Federation; 2003: 192 (in Russian).

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Russian Academy of Sciences. 4th ed., add. Moscow: ITI Technologies; 1999: 944 (in Russian).

10. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vol. Moscow: AST; Astrel; Harvest; 2006. Vol. 2: 1160 (in Russian).

© Pshenichnov I. M., 2021

Пшеничнов Илья Михайлович,

доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8(831) 421-73-32

Pshenichnov Iliya Mikhailovich,

associate professor at the department
of criminal and penal law
of the Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia
candidate of juridical sciences;
8(831) 421-73-32

* * *

УДК 343.24
ББК 67.408.02
doi: 10.25724/VAMVD.VTUV

Д. Н. Садчикова, М. В. Васильева

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В современных условиях развития уголовной политики Российской Федерации правоприменитель отдает приоритет назначению тех видов наказаний, отбывание которых не связано с изоляцией от общества, т. е. альтернатив лишению свободы. Статья посвящена анализу актуальных проблем регламентации и исполнения наказания в виде обязательных работ. Обязательные работы применяются к лицам, исправление которых возможно без изоляции от общества, и заключаются в безвозмездном выполнении общественно полезных работ. В связи с несовершенством законодательства в статье рассматриваются и предлагаются перспективные направления решения проблем, связанных с применением данного вида уголовного наказания. Сделан вывод о целесообразности законодательного закрепления перечня организаций, на которых отбываются обязательные работы; о включении в действующий закон поощрительных мер, применяемых к такой категории осужденных. Предложен механизм совершенствования назначения и исполнения обязательных работ посредством разъяснения в уголовном законодательстве термина «посильность». Решение соответствующих проблем позволит повысить эффективность применения наказания в виде обязательных работ.

Ключевые слова: обязательные работы, наказание, назначение обязательных работ, исполнение обязательных работ, исправительное воздействие, осужденный.

D. N. Sadchikova, M. V. Vasilieva

**PROSPECTS FOR IMPROVING THE PUNISHMENT
IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR
IN THE LIGHT OF MODERN TRENDS
IN THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

In the modern conditions of the development of the criminal policy of the Russian Federation, the law enforcement officer gives priority to the appointment of those types of punishments, the serving of which is not associated with isolation from society, that is, alternatives to imprisonment. The article is devoted to the analysis of actual problems of regulation and execution of punishment in the form of compulsory labor. Compulsory labor is applied to persons whose correction is possible without isolation from society, and consists in the gratuitous performance of socially useful work. Due to the imperfection of the legislation, the article considers and suggests promising ways to solve the problems associated with the use of this type of criminal punishment. The conclusion is made about the expediency of legislative consolidation of the list of organizations where compulsory labor is served; about the inclusion in the current law of incentive measures applied to such a category of convicts. A mechanism is proposed for improving the assignment and execution of compulsory labor by clarifying the term "feasible" in the criminal legislation. The solution of the relevant problems will increase the effectiveness of the application of punishment in the form of compulsory labor.

Key words: compulsory labor, punishment, assignment of compulsory labor, execution of compulsory labor, corrective action, convicted person.

Современные реалии уголовной политики Российской Федерации диктуют необходимость приоритетного применения тех видов уголовных наказаний, отбывание которых не связано с изоляцией от общества, т. е. так называемых альтернатив лишению свободы. Несмотря на то что буквальное прочтение норм уголовного закона позволяет считать такой альтернативой только принудительные работы, полагаем, что фактически все предусмотренные отечественной правовой системой уголовные санкции, находящиеся в лестнице наказаний выше лишения свободы, представляют собой альтернативу ему. Это объясняется тем, что суды отдают предпочтение конкретному виду назначаемого наказания (из всех возможных в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), содержащей в себе лишение свободы), что в действительности представляет собой не что иное, как альтернативный выбор.

Широкое применение «альтернатив» лишению свободы прежде всего обусловлено необходимостью исключения контакта осужденного с «тюремным населением» и приобретения им навыков криминального поведения. Иначе говоря, в условиях гуманизации законодательства и правоприменительной практики российское государство стремится к уходу от лишения свободы к альтернативным мерам, чтобы исправительное воздей-

ствие на осужденного могло быть достигнуто без изоляции от общества. В обратном случае, если виновное лицо попадает в места лишения свободы, у него в процессе взаимодействия с другими осужденными меняется сознание, личностные установки, ценности и идеалы, что, в конечном счете, может привести к «привыканию» к такому окружению, в результате чего виновный может навсегда остаться в криминальной, преступной среде.

Исходя из сказанного, отметим, что одним из ключевых направлений уголовной политики, на котором должно быть сконцентрировано особое внимание российского государства, в настоящий момент является применение мер, альтернативных лишению свободы. Одной из таких мер, получивших широкую популярность в правоприменительной практике в нашей стране, являются обязательные работы. Данный основной вид уголовного наказания уже на протяжении многих лет претендует на роль одной из самых эффективных и действенных альтернатив лишению свободы для лиц, деяния которых не несут значительной общественной опасности.

О распространенности и активной применимости уголовного наказания в виде обязательных работ свидетельствуют статистические сведения, представленные Верховным Судом Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Число лиц, осужденных к обязательным работам в Российской Федерации в 2016—2020 гг. [1]

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Число лиц, осужденных к обязательным работам в РФ	141 165	12 8165	114 802	99 652	92 617
Доля обязательных работ в общем количестве назначенных уголовных наказаний, %	19,04	18,39	17,44	16,66	17,44

Из приведенных данных статистики видно, что, несмотря на широкий удельный вес в системе российских уголовных наказаний, обязательные работы имеют устойчивую тенденцию к снижению назначения российскими судами. Полагаем, что основная причина кроется в том, что в настоящее время существуют определенные проблемы, которые мешают реализации их высокой эффективности и заложенного в них исправительного потенциала, и, если не предложить пути решения этих трудностей, а также перспективы совершенствования

регламентации обязательных работ, этот вид наказания вскоре потеряет свою результативность, а его назначение будет сведено к минимуму. Обязательные работы «изжили себя» в том виде, в котором они закреплены на сегодняшний день в российском законодательстве, и, по объективному мнению Я. Ю. Васильева, требуют глубокого совершенствования как уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, так и самого механизма исполнения данного уголовного наказания [2, с. 191].

Цель правового регулирования указанной сферы видится в необходимости упорядочивания и демократизации общественных отношений, связанных с назначением и исполнением обязательных работ как перспективного и «юридически рентабельного», эффективного уголовного наказания.

Представляется, что большая часть трудностей, возникающих при реализации обязательных работ, носит организационно-правовой характер, поскольку при назначении осужденному данного вида наказания учитываются далеко не все нюансы его исполнения. В частности, для того чтобы применение обязательных работ носило более эффективный характер, как при его назначении, так и при исполнении необходимо учитывать индивидуальные, профессиональные особенности осужденного, его желание трудиться, активность и готовность к выполнению назначенных работ. Для обеспечения целесообразности исполнения данного вида наказания, принимая во внимание сведения о личности виновного и степени общественной опасности совершенного им деяния, органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями совместно определяют вид обязательных работ с указанием на конкретную организацию, на которую возлагается ответственность за их отбывание.

Вместе с тем действующим законодательством не предусмотрены критерии, в соответствии с которыми представители указанных уполномоченных органов должны осуществлять выбор объектов и мест, где должны исполняться обязательные работы. В связи с этим напрашивается справедливый вопрос: для чего необходимо ограничивать свободу избрания предприятий и организаций, на которых отбывается рассматриваемое наказание? Дело в том, что не все организации и учреждения по своему профилю деятельности соответствуют возможностям осужденных и тяжести совершенных им противоправных деяний. Однако данный вопрос никак не урегулирован на законодательном уровне: формулировка ч. 1 ст. 49 УК РФ [3] и, по аналогии с ней, ч. 1 ст. 25 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) [4] («вид и объекты, на которых отбываются обязательные работы, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями») представляется довольно размытой и нуждается в своей конкретизации. Это необходимо для того, чтобы компетентные органы и учреждения «не злоупотребляли» трудом осужденных, а также для общего понимания сущности наказания в виде обязатель-

ных работ в российских правовых реалиях со стороны как правоприменителя, так и иных лиц, в том числе виновных.

На фоне изложенного наиболее целесообразной мерой видится разработка примерного перечня учреждений и организаций, на которых могут отбываться обязательные работы, а также аналогичного списка, но уже с указанием мест, запрещенных для исполнения данного уголовного наказания. Ввиду территориальных, экономических, климатических и иных условий местности, которые существенно разнятся в разных регионах Российской Федерации, составить подобные рекомендации на федеральном уровне можно лишь в общем виде, изложив их в рамках приказа ФСИН России. В свою очередь, на уровне каждого субъекта Российской Федерации видится необходимой, с учетом специфических, территориальных особенностей каждого из них, разработка перечня разрешенных и запрещенных мест для отбывания обязательных работ, реализацией которых будут заниматься органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией.

Кроме того, полагаем, что общее положение об обязательной разработке перечня «разрешенных» и «запрещенных» мест отбывания обязательных работ следует также прописать в рамках п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [5].

В рамках предлагаемых изменений в вопросе определения объектов и мест для выполнения обязательных работ видится возможным взаимодействие органов местного самоуправления с органами занятости. Значимость и фактическая ценность такого сотрудничества состоит в том, что на последние органы возложена ответственность за нетрудоустроенных граждан, а значит, в их распоряжении имеются сведения о заинтересованных в кадрах компаниях и организациях. Для того чтобы подобное взаимодействие осуществлялось наиболее результативно, необходимо в территориальных центрах занятости определить ответственных лиц, отвечающих за формирование списка конкретных учреждений, в которых возможно исполнение обязательных работ. Преимуществом будет являться и то, что органы занятости одновременно будут принимать во внимание количество свободных рабочих мест. В малонаселенных пунктах необходимо также назначить ответственных лиц, только уже среди представителей местной администрации.

Немаловажной является и такая многоаспектная проблема, как контроль за осуществлением осужденными обязательных работ. Стоит отметить, что со стороны уголовно-исполнительной инспекции как органа, ответственного за исполнение указанного наказания, совершенно не применяется позитивное стимулирование правопослушного поведения осужденных. В самом деле в действующем законе не существует никаких мер поощрения для лиц, отбывающих обязательные работы, что прямо противоречит принципам уголовно-исполнительного законодательства, провозглашенным в ст. 8 УИК РФ. Подобную ситуацию следует признавать существенным законодательным пробелом, так как отсутствие гарантии заслуженного поощрения снижает эффективность исполнения данного вида наказания и лишает осужденных дополнительного стимула вести себя позитивно.

Не проработан данный вопрос и в законодательстве зарубежных стран. Как отмечает Т. А. Шарфеев, по нормам закона большинства современных государств лицо, отбывающее уголовное наказание в виде обязательных общественных работ, не подлежит условно-досрочному освобождению [6, с. 26].

Вместе с тем современный закон предусматривает целый ряд стимулирующих механизмов для иных уголовных наказаний, часть из которых непосредственно связана с трудовой деятельностью осужденного. В частности, к ним относятся принудительные работы, ограничение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы. В данном случае не совсем понятно, чем руководствовался законодатель, так «избирательно» прописав возможность поощрения в отношении отдельных видов уголовных наказаний. Как следствие, можно констатировать нарушение принципа системности и единства построения норм уголовно-исполнительного закона.

Можно сказать, что необходимость закрепления мер поощрения, которые должны применяться в отношении осужденных к обязательным работам, обусловлена важностью индивидуализации исправительного воздействия и реализации элементов прогрессивной системы отбывания наказания, получившей широкую «популярность» в западных странах.

Стимулирование правопослушного поведения осужденного представляется необходимой мерой, поскольку помогает достижению целей и реализации принципов уголовного и уголовно-исполнительного закона, а также максимально способствует эффективному предупреждению совершения преступле-

ний. Такой эффект достигается за счет выработки у осужденных уважения к охраняемым уголовным правом общественным отношениям, интересам и благам, а также формирования нетерпимого отношения к правонарушениям. Благодаря стимулированию в сознании осужденных складывается убеждение о недопустимости и внутренней неприемлемости совершения преступлений. Другими словами, позитивное посткриминальное поведение осужденных достойно стимулирования, которое позволяет одновременно достичь как минимум двух целей, одна из которых связана с исправлением осужденного за максимально короткое время. Другая цель более специфична и заключается в том, что работодатель, у которого отбываются обязательные работы, также заинтересован в скорейшем и качественном выполнении назначенных работ, однако закон такой возможности не предусматривает.

Подводя итоги, стоит упомянуть, что в условиях мировой гуманизации наша страна стремится к практике прогрессивной системы отбывания наказаний, которая представляет собой, по мнению В. Н. Орлова, поступательное изменение элементов состава отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, поставленных целей и наступивших последствий, в том числе достигнутых результатов [7, с. 111]. Данная система позволяет различными способами изменять степень карательного воздействия наказания на осужденного в процессе его отбывания, т. е. делает правовой статус виновного лица «гибким», способным меняться в позитивную или негативную сторону, что предполагает возможность осужденного изменить вид исправительного учреждения, срок и условия отбывания наказания, заменить наказание, применить условно-досрочное освобождение. Полагаем, что по аналогии с лишением свободы, где указанная прогрессивная система довольно успешно себя зарекомендовала, пора постепенно внедрять ее и в отношении альтернативных ему видов. Преимущества такой системы очевидны и не нуждаются в доказывании, ведь набор стимулирующих средств и механизмов (режимных, организационно-управленческих, воспитательных и т. д.) базируется на внутреннем сознании осужденных, от которых и исходит инициатива улучшения условий их содержания [8, с. 128].

Исходя из сказанного, в целях повышения эффективности исполнения наказания в виде обязательных работ целесообразно за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду и руководству объектов и мест отбывания наказания,

а также за качественное выполнение отдельных показателей труда (качество продукции, норма выработки и т. д.) сокращать сроки и объем обязанностей осужденных. Наиболее эффективна разработка пропорциональной системы уменьшения срока обязательных работ, соразмерного отработанному времени (по аналогии с условно-досрочным освобождением).

Более подробно рассматривая перспективы совершенствования стимулирующего механизма осужденных к обязательным работам, следует согласиться с заслуживающим внимание мнением И. В. Гудзовской, убежденной в том, что в современных условиях необходимо предоставление осужденным возможности в свободное от основной работы или учебы время по их желанию выполнять данный вид наказания и более 4 часов в день [9, с. 38]. Несмотря на то что обозначенная мера фактически нарушает имеющиеся формальные правила отбывания обязательных работ, мы склонны полагать, что подобный механизм сможет послужить стимулом для лиц, заинтересованных в скорейшем отбытии установленного приговором срока наказания, а значит, в большей степени определяется как поощрительно-стимулирующий.

Продолжая рассмотрение затронутого аспекта исследования, отметим, что согласно ч. 1 ст. 29 УИК РФ за нарушение осужденным к обязательным работам порядка и условий отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция предупреждает его об ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако снять такие взыскания до истечения установленного срока виновное лицо не может, поскольку законом это снова не предусмотрено. Вместе с тем подобная стимулирующая мера, активно применяемая как поощрительный инструмент позитивного поведения нарушителя, давно доказала свою состоятельность. Кроме того, как отмечает О. В. Борисова, наличие у осужденного неснятого и непогашенного взыскания серьезно меняет его правовой статус [10, с. 33]. В связи с этим разумно регламентировать в законодательстве в отношении осужденных к обязательным работам возможность применения меры поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания, осуществляемой уголовно-исполнительной инспекцией.

Проанализировав изложенное, на фоне гуманизации уголовно-исполнительной политики в целом, считаем важным рассмотреть вопрос о включении в УИК РФ новой статьи, а именно о помещении в гл. 4 УИК РФ ст. 30.1 под названием «Меры

поощрения, применяемые к осужденным к обязательным работам», в которой будет прописано, что «за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду к осужденным к обязательным работам могут применяться такие меры поощрения, как благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, уменьшение объема обязательных работ более четырех часов в день». Предлагаемая норма позволит повысить эффективность исполнения данного вида наказания, вследствие чего цели наказания будут достигнуты за меньший срок, чем предполагалось приговором суда, а значит, исправительный эффект также будет достигнут «досрочно». Полагаем, что указанные виды поощрений способны максимально стимулировать исправление осужденных и служить укреплением трудовой дисциплины, а также содействовать росту эффективности всей системы воспитательно-исправительной работы в решении вопроса по предупреждению рецидива.

Переходя к характеристике следующей проблемы регламентации обязательных работ, следует обозначить, что данное наказание может быть назначено как взрослым преступникам, так и несовершеннолетним. В частности, в ч. 3 ст. 88 УК РФ сказано, что «обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время» [3].

Из приведенной формулировки возникает объемный вопрос: что представляет собой термин «посильность»? Отсутствие указания на признаки данного понятия позволяют характеризовать его как крайне оценочное и размытое. Что особенно важно, указанный термин недопустимо использовать относительно регламентации труда осужденных несовершеннолетних как субъектов, находящихся под особой правовой охраной российского закона. В нормах УК РФ, УИК РФ, постановления Пленума Верховного Суда не регламентировано определение термина «посильность», что предоставляет судам возможность злоупотребления и назначения несовершеннолетним тех видов обязательных работ, которые они не в состоянии выполнять в силу своих каких-либо физических или психофизиологических особенностей.

Отсутствие четкой формулировки нормативных правовых актов не позволяет правоприменителю однозначно понимать и исполнять данные нормы. Надлежащее толкование правовых норм необходимо для наиболее правильной реализации, совер-

шенствования и повышения эффективности правового регулирования общественных отношений, поэтому следует законодательно закрепить, что представляет собой термин «посильность». Иначе говоря, важно установить, что конкретный вид обязательных работ, назначаемых несовершеннолетнему, должен быть ему посилен, т. е. соответствовать его физическим способностям и медицинским показателям, а также быть возможным для выполнения, как правило, после рабочего или учебного дня.

Вместе с тем целесообразно на законодательном уровне определить, что виды обязательных работ, которые отбывает и взрослый осужденный, должны быть также ему посилены, т. е. соответствовать его физическим способностям и медицинским показателям для возможности выполнения в свободное от учебы или работы время. Подобное правило необходимо распространить и на взрослый контингент осужденных по той причине, что обязательные работы отбываются, как правило, в конце рабочего дня, а значит, должны соответствовать способности выполнения такой работы и ее безопасности для физического и психического здоровья как взрослого, так и несовершеннолетнего осужденного. Это будет способствовать качеству и скорости выполнения лицом назначенных работ.

В соответствии с вышесказанным предлагается дополнить ч. 1 ст. 49 УК РФ термином «посильность», а именно обозначить, что обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных, общественно полезных, посиленных работ. В том числе целесообразно закрепить к ст. 49 УК РФ примечание следующего содержания:

«Примечание 1. Для целей настоящей статьи и статьи 88 УК РФ под посильностью признается способность выполнять обязательные работы в соответствии с физическими и психическими особенностями, а также медицинскими показателями осужденного».

Таким образом, в целях совершенствования уголовно-правового института обязательных работ проблемы правового и организационного характера, возникающие в процессе регламентации и фактического применения данного наказания, требуют незамедлительной ликвидации и практического

внедрения предложенных перспектив, способных изменить и совершенствовать действующее законодательство и сделать более гуманным и продуманным назначение и исполнение обязательных работ.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что действующее российское законодательство в отношении регламентации такого вида наказания, как обязательные работы, в уголовном и уголовно-исполнительном аспектах далеко не совершенно, поскольку имеет свои недочеты и пробелы. Вследствие этого нами разработаны и предложены перспективы, законодательные изменения, улучшения и корректировки для наиболее эффективного понимания и исполнения соответствующего вида наказания. В частности, считаем необходимым:

1) в целях учета индивидуальных и профессиональных особенностей осужденного на законодательном уровне определить перечень организаций и компаний, на которых могут отбываться обязательные работы, а также аналогичный список, закрепляющий места, где отбывать данный вид наказания запрещено;

2) закрепить перечень поощрительных мер, применяемых в отношении осужденных к обязательным работам;

3) законодательно зафиксировать термин «посильность» обязательных работ, который следует распространить и на взрослый контингент осужденных.

Полагаем, что изложенные изменения позволят единообразно и точно выявлять истинный смысл норм, касающихся обязательных работ, что позволит повысить успешность их реализации для правоприменителей. Правильное толкование нормативных правовых актов особенно важно для правоприменителя, поскольку в процессе и в результате применения права происходит также реализация прав и свобод граждан.

Предложенные в рамках настоящего исследования пути совершенствования норм отечественного законодательства являются перспективными и выгодными для внедрения в действующий российский закон и правоприменительную практику исполнения наказания в виде обязательных работ.

---

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.03.2021).

2. Васильева Я. Ю. Обязательные работы: некоторые проблемы теории и практики право-

---

1. Summary statistical data on the state of criminal records in Russia. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 31 March 2021 (in Russian).

применения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8. С. 189—192.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 09.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шарафеев Т. А. Зарубежный опыт применения обязательных работ // SCIENCE TIME. 2019. № 4 (64). С. 23—26.

7. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 605 с.

8. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica. 2017. № 2 (123). С. 123—134.

9. Гудзовская И. В. Особенности и проблемы регулирования правового статуса осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в уголовно-исполнительном законодательстве // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 36. С. 33—40.

10. Борисова О. В. Погашение и снятие взысканий, наложенных на осужденных // Научный поиск. 2015. № 1.4. С. 33—36.

© Садчикова Д. Н., Васильева М. В., 2021

Садчикова Дина Николаевна,

преподаватель кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета;
e-mail: dina.0206@mail.ru

Васильева Мария Валерьевна,

студент Юго-Западного
государственного университета;
e-mail: maria_v4@mail.ru

2. Vasilyeva Ya. Yu. Mandatory works: some problems of theory and practice of law enforcement. Humanities, socio-economic and social sciences, 189—192, 2016 (in Russian).

3. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996 (ed. of 24.02.2021). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. The Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ on 8 January 1997 (ed. of 09.03.2021). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 on 22 December 2015 (ed. of 18.12.2018). "On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Sharafeev T. A. Foreign experience of application of compulsory work. SCIENCE TIME, 23—26, 2019 (in Russian).

7. Orlov V. N. Application and serving criminal sentences. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2015: 605 (in Russian).

8. Juzhanin V. E., Gorban D. V. The Principle of a progressive system of punishment in the form of deprivation of freedom. Lex Russica, 123—134, 2017 (in Russian).

9. Gudzovskaya I. V. Peculiarities and problems of regulation of the legal status of persons sentenced to punishments not related to deprivation of liberty in the criminal-executive legislation. Izvestiya RGPU named after A. I. Gertsen, 33—40, 2007 (in Russian).

10. Borisova O. V. Repayment and removal of penalties imposed on convicted persons. Scientific search, 33—36, 2015 (in Russian).

© Sadchikova D. N., Vasilieva M. V., 2021

Sadchikova Dina Nikolaevna,

lecturer at the criminal law department
of the Southwest State University;
e-mail: dina.0206@mail.ru

Vasilieva Maria Valerevna,

student of the Southwest State University;
e-mail: maria_v4@mail.ru

* * *

УДК 343.9
ББК 67.518.3
doi: 10.25724/VAMVD.VUVW

Н. С. Сысолина, А. Н. Берестовой

**КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
КАК КРИМИНОГЕННОЕ ФОНОВОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ**

В настоящей статье автор рассматривает криминальную субкультуру как одну из детерминант преступности, относящуюся к совокупности криминогенных фоновых явлений и отражающую ее внутренние характеристики. Обоснована опасность распространения криминальной субкультуры среди законопослушного населения, в том числе несовершеннолетнего, и необходимость предупреждения этого явления до того момента, как лицо, принявшее ее внутреннее и внешнее содержание, начнет идентифицировать себя в качестве члена преступного мира. Проанализирован законодательный подход к закреплению дефиниции «криминальная субкультура», а также ряд точек зрения специалистов, занимающихся изучением указанной проблемы. Признаки криминальной субкультуры условно поделены на общие, которые относятся к любому негативному социальному фоновому явлению, и специальные — присущие только рассматриваемому феномену и включающие элементы внутреннего содержания и внешнего выражения. В результате автор предлагает собственное определение понятия «криминальная субкультура» с учетом проведенного анализа сущности данного явления.

Ключевые слова: преступность, криминальная субкультура, криминогенное фоновое явление, детерминанты преступности, преступная иерархия, преступная идеология.

N. S. Sysolina, A. N. Berestovoy

**CRIMINAL SUBCULTURE
AS A CRIMINOGENIC BACKGROUND PHENOMENON:
CONCEPT AND FEATURES**

In the given article the author deals with the criminal subculture as one of the factors of crime which refers to the complex of criminogenic background phenomena and reflects its internal characteristics. The author of the article points out the danger of spreading the criminal subculture among the law-abiding population, including minors as well as the necessity to prevent this phenomenon before the moment when the person who has accepted its internal and external content begins to identify himself as a member of the criminal world. The author also analyzed the legislative approach to consolidating the definition of the concept of "criminal subculture" as well as a number of points of view of specialists who are studying this problem. The features of the criminal subculture are notionally divided into general ones, which refer to any negative social background phenomenon and special ones which are related to only the mentioned phenomenon and which include elements of internal content and external expression. In conclusion the author of the article, taking into account the analysis of the essence of this phenomenon, proposes his own definition of the concept of "criminal subculture".

Key words: crime, criminal subculture, criminogenic background phenomenon, determinants of crime, criminal hierarchy, criminal ideology.

Любой акт человеческого поведения обусловлен влиянием на лицо совокупности взаимодействующих объективных и субъективных факторов. Этим же объясняется и совершение преступлений — наиболее опасной формы негативного девиантного поведения. Однако наряду с причинами и усло-

виями — основными детерминантами преступности, которые выступают в роли данных факторов, — в теории криминологии также выделяют криминогенные фоновые явления, или, как их еще называют, негативные социальные фоновые явления. В обобщенном виде под ними понимают происходящие

в обществе процессы, которые сами по себе не всегда носят преступный характер, однако служат благоприятной средой, «фоном» для самодетерминации преступности и выражаются в асоциальном, деструктивном поведении, создающем угрозу общественной нравственности.

Среди негативных социальных фоновых явлений криминологи традиционно выделяют бродяжничество, алкоголизм, наркоманию, игроманию, проституцию [1, с. 73], а также относят к ним не столь очевидные беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних, поддержку радикальных движений, сектантство, тунеядство и паразитический образ жизни, склонность к суициду и др. [2, с. 166] Вместе с тем полагаем, что преступность тесно связана еще с одним устойчивым антиобщественным феноменом — криминальной субкультурой.

Чаще всего криминальная субкультура рассматривается как одна из внутренних, субъективных характеристик преступности. Однако при этом она способна быть четко выраженной внешне, помогая лицу, одобряющему преступный образ жизни или уже имеющему уголовное прошлое, обозначать свою криминальную принадлежность. Опасность такой трансляции криминального уклада жизни вовне заключается в «заражении» псевдоценностями представителей здорового общества, которые впоследствии пополняют криминальные «кадры» или активно способствуют организации их жизни. У некогда законопослушных граждан (в особенности несовершеннолетних) формируются стойкие антиобщественные установки, вырабатывается толерантность к негативной социальной девиации, а общепринятые ценности утрачивают свой авторитет ввиду романтизации криминального образа жизни. Это, в свою очередь, приводит к совершению ими правонарушений и преступлений. А поскольку преступная молодежь — один из основных источников пополнения рецидивной, профессиональной и организованной преступности, криминальную субкультуру следует воспринимать как острую угрозу законности и нравственного благополучия современного общества.

Изучением криминальных субкультур в разные периоды занимались такие ученые, как М. Н. Гернет, Д. А. Дриль, П. И. Люблинский, А. И. Гуров, Ю. М. Антонян, Д. А. Шестаков и др., интересовало данное явление и отечественных писателей: Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова. Большой вклад в исследование криминальных субкультур в XX в. внесли американцы Р. Мертон, Т. Селлин и А. Коэн, которые определили их социальную природу и обозна-

чили особенности отдельных преступных групп. В нашей стране это явление стало объектом изучения главным образом после распада СССР, поскольку наличие криминальной субкультуры полностью отрицалось социалистической идеологией.

Несмотря на то что изучению данной проблемы в различных аспектах посвящено множество работ, на легальном уровне определение понятия «криминальная субкультура» до сих пор не закреплено. Вместе с тем попытки ввести такую дефиницию в российское законодательство предпринимались не раз.

Так, 20 июля 2017 г. член Совета Федерации А. В. Беляков внес в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры». Сенатор предлагал дополнить Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Предлагаемые поправки касались запрета пропаганды криминальной субкультуры, под которой А. В. Беляков предложил понимать социокультурные ценности преступного мира — явление не менее опасное, чем, к примеру, суицид или экстремизм.

Указанный законопроект Государственной Думой был отклонен. В качестве основных аргументов такого решения назывались: а) уже имеющийся в п. 2 ст. 5 Федерального закона № 436-ФЗ запрет на распространение информации, оправдывающей противоправное поведение; б) наличие в тексте предлагаемых поправок коррупциогенного фактора в виде использования терминов «пропаганда криминальной субкультуры», «социокультурные ценности преступного мира», которые ввиду отсутствия в действующем законодательстве представляют собой юридико-лингвистическую неопределенность.

С первым аргументом нельзя согласиться в полной мере, поскольку уже имеющееся в законе понятие «информация, оправдывающая противоправное поведение» и предлагаемое к внесению «социокультурные ценности преступного мира», составляющее содержание криминальной субкультуры, — нетождественны. Во-первых, оправдание противоправного поведения не всегда связано с поддержанием лицом норм и ценностей

криминального мира, а может быть продиктовано и иными мотивами, вызванными недовольством социальной несправедливостью. Кроме того, информация, оправдывающая противоправное поведение, запрещена к распространению согласно Федеральному закону № 436-ФЗ только среди детей. Что касается общего запрета, то согласно Федеральному закону № 149-ФЗ он распространяется только на те материалы, которые пропагандируют терроризм, экстремизм, порнографию, культ жестокости и насилия. Остальные направления противоправной деятельности продолжают оставаться за рамками регулирования законодательства. Во-вторых, криминальная субкультура — явление более глубокое, чем простая деятельность по оправданию преступного поведения в любых ее формах.

Что касается семантической неопределенности предлагаемых терминов как второго аргумента в пользу отказа принятия вносимых поправок, то представляется, что привлечение специалистов в области юриспруденции и лингвистики к обсуждению текста законопроекта устранило бы указанные смысловые сомнения.

Еще одной попыткой обратить внимание законодателя на проблему отсутствия легального запрета на распространение криминальной идеологии стал проект федерального закона № 1009841-7, внесенный в Государственную Думу Российской Федерации 18 августа 2020 г. членом Совета Федерации А. Д. Башкиным. В частности, под криминальной субкультурой он предлагал понимать систему принципов, взглядов, образа жизни и норм поведения, разделяемых группой лиц, неформально объединяющихся в целях популяризации и продвижения уголовных традиций, атрибутики уголовного мира, проявления нетерпимости к законопослушному поведению и оправдания преступного поведения. Закрепление такого понятия могло бы внести ясность в понимание сущности криминальной субкультуры с целью дальнейшего принятия эффективных мер по противодействию этому явлению. Однако проект указанного федерального закона был снят с рассмотрения.

Вместе с тем нельзя игнорировать важный шаг, который законодатель сделал в сторону эффективного противодействия криминальной субкультуре: решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с на территории государства запрещено движение «Арестантское уголовное единство», более всего олицетворяющее тюремный уклад жизни и традиционную «воровскую» субкультуру, распространившую свое влияние как внутри, так и за пери-

метром мест лишения свободы. Данное общественное движение с указанием различных вариантов расшифровки его названия-аббревиатуры «АУЕ» справедливо включено в список запрещенных организаций, признанных экстремистскими [3]. Однако это также не вносит ясности в определение понятия «криминальная субкультура» на легальном уровне, поскольку такая дефиниция в законе до сих пор отсутствует.

В науке криминологии термин «криминальная субкультура» рассматривается по-разному. Так, по мнению В. В. Шемякиной, это «образ жизни, система политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических „норм“, манера поведения, образ мышления и традиции лиц, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния» [4, с. 7]. Полагаем, что данное определение хотя и стремится максимально охватить содержание рассматриваемого феномена, несправедливо сужает его по субъектному составу до лиц, преступивших закон. На наш взгляд, нормы и ценности криминальной субкультуры, которые состоят не только из собственно противозаконных действий и их оправдания, но и в нравственно не одобряемом поведении, специфичном лексиконе и внешней атрибутике, активно распространяются в здоровом обществе и нередко разделяются его членами еще до того, как они ступают на противоправный путь. По той же причине представляется узконаправленной дефиниция Ю. К. Александрова, который соотносит криминальную субкультуру с «лицами, объединившимися в криминальные группы и придерживающимися определенных законов и традиций» [5, с. 8].

Иной подход использует В. В. Тулегенов, который полностью исключил из определения данного понятия возможный круг субъектов-носителей криминальной субкультуры, остановившись на ее содержательной стороне. Последняя, по его мнению, направлена на «организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности» [6, с. 6]. Однако такая формулировка оставляет без ответа вопрос: кто, придерживаясь указанных традиций и норм, организует такую жизнедеятельность — сами преступники или иные контактирующие с ними лица, к которым могут относиться пусть и криминально ориентированные, но пока

еще законопослушные граждане? Кроме того, очерчивается ли круг целей криминальной субкультуры только совершением и сокрытием преступлений?

С точки зрения круга лиц — приверженцев криминальной субкультуры обоснованным представляется вывод С. В. Шпака, который относит к ним как профессиональных преступников, так и лиц, стремящихся следовать их примеру [7, с. 9]. К последним, думается, могут относиться не только малоопытные преступники, но и лица, стоящие «на пороге» криминального образа жизни: противопоставляющие себя обществу, отрицающие принятые в нем устои и традиции, разделяющие ценности уголовно-преступной среды, однако еще не преступившие нормы закона.

Более охватывающим выглядит на этом фоне определение С. Г. Родина, который рассматривает криминальную субкультуру как «часть общей культуры общества, представляющую собой систему духовных и материальных ценностей, традиций и обычаев, присущих социальным группам (сообществам), имеющим криминальную направленность» [8, с. 290]. Как о социальном феномене предлагает говорить о криминальной субкультуре М. М. Бабаев [9].

Чтобы разобраться в сущности криминальной субкультуры и дать авторское видение дефиниции данного понятия, следует охарактеризовать ее основные признаки.

С учетом того, что криминальная субкультура предлагается к рассмотрению в качестве криминогенного фонового явления, в первую очередь, ей будут присущи общие черты данного вида детерминантов преступности.

Так, социальный характер — одна из основных черт рассматриваемого явления. Криминальную субкультуру невозможно отделить от общества, поскольку последнее является источником и одновременно средой ее распространения. Она, как и общепринятая культура, — продукт человеческой жизнедеятельности, результат его развития на определенном этапе существования.

Кроме того, любые криминогенные фоновые явления носят ярко выраженную отрицательную направленность, деструктивно влияя на все сферы общественной жизни, при этом сами по себе они могут и не являться правонарушениями с точки зрения закона. Так, криминальная субкультура извращает традиционную мораль, вынуждает негативно относиться к законной трудовой деятельности и противостоит общепризнанным авторитетам, разрушая тем самым социальные связи, тормозя

экономику и позитивное социально-культурное развитие общества. В то же время в случае, когда нормы преступного образа жизни не просто добровольно принимаются лицом, а активно насаждаются ему опытными приверженцами криминальной субкультуры, имеет смысл говорить об агрессивном характере данного явления.

Любое криминогенное фоновое явление — не единично; причем данный признак может рассматриваться в двух аспектах: временном и пространственно-субъектном. В первом случае имеется в виду регулярная повторяемость явления во времени, во втором предполагается, что оно затрагивает не отдельных индивидов, а значительные массы людей на определенной территории. С этой точки зрения криминогенное фоновое явление — это некий устоявшийся процесс, заключающийся в совокупности повторяемых действий определенных групп людей на конкретной территории. Поэтому о криминальной субкультуре в данном контексте можно говорить как о перманентном состоянии, отражающем взгляды и уклад жизни определенной части общества на протяжении долгого времени.

Следующей особенностью, связанной с устойчивым негативным характером криминогенных фоновых явлений, является их способность активно питать преступность, формировать ее причины и условия. Криминальной субкультуры как общественного феномена это касается в первую очередь. В то время как прочие криминогенные фоновые явления вроде бродяжничества, алкоголизма, радикализма, проституции или игромании не имеют своей целью рост преступности, однако косвенно порождают ее, оказывая влияние на правосознание и культуру населения, криминальная субкультура в конечном итоге нацелена именно на распространение преступности. Вместе с тем упорядоченность преступного образа жизни и наличие своей идеологии позволяют преступности не просто существовать и воспроизводиться, но и приобретать более опасные, организованные формы. Этот факт, с одной стороны, подтверждает принадлежность криминальной субкультуры к числу негативных социальных фоновых явлений, а с другой — делает ее особенной.

В связи с этим у рассматриваемого феномена есть специфические признаки, которые позволяют сформировать более глубокое представление о его сущности и отграничить от других криминогенных фоновых явлений.

Во-первых, криминальная субкультура — это исторически сложившееся и продолжающееся разви-

ваться социальное явление. Представляя собой совокупность определенных взглядов и соответствующих им норм поведения, а также внешней атрибутики, она не может существовать в отрыве от общей системы ценностей, которые также формировались не одно столетие и обусловлены политическими, экономическими, идеологическими, демографическими и прочими факторами развития общества. Некоторые исследователи при этом относят криминальную субкультуру к разновидности общей культуры [10, с. 68; 11, с. 45], другие же считают, что преступный уклад жизни противопоставляет себя общепринятым ценностям, а потому не может считаться их частью [12, с. 126]. К слову, последняя точка зрения представляется спорной, поскольку ряд взглядов и норм поведения в системе криминальной субкультуры совпадают с адекватными человеческими ценностями, и только во взаимодействии с другими элементами преступной идеологии позволяют сделать вывод о ее общей извращенности. Но даже в этом случае существующий антагонизм между идеологией криминального мира и общепринятой культурой не исключает, а только подтверждает их тесную взаимосвязь. А поскольку современная культура также является результатом многовекового развития человеческого общества, то и криминальная субкультура обладает собственной историей, которая, по мнению одних ученых, длится не один десяток столетий [13, с. 55], по мнению других — начинается главным образом после смены государственного строя в 1917 г. [14, с. 154; 15, с. 63]. Таким образом, рассматриваемое нами явление носит исторически изменчивый характер.

Следующая особенность криминальной субкультуры обусловлена специфическими выполняемыми ею функциями. Так, смыслом существования в уголовном мире собственных норм, установок, ценностей и алгоритмов поведения является, в первую очередь, эффективная организация криминальной жизни в зависимости от того или иного вида преступности. Это, в свою очередь, позволяет последней противостоять официальной власти, консолидировать криминальные элементы и распространять влияние уголовных лидеров не только на непосредственных членов преступной ячейки, но и за ее пределами.

Более того, преступность способна к самовоспроизводству не только путем постоянного поддержания криминального образа жизни уже состоявшимися преступниками или лицами, им подражающими, но и путем регулярного вовлечения в ту или иную противоправную деятельность новых чле-

нов, при этом увеличивать «штат» криминалитета насильственными методами неэффективно. Гораздо продуктивнее для начала привить лицам, далеким от криминальной субкультуры, ее ценности и модели поведения, показав их привлекательность и актуальность в разрезе имеющихся социально-демографических проблем. В результате формирующейся подобным путем толерантности к правонарушениям лицо само и добровольно запускает в себе процесс криминализации, становясь в дальнейшем носителем и распространителем криминальной субкультуры.

Таким образом, для функционирования криминального мира необходима постоянная идеологическая «подпитка» его членов. Поэтому среди всей массы преступников, разделяющих и следующих нормам криминальной субкультуры, закономерно выделяется пласт лиц, которые берут на себя ответственность по формированию, активному поддержанию и организации распространения этих норм. Данные функции возлагают на себя лидеры уголовно-преступной среды, развивая таким путем организованные формы преступности. Все это сопряжено с необходимостью распределения ролей и социальных статусов внутри криминальных ячеек. В связи с этим на уровне рядовых организованных групп можно говорить о признаке структурированности, а на уровне отдельных видов преступности — о преступной иерархии: более сложной, идеологически выстроенной, ступенчатой системе распределения функций, позволяющей четко обозначить место в уголовном мире каждого лица, попавшего в сферу влияния криминальной субкультуры. Таким образом, преступная иерархия — естественное следствие и признак рассматриваемого криминального фонового явления, а также одновременный инициатор его распространения.

Как уже говорилось ранее, кроме внутреннего, субъективного содержания криминальной субкультуры, которое заключается в системе ценностей, взглядов, норм, правил и моделей поведения, основанных на историческом опыте преступной деятельности, существуют и внешние индикаторы, позволяющие лицу, разделяющему идеологию уголовного мира, транслировать вовне свою криминальную самоидентификацию. Такое внешнее выражение криминальной субкультуры может включать в себя множество элементов вербального и невербального характера: жаргон и фольклор, присущий тому или иному виду преступности; прозвища и названия ступеней преступной иерархии; татуировки и иные изменения во внешнем виде; определенная система жестов, позволяющих тайно

обозначить себя или подать сигнал другому, и пр. Использование данных элементов закрепляет прочную связь и принадлежность лица к криминальной среде.

К слову, первыми в обиход лиц, не причисляющих себя к криминальному миру, проникают именно указанные ранее элементы внешнего проявления криминальной субкультуры. К примеру, жаргонизмы, тюремная лирика и характерные татуировки быстро впитываются сознанием детей и молодежи, которые не всегда сразу способны понять их криминальный характер. Впоследствии же данные лица наиболее охотно принимают и вторую, субъективную сторону содержания криминальной субкультуры.

Возникает социальный парадокс: криминальная субкультура, олицетворяющая образ жизни и мышления преступного мира, поддерживается и распространяется законопослушными с точки зрения закона лицами. Справедливости ради нужно отметить, что не все они в будущем преступают закон, однако принимают и начинают применять элементы криминальной субкультуры как нечто обыденное и нормальное для повседневной жизни. Отсюда следует, что криминальная субкультура проникает во все сферы деятельности человека и начинает неосознанно воспроизводиться у большей части граждан, формально не имеющих отношения к преступному миру. Этим объясняется тот факт, что источниками данного криминогенного фонового явления сегодня являются в том числе средства массовой информации, которые не в полной мере осознают опасность его трансляции.

Таким образом, следующим важным признаком криминальной субкультуры можно считать ее активное распространение за рамками преступного мира среди законопослушного населения, которое, впитывая ее ценности и обычаи, начинает наряду с общепризнанными легальными авторитетами признавать влияние лидеров уголовной среды. Следовательно, криминальная субкультура способствует формированию мотивации к совершению преступлений, что лишним раз доказывает ее принадлежность к криминогенным фоновым явлениям.

Исходя из изложенного ранее, автор понимает под криминальной субкультурой исторически изменчивое криминогенное фоновое явление, представляющее собой единство идеологии, особых норм поведения, традиций преступного мира, а также внешних вербальных и невербальных индикаторов принадлежности к нему, которые принимаются и распространяются преступниками, правонарушителями и желающими им подражать законопослушными лицами в целях эффективной организации криминальной жизнедеятельности и вовлечения в нее новых членов путем широкого распространения авторитета лидеров преступной иерархии, а также воспитания в обществе толерантности к противоправному поведению.

На современном этапе развития российского общества, когда ощущается напряжение между различными по социально-демографическим характеристикам группами населения и недовольство политическими решениями органов власти, криминальная субкультура играет роль катализатора таких противоречий. Ее ценности и нормы, иногда пересекающиеся с общепринятыми взглядами на жизнь, привлекают еще не вставших на преступный путь лиц тем, что освобождают их от ряда социально-нравственных запретов, позволяют забыть обиды, связанные с ранее пережитой несправедливостью, а также найти единомышленников, поддержку и оправдание своему поведению, если это не удалось сделать в здоровом, законопослушном обществе.

Особенно опасно допускать распространение криминальных субкультур среди несовершеннолетних, которые ввиду неустойчивой эмоциональной сферы, отсутствия необходимого жизненного опыта и критического мышления подвергаются ранней деформации и криминализации личности зачастую еще до того момента, как достигают возраста административной и уголовной ответственности. А потому система предупреждения данного негативного криминогенного явления, в том числе с использованием правовых рычагов, представляется наиболее эффективной стратегией воздействия на отдельные виды преступности.

---

1. Криминология: учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. Москва: Проспект, 2020. 368 с.

2. Шалагин А. Е. Предупреждение социально-негативных явлений, представляющих угрозу здоровью населения и общественной нравственности // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 166—168.

---

1. Criminology. Textbook. Responsible editor V. Ye. Eminov. Moscow: Prospect; 2020: 368 (in Russian).

2. Shalagin A. Ye. Prevention of socially negative phenomena to be a threat to public health and public morality. Vestnik of economics, law and sociology, 166—168, 2015 (in Russian).

3. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 17.06.2021).

4. Шемякина В. В. Криминальная субкультура в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / науч. рук. Е. В. Кунц. Челябинск, 2010. 25 с.

5. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. Москва: Права человека, 2002. 148 с.

6. Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / науч. рук. Д. А. Корецкий. Ростов-на-Дону, 2003. 32 с.

7. Шпак С. В. Криминальная субкультура молодежи в современном Российском обществе: тенденции формирования и распространения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 09.00.11 / науч. рук. С. Ф. Самойлов. Краснодар, 2012. 32 с.

8. Родин С. Г. Понятие и сущность криминальной субкультуры // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 287—291.

9. Причины преступности в России: монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва: ВНИИ МВД России; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 348 с.

10. Малинин В. Б., Трапайдзе К. З. Введение в криминальную субкультуру // XX Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. С. 67—70. С. 67—70.

11. Громов В. Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. 2017. № 2 (2). С. 44—57.

12. Устюгов С. Н., Багров С. А. Актуальные вопросы изучения криминальной субкультуры // Закон и право. 2020. № 11. С. 124—126.

13. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. Москва: Юрид. лит., 1990. 304 с.

14. Анфиногенов В. А. Исторические аспекты борьбы с идеологами преступного мира в советское время // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 153—156.

15. Сухов С. В., Тирских А. А. Исторический аспект возникновения преступных лидеров // Проблемы правового регулирования деятель-

3. List of public associations and religious organizations in relation to which the Court adopted a decision to dissolve or to prohibit their activity provided for by Federal Law No. 114-FZ on 25 July 2002 "On Counteracting Extremist Activity". Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>. Accessed: 17 June 2021 (in Russian).

4. Shemyakina V. V. Criminal subculture in modern Russia. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences: 12.00.08. Scientific guide Ye. V. Kuntz. Chelyabinsk; 2010: 25 (in Russian).

5. Alexandrov Yu. K. Essays on criminal subculture. Moscow: Human Rights; 2002: 148 (in Russian).

6. Tulegenov V. V. Criminal subculture and its criminological significance. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences: 12.00.08. Scientific guide D. A. Koretsky. Rostov-on-Don; 2003: 32 (in Russian).

7. Shpak S. V. Criminal subculture of the youth in modern Russian society: tendencies of formation and distribution. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences: 09.00.11. Scientific guide S. F. Samoylov. Krasnodar; 2012: 32 (in Russian).

8. Rodin S. G. Concept and essence of criminal subculture. Vestnik of the Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia, 287—291, 2019 (in Russian).

9. Causes of Crime in Russia. Monograph. Ed. by Yu. M. Antonyan. Moscow: All-Russian research institute of the Interior Ministry of Russia; Saint-Petersburg: Nestor-History; 2013: 348 (in Russian).

10. Malinin V. B., Trapaidze K. Z. Introduction to criminal subculture. In: Tsarskoe Selo Readings. Materials of International science conference. Saint Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin; 2016: 67—70 (in Russian). (in Russian).

11. Gromov V. G. Russian criminal subculture: philosophical aspect. Theology. Philosophy. Law, 44—57, 2017 (in Russian).

12. Ustyugov S. N., Bagrov S. A. Topical issues of studying criminal subculture. Law and right, 124—126, 2020 (in Russian).

13. Gurov A. I. Professional crime. Past and present. Moscow: Law literature; 1990: 304 (in Russian).

14. Anfinogenov V. A. Historical aspects of fighting the ideologists of the crime world in the Soviet time period. Gaps in the Russian Legislation, 153—156, 2018 (in Russian).

15. Sukhov S. V., Tirsikh A. A. Historical aspect of appearing criminal leaders. Problems of legal

ности правоохранительных органов. 2009. № 3 (50). С. 62—70.

© Сысолина Н. С., Берестовой А. Н., 2021

Сысолина Наталья Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: kindgirl-natalie@yandex.ru

Берестовой Андрей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: andreyberestovoy@gmail.com

regulation of activity of law enforcement agencies,
62—70, 2009 (in Russian).

© Sysolina N. S., Berestovoy A. N., 2021

Sysolina Natalia Sergeevna,
lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: kindgirl-natalie@yandex.ru

Berestovoy Andrey Nikolaevich,
associate professor at the criminal law department
of Northwestern branch
of the Russian State University of Justice,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: andreyberestovoy@gmail.com

* * *

УДК 343.614
ББК 67.408.111.2
doi: 10.25724/VAMVD.VVWX

И. В. Ханова

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ,
СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДОМ,
В СТРАНАХ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ**

Во всем мире право человека на жизнь признается высшей ценностью, в связи с чем защита жизни, как правило, выступает важнейшей функцией государства. Для защиты прав личности каждое национальное законодательство использует различные приемы и методы, при этом создавая свои собственные правовые нормы. Уголовные законы стран, объединенных в одну правовую семью, зачастую имеют в чем-то похожие, а в чем-то различные правовые нормы, регламентирующие ответственность за тождественные преступления. Сравнительно-правовое исследование схожих составов преступлений в зарубежных странах, имеющих разные правовые системы, дает нам возможность оценить, в каких аспектах российское законодательство отвечает общепринятым в мировом сообществе подходам. В статье дается оценка норм об ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом, в контексте их компаративистского анализа. Автор рассматривает правовые нормы государств, относящихся к англосаксонской правовой семье; выделяет особенности уголовной ответственности за рассматриваемые деяния с учетом характерной для страны или региона (штата) уголовно-правовой модели, а также исходя из сложившихся в государстве традиций и обычаев.

Ключевые слова: самоубийство, побуждение к суициду, соучастие в самоубийстве, пособничество и подстрекательство, доведение до самоубийства, наказание.

I. V. Khanova

**RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST LIFE,
RELATED TO SUICIDE,
IN THE COUNTRIES OF THE ANGLO-SAXON LEGAL FAMILY**

Throughout the world, the human right to life is recognized as the highest value, and therefore the protection of life, as a rule, is the most important function of the State. To protect the rights of the individual, each national legislation uses different techniques and methods, while creating its own legal norms. The criminal laws of countries united in one legal family often have somewhat similar, and in some ways different legal norms regulating responsibility for identical crimes. A comparative legal study of similar crimes in foreign countries with different legal systems gives us the opportunity to assess in what aspects Russian legislation meets the generally accepted approaches in the world community. The article evaluates the norms on responsibility for crimes against life related to suicide in the context of their comparative analysis. The author examines the legal norms of the states belonging to the Anglo-Saxon legal family; highlights.

Key words: suicide, inducement to suicide, complicity in suicide, aiding and abetting, incitement to suicide, punishment.

Англосаксонская правовая семья объединяет две основные правовые системы: английскую, преобладающую в Великобритании и ряде стран Содружества наций (Канада, Новая Зеландия, Ирландское Свободное государство и др.), и американскую, представленную федеральной правовой системой Соединенных Штатов Америки и право-

выми системами ее штатов. Каждой из них присущи свои особенности. Основными чертами, объединяющими эти системы и одновременно отделяющими их от романо-германской правовой семьи, являются: доминирование судебного прецедента среди других правовых источников, отсутствие

полностью кодифицированных отраслей права, широкое развитие статутного права.

Рассмотрим отношение государств англосаксонской правовой семьи к вопросу установления ответственности за деяния, связанные с суицидом.

С XIII в. на территории Англии и подчиненных ей земель, а с XVIII в. — на части территории Объединенного Королевства Великобритании, за исключением Шотландии, где самоубийство никогда не являлось правонарушением, суицидальный акт считался преступлением против Бога и против короны. Лица, предпринявшие неудачную попытку покончить жизнь самоубийством, по судебному решению подвергались тюремному заключению. А в случае если лицо в результате суицидального акта погибало, потенциально к уголовной ответственности могли быть привлечены члены его семьи. До 1822 г. имущество человека, совершившего самоубийство, подлежало конфискации в пользу короны.

Великобритания является одним из последних европейских государств, которое отказалось от уголовного преследования самоубийства. Законом о самоубийстве 1961 г. [1] суицидальный акт был декриминализован в Англии и Уэльсе, а в 1966 г. положения указанного акта были введены в действие на территории Северной Ирландии [2].

Акт о самоубийстве 1961 г., отменив верховенство закона, согласно которому самоубийство являлось преступлением, установил ответственность за соучастие в самоубийстве другого лица (раздел 2). Под соучастием здесь понимается: любое действие, способное спровоцировать самоубийство другого человека или его попытку; оказание помощи в совершении суицидального акта; поощрение или содействие самоубийству или его попытке. Данное преступление подлежит судебному разбирательству по обвинительному акту. Осужденное лицо подлежит заключению в тюрьму на срок до четырнадцати лет.

Отметим, что объявив подстрекательство к суициду и пособничество в его совершении самостоятельным преступлением, Закон о самоубийстве Великобритании рассматривает его как разновидность убийства, умышленного или совершенного по неосторожности.

В 2017 г. рассматриваемый закон был признан нарушающим права человека. По мнению Королевского суда юстиции, в Лондоне «признание преступлением любой попытки содействия в намерениях человеку, совершающему самоубийство, не совместима со статьей 8 Европейской конвен-

ции о правах человека, которая гарантирует право на личную жизнь и свободу действий» (см.: [3]).

В Новой Зеландии, правовая система которой формировалась под влиянием английского права, также наряду с судебными прецедентами действуют законы, содержащие уголовно-правовые нормы. Ответственность за большинство преступлений, в том числе преступлений против жизни, связанных с суицидом, в рассматриваемом государстве регламентируется Законом о преступлениях 1961 г. Самоубийство здесь преступлением не является. Статья 179 указанного закона устанавливает наказание в виде тюремного заключения сроком до четырнадцати лет за подстрекательство, совет или помощь в совершении самоубийства, независимо от того, была ли предпринята попытка самоубийства или нет [4].

В Канаде акт самоубийства был декриминализован в 1972 г., а впоследствии был принят закон, запрещающий любую форму самоубийства с помощью других лиц [5].

В современной Канаде согласно ст. 241 Закона об уголовном праве 1985 г. (Уголовный кодекс Канады) лицо, которое советует человеку совершить самоубийство, подстрекает к самоубийству или оказывает помощь в совершении суицидального акта, признается виновным в правонарушении, преследуемом по обвинительному акту, независимо от того, будет совершено самоубийство или нет, и наказывается лишением свободы на срок до 14 лет [6].

В 2014 г. в провинции Квебек было признано законным самоубийство с помощью врачей [5]. А в 2016 г. в Уголовный кодекс Канады были внесены дополнения, связанные с освобождением от уголовной ответственности практикующих медицинских работников, фармацевтов и содействующих им социальных работников за оказание помощи в прекращении жизни умирающему по просьбе последнего [6].

Во всех вышеназванных странах субъектами рассматриваемых преступлений признаются физические лица, вменяемые, достигшие десятилетнего возраста. Исключение составляет лишь Канада, где минимальный возраст уголовной ответственности — 12 лет.

Таким образом, наблюдается единообразие подхода к установлению ответственности за преступления против жизни, связанные с суицидом, в странах с английской правовой системой.

Иначе дело обстоит в США, где действуют 53 самостоятельные правовые системы (федеральная,

округа Колумбия, Свободно присоединившегося государства Пуэрто-Рико и пятидесяти штатов).

В различных штатах подходы к самоубийству весьма разнообразны.

В целом в США в настоящее время самоубийство или покушение на него, как и во многих странах мира, не признается ни преступлением, ни иным правонарушением. В судебной практике при этом встречаются примеры привлечения к уголовной ответственности лиц, предпринявших попытку совершения суицидального акта. Так, в штате Мэриленд, где применяется английская система общего права, в 2018 г. был осужден мужчина, который попытался лишить себя жизни при помощи огнестрельного оружия. Решив, что данный субъект представляет угрозу окружающим, суд осудил виновного, назначив ему наказание в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком два года [7].

Среди преступлений против жизни, связанных с суицидом, законодательно на федеральном уровне выделены: доведение до самоубийства и пособничество самоубийству. Согласно части первой ст. 210.5 Примерного уголовного кодекса США доведение до самоубийства подлежит уголовному преследованию как простое человекоубийство (фелония второй степени), если было применено насилие, физическое принуждение или обман. Пособничество в совершении самоубийства или подстрекательство к его совершению рассматриваются как самостоятельные преступления. Вместе с тем дифференциация наказания зависит от наступивших последствий: если потерпевший не предпринял каких-либо действий по лишению себя жизни, то в качестве наказания для виновного лица предусмотрено: тюремное заключение сроком до одного года и (или) штраф в размере до 1 000 долларов (мисдиминор); если же самоубийство или покушение на него состоялись — лишение свободы на срок от одного года до десяти лет и (или) штраф в размере, не превышающем 10 000 долларов США [8].

Следует отметить, что данная правовая норма применяется только на территории штатов, где отсутствуют уголовные законы, прямо предусматривающие ответственность за преступления против жизни, связанные с суицидом (Северная Каролина, Западная Виргиния, Алабама, Вайоминг, Массачусетс, Невада и округ Колумбия), а также на территории штата Пенсильвания, в уголовном законе которого данная норма фактически продублирована (§ 2505) [9].

В остальных американских штатах имеются свои уголовные законы, устанавливающие ответственность за рассматриваемые преступления.

Так, в штате Нью-Джерси уголовно-наказуемым признается доведение до самоубийства или оказание помощи при совершении суицидального акта (§ 2с:11-6), причем деяния рассматриваются как самостоятельные преступления, степень тяжести которых зависит от наступивших последствий: действия, не повлекшие серьезных последствий, признаются фелонией четвертой степени, а приведшие к гибели человека — фелонией второй степени, так как их общественная опасность повышается [9].

По уголовному законодательству Нью-Йорка уголовно-наказуемыми считаются: подстрекательство к самоубийству или оказание помощи в его совершении, а также поощрение попытки суицида (§ 120.30). Данные деяния квалифицируются как непредумышленное убийство и влекут соответствующее наказание (фелония второй степени) [9].

Статьей 22.08 Уголовного кодекса штата Техас наказуемо только оказание помощи в совершении самоубийства: «Лицо совершает посягательство, если, имея намерение способствовать или помочь совершению самоубийства другим, оно содействует или пытается содействовать совершению таким другим лицом самоубийства или покушения на самоубийство» [10, с. 204]. Виновное лицо подлежит наказанию в виде штрафа, не превышающего 500 долларов США (ст. 12.23). В случае состоявшегося суицидального акта или покушения на самоубийство, в результате которого здоровью потерпевшего был причинен тяжкий вред, деяние признается фелонией и наказывается лишением свободы на срок от 180 дней до двух лет (ст. 12.35) [9].

Подобные уголовно-правовые нормы содержатся в законах штатов Айдахо, Аризона, Род-Айленд, Мичиган и Теннесси.

Уголовная ответственность за пособничество и подстрекательство к самоубийству предусмотрена в большинстве штатов США, причем чаще всего (в законодательстве 27 штатов) эти деяния объединены в одной статье. В Айдахо, Аризоне, Айове, Индиане, Иллинойсе, Мэне, Коннектикуте, Луизиане, Канзасе, Мичигане, Монтане, Орегоне, Нью-Гемпшире, Огайо, Теннесси, Оклахоме, Пенсильвании, Северной Дакоте, Род-Айленде, Техасе и Южной Каролине лицо, совершившее указанные действия, подлежит наказанию только в случае состоявшегося самоубийства или покушения на него. В других штатах для наличия состава преступления наступления указанных последствий не требуется [11].

На Аляске, в Колорадо, Миссури, Аризоне, Гавайях, Арканзасе, Коннектикуте, Флориде, Орегоне и Юте понуждение к суициду расценивается как непредумышленное убийство, а в остальных штатах — как преступления различной степени тяжести. Отсюда и разница в видах и размерах предусмотренных законами наказаний. Так, Уголовным кодексом штата Миннесота подстрекательство к самоубийству или оказание помощи в его совершении наказывается тюремным заключением на срок не более пятнадцати лет или уплатой штрафа в размере не более 30 000 долларов США (§ 609.215). В штате Миссисипи за аналогичное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет или на срок, не превышающий одного года, с уплатой штрафа в размере до одной тысячи долларов США (§ 97-3-49 УК) [9].

Таким образом, на территории всех Соединенных Штатов Америки самоубийство расценивается как негативное явление, при этом попытка самоубийства не является преступлением. Криминализованы разные виды противоправной деятельности, направленной на побуждение к суициду потерпевшего. Наиболее часто наказуемыми считаются подстрекательство к самоубийству и оказание помощи самоубийце.

Несмотря на рекомендацию Примерного Уголовного кодекса США определять возраст уголовной ответственности с шестнадцати лет, в большинстве штатов установлена ответственность за рассматриваемые преступления с четырнадцатилетнего возраста. Есть штаты, в законодательстве которых предусмотрен иной возраст ответственности, например: в штатах Луизиана и Колорадо — 10 лет; Джорджия и Иллинойс — 13 лет; Нью-Гемпшир и Техас — 15 лет [12].

В рамках англосаксонской правовой семьи можно выделить государства со смешанными правовыми системами, где при доминировании англо-американского права:

- 1) перенимаются черты романо-германского права (Таиланд, Филиппины и т. д.);
- 2) сохраняется влияние традиционного, как правило религиозного, права (Индия, Непал, Кения, Малайзия и др.).

Страны первой группы характеризуются в большинстве своем наличием кодифицированного права. Уголовно-правовые нормы в них, в том числе устанавливающие ответственность за преступления против жизни, связанные с суицидом, имеют сходство с нормами права европейских государств как в описании признаков составов, так и в определении наказания.

Например, в Королевстве Таиланд «любой, кто допускает жестокое обращение или применяет жестокость к человеку, который зависит от него материально или как-то иначе, в целях спровоцировать его на самоубийство, если этот человек совершит самоубийство или попытку самоубийства, должен быть приговорен к тюремному заключению на срок до семи лет и к штрафу в размере до четырнадцати тысяч бат» (ст. 292 УК Таиланда). Лицо, подстрекающее к совершению самоубийства ребенка, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, или человека, не способного понять сущность совершаемого им поступка или контролировать свои действия, если самоубийство или его попытка произошли, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или штрафом в размере до десяти тысяч бат, или и тем и другим [13].

Вторая группа государств более многочисленна. Законодательства этих стран в вопросе ответственности за преступления против жизни, связанные с самоубийством, отказались от полной декриминализации суицидального акта и установили наиболее жесткие санкции за рассматриваемые преступления, что объясняется сохранением в государствах влияния традиций и религий, осуждающих самоубийство.

Как правило, покушение на самоубийство в странах данной группы расценивается как проступок [14—18]. Но есть государства, в которых попытка суицида считается преступлением. Например, согласно ст. 309 Уголовного кодекса Индии «любое лицо, которое пытается совершить самоубийство и совершает какие-либо действия, направленные на совершение такого преступления, наказывается простым лишением свободы на срок до одного года или штрафом, или и тем и другим» [19]. Подобные нормы встречаются в уголовных законах Мьянмы (ст. 309) [20], Малайзии (ст. 309) [21]. Отметим, что в Индии наметился процесс декриминализации суицида. Согласно изменениям, внесенным Парламентом страны в 2017 г. в Билль о психиатрической помощи, самоубийство признается проявлением психического заболевания: «Независимо от положений, содержащихся в статье 309 УК Индии, любое лицо, которое пытается совершить самоубийство, считается, если не доказано иное, страдающим психическим заболеванием в период совершения попытки самоубийства, и не несет уголовной ответственности за данное преступление» [22].

Согласно ст. 288 Уголовного кодекса Республики Кипр любой, кто добивается, чтобы другой человек покончил с собой, или советует другому убить себя и тем самым побуждает его к этому, или помо-

гает другому человеку в самоубийстве, виновен в тяжком преступлении и подлежит пожизненному заключению [14]. Аналогичные правовые нормы, устанавливающие ответственность за побуждение к суициду и оказание помощи в самоубийстве, содержатся в уголовных законах ряда африканских и азиатских государств, например в Танзании (ст. 216 УК) [15], Уганде (ст. 209 УК) [16], Малави (ст. 228 УК) [17], Кении (ст. 225 УК) [18], Ботсване (ст. 222 УК) [23], Папуа Новая Гвинея (ст. 310 УК) [24] и др. В Шри-Ланке, занимающей первое место в мире по уровню самоубийств [25], подстрекательство к самоубийству, в случае состоявшегося суицидального акта, карается смертной казнью (ст. 299 УК) [24].

Отметим, что в законодательстве указанных стран нет квалифицированных составов пособничества самоубийству. Однако уголовные законы большинства этих государств содержат понятия «самоубийственный договор» или «пакт о самоубийстве» (договоренность между двумя или более людьми умереть путем самоубийства вместе или по отдельности в кратчайшие сроки) и устанавливают ответственность за участие в самоубийстве другого лица в рамках заключенного соглашения, рассматривая его как непреднамеренное убийство.

В то же время указанный подход к конструированию уголовно-правовых норм характерен не для всех стран рассматриваемой группы. В ряде государств наряду с простыми преступлениями против жизни, связанными с самоубийством, содержатся и квалифицированные составы. Например, за подстрекательство к самоубийству Уголовный кодекс Индии предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет и штраф (ст. 306 УК), а за аналогичное деяние, совершенное в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, душевнобольного, «находящегося в бессознательном состоянии, или в состоянии идиотизма», а также лица, находящегося в состоянии алкоголь-

ного опьянения, — смертную казнь или пожизненное лишение свободы (ст. 305 УК) [19]. Аналогичные квалифицированные составы содержатся в уголовных законах Южной Африканской Республики (ч. 2 ст. 225 УК) [26] и Сингапура (ст. 305 УК) [27].

В отличие от стран, относящихся к английской или американской правовым системам, в большинстве государств со смешанными правовыми системами англосаксонской правовой семьи, отмечается снижение возраста наступления уголовной ответственности за рассматриваемые преступления. Так, в Тайланде, Бангладеш, Брунее, Кипре, Малави, Сингапуре, Танзании, Уганде к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие семилетнего возраста; в Кении ответственность наступает с восьми лет, а на Филиппинах — с девяти. Такой подход во многом объясняется традициями, обычаями и религией народов, населяющих эти страны.

Подводя итоги, отметим, что декриминализация суицидального акта произошла не во всех государствах англосаксонской правовой семьи: в странах со смешанными правовыми системами, где велико влияние религиозных взглядов, попытка самоубийства считается преступным деянием или проступком. Уголовному преследованию в рассматриваемых государствах подлежит соучастие в самоубийстве: наиболее часто встречаются подстрекательство к самоубийству и оказание помощи самоубийце; реже криминализируется доведение до самоубийства и поощрение попытки суицида. Вместе с тем в большинстве стран уголовно-правовые нормы содержат простые составы рассматриваемых преступлений; квалифицированные составы пособничества самоубийству встречаются довольно редко. Так как право на жизнь признается высшей ценностью, а противоправные деяния, связанные с суицидом, в англосаксонских странах в большинстве своем расцениваются как непреднамеренное убийство, для виновных лиц предусмотрены довольно суровые наказания.

1. Suicide Act 1961. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/eliz2/9-10/60/contents> (accessed: 18.04.2021).

2. Закон об уголовном правосудии (Северная Ирландия) 1966. URL: [https://ru.qaz.wiki/wiki/Criminal_Justice_Act_\(Northern_Ireland\)_1966](https://ru.qaz.wiki/wiki/Criminal_Justice_Act_(Northern_Ireland)_1966) (дата обращения: 18.04.2021).

3. Британский закон о самоубийствах признан нарушающим права человека. URL: <https://mk-london.co.uk/news/u489/2017/07/24/17614> (дата обращения: 18.03.2021).

1. Suicide Act 1961. Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/eliz2/9-10/60/contents>. Accessed: 18 April 2021 (in English).

2. The Criminal Justice Act (Northern Ireland) 1966. Available from: [https://ru.qaz.wiki/wiki/Criminal_Justice_Act_\(Northern_Ireland\)_1966](https://ru.qaz.wiki/wiki/Criminal_Justice_Act_(Northern_Ireland)_1966). Accessed: 18 April 2021 (in Russian).

3. British suicide law has been found to violate human rights. Available from: <https://mk-london.co.uk/news/u489/2017/07/24/17614>. Accessed: 18 March 2021 (in Russian).

4. Закон о преступлениях 1961 года Новой Зеландии. URL: [>](https://ru.qaz.wiki/wiki/Crimes_Act_1961#Crimes_against_the_person_(Part_8)) (дата обращения: 22.04.2021).

5. Is Suicide Illegal? Suicide Laws By Country. URL: <https://mentalhealthdaily.com/2014/07/24/is-suicide-illegal-suicide-laws-by-country/> (accessed: 25.02.2021).

6. Canada Criminal Code. R.S.C., 1985, с. C-46. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html> (дата обращения: 26.02.2021).

7. Редкая попытка самоубийства проходит через Суд Кэролайн // MyEasternMD: информ. портал. URL: https://www.myeasternshoremd.com/stardem/news/local_news/rare-attempted-suicide-charge-goes-through-caroline-court/article_3e8f7813-a2c6-555c-a8cd-7876e09013e3.html (дата обращения: 01.03.2021).

8. Примерный уголовный кодекс США // Российский правовой портал. URL: <https://constitutions.ru/?p=5849> (дата обращения: 28.02.2021).

9. Единая справочно-информационная база национального законодательства США. URL: <https://law.justia.com/codes/> (дата обращения: 01.03.2021).

10. Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. и предисл. канд. юрид. наук, проф. И. Д. Козочкина; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И. Д. Козочкина. Санкт-Петербург: Юрид. центр — Пресс, 2006. 576 с.

11. Сеидли Х. Ш. Ответственность за доведение до самоубийства по законодательству США // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 263—265. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60525/> (дата обращения: 01.03.2021).

12. Субъект посягательства в уголовном праве США. URL: <https://isfic.info/forug/zarug27.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

13. Уголовный кодекс Тайланда. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-тайланда.html> (дата обращения: 05.03.2021).

14. Уголовный кодекс Республики Кипр. URL: http://www.sbaadministration.org/home/legislation/01_02_09_01_COLONIAL_CAPS_1959/01_02_01_04_Caps-125-175A/19600101_CAP154_u.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

15. Уголовный кодекс Республики Танзания. URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

4. New Zealand Crimes Act 1961. Available from: [>](https://ru.qaz.wiki/wiki/Crimes_Act_1961#Crimes_against_the_person_(Part_8)). Accessed: 22 April 2021 (in Russian).

5. Is Suicide Illegal? Suicide Laws By Country. Available from: <https://mentalhealthdaily.com/2014/07/24/is-suicide-illegal-suicide-laws-by-country/>. Accessed: 25 February 2021 (in English).

6. Canada Criminal Code. R.S.C., 1985, p. C-46. Available from: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html>. Accessed: 26 February 2021 (in English).

7. A rare suicide attempt passes through Caroline's Court. In: MyEasternMD. Information portal. Available from: https://www.myeasternshoremd.com/stardem/news/local_news/rare-attempted-suicide-charge-goes-through-caroline-court/article_3e8f7813-a2c6-555c-a8cd-7876e09013e3.html. Accessed: 1 March 2021 (in Russian).

8. Approximate US Criminal Code. In: Russian Legal Portal. Available from: <https://constitutions.ru/?p=5849>. Accessed: 28 February 2021 (in Russian).

9. Unified reference and information base of the national legislation of the USA. Available from: <https://law.justia.com/codes/>. Accessed: 1 March 2021 (in Russian).

10. Penal Code of the state of Texas. Scientific. ed. and foreword of candidate of juridical sciences, professor I. D. Kozochkina; translation from English D. G. Osipova, I. D. Kozochkina. Saint Petersburg: Juridical Center — Press; 2006: 576 (in Russian).

11. Seidli H. Sh. Responsibility for incitement to suicide under US law. Young scientist, 263—265, 2019. Available from: <https://moluch.ru/archive/262/60525/>. Accessed: 1 March 2021 (in Russian).

12. Subject of infringement in US criminal law. Available from: <https://isfic.info/forug/zarug27.htm>. Accessed: 5 March 2021 (in Russian).

13. The Criminal Code of Thailand. Available from: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/criminal-codex-tayland.html>. Accessed: 05 March 2021 (in Russian).

14. Criminal Code of the Republic of Cyprus. Available from: http://www.sbaadministration.org/home/legislation/01_02_09_01_COLONIAL_CAPS_1959/01_02_01_04_Caps-125-175A/19600101_CAP154_u.pdf. Accessed: 10 March 2021 (in Russian).

15. Criminal Code of the Republic of Tanzania. Available from: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TZA_penal_code.pdf. Accessed: 15 March 2021 (in Russian).

16. Уголовный кодекс Республики Уганда. URL: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/useofforce/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

17. Уголовный кодекс Республики Малави. URL: <https://turbo/determiner/malavi.html> (дата обращения 15.03.2021).

18. Уголовный кодекс Республики Кения. URL: <https://criminal.peterlife/criminal/53253.html#.YE8igBhn2Nw> (дата обращения: 15.03.2021).

19. Уголовный кодекс Республики Индия. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1569253> (дата обращения: 14.03.2021).

20. Мьянма: уголовное право. URL: <http://www.peterlife.ru/ccriminal/53217.html#.YFHxNxn2-d> (дата обращения: 17.03.2021).

21. Уголовный кодекс Малайзии. URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20%5BAct%20574%5D2.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).

22. The Mental Health bill. 2013. URL: <http://www.prsindia.org/administrator/uploads/general/1376983253~~mental%20health%20care%20bill%202013.pdf> (accessed: 11.04.2021).

23. Уголовный кодекс Республики Ботсвана. URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/bw/bw012en.pdf> (дата обращения: 16.03.2021).

24. Законодательство о самоубийствах — Suicide legislation/. URL: http://ru.gaz.wiki/wiki/Suicide_legislation (дата обращения: 17.03.2021).

25. Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. World Health Organization. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en> (accessed: 20.04.2021).

26. Уголовный кодекс Южно-Африканской Республики. URL: [http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20\(English\).pdf](http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20(English).pdf) (дата обращения: 20.04.2021).

27. Уголовный кодекс Сингапура. Penal Code (Singapore). URL: [http://www.ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_\(Singapore\)](http://www.ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_(Singapore)) (дата обращения: 20.04.2021).

© Ханова И. В., 2021

16. Criminal Code of the Republic of Uganda. Available from: <http://www.icla.up.ac.za/images/un/useofforce/africa/Uganda/Penal%20Code%20Act%20Uganda%201950.pdf>. Accessed: 15 March 2021 (in Russian).

17. Criminal Code of the Republic of Malawi. Available from: <https://turbo/determiner/malavi.html>. Accessed: 15 March 2021 (in Russian).

18. Criminal Code of the Republic of Kenya. Available from: <https://criminal.peterlife/criminal/53253.html#.YE8igBhn2Nw>. Accessed: 15 March 2021 (in Russian).

19. Criminal Code of the Republic of India. Available from: <https://indiankanoon.org/doc/1569253>. Accessed: 14 March 2021 (in Russian).

20. Myanmar: criminal law. Available from: <http://www.peterlife.ru/ccriminal/53217.html#.YFHxNxn2-d>. Accessed: 17 March 2021 (in Russian).

21. Criminal Code of Malaysia. Available from: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Penal%20Code%20%5BAct%20574%5D2.pdf>. Accessed: 15 March 2021 (in Russian).

22. The Mental Health bill. 2013. Available from: <http://www.prsindia.org/administrator/uploads/general/1376983253~~mental%20health%20care%20bill%202013.pdf>. Accessed: 11 April 2021 (in English).

23. Criminal Code of the Republic of Botswana. Available from: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/bw/bw012en.pdf>. Accessed: 16 March 2021 (in Russian).

24. Suicide legislation — Suicide legislation. Available from: http://ru.gaz.wiki/wiki/Suicide_legislation. Accessed: 17 March 2021 (in Russian).

25. Suicide rate estimates, age-standardized Estimates by country. World Health Organization. Available from: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en>. Accessed: 20 April 2021 (in English).

26. Criminal Code of the Republic of South Africa. Available from: [http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20\(English\).pdf](http://hrlibrary.umn.edu/research/Penal%20Code%20(English).pdf). Accessed: 20 April 2021 (in English).

27. Criminal Code of Singapore. Penal Code (Singapore). Available from: [http://www.ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_\(Singapore\)](http://www.ru.gaz.wiki/wiki/Penal_Code_(Singapore)). Accessed: 20 April 2021 (in Russian).

© Khanova I. V., 2021

Ханова Ирина Витальевна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: ivhanova@mail.ru

Khanova Irina Vitaliyevna,
senior lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: ivhanova@mail.ru

* * *

УДК 343.155
ББК 67.410.215
doi: 10.25724/VAMVD.VWXY

В. Г. Волколупов

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПОНЯТИЙ «ЖАЛОБА» И «ОБЖАЛОВАНИЕ»,
А ТАКЖЕ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ
«ИНСТИТУТ ОБЖАЛОВАНИЯ»
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ**

Раскрывая общетеоретические подходы к определению таких базовых понятий, как «жалоба» и «обжалование» и их соотношению в уголовно-процессуальном праве России, автор рассматривает эти категории как особый вид интеллектуально-волевой деятельности человека, указывая на историческую обусловленность возникновения данных правовых явлений одновременно с государством и правом, а также связывая их со стремлением к реализации собственных интересов лица посредством подачи жалобы на ранее совершенные другими участниками правоотношений действия или принятые ими решения. Анализ содержания и объема понятий «жалоба» и «обжалование», существующих в современном уголовно-процессуальном праве, позволил сформулировать авторскую дефиницию указанных терминов, выявить проблемные вопросы рассматриваемой темы и предложить пути их решения. Аргументирован вывод о том, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России правовой институт обжалования объединяет не только нормы, предусмотренные в гл. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и целый ряд нормативных предписаний, содержащихся в иных его главах.

Ключевые слова: жалоба, содержащий просьбу документ, обжалование, уголовно-процессуальные отношения, правовой институт, унификация.

V. G. Volkolupov

**GENERAL THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION
OF THE CONCEPTS "COMPLAINT" AND "APPEAL",
AS WELL AS TO THE CONTENT OF THE CONCEPT
"INSTITUTE OF APPEAL"
IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW**

Disclosing the general theoretical approaches to defining such basic notions, as "complaint" and "appeal" and their correlation in the Russian Criminal procedure Law, the author considers these categories as a special kind of human intellectual and volitional activity, indicating a historical conditionality of appearance of these legal phenomena simultaneously with the state and the law, and associates them with a person's desire to realize his or her interests by means of a complaint against earlier-made actions or decisions of other participants of the legal relationship. The analysis of the content and the scope of the concepts of "complaint" and "appeal", existing in the current Criminal procedure Law, allows to formulate the author's definition of the terms specified, to identify problematic issues of the considered topic and to suggest the solutions. The author comes to a reasoned conclusion that in the current Russian Criminal procedure Law the legal institute of appeal brings together not only the rules under Chapter 16 of the Criminal procedure Code of the Russian Federation, but also a number of regulations contained in its other Chapters.

Key words: complaint, requesting document, appeal, criminal procedure relations, legal institute, unification.

В реальной действительности обжалование представляет собой в широком смысле особый вид интеллектуально-волевой деятельности чело-

века. Оно появилось в обществе одновременно с возникновением государства и права. На первоначальном этапе обжалование было обусловлено

естественным стремлением человека выразить свое несогласие с поведением других людей и добиться удовлетворения своих собственных интересов путем подачи жалобы на ранее совершенные другими лицами действия или принятые ими решения. Посредством обжалования допускалась возможность изменения ранее возникших общественных отношений и приведения их в такое состояние, которого добивался «жалобщик» и которое бы соответствовало признаваемым в обществе социальным стандартам.

Иными словами, на ранних этапах развития общества обжалование по содержанию практически ничем не отличалось от обычного выражения своего несогласия с действиями (бездействием) других субъектов (как физических лиц, так и органов государственной власти). Однако с развитием государства и права обжалование постепенно обрело новую сущность и стало значительно отличаться от других видов разрешения социальных конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между людьми. Вместе с тем для данного понятия характерной чертой остается его «универсальность», кроме того, оно продолжает занимать важное место в жизнедеятельности общества и государства. Особая роль при этом принадлежит обжалованию в сфере реализации власти, особенно при уголовном преследовании. В настоящее время в российском уголовном процессе сформирован относительно самостоятельный институт обжалования, объединяющий соответствующую совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания и процедуру обращения с жалобой на действия (бездействие) субъектов, осуществляющих правосудие и производство предварительного расследования, порядок принятия ими жалобы к производству и другое. Тем не менее, несмотря на многочисленные исследования института обжалования, в уголовно-процессуальной науке продолжают оставаться дискуссионными многие вопросы, относящиеся к данной теме; и даже такие базовые понятия, как «жалоба» и «обжалование», по-прежнему однозначно не определены и имеют различные, а порой существенно отличающиеся теоретические подходы к их содержанию, при этом соотношение этих понятий многими авторами тоже толкуется весьма неоднозначно, а нередко и противоречиво [1—7].

Этимологическое значение слова «жалоба» вытекает из его толкования в словарях русского языка. В частности, в одном из них это слово разъясняется как «официальное заявление о неудовольствии с просьбой об удовлетворении или устранении причин, вызвавших неудовольствие» [8].

В то же время в уголовно-процессуальной доктрине понятие «жалоба» обладает своими специфическими чертами, которые существенным образом отличают его содержание от «общеупотребительного» подхода к пониманию рассматриваемого термина. Так, В. И. Летучих, определяя понятие жалобы, полагал, что это «основанное на законе обращение граждан, участвующих в уголовном процессе, к органу государственной власти, уполномоченному на ее прием и разрешение, по поводу предполагаемого или действительного нарушения личных прав или законных интересов, допущенного должностным лицом при возбуждении или расследовании уголовного дела с требованием о его устранении» [7, с. 5—6].

Нетрудно заметить, что в предлагаемом определении В. И. Летучих, разделяя позицию многих ученых-процессуалистов, данное понятие «замыкает», как и понятие «обжалование», лишь на досудебное производство по уголовному делу, оставляя без внимания основную деятельность судебных органов, стадию исполнения приговора и др.

В уголовно-процессуальной науке представлен и иной подход к определению рассматриваемого понятия. Так, В. Л. Будников полагал, что «жалоба — это облеченное в письменную форму или выраженное устно обращение участника процесса к надлежащему прокурору, в котором указывается на действительное или предполагаемое нарушение следователем его субъективных прав и законных интересов, а также содержится просьба или требование об устранении отмеченного нарушения» [5, с. 7].

Таким образом, несмотря на терминологические различия, чаще всего в доктрине уголовно-процессуального права понятие «жалоба» связывается с обращением заявителя в ту или иную компетентную инстанцию [1; 2; 6; 9—12].

Но сам по себе термин «обращение» в русском языке является полисемичным и имеет несколько смысловых значений. Думается, что в уголовно-процессуальном смысле представляет интерес только три из них: а) это «проявление отношения к кому-чему-н. в поведении, в поступках» [8]; б) это «призыв или речь, обращенные к кому-н.» [8]; в) это «документ, произведение с таким призывом, отношением к кому-л., чему-л. по какому-л. поводу» [8].

Как уже отмечалось, В. Л. Будников в предлагаемом им определении жалобы опирался на термин «обращение» во втором из названных ранее его значений. Он обосновал свою позицию тем, что если исходить из первого варианта толкования

этого слова, то очень сложно, а скорее, в принципе невозможно разграничить понятия «жалоба» и «обжалование», отмечая: «ведь последнее как раз и предполагает осуществление определенных действий» [5, с. 7].

Обжалование в широком смысле означает «процесс действия по значению глагола „обжаловать“» [8]. Иными словами, обжаловать — значит обратиться с жалобой «по поводу чего-н., признаваемого незаконным, неправильным» [8].

Представляется вполне логичным вывод о том, что первое значение термина «обращение» из числа названных выше вряд ли приемлемо для понятия «жалоба», поскольку такое толкование этого слова не включает осуществление каких-либо действий со стороны заявителя и имеет совсем иное смысловое содержание — в большей степени эмоциональное, а не волевое. Так, «проявление отношения к кому-чему-н. в поведении, в поступках» в некоторых толковых словарях русского языка определяется, например, как «ласковое обращение с ребенком, небрежное обращение с вещами» [8], «грубое обращение с детьми» [8]. Исходя из этого, можно утверждать, что рассматриваемое в таком ракурсе смысловое значение слова «обращение» для определения уголовно-процессуального понятия «жалоба» в принципе неприменимо.

Хотя некоторые авторы, в частности, Т. А. Бочкова, предлагая собственное определение понятия «жалоба», используют именно такое «размытое» и слишком неопределенное смысловое значение слова «обращение» [4, с. 35]. В. И. Летучих же, напротив, утверждал, что жалоба — это, прежде всего, «действия лица, направленные на защиту личных прав и интересов» [7, с. 6]. Его позицию разделяют с некоторыми оговорками и ряд других авторов [13; 14].

Н. В. Григорьева пытается найти компромисс в имеющихся подходах к определению рассматриваемого понятия и полагает, что жалоба, как особый вид обращения граждан, включает в себя и первое, и второе семантическое значение этого термина. По мнению этого автора, «подача жалобы в любом случае предполагает совершение действий, а сама жалоба, ее содержание, включает просьбу, требование, призыв к государственному органу или должностному лицу о защите прав или законных интересов» [6, с. 14].

А. Н. Артамонов занимает позицию, отличную от названных ранее исследователей, и считает, что понятие «жалоба» должно определяться не как «обращение», но как «требование». Он полагает, что слово «требование» является более точным,

поскольку «обращаясь с жалобой в надлежащий государственный орган, гражданин не просто хочет указать на имеющее место нарушение его прав и законных интересов со стороны какого-либо должностного лица или органа, а он требует устранения данного нарушения и восстановления нарушенных прав» [2, с. 25].

Представляется, что применение термина «требование» вместо слова «обращение» не является однозначно удачным. Во-первых, предлагаемая А. Н. Артамоновым перестановка весьма условна, о чем говорит и сам автор, допуская, что «выражение жалобы через категорию „требование“ не исключает ее определения как разновидности обращений граждан, поскольку понятие „требование“ уже предполагает свою направленность к кому-либо, оно включает в себя обращение» [2, с. 25].

Можно отметить, что в русском языке слово «требование» рассматривается как «настоятельная просьба, выраженная в категорической форме» [8], а просьба, хотя и настоятельная, — это и есть «обращение к кому-н., призывающее удовлетворить что-н. необходимое или желаемое» [8]. Поэтому термин «требование», будучи одним из видов просьбы, в принципе является обращением.

Кроме того, грамматическое (а точнее, семантическое) толкование содержания термина «требование» с использованием других слов и их словосочетаний позволяет утверждать, что это «настойчивая и упорная просьба, выраженная в решительной, не допускающей возражений форме» [8]. Однако данная формулировка тоже не вполне согласуется с сущностью уголовно-процессуального понятия «жалоба». В правовом смысле «жалоба» не обязательно облекается в форму, исключающую какие-либо возможные возражения, исходя из ее контекста. Больше того, изложенные в ней данные зачастую связаны с разрешением не только существующих в действительности, но и предполагаемых уголовно-процессуальных нарушений. В случае полного удовлетворения жалобы соответствующее должностное лицо или суд руководствуются не самим фактом ее подачи, а объективными данными, полученными в результате проведенной проверки указанных в жалобе обстоятельств.

Тем не менее, в научных работах большинства исследователей понятие «жалоба» определяется чаще всего с использованием термина «требование». Например, Н. В. Григорьева [6, с. 15—16] и Е. К. Антонович [1, с. 29—30] определяют понятие жалобы как «обращение с требованием». Эти авторы полагают, что именно наличие у заявителя требования является одним из основных призна-

ков, по которому жалоба отличается от других обращений граждан.

На наш взгляд, указанные доводы позволяют обоснованно утверждать, что термин «требование» в определении понятия «жалоба» в уголовно-процессуальном смысле вряд ли приемлем, и более точным является другой термин, а именно «просьба». Такой подход не противоречит не только семантическому, смысловому содержанию понятия жалобы, но и в полной мере соответствует термину «обращение» в одном из его смысловых значений, рассмотренных нами ранее (во втором значении).

Как уже отмечалось, в этом варианте слово «обращение» означает «призыв или речь, обращенные к кому-н.». Термин «призыв», рассматриваемый именно в таком значении, это и есть просьба (или мольба) [8]. С учетом изложенного, на наш взгляд, в определении правового понятия «жалоба» наиболее точным и содержательным является использование термина «просьба». Не случайно заявитель чаще всего в завершающей части жалобы употребляет слово «прошу». Поэтому представляется целесообразным, например, внести изменения в ч. 4 ст. 389.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и заменить слова «такое требование не содержалось» на словосочетание «такая просьба не содержалась».

Предложение А. Н. Артамонова о включении в определение жалобы термина «требование» лишь усложнит рассматриваемое понятие, и к тому же приведет к двойственному толкованию указанного термина. Как и «обращение», слово «требование» тоже полисемично, и под ним понимается еще и «официальный документ с просьбой о предоставлении чего-н., направлении куда-н.» [8].

Так, С. В. Белобородов полагает, что жалоба в уголовном процессе одновременно может быть определена как документ, «в котором фиксируется факт обращения гражданина к управомоченным органам (адресатам жалобы) в связи с нарушением его прав и законных интересов» [3, с. 26]. А далее он утверждает, что в этом смысле жалоба является материальным выражением соответствующих требований об устранении имеющихся или предполагаемых нарушений закона.

А. Н. Артамонов в свою очередь указывает, что «если в определении жалобу выражать через термин „обращение“, а не „требование“, то ее значение в качестве документа таким определением практически не будет охвачено, даже при указании в определении, что обращение может быть письменным» [2, с. 26].

Такая позиция вряд ли может быть признана бесспорной. Понятие «требование» в качестве разновидности документа в русском языке интерпретируется как «требование на запчасти» [8], «требование на дрова» и т. д. [8] Исходя из этого, неоднозначность слова «требование», на наш взгляд, не позволяет использовать его для определения понятия жалобы в уголовно-процессуальном смысле. Вряд ли можно согласиться с тем, что кто-либо из участников уголовного судопроизводства вправе подать жалобу, например, с просьбой получить у прокурора какие-то правомочия, восстанавливающие его нарушенное право, а прокурор автоматически выдал бы ему эти правомочия как «запчасти» или «дрова». Представляется, что жалоба в качестве документа может быть определена и с использованием термина «обращение» (в третьем варианте его смыслового значения), поскольку это позволит рассматривать уголовно-процессуальную жалобу и как особый вид «документа с просьбой». На это обращал внимание М. С. Строгович, который полагал, что жалоба представляет собой «юридический документ, влекущий юридические следствия, порождающий правоотношение между жалобщиком и органом, которому жалоба подана» [15, с. 183].

Подводя итоги, можно сформулировать следующее определение правового понятия «жалоба»: это содержащий просьбу документ, подтверждающий факт реализации субъектом своего права на обжалование и влекущий изменение правового статуса этого субъекта, а также одновременное возникновение соответствующих прав и обязанностей у должностных лиц и органов, уполномоченных в соответствии с законом принять такой документ в производство.

Понятие уголовно-процессуального обжалования тоже однозначно не определено и толкуется нередко весьма противоречиво. Одними авторами оно формулируется как категория, ничем не отличающаяся от понятия «жалоба» [16—18]. В других работах эти термины различаются как по объему, так и по содержанию [2; 6; 10].

Нередко понятие уголовно-процессуального обжалования используется в одном значении с понятием «жалоба», когда его упоминают для обозначения деятельности лица по реализации своего права на обжалование. Обжалование в русском языке означает «процесс действия, равнозначного по своему смысловому значению глаголу „обжаловать“» [8]. Иными словами, в этом смысле слово «обжаловать» означает подать жалобу «по поводу чего-н., признаваемого незаконным,

неправильным» [8]. При таком подходе понятие «обжалование» толкуется ограничительно, ему придается узкий смысл.

Определяя обжалование как специфическую деятельность, не совпадающую по своей сути с жалобой, его структура представляется более объемно и охватывает одновременно с действиями заявителя, которые заключаются в составлении и направлении жалобы, еще и деятельность соответствующих компетентных органов, связанную с приемом, регистрацией и производством по жалобе [19; 20]. При таком подходе содержанию понятия «обжалование» придается более широкий смысл.

Исходя из этого, считаем, что выделение обжалования в «узком смысле» не имеет практической значимости, поскольку оно действительно всегда совпадает с правом на обжалование. В уголовном процессе обжалование целесообразно рассматривать лишь в «широком смысле». Именно при такой трактовке рассматриваемого понятия, по нашему мнению, данная категория «наполняется» своим собственным содержанием.

На наш взгляд, понятие обжалования не включает юридически значимую деятельность соответствующих субъектов по разрешению поданной жалобы. Такую деятельность логичнее рассматривать либо как процессуальный ведомственный контроль, либо как прокурорский надзор, или как судебный контроль. Мы считаем, что обжалование завершается приемом, регистрацией и решением о начале производства по жалобе, под которыми следует понимать предусмотренные законом организационные, предварительно-проверочные и подготовительные действия, обеспечивающие возможность последующего рассмотрения жалобы и принятия по ней решения. Ведь обжалование — это особое правоотношение, возникающее между вовлеченным в уголовное судопроизводство лицом и надлежащим субъектом, уполномоченным, в первую очередь, принять жалобу в производство. Таким образом, праву заявителя на формулирование и подачу жалобы корреспондирует обязанность соответствующего уполномоченного субъекта принять, зарегистрировать в установленном законом порядке поданную жалобу и инициировать по ней соответствующее производство (либо отказать в этом).

Например, согласно ч. 2 ст. 125 УПК РФ жалоба может быть подана в суд непосредственно либо через конкретное должностное лицо, осуществляющее производство предварительного расследования. Таким образом, обжалование включает в себя обязанность, а следовательно, и деятельность указанных субъектов по приему жалобы

и ее направлению надлежащему адресату. К обжалованию относится и соответствующая деятельность уполномоченных должностных лиц или суда, принявших жалобу. Но собственно обжалование в уголовно-процессуальном смысле завершается после назначения жалобы к рассмотрению. Это обусловлено тем, что в дальнейшем применяются нормы института ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора или судебного контроля, т. е. последующая деятельность суда и соответствующих должностных лиц уже не является обжалованием. В связи с этим утверждение И. Р. Дочия о том, что предусмотренный ст. 125 УПК РФ порядок проверки жалоб следует относить к одной из форм судебного контроля досудебного уголовного производства [21, с. 11], представляется вполне обоснованным и нами полностью разделяется.

Уголовно-процессуальное обжалование может быть определено как совокупность правоотношений, в рамках которых субъективному праву одной стороны на формулирование и подачу жалобы соответствует юридическая обязанность другой совершить предусмотренные законом организационные, предварительно-проверочные и подготовительные действия, обеспечивающие возможность последующего рассмотрения жалобы и принятия по ней решения.

Именно поэтому уголовно-процессуальные нормы, объединенные в гл. 16 УПК РФ, регламентируют типовые общественные отношения, возникающие по поводу обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в общем виде. Совокупность этих норм представляет собой относительно самостоятельный институт уголовно-процессуального права, который включает в себя процессуальную деятельность, связанную с обжалованием как в досудебных стадиях, так и на стадиях судебного производства по уголовному делу, в том числе после вступления соответствующего судебного решения в законную силу.

По общему правилу образующие правовой институт уголовно-процессуальные нормы аккумулируются в самостоятельном разделе, главе или иной структурной части УПК РФ. В то же время не исключается и иное решение, согласно которому отдельные его элементы могут содержаться в различных разделах и главах одного и того же нормативного правового акта. Применительно к уголовно-процессуальному институту обжалования такое расположение образующих его норм (в гл. 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ и др.) не препятствует их юридическому единству и обусловлено,

по нашему мнению, стремлением к тому, чтобы обеспечить в российском уголовном судопроизводстве унификацию всей совокупности правоотношений, возникающих при реализации участниками уголовного процесса своего права на обжалование.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать вывод о том, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России правовой институт обжалования объединяет не только нормы, предусмотренные в гл. 16 УПК РФ, но и целый ряд нормативных предписаний, содержащихся в иных его главах (например, в ст. 389.1—389.8, ст. 401.1—401.5, 401.7, ст. 412.1—412.8 и др.).

Вместе с тем содержание отдельных норм, расположенных в разных главах УПК РФ, но отно-

сящихся к институту обжалования, не всегда согласуется и, на наш взгляд, требует предполагаемой унификации. Совершенствование института обжалования в названном направлении будет способствовать повышению гарантий обеспечения прав и свобод лиц, участвующих на всех стадиях уголовного процесса, включая апелляционное, кассационное, надзорное производство и др. Кроме того, унификация процессуальных норм, регламентирующих основания, процедуру подачи и приема жалобы, требования к ее содержанию и т. п., обеспечит единообразное их применение и повысит результативность уголовного судопроизводства в целом.

---

1. Антонович Е. К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2009. 244 с.

2. Артамонов А. Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2003. 215 с.

3. Белобородов С. В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2006. 250 с.

4. Бочкова Т. А. Основные формы участия граждан в обеспечении их прав и законных интересов в государственном управлении // Вопросы государства и права: материалы теор. конф. по плановым работам, выполн. в 1963 г.; канд. и докт. дис. Свердловск: [б. и.], 1964. С. 34—36.

5. Будников В. Л. Обжалование действий и решений следователя: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1990. 62 с.

6. Григорьева Н. В. Обжалование как форма правовой защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2000. 230 с.

7. Летучих В. И. Обжалование в стадиях возбуждения и расследования уголовных дел в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. Свердловск, 1972. 17 с.

8. GLOSUM. Сборник словарей: сайт. 2021. URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 17.05.2021).

9. Мальков В. В. Советское законодательство о жалобах и заявлениях. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 108 с.

---

1. Antonovich E. K. The institute of appeal at the pre-trial stages of criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Moscow; 2009: 244 (in Russian).

2. Artamonov A. N. Appealing actions and decisions of investigation bodies at pre-trial stages of the Russian Criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Omsk; 2003: 215 (in Russian).

3. Beloborodov S. V. The principle of lateral freedom to appeal in the Criminal proceedings in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Nizhniy Novgorod; 2006: 250 (in Russian).

4. Bochkova T. A. The main forms of citizens' participation in ensuring their rights and legitimate interests in public administration. In: State and Law issues: Materials of theoretical conference on planned works, made in 1963; candidate and doctoral dissertations. Sverdlovsk: [s. n.]; 1964: 34—36 (in Russian).

5. Budnikov V. L. Appealing actions and decisions of an investigator. A training manual. Volgograd: Volgograd Higher Investigations School of Internal Affairs Ministry of the USSR; 1990: 62 (in Russian).

6. Grigoryeva N. V. The appeal as a form of legal protection of the rights and legitimate interests of participants of the criminal process in pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Moscow; 2000: 230 (in Russian).

7. Letuchikh V. I. Appeals at the stages of initiation and investigation of criminal cases in the Soviet criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.00. Sverdlovsk; 1972: 17 (in Russian).

8. GLOSUM. Collection of dictionaries. Site. 2021. Available from: <https://glosum.ru/>. Accessed: 17 May 2021 (in Russian).

9. Malkov V. V. Soviet legislation on complaints and petitions. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1967: 108 (in Russian).

10. Морозов П. С. Реализация конституционного права судебного обжалования в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2004. 240 с.

11. Сидоров В. В. Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Калининград, 2009. 240 с.

12. Хаманева Н. Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. Москва: Изд-во ИГиП РАН, 1997. 216 с.

13. Алистратов Ю. Н. Право граждан на обращения в государственные органы местного самоуправления в условиях становления демократического правового государства в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Москва, 1995. 152 с.

14. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. Москва: Юрид. лит., 1968. 142 с.

15. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. Москва: Наука, 1966. 252 с.

16. Бородин И. Л. Обжалование по делам об административных правонарушениях, подведомственным органам внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Москва, 1993. 173 с.

17. Карасева М. В. Конституционное право граждан СССР на обжалование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Воронеж, 1986. 212 с.

18. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. Москва: Юрид. лит., 1968. 395 с.

19. Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. 171 с.

20. Лупинская П. А. Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. С. 150—156.

21. Дочия И. Р. Современные проблемы института судебной проверки жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2009. 30 с.

10. Morozov P. S. Realization of the Constitutional right of judicial appeal in pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Saint Petersburg; 2004: 240 (in Russian).

11. Sidorov V. V. The appeal of procedural actions and decisions of bodies carrying out criminal prosecution as a guarantee of the rights of participants of the Criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Kaliningrad; 2009: 240 (in Russian).

12. Hamaneva N. Y. Protection of the rights of citizens in the sphere of Executive power. Moscow: Publishing house of the Institution of the State and the Law of the Russian Academy of Science; 1997: 216 (in Russian).

13. Alistratov Y. N. The right of citizens to appeal to the state bodies of the local authorities at the formation of democratic state of Law in Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.02. Moscow; 1995: 152 (in Russian).

14. Sorokin V. D. Problems of administrative process. Moscow: Juridical literature; 1968: 142 (in Russian).

15. Strogovich M. S. The main questions of the Soviet socialist legality. Moscow: Nauka; 1966: 252 (in Russian).

16. Borodin I. L. Appealing against cases of administrative offences under the jurisdiction of Internal Affairs bodies. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.02. Moscow; 1993: 173 (in Russian).

17. Karaseva M. V. Constitutional right of the citizens of the USSR to appeal. Dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.02. Voronezh; 1986: 212 (in Russian).

18. Perlov I. D. Cassation proceedings in the Soviet Criminal process. Moscow: Juridical literature; 1968: 395 (in Russian).

19. Volodina L. M. Mechanism of the personal rights protection in the Criminal proceedings. Tyumen: Publishing house of Tyumen State University; 1999: 171 (in Russian).

20. Lupinskaya P. A. The right of complaint in the Criminal proceedings under the USSR Constitution. In: The USSR Constitution and the further strengthening of the Law and the Order. Moscow: Publishing house of the Institute of the State and the Law of the USSR Academy of Science; 1979: 150—156 (in Russian).

21. Dochya I. R. The current problems of the institute of judicial review of complaints against actions (legal inaction) and decisions of officials of the bodies of preliminary investigation, and the procurator. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.09. Moscow; 2009: 30 (in Russian).

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Волколупов Владимир Георгиевич,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volkolupov_osr@rambler.ru

Volkolupov Vladimir Georgievich,
senior lecturer at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: volkolupov_osr@rambler.ru

* * *

УДК 343.982.4
ББК 67.521.5
doi: 10.25724/VAMVD.VXYZ

А. В. Досова, А. Г. Задоров

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ
ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ
ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Материальные следы преступлений, связанных с изготовлением подложных документов, выражаются, в первую очередь, в виде признаков подлога в них, а также указывают на использование при их изготовлении определенных предметов, материалов и технологий.

При расследовании данных преступлений особое значение имеют результаты экспертизы, которые по отношению к другим видам доказательств обладают определенной спецификой, представляя собой результаты исследования, проведенного с использованием специальных знаний в пределах утвержденных и рекомендованных типовых экспертных методик.

Разумеется, порядок процессуальных действий субъекта расследования при установлении обстоятельств изготовления документов зависит от конкретной ситуации, но в любом случае первоначально присутствует необходимость установления факта соответствия (несоответствия) сомнительного документа образцу подлинного.

Результаты экспертных исследований следов подлога имеют самостоятельное доказательственное значение, но они также важны и при осуществлении иных процессуальных действий, в частности, при планировании следственного эксперимента и допроса подозреваемого в изготовлении поддельного документа.

Ключевые слова: документ, обстоятельства, преступление, следы, подлог, расследование, заключение эксперта, доказательства.

A. V. Dosova, A. G. Zadorov

**ON THE USE OF THE RESULTS
OF EXPERT EXAMINATION OF MATERIAL TRACES
WHEN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES
OF FORGED DOCUMENTS PRODUCTION**

Material traces of crimes related to production of forged documents are mainly expressed in the form of signs of forgery and also indicate the use of certain items, materials, and technologies during their production.

When investigating these crimes the results of expert examination play a significant role and in relation to other types of evidence has specific features and represents the results of a study conducted with the use of special knowledge within the approved and recommended standard expert methods.

Apparently, the order of procedural actions of a subject of investigation when establishing the circumstances of documents production depends on a particular situation, but in any case there is initially a need to establish the fact of compliance (non-compliance) of a dubious document with an original sample.

The results of expert examination of forgery traces have their own evidentiary value, but they are also important while carrying out other procedural actions, in particular when planning an investigative experiment and interrogating an individual suspected of forged documents production.

Key words: document, circumstances, crime, traces, forgery, investigation, expert's report, evidence.

В соответствии с действующим законодательством лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только тогда, когда в совершенном им деянии содержится состав определенного вида преступления. Иными словами, необходимым и единственным основанием для уголовной ответственности является наличие в содеянном составе преступления, предусмотренного соответствующим законом. В то же время привлечение лица к ответственности необоснованно, если не будет собрана необходимая доказательственная база. К доказательствам в этом случае относятся также заключение эксперта, содержащее данные о фактах, от которых зависит установление в действиях подозреваемого лица состава преступления.

Именно заключение эксперта с результатами исследования сомнительного документа выступает в качестве основного вида доказательства при установлении обстоятельств, образующих состав преступлений, связанных с изготовлением поддельных документов. Ситуация объясняется тем, что материальные следы таких преступлений находят свое воплощение в объектах. Это, в свою очередь, выражается в несоответствии свойств подделываемого документа по отношению к образцу оригинального [1, с. 56].

Стоит отметить, что познание преступления осуществляется через установление признаков, характеризующих его объективную сторону: действия субъекта, последствия этих действий, а также условий, в которых оно свершалось. По справедливому высказыванию В. Н. Кудрявцева, без объективной стороны деяния не может быть посяательства на объект преступления, также нет и субъективной стороны, и, как следствие, субъекта преступления [2, с. 10]. В ряде случаев установление объективной стороны содеянного преступления невозможно без проведения криминалистических экспертиз.

Соответственно, в процессе расследования обстоятельств подлога документа требуется установить, прежде всего, что объект (документ — вещественное доказательство) является действительно поддельным (к примеру, использование неоригинальных материалов, технологий, устройств). Установленные данные, в свою очередь, могут способствовать установлению причастности лица к изготовлению подложного документа, установлению мотива преступного деяния.

Заметим, что выявление признаков подлога в документах относится к числу сложных проблем, поскольку большая часть людей в силу разных причин не знает, каким образом выглядят офици-

альные документы, и тем более, какой перечень необходимых реквизитов должен в них содержаться. К тому же преступники применяют современные устройства и технологии, а иногда используют бумагу, похищаемую на предприятиях «Гознака», которая содержит такие трудно имитируемые элементы защиты, как водяные знаки и люминесцирующие волокна.

Необходимо подчеркнуть, что во избежание уголовного наказания злоумышленники изготавливают поддельные удостоверения (например, сотрудников правоохранительных органов), которые по отдельным параметрам отличаются от соответствующих подлинных документов (например, в цвете (оттенке) защитной сетки, в конфигурации и размере шрифта). Однако различия в спорном объекте и документе-образце могут быть выявлены только в процессе сравнительного исследования, поэтому владельцам подложных документов удастся безнаказанно совершать правонарушения и преступления, причем иногда в течение продолжительного времени.

Из сказанного вытекает, что признание сомнительного документа предметом подлога практически невозможно без использования специальных знаний в области технико-криминалистического исследования документов. Но в любом случае вопрос о подлинности документа рекомендуется решать только в ходе судебного разбирательства, с учетом всех установленных по данному делу обстоятельств.

Способ подделки будет иметь большое значение при разработке версий в отношении преступника (его профессиональные навыки, возможности и т. д.), что, в свою очередь, важно при организации и планировании раскрытия конкретного преступления. Соответственно, изучение обстоятельств преступления, характеризующих личность преступника, позволяет раскрыть психологическое отношение субъекта к совершенному им деянию и его последствию, т. е. субъективную сторону преступления. Установление элементов субъективной стороны преступления (вины, мотива, цели) означает, прежде всего, «установление зависимости общественно опасного деяния от личности, от ее сознания, воли» [3, с. 14]. В то же время в совокупности интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов, из которых складывается субъективная сторона преступления, отражаются признаки преступления. К ним можно отнести объект, предмет, способ, обстановку, место, время совершения преступления, наступившие последствия. Поскольку объективная сторона преступления является

практическим осуществлением намерений лица, она, в свою очередь, характеризует свойства личности преступника, его умысел, цели. Это и обуславливает важную роль экспертного исследования документов, с помощью которых выявляются различные обстоятельства объективной стороны преступлений по изготовлению поддельных документов.

При установлении и доказывании обстоятельств, входящих в субъективную сторону преступлений, которые связаны с изготовлением подложных документов, следует понимать, что лицо, изготавливающее нелегитимный документ, не во всех случаях представляет объем ущерба, который он может нанести при его использовании. Но, как правило, поддельный документ преступником используется с целью извлечения материальной выгоды.

Так, гр. Б. с целью своего трудоустройства на должность врача-кардиолога в городскую клинику больницу г. Волжского Волгоградской области противоправно использовал подложные диплом о высшем профессиональном образовании по специальности «Лечебное дело», удостоверение об окончании интернатуры и сертификат об окончании курсов профессиональной переподготовки [4]. Выяснению факта подлога способствовало производство технико-криминалистической экспертизы документов, представленных подозреваемым в отдел кадров лечебного заведения [5].

Мотивы, которыми руководствуется субъект при совершении подлога, могут быть различными, но в любом случае субъективная сторона предполагает наличие у субъекта прямого умысла и определенной цели. Мотив устанавливается посредством тщательного анализа и сопоставления всех остальных доказательств, собранных по делу. Выяснению этого обстоятельства может способствовать, например, установление способа изготовления объектов, примененного оборудования. Полученные данные будут важны для розыска.

Субъекты преступлений, связанных с изготовлением подложных документов (в зависимости от наличия у них определенных полномочий), подразделяются:

- на субъекты, уполномоченные выдавать документы (за исключением перечисленных в ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации);
- субъекты, не имеющие полномочий;
- лица, обладающие полномочиями по владению и использованию документов [6, с. 92].

Считаем, что подлог, совершенный лицом с использованием своего служебного положения (специальный субъект), объективно более опасен для общества ввиду того, что он обладает специ-

альными полномочиями в части контроля оборота официальных документов.

В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное в отношении заместителя генерального директора ОАО «Племрепродуктор» Республики Калмыкия гр. Э. В целях хищения средств из федерального и республиканского бюджета, выделяемых на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, он представил в Министерство сельского хозяйства республики документы, содержащие заведомо ложные сведения о затратах на общую сумму свыше 13 млн руб., якобы понесенных возглавляемым им акционерным обществом при строительстве, реконструкции и техническом перевооружении мелиоративных систем. Результаты экспертного исследования документов, изъятых в процессе следственных действий, способствовали установлению факта совершения подозреваемым мошеннических действий [7]. Сложность выявления подлога в подобных ситуациях заключается в том, что оформленные злоумышленником документы по форме и наличию необходимых реквизитов соответствуют, как правило, установленным требованиям, т. е. не содержат явных признаков материального подлога.

Поскольку между лицом, совершившим преступление, и элементами его преступной деятельности существует взаимосвязь, материалы, предметы, устройства, изъятые в процессе обыска (выемки), необходимо направлять на экспертизу с целью получения информации о том, что исследуемый документ действительно изготовлен с использованием этих объектов.

Например, при производстве идентификационной технико-криминалистической экспертизы оттисков печати, расположенных в трудовом договоре от 18 августа 2017 г., заключенном между гр. Я. и ИП Л. и проходящем по делу в качестве вещественного доказательства, было установлено, что в указанном документе оттиски нанесены одной и той же достоверительной печатной формой, изъятой у гр. Я. [8]

Следует сделать акцент на том, что при установлении субъекта серьезную значимость представляют экспертные заключения по результатам идентификационного почерковедческого исследования почерка, подписей. Если экспертом дан категорический положительный вывод о тождестве, то такое заключение может служить прямым доказательством по отношению к предмету доказывания.

Так, в уголовном деле в отношении гр. С., который, действуя в составе организованной преступной группы, мошенническим путем приобрел право

собственности на несколько квартир, расположенных в г. Волгодонске Ростовской области. Выявлению этого обстоятельства способствовало производство почерковедческой экспертизы рукописного текста и подписей в изъятых доверенностях. В процессе экспертного исследования был установлен факт выполнения соответствующих подписей не тем лицом, от имени которого они значатся, а подозреваемым [9].

Частью 2 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрена необходимость выяснения субъектом расследования обстоятельств, способствующих совершению преступления. К таковым относится, например, отсутствие должного контроля со стороны руководителей организаций за деятельностью подчиненных им должностных лиц.

Например, в процессе расследования хищения денежных средств с расчетного счета Краснодарской краевой организации профсоюза работников культуры были назначены технико-криминалистическая экспертиза документов и компьютерная экспертиза. Результаты проведенных исследований в рамках этих экспертиз позволили следователю установить, что подозреваемый гр. Ч., не имея легитимного доступа к программному продукту «Бизнес онлайн», осуществил несколько незаконных банковских операций. Это стало возможным, поскольку злоумышленнику, имевшему свободный доступ к соответствующему компьютеру, не представляло особых трудностей зафиксировать код расчетного счета (в электронном виде). В результате противоправных действий злоумышленник причинил указанной организации материальный ущерб в крупном размере [10].

Таким образом, при расследовании рассматриваемых преступлений необходимость производства

экспертизы обусловлена тем, что ряд обстоятельств может быть установлен исключительно с ее помощью.

Безусловно, заключение эксперта не может быть «выше» иных доказательств. Однако нужно отметить, что оно представляет собой умозаключение, сделанное на основе исследования, проведенного с использованием специальных знаний и применением технических средств, методов. В связи с этим мы разделяем точку зрения С. Б. Шашкина, который отмечает: «В правовом отношении производство экспертизы есть процессуальное действие, имеющее своей целью получение научно обоснованного знания, которое в форме заключения эксперта может быть использовано в качестве доказательства в следственной и судебной практике. В гносеологическом плане это один из видов познавательной деятельности субъекта, направленной на достижение истины» [11, с. 474—475]. Конечно, такая информация не всегда может быть получена в рамках производства одного рода экспертизы, соответственно, в ряде случаев работа проводится несколькими экспертами разных специальностей. Так, в процессе исследования спорного документа используются специальные знания в области технико-криминалистической экспертизы документов, судебного почерковедения, трасологии, химии. Особенность состоит в том, что информация как бы «закодирована» в материалах письма и реквизитах документа. Для ее извлечения эксперты, участвующие в производстве комплексной или комиссионной экспертизы, в границах своей компетенции проводят изучение свойств этого документа [12, с. 95].

---

1. Задоров А. Г. Техничко-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств изготовления подложных официальных документов (теоретические и прикладные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 226 с.

2. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва: Госюриздат, 1960. 244 с.

3. Дагель П. С. Обстоятельства, исключющие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. 1973. № 3. С. 14—17.

4. Уголовное дело № 133870 г., возбужденное в отношении гр. Б. // Архив отдела дознания УМВД России по г. Волжскому Волгоградской области.

---

1. Zadorov A. G. Forensic technical support for establishing the circumstances of forged formal documents production (theoretical and applied aspects). Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2018: 226 (in Russian).

2. Kudriavtsev V. N. The objective side of a crime. Moscow: Gosjurizdat; 1960: 244 (in Russian).

3. Dage P. S. Circumstances excluding the guilt of a subject and affecting the form of guilt. Sovetskaya Yustitsiya, 14—17, 1973 (in Russian).

4. Criminal case No. 133870 initiated against B. In: Archives of the Inquiry Division of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the city of Volzhsky, the Volgograd region (in Russian).

5. Заключение эксперта № 29 от 23 марта 2018 г. // Архив ЭКО УМВД России по г. Волжскому Волгоградской области.

6. Букалерова Л. А., Пикуров Н. И. Подлог и другие преступные посягательства на официальный документооборот: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 116 с.

7. Заключение эксперта № 940 от 29 февраля 2016 г. // Архив ЭКЦ МВД по Республике Калмыкия.

8. Заключение эксперта № 49 от 29 января 2018 г. // Архив ЭКЦ УМВД России по Липецкой области.

9. Заключение эксперта № 487 от 19 марта 2018 г. // Архив ЭКЦ ГУ МВД России по Ростовской области.

10. Заключение эксперта № 82/1 от 13 января 2018 г. // Архив ЭКЦ УМВД России по г. Краснодару.

11. Галяшина Е. И., Молоков Э. П., Смотров С. А., Шашкин С. Б. Теория и практика судебной экспертизы: сб. / Санкт-Петербург: Питер, 2003. 704 с.

12. Досова А. В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 233 с.

© Досова А. В., Задоров А. Г., 2021

5. Expert's report No. 29 on 23 March 2018. In: Archives of the Expert-Criminalistic Division of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the city of Volzhsky, the Volgograd region (in Russian).

6. Bukalerova L. A., Pikurov N. I. Forgery and other criminal offences related to formal document flow. Study guide. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2001: 116 (in Russian).

7. Expert's report No. 940 on 29 February 2016. In: Archives of the Expert-Criminalistic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kalmykia (in Russian).

8. Expert's report No. 49 on 29 January 2018. In: Archives of the Expert-Criminalistic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Lipetsk region (in Russian).

9. Expert's report No. 487 on 19 March 2018. In: Archives of the Expert-Criminalistic Center of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Rostov region (in Russian).

10. Expert's report No. 82/1 on 13 January 2018. In: Archives of the Expert-Criminalistic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the city of Krasnodar (in Russian).

11. Galyashina E. I., Molokov E. P., Smotrov S. A., Shashkin S. B. Theory and practice of forensic examination. Collection. Saint Petersburg: Piter; 2003: 704 (in Russian).

12. Dosova A. V. Theoretical and practical peculiarities of comprehensive forensic examination of documents with modified details. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2014: 233 (in Russian).

© Dosova A. V., Zadorov A. G., 2021

Досова Анна Владимировна

начальник кафедры
основ экспертно-криминалистической
деятельности учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a_nado@bk.ru

Dosova Anna Vladimirovna,

head of the department of foundations
of expert criminalistic activity
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: a_nado@bk.ru

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Задоров Александр Геннадьевич,
доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: zadorexpert37@mail.ru

Zadorov Aleksandr Gennadevich,
associate professor at the department
of document examination
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: zadorexpert37@mail.ru

* * *

УДК 343.985.7:343.7

ББК 67.523.12

doi: 10.25724/VAMVD.WABC

О. Б. Дронова, К. В. Проваторова, А. А. Сапухин

**ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПРОЦЕССЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

В статье рассматриваются современные способы интернет-мошенничеств, анализируются позиции отечественных специалистов, обращавшихся к изучению механизмов совершения преступлений с использованием средств мобильной связи и сети Интернет, а также вопросы организационно-правового и информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Авторы обращают внимание на тот факт, что сложности в раскрытии и расследовании преступлений указанной категории возникают в связи с отсутствием у сотрудников оперативных и следственных подразделений полноценных знаний и опыта в данном направлении, а также с недостаточной оперативностью при сборе сведений, подлежащих установлению. Обосновывается необходимость для субъекта выявления и расследования преступлений наличия знаний в сфере современных информационных технологий, выступающих в качестве средств совершения преступлений данной категории, и ориентирования в открытых источниках сведений, позволяющих установить оперативно значимую информацию. Предлагается использовать перечень отдельных интернет-ресурсов как вспомогательное средство при подготовке и направлении запросов, установлении сведений, подлежащих доказыванию.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, базовые станции, IMEI, интернет-сайты, IP-телефония, IP-адрес, интернет-провайдеры, хостинг-провайдеры, виртуальная частная сеть, киберпреступления.

О. В. Dronova, K. V. Provatorova, A. A. Sapukhin

**INTERNET RESOURCES USED IN THE PROCESS
INFORMATION SUPPLY DISCLOSURE AND INVESTIGATION
OF FRAUD, COMMITTED WITH USE MOBILE COMMUNICATIONS
AND INTERNET NETWORKS**

The article examines modern methods of Internet fraud, analyzes the positions of domestic experts who turned to the study of the mechanisms of committing crimes using mobile communications and the Internet, as well as issues of organizational, legal and information support for the disclosure and investigation of crimes in the field of information and telecommunication technologies. The authors draw attention to the fact that difficulties in solving and investigating crimes of this category arise due to the lack of full-fledged knowledge and experience in this area among the employees of operational and investigative units, as well as insufficient efficiency in collecting information to be established. The necessity for the subject of detecting and investigating crimes to have knowledge in the field of modern information technologies, acting as means of committing crimes of this category, and to navigate in open sources of information, allowing to establish operatively significant information, is substantiated. It is proposed to use the list of individual Internet resources as an aid in preparing and sending requests, establishing information to be proven.

Key words: Internet resources, base stations, IMEI, Internet sites, IP telephony, IP address, Internet providers, hosting providers, virtual private network, cybercrime.

Стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий неизбежно повлияло на формирование современного социума и одновременно выступило фактором возникновения новых источников угрозы его функционирования. Недостаточная упорядоченность использования сферы IT-технологий, несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей социально-экономические отношения в киберпространстве, сформировали сложную систему криминогенных факторов, оказывающих негативное влияние на общество. Мошенничества, совершенные с использованием средств мобильной связи и сети Интернет, не первый год остаются одними из самых распространенных видов преступной деятельности в современном мире.

Следует констатировать, что количество преступлений указанной категории за январь — май 2021 г. возросло на 25,7 % по сравнению с данными за аналогичный период прошлого года. В частности, общее число зарегистрированных преступлений, совершенных при помощи сети Интернет, возросло на 48,4 %, с использованием компьютерной техники — на 40,1 %. Если в январе — мае 2020 г. удельный вес преступлений в сфере высоких технологий по отношению к иным противоправным деяниям составлял 21,7 %, то по итогам пяти месяцев текущего года он увеличился до 26,8 % [1].

Данные статистики обуславливают необходимость разработки и внедрения наиболее эффективных методов борьбы с подобными видами мошенничеств, призванных обеспечить высокую оперативность при сборе первичной информации, а также последующем выявлении, фиксации и изучении следов преступлений.

В теоретических исследованиях и практических рекомендациях специалистами в области криминалистики неоднократно описывались наиболее распространенные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи: мошенничество, совершенное под предлогом помощи родственнику, попавшему в беду; розыгрыш призов [2]; смс-просьба; телефонная просьба содействия правоохранительным органам в фиксации фактов преступлений; платный код; штрафные санкции оператора [3]; ошибочный перевод средств; вишинг [4; 5].

Еще более многочисленными и разнообразными являются способы осуществления мошеннических действий, совершенные с использованием сети Интернет. По информации НЦБ Интерпола МВД России, к самым распространенным видам таких преступлений относятся: брачные мошенничества;

приобретение товаров и услуг посредством сети Интернет; крик о помощи; фишинг; нигерийские письма; брокерские конторы [6].

Вопросы раскрытия и расследования интернет-мошенничеств неоднократно становились объектами изучения специалистов в области криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, которые в своих работах [7—9] рассматривают различные аспекты механизма совершения преступлений подобного вида, а также проблемы организационно-правового и информационного характера, возникающие у субъектов выявления и расследования преступлений на различных этапах работы.

Так, по мнению Н. В. Яджина и В. А. Егорова, «проблема расследования и документирования преступных действий обусловлена недостаточной организацией взаимодействия между правоохранительными органами и учреждениями, опосредованно участвующими в совершении преступлений» [7].

С позиции А. Н. Григорьева и Е. В. Титова, проблемой в раскрытии и расследовании киберпреступлений выступает «длительность получения оперативно значимой информации» [10], что связано с существованием и использованием множества платежных систем, интернет-провайдеров, регистраторов доменных имен и т. д.

Говоря о сложности расследования преступлений рассматриваемой категории, указанные специалисты отмечают «недостаточно высокий уровень информационной подготовки у сотрудников следственных и оперативных подразделений, а также отсутствие устоявшейся практики расследования таких преступлений и направления уголовных дел в суд» [10].

Практически всеми исследователями отмечается, что существующая в наше время штатная численность и материально-техническое обеспечение специализированных подразделений МВД России, противодействующих киберпреступлениям, не позволяют эффективно бороться с ними [11].

Приведенные авторские позиции, безусловно, охватывают не полный перечень проблем в области раскрытия и расследования интернет-мошенничеств, однако их анализ указывает на то, что сложности возникают преимущественно в связи с отсутствием у сотрудников оперативных и следственных подразделений достаточных знаний и опыта в расследовании преступлений, совершенных в сфере телекоммуникативных технологий, а также недостаточной оперативностью при сборе сведений, подлежащих установлению.

Изучение проблемных вопросов, связанных с дефицитом информационного обеспечения при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет, позволяет утверждать, что субъект расследования должен уверенно владеть следующими видами компетенций:

— четким пониманием и умением оперировать ключевыми терминами, такими как сотовая связь, базовые станции, IMEI, IP-адрес, VPN (виртуальная частная сеть), интернет-сайт, IP-телефония, интернет-провайдер;

— обладанием сведениями о возможностях современных информационных технологий, используемых в качестве средств совершения преступлений данной категории;

— умением ориентироваться в открытых источниках установления оперативно значимой информации с учетом критериев запрашиваемых сведений.

Вместе с тем субъект выявления и расследования рассматриваемых преступлений должен четко представлять и реализовывать алгоритм действий, позволяющий зафиксировать факт мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи либо сети Интернет, и собрать необходимый перечень первоначальных сведений.

Сбор преимущественной части информации, значимой для раскрытия и расследования интернет-мошенничеств, происходит, во-первых, посредством подробного допроса потерпевшего и свидетелей обо всех обстоятельствах происшествия; во-вторых, путем направления необходимых запросов операторам сотовой связи, банковским организациям, в случае необходимости — интернет-провайдерам и хостинг-провайдерам. На оперативность получения сведений, подлежащих установлению, и их объем непосредственно влияют своевременность направления запросов, а также понимание сотрудниками правоохранительных органов критериев запрашиваемой информации в зависимости от способа совершенного преступления. Исходя из сказанного нам представляется актуальным изучение вопроса использования сотрудниками правоохранительных органов отдельных интернет-ресурсов как вспомогательного средства раскрытия и расследования телефонных и интернет-мошенничеств.

В ходе совершения рассматриваемых преступлений для осуществления звонков потерпевшим либо отправки sms-сообщений в целях получения конфиденциальных данных, необходимых для хищения денежных средств с банковских счетов и карт, злоумышленники используют различные абонентские номера. Регистрация этих номеров

происходит путем оформления абонентского договора, для чего оператору мобильной связи нужно предоставить персональную информацию: Ф. И. О., пол, возраст, дата рождения, место рождения, место регистрации, полные паспортные данные. Указанные данные отображаются в карточке клиента, на которой фиксируются сведения о включении и выключении мобильного устройства, информация о расходах и пополнениях лицевого счета, направлении вызовов, sms-сообщений, их содержании, посещенных интернет-сайтах, скачанных файлов, используемых приложениях, совершенных онлайн-покупках, месторасположении и IMEI мобильного устройства, номер sim-карты и ID-соты. Эти сведения предоставляются оператором сотовой связи субъекту — инициатору проверки.

Как видим, способ установления принадлежности абонентских номеров к конкретному оператору сотовой связи чрезвычайно важен. Здесь сотрудник правоохранительных органов может воспользоваться ресурсами, размещенными в свободном доступе в сети Интернет:

— zniis.ru (<https://zniis.ru/bdpm/check>);

— Билайн — Официальный сайт оператора: тарифы, услуги, sim-карты — Санкт-Петербург (<https://spb.beeline.ru/customers/pomosh/mobile/tarif-y-i-uslugi/sim-karta-i-nomer/proverka-prinadlezhnosti-nomera-operatoru/>);

— SMSЦЕНТР (<https://smc.ru/testhlr/>).

Отметим, что при совершении интернет-мошенничеств с участием подставного сотрудника банка преступники используют номера, начинающиеся на +7(495) или +7(499), коды которых принадлежат Москве и Московской области [12]. При возникновении необходимости сотруднику правоохранительных органов для установления относимости подобного абонентского номера целесообразно воспользоваться интернет-ресурсом RegionOperator.ru (<https://regionoperator.ru/>).

При получении информации о принадлежности абонентского номера к конкретному оператору сотовой связи сотрудник правоохранительных органов может направить запрос в адрес оператора сотовой связи о предоставлении сведений, касающихся установочных данных абонента (Ф. И. О., пол, возраст, дата рождения, место рождения, место регистрации, полные паспортные данные), на которого зарегистрирована sim-карта, использованная в ходе осуществления преступных действий.

Анализ предоставленных сведений позволяет сотруднику правоохранительных органов планировать и осуществить оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, направленные на установление:

— дополнительных сведений о местонахождении подозреваемого;

— особенностей личности проверяемого лица (круг общения, члены семьи, увлечения и интересы);

— сроке использования телефонного номера конкретным абонентом, IMEI сотового телефона, информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами;

— возможных соучастников преступной деятельности, дополнительных свидетелей, розыска похищенных денежных средств.

Рассматривая мобильный телефон в качестве наиболее распространенного средства совершения интернет-преступлений, субъекту расследования следует принимать в расчет особенности его эксплуатации. Сотовая связь представляет собой разновидность радиосвязи, а сотовый телефон выступает средством, отправляющим и принимающим сигнал с другого устройства, при этом на пути данного сигнала расположены базовые станции, ретранслирующие сигнал и помогающие сохранять непрерывную связь на больших расстояниях. В то же время в биллинге оператора сотовой связи, предоставившего услуги, происходит сбор информации об использовании телекоммуникационных услуг, их тарификации, выставлении счетов абонентам, обработке платежей, сохраняется информация о времени и продолжительности вызова, номер базовой станции.

Истребовав у оператора сотовой связи сведения о координатах базовых станций отдельного абонента с помощью интернет-ресурса xinit.ru (<https://xinit.ru/bs/>), сотрудник правоохранительных органов может воспользоваться сервером «Координаты базовых станций» и установить зону действия той или иной станции.

Наиболее перспективным является анализ сведений, содержащих данные о сеансах связи абонента с различными базовыми станциями. Установление этой информации дает возможность определить схему перемещений абонента, его местонахождение в определенное время, личность субъекта, с которым происходила встреча (если другой человек пользовался сотовым телефоном), относительная и абсолютная продолжительность встречи, ее территориальность (близость от места совершения преступления).

Несмотря на то что метод установления местонахождения абонента путем использования данных, полученных через сеансы связи с различными базовыми станциями, не дает абсолютно точных сведений, подпадая под влияние ряда факторов (топография местности, помехи от зданий и т. д.),

данный способ может быть эффективен при доказывании совершения преступления группой лиц и установлении соучастников преступных действий.

Кроме того, большинство авторов, изучающих рассматриваемую тему [13; 14], отмечают, что значительная часть интернет-мошенничеств совершается лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях. Поэтому, если в зоне действия установленной базовой станции будет находиться конкретное исправительное учреждение, целесообразно направить поручение о проведении отдельных оперативно-разыскных мероприятий в рамках расследуемого уголовного дела об отработке на причастность к совершенному преступлению лиц, отбывающих наказание на его территории, а также запросить сведения о лицах, судимых за совершение преступлений указанной категории, что может помочь в установлении дополнительных эпизодов преступной деятельности и возможных соучастников преступных действий.

Располагая информацией об IMEI (серийном номере) сотового телефона, которым пользуется мошенник, сотрудник правоохранительных органов, используя интернет-ресурс [IMEI.info](http://www.imei.info) (www.imei.info), может установить марку и модель указанного мобильного устройства, его местонахождение, даже в случае замены sim-карты, осуществленной с целью сокрытия следов преступления.

Следует отметить, что в настоящее время киберпреступления приобретают трансграничный и международный характер. В связи с этим актуальным представляется использование в работе сотрудников правоохранительных органов интернет-ресурса [Mobile-location](https://www.mobile-location.net/mestopolozhenie-telefona) (<https://www.mobile-location.net/mestopolozhenie-telefona>), позволяющего установить местонахождение любого мобильного устройства по всему миру.

В случае установления сведений о нахождении мобильного телефона, с которого осуществлялись преступные действия, в другом государстве сотрудник правоохранительных органов может подготовить и направить международное поручение через НЦБ Интерпол на установление местонахождения лица, использующего данный мобильный телефон.

Отдельно следует отметить, что с развитием цифровых технологий мошенники стали использовать для совершения преступлений в сфере информационных технологий IP-телефонию, которая выступила альтернативой мобильной связи и городскому телефону, при этом позволяет осуществлять звонки не только в пределах Российской Федерации, но и по всему миру. Вместо автоматической телефонной станции при использовании IP-телефонии

выступают серверы SIP-провайдеров, которые соединяются с серверами других SIP-провайдеров телефонными сетями общего пользования или станциями мобильной связи через интернет-канал.

При расследовании преступлений, совершенных с использованием IP-телефонии, субъекту расследования следует знать, что подключение данной технологии предусматривает необходимость выбора провайдера, среди которых наиболее востребованными являются «Задарма», Telphin, Sipnet. Для регистрации у конкретного провайдера необходимо предоставить в его адрес свои установочные данные: имя, адрес электронной почты, пароль и номер мобильного телефона. Каждому интернет-провайдеру при этом выделяется определенное количество IP-адресов в конкретном диапазоне. IP-адрес представляет собой уникальный идентификационный номер, который получает пользователь для идентификации технического устройства, с помощью которого осуществляется выход в Интернет, — это своего рода адрес компьютера в сети. Расследование мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи и сети Интернет, предусматривает необходимость установления сотрудником правоохранительных органов IP-адреса пользователя и интернет-провайдера, что возможно при использовании интернет-ресурса 2IP (www.2ip.ru).

Владение сведениями об интернет-провайдере позволит сотруднику правоохранительных органов направить в его адрес запрос о предоставлении установочных данных физического либо юридического лица, зарегистрировавшего конкретный IP-адрес. Анализ полученной информации даст возможность установить местонахождение мошенника либо технического устройства, с которого осуществлялись преступные действия.

Однако отметим, что получение сведений по IP-адресам усложняется использованием в ходе совершения преступления средств анонимизации в сети, которые называются VPN (виртуальная частная сеть). Данный вид связи предусматривает одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети. VPN используется для различных задач: защиты персональных данных и конфиденциальности, виртуализации местоположения, разблокировки доступа для ускорения соединений, совершения интернет-покупок, а также для сокрытия следов преступления, совершенного в сети Интернет. В результате лицо, совершающее преступление, использует сервер третьего лица, которое чаще всего локализуется преимущественно за пределами Российской Федерации. Этот сервер нередко

принадлежит иностранным интернет-провайдерам, которым весьма затруднительно направить запрос в рамках российского правового поля.

Отдельно следует упомянуть специфику получения необходимых данных в случаях, когда в качестве способа совершения интернет-мошенничеств выбран вариант создания сайтов интернет-магазинов, через которые происходит хищение денежных средств. Расследование преступлений данной категории требует от сотрудника правоохранительных органов знаний принципов организации работы интернет-сайта, включающего регистрацию доменного имени и аренды хостинга.

Самыми распространенными хостинг-провайдерами выступают Timeweb, Beget, Fozzy, SprintHost, Fornex, Reg.ru. Хостинг представляет собой «интернет-услугу, при помощи которой осуществляется аренда определенного места на сервере, подключенного к сети Интернет 24 часа в сутки. Оно применяется для сохранения различных данных и информации» [15]. Субъекту выявления и расследования преступлений следует знать, что для аренды хостинга необходимо составить соответствующий договор и оплатить предоставленные услуги хостинг-провайдеру. Для физических лиц существует несколько способов оплаты услуг хостинга: оплата картами Visa, MasterCard, Maestro, оплата через платежные системы (Яндекс.Деньги, Qiwi Кошелек, PayPal, WebMoney и т. д.), наличными (в кассе банка), через терминалы с мобильного телефона, через систему LiqPay для интернет-банкинга, через RBK Money. Оплата услуг хостинг-провайдера для юридических лиц осуществляется по безналичному расчету с расчетного счета предприятия либо по реквизитам в банке, при этом в назначении платежа указываются номер выставленного счета, дата выставленного счета, название компании, на которую был выставлен счет, Ф. И. О. человека, который оплачивает счет.

В целях получения необходимых данных сотрудник органов внутренних дел имеет возможность обратиться к интернет-ресурсу 2ip.ua (<https://2ip.ua/ru/services/information-service/hosting-information>).

Обладая указанной информацией и установив хостинг-провайдера, сотрудник правоохранительных органов может направить запрос в его адрес на получение установочных сведений о физическом либо юридическом лице (лицах), осуществляющих оплату аренды хостинга. Анализ полученной информации поможет сотруднику правоохранительных органов запланировать и провести оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия, направленные на установление

личности подозреваемого, дополнительных свидетелей преступления.

Особое внимание необходимо уделить работе с доменным именем сайта. Названия интернет-сайтов продаются на специализированных площадках, где также проводится проверка на предмет совпадения с уже имеющимися названиями других сайтов. Доменное имя регистрируется у специальных организаций и требует абонентской платы, которая вносится на расчетный счет регистратора доменного имени. Данные администратора (владельца) домена заполняются на этапе регистрации и делятся на две категории:

- для физических лиц и ИП (Ф. И. О., паспортные данные, дата рождения, ИНН (для ИП));
- для юридических лиц (название организации, ИНН и КПП, юридический адрес).

Среди известных регистраторов доменных имен выделяют Beget, Webnames.ru, REG.ru, Timeweb, R01.ru.

Основной задачей сотрудника правоохранительных органов при раскрытии и расследовании мошенничеств, связанных с использованием интернет-сайтов, выступает установление регистратора домена, поэтому целесообразно использовать следующие интернет-ресурсы: whois.ru (<https://whois.ru/>), регистратор доменных имен (www.reg.ru).

При установлении регистратора домена и обладая знаниями о предоставляемых для регистрации домена сведениях, сотрудник органов внутренних дел может направить запрос для истребования данных о физическом либо юридическом

лице (лицах), осуществляющих оплату доменного имени. Анализ полученной информации позволит организовать дальнейшее расследование, направленное на установление лиц, причастных к совершению преступления.

Приведенный в данной статье перечень интернет-ресурсов, который может быть использован при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи и сети Интернет, не является исчерпывающим. Нерешенным остается значительный круг вопросов, требующих дальнейшего изучения, в том числе в части документирования сведений, полученных в ходе применения интернет-ресурсов, и их приобщение к материалам уголовного дела для формирования доказательственной базы.

Однако, на наш взгляд, нельзя пренебрегать возможностями использования данных отдельных открытых интернет-ресурсов в процессе установления необходимых сведений и осуществления сбора информации о механизме совершенного преступления, личности мошенника и его местонахождении. Мошенники в настоящее время умело применяют многообразие доступной в Интернете информации и современные информационно-телекоммуникационные технологии в целях совершенствования преступных схем, в связи с чем правоохранительным органам необходимо также искать новые методы и способы борьбы с подобного рода преступлениями с учетом тенденций развития современного общества и глобализации сети Интернет.

---

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24742236/> (дата обращения: 14.07.2021).

2. Заработок в сети. URL: http://inter-job.ru/razvodi_rozigrish_prizov.htm (дата обращения: 14.07.2021).

3. Виды мошенничества. URL: <https://xn--80adtafercabfb8b.34.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11173949> (дата обращения: 14.07.2021).

4. Вишинг стал самым популярным видом мошенничества. URL: <https://rg.ru/2021/08/01/vishing-lidiruet-sredi-sposobov-moshennichestva.html> (дата обращения: 14.07.2021).

5. Как происходят атаки при помощи голосового фишинга. URL: <https://habr.com/ru/company/vdsina/blog/522930/> (дата обращения: 14.07.2021).

6. Интернет-мошенничество: памятка для граждан. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/1910260> (дата обращения: 14.07.2021).

---

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January — May 2021. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/24742236/>. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

2. Earnings in the network. Available from: http://inter-job.ru/razvodi_rozigrish_prizov.htm. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

3. Types of fraud. Available from: <https://xn--80adtafercabfb8b.34.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11173949>. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

4. Wishing has become the most popular type of fraud. Available from: <https://rg.ru/2021/08/01/vishing-lidiruet-sredi-sposobov-moshennichestva.html>. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

5. How voice phishing attacks occur. Available from: <https://habr.com/ru/company/vdsina/blog/522930/>. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

6. Internet Fraud. A Memo for citizens. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/1910260>. Accessed: 14 July 2021 (in Russian).

7. Яджин Н. В., Егоров В. А. Организационно-правовое и информационное обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 163—169.

8. Осяк В. В., Ковалева А. В., Фролова Е. Ю. «Мобильные» мошенничества: способы совершения и алгоритмизация расследования // Юрист-Правоведъ. 2020. № 3 (94) С. 145—150.

9. Сумин А. А., Петрунина А. Ю. Процессуальные особенности расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации // Уголовное судопроизводство: стратегия и развитие: сб. материалов III ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Хомичевой. Москва: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2010. С. 177—183.

10. Григорьев А. Н., Титов Е. В. Проблемы выявления, раскрытия и расследования интернет-мошенничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (52). С. 11—14.

11. Иванова А. А. Методика расследования незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук. Псков: ПЮИ ФСИН России, 2011. 301 с.

12. Полиция предупреждает: мошенники звонят с московских номеров: +7 (495) или +7 (499). URL: <https://kurganinsk.23.mvd.rf/news/item/20898987> (дата обращения: 19.07.2012).

13. Литвинов Н. Д., Федотов А. Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-sredstv-mobilnoy-svyazi-distantionnoe-ponyatie-i-osobennosti-soversheniya/viewer> (дата обращения: 19.07.2012).

14. Астишина Т. В., Маркелова Е. В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-moshennicheskimi-deystviyami-sovershennyh-s-ispolzovaniem-sredstv-sotovoy/viewer> (дата обращения: 19.07.2012).

15. Создание сайта. Что собой представляет хостинг? URL: <https://afife.ru/sozdanie-sajta/hosting-cto-hto-takoe> (дата обращения: 04.05.2021).

7. Yadzhin N. V., Egorov V. A. Organizational, legal and information support for the investigation of crimes committed using mobile communications. Legal Science and law enforcement practice, 163—169, 2015 (in Russian).

8. Osyak V. V., Kovaleva A. V., Frolova E. Yu. "Mobile" fraud: methods and algorithmic investigation. Jurist-Pravoved, 145—150, 2020 (in Russian).

9. Sumin A. A., Petrunina A. Yu. Procedural features of the investigation of fraud in the field of computer information. In: Criminal proceedings: strategy and development. Collection of materials of III year All-Russian scientific-practical conference. Ed. Khomicheva. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; 2010: 177—183 (in Russian).

10. Grigoriev A. N., Titov E. V. Problems of detection, disclosure and investigation of Internet fraud. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 11—14, 2018 (in Russian).

11. Ivanova A. A. Methods of investigation of illegal production, distribution and circulation of pornographic materials or objects. Dissertation of candidate of juridical sciences. Pskov: PUI FSIN of Russia; 2011: 301 (in Russian).

12. The police warns: scammers are calling from Moscow numbers: +7 (495) or +7 (499). Available from: <https://kurganinsk.23.mvd.rf/news/item/20898987>. Accessed: 19 July 2012 (in Russian).

13. Litvinov N. D., Fedotov A. N. Fraud using mobile communications (remote): the concept and features of the commission. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-sredstv-mobilnoy-svyazi-distantionnoe-ponyatie-i-osobennosti-soversheniya/viewer>. Accessed: 19 July 2012 (in Russian).

14. Astishina T. V., Markelova E. V. Problems of investigation of crimes related to fraudulent actions committed with the use of cellular telephone communications. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-prestupleniy-svyazannyh-s-moshennicheskimi-deystviyami-sovershennyh-s-ispolzovaniem-sredstv-sotovoy/viewer>. Accessed: 19 July 2012 (in Russian).

15. Website development. What is hosting? Available from: <https://afife.ru/sozdanie-sajta/hosting-cto-hto-takoe>. Accessed: 4 May 2021 (in Russian).

Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nio-va@rambler.ru

Проваторова Ксения Васильевна,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

Сапухин Артем Андреевич,
преподаватель кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Canyxuh@ya.ru

Dronova Olga Borisovna,
professor at the department
of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nio-va@rambler.ru

Provatorova Ksenia Vasilevna,
lecturer at the department of civil law disciplines
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

Sapukhin Artem Andreevich
lecturer at the department
of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: Canyxuh@ya.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi: 10.25724/VAMVD.WBCD

Н. Д. Захаров

**ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

В статье рассматривается понятие оперативно-разыскной характеристики преступления в теории оперативно-разыскной деятельности в целом и понятие, содержание, элементы и корреляционные связи оперативно-разыскной характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет. Выделяются специфические элементы характеристики, свойственные рассматриваемым противоправным деяниям. Автор приходит к выводу об отсутствии в теории оперативно-разыскной деятельности понятия оперативно-разыскной характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети, в том числе сети Интернет. На основе анализа явлений и процессов, характерных для совершения преступлений в сети Интернет, выделяются основные способы осуществления развратных действий, а также незаконного оборота порнографических материалов, в том числе с участием несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет. Изучается «теневая сторона» сети Интернет — Даркнет и его возможности в разрезе совершения рассматриваемых преступлений. В заключение дается авторское определение оперативно-разыскной характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: оперативно-разыскная характеристика преступления, половая неприкосновенность несовершеннолетних, развратные действия, порнография, сеть Интернет, Даркнет.

N. D. Zakharov

**DEFINITION AND PECULIARITIES
OF THE DETECTIVE CHARACTERISTICS
OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY OF JUVENILES
COMMITTED BY USING THE INTERNET**

The given article deals with the concept of detective characteristics of a crime in the theory of detective activity in general as well as the concept, content, elements and correlations of the detective characteristics of crimes against sexual inviolability of juveniles committed by using the Internet. The author of the article points out the specific elements of characteristics related to the mentioned illegal acts. The author concludes that there is no concept of detective characteristics of crimes committed by using information and telecommunication network, including the Internet in the theory of detective activity. Examining the phenomena and processes that are typical for committing crimes in the Internet, the author identifies the main methods of performing lecherous actions, as well as illegal trafficking of pornographic materials, involving juveniles by using the Internet. The author also analyzes the "shadow" side of the Internet, that is Darknet, and its possibilities in the context of committing the mentioned crimes. In conclusion, the author of the article gives his own definition of the detective characteristics of crimes against sexual inviolability of juveniles committed by using the Internet.

Key words: detective characteristics of a crime, sexual inviolability of juveniles, lecherous actions, pornography, Internet, Darknet.

Сегодня дефиниции различных процессов и явлений в теории оперативно-разыскной деятельности как сравнительно молодой науки не являются однозначными. Существуют различные точки зрения авторов на определение такого понятия, как «оперативно-разыскная характеристика преступления». Вопросами, вызывающими наиболее оживленную дискуссию, являются также содержание, сущность и элементы такой характеристики.

Основой формирования методики выявления и раскрытия любого вида преступлений является разработка характеристики соответствующего вида преступного деяния. Из семантического анализа следует, что «характеристика» означает описание характерных, отличительных качеств, черт кого-нибудь, чего-нибудь [1, с. 848]. Следовательно, характеристика преступления должна содержать в себе те элементы, которые позволят не только изучить в полной мере тот или иной предмет (явление), но и перечислить отличительные свойства, выделяющие его из множества других.

По мнению Р. С. Белкина, оперативно-разыскная характеристика преступления еще более эклектична, нежели криминалистическая: «...Здесь данные и уголовного права, и криминологии, включая даже уголовную статистику о динамике преступлений конкретного вида, что уж никак не должно иметь места в научной абстракции (а всякая характеристика преступления — это научная абстракция, поскольку отражает только типичное и устойчивое в преступлении), и практически в полном объеме то, что составляет стержень криминалистической характеристики, — данные о типичных способах преступления и их следах. Ничего оперативно-разыскного такая характеристика не содержит, она не имеет не только практического, но и научного смысла» [2, с. 223—224].

Не оспаривая утверждение о схожести элементов, входящих в состав оперативно-разыскной характеристики преступления, с элементами, самостоятельно рассматриваемыми другими юридическими науками, по нашему мнению, наиболее справедливой по данному вопросу представляется позиция В. Д. Ларичева, согласно которой «...и уголовное право, и криминология, и криминалистика, и теория оперативно-разыскной деятельности изучают одни и те же явления, а именно: преступления и лиц, их совершивших. Однако каждая наука изучает эти явления с позиций собственных интересов, под различными углами зрения в зависимости от направленности каждой из них» [3, с. 14].

Личность преступника и потерпевшего, мотив и цель преступления, способ совершения и сокры-

тия следов преступления, а также другие значимые свойства преступления рассматриваются в криминологии, уголовном праве, криминалистике и других науках, при этом каждая из них изучает интересующие ее явления, процессы и образующиеся взаимосвязи с позиций собственных научных интересов.

Подтверждает нашу мысль о самостоятельности оперативно-разыскной характеристики как таковой и тот факт, что оперативно-разыскная деятельность носит практический характер и достигает поставленных перед ней целей по защите личности, общества и государства от противоправных посягательств, опираясь на требования законодательства в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Следовательно, изучение элементов, схожих в оперативно-разыскной характеристике, диктуется необходимостью их дальнейшей тактически обоснованной и практически ориентированной оценки.

По нашему мнению, целесообразно рассматривать не только теоретическую часть познания, но и практическую его составляющую исходя из неоспоримой цели любой науки — получить истинное знание, используя свои методы и формы, способы обоснования и проверки. Справедливо по этому поводу отмечал знаменитый русский математик и механик, один из основоположников современной теории приближений П. Л. Чебышев: «Сближение теории с практикой дает самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает» [4, с. 150].

Исходя из рассмотренных определений, резюмируем, что всякая оперативно-разыскная характеристика, вне зависимости от конкретного преступления, представляет собой совокупность признаков, знание которых позволяет оперативному сотруднику вести целенаправленную деятельность по выполнению возложенных на оперативно-разыскную деятельность задач.

Таким образом, для полного, качественного и всестороннего выявления и раскрытия преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, необходимо рассмотреть их оперативно-разыскную характеристику, т. е. совокупность характерных для данной категории преступлений признаков, ориентирующих деятельность оперативных аппаратов подразделений органов внутренних дел по организации и осуществлению конкретных оперативных методов борьбы с преступностью.

Необходимо отметить, что помимо особенностей конкретной категории преступлений, на наш взгляд, необходимо также учитывать и корреляционные связи между структурно-содержательными элементами характеристики. Позиция автора по данному вопросу находит понимание у коллектива авторов, согласно мнению которых «...вопрос о компонентном составе оперативно-розыскной характеристики не может быть решен однозначно для всех видов преступлений. Оптимальное количество ее структурных элементов зависит от особенностей изучаемой категории преступлений, а также от выявленных связей между ними» [5, с. 105]. Отсюда следует, что необходимо рассматривать не только элементы оперативно-розыскной характеристики по отдельности, но и их взаимосвязь. Анализ соотношения рассматриваемых элементов, по нашему мнению, позволит в конечном итоге разработать научно обоснованную, практически значимую информационную модель, позволяющую целесообразно применять силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с конкретным видом преступлений.

Для достижения целей и задач оперативно-розыскной деятельности целесообразным представляется дополнить оперативно-розыскную характеристику отличительными признаками, характерными для рассматриваемой категории преступлений. Представляется, что к таким признакам относится способ их совершения, заключающийся в применении информационных технологий, а также функционировании информации в сети Интернет.

Традиционно компьютерные технологии разделяются на три основных вида: непосредственно вычислительные машины (персональные компьютеры), компьютерная периферия (устройства ввода — вывода, хранения данных) и сетевое оборудование. При подключении персонального компьютера к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе к сети Интернет, вычислительная машина, сама по себе не представляющая общественной опасности, предоставляет злоумышленникам широкий инструментарий технических решений и процессов для достижения противоправных целей.

Наиболее распространенным мнением относительно классификации деяний, совершаемых с использованием информационных технологий, является их отнесение к компьютерным преступлениям, или киберпреступлениям [6, с. 6; 7, с. 18], под которыми понимается совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или

компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству [8, с. 36].

Вместе с тем с утверждениями данных авторов можно поспорить, учитывая тот факт, что компьютерная информация является предметом преступления только в гл. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Преступления в сфере компьютерной информации». В составах преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с помощью сети Интернет (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ), использование информационно-телекоммуникационных сетей является квалифицирующим признаком, а в ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) и ст. 135 УК РФ (развратные действия) использование информационно-телекоммуникационных сетей представляет собой один из способов совершения преступления, хотя и не является квалифицирующим признаком в соответствии с уголовным законодательством.

По нашему мнению, наиболее выигрышной представляется классификация А. В. Сулопарова, выделяющего два вида информационных преступлений: преступления, предметом которых является информация, и преступления, способом совершения которых является информационное воздействие [9, с. 8]. Под способом следует понимать систему действий, приемов и методов, применяемых лицом при совершении преступления. Таким образом, для установления и дальнейшего изучения вышеуказанной совокупности приемов и методов представляется целесообразным перейти к рассмотрению особенностей преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных сетей.

Современное общество характеризуется использованием сети Интернет в различных сферах жизни: экономической, социальной, политической, духовной. Интернет из средства передачи данных трансформировался в средство массовой коммуникации. Медиаресурсы, социальные сети и различные аппаратные и программные средства передачи сообщений между пользователями, электронные почтовые клиенты представляют пользователям сети Интернет безграничные возможности для взаимодействия. Общение в сети Интернет при этом не регулируется границами государств, что говорит о необъятных масштабах Всемирной паутины.

Интеграция сети Интернет привела к ее широкому использованию в политической сфере, в качестве инструмента для решения международных

вопросов и межгосударственного взаимодействия. Банковские операции, онлайн-банкинг, оказание различных услуг дистанционным способом, электронный документооборот, электронные платежные системы в настоящее время являются неотъемлемой частью жизни общества.

Естественно, что бурное развитие информационных технологий влечет за собой и рост преступности в Сети. Повышается оборот финансовых средств, полученных преступным путем, в разы увеличивается размер ущерба от такой деятельности.

Преступления в сфере оборота порнографических материалов обусловлены и экономическими факторами. Значительные финансовые потоки образуются в процессе оборота порнографии в сети Интернет в результате проведения финансовых операций, связанных с использованием электронных платежных систем, и оборота криптовалюты.

В случаях изготовления порнографических материалов, в том числе с использованием несовершеннолетних, возможности сети Интернет используются в целях распространения запрещенных материалов путем продажи, создания ресурсов для поиска покупателей, поиска несовершеннолетних для их участия в создании порнографических материалов, непосредственного изготовления таких материалов путем применения фото-, видеосредств, в том числе дистанционным способом.

Трансграничность сети Интернет представляет преступникам широчайшие возможности по созданию каналов межгосударственного сбыта порнографии, а имеющиеся способы обеспечения анонимности в Сети позволяют оставаться преступникам технически недосягаемыми.

При совершении развратных действий с использованием сети Интернет социальные сети представляют злоумышленнику безграничные возможности по поиску малолетних, получению предварительной информации о них, которая самостоятельно ими размещается на собственных страницах, выбору способов и методов общения с детьми. Используя страницы с вымышленными именами, создавая легенду для общения, злоумышленник вступает в переписку с не обладающими необходимым жизненным опытом малолетними.

Если для насильственных половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, характерна сезонность (активизируются в весенне-летний период), темное время суток, определенные места совершения, то для виртуальных развратных действий выделить такие особенности не представляется возможным. В данном

случае трансграничный характер сети Интернет лишь затрудняет работу правоохранительных органов, «разбрасывая» потерпевших по регионам.

Важнейшей отличительной чертой, присущей совершению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет, является безграничное расширение круга малолетних потерпевших от развратных действий и следующего за ним увеличения масштаба оборота порнографических материалов. Социальные сети предоставляют неограниченные возможности по подбору анкет малолетних пользователей. Достаточно лишь ввести интересующие критерии для поиска: пол, возраст, место проживания, образовательное учреждение и так далее. Характерной особенностью при этом выступает и большое количество страниц несовершеннолетних, с которыми практически одновременно ведет общение злоумышленник. Количество потерпевших, в отличие от контактных развратных действий, в сети Интернет исчисляется десятками и сотнями, причем совершаются эти действия за сравнительно небольшой период одним преступником, что в разы повышает общественную опасность использования Интернета. Таким образом, развратные действия в сети Интернет носят многоэпизодный характер.

Интерфейс большинства социальных сетей, мессенджеров и иных средств коммуникации в сети Интернет предоставляет возможность злоумышленнику сравнительно легко уничтожить улики путем элементарного удаления истории переписки, очищения истории посещения страницы и другими методами.

К особенностям функционирования сети Интернет также следует отнести тот факт, что пользователи Всемирной паутины, завязывая переписку в виртуальном мире, теряют осторожность и избирательность в поиске собеседников. Мнимая недосягаемость при общении на расстоянии стирает границы осмотрительности, особенно у несовершеннолетних, которые, начиная общение, полагаются лишь на информацию, указанную злоумышленником на своей странице. Фотография пользователя (аватар)¹, анкетные данные страницы, не проверяемые администрацией социальных сетей, — по сути, все сведения, которые может узнать о собеседнике пользователь. Вводя в заблуждение малолетних, не воспринимающих пользователя социальной сети как потенциально опасного, перед злоумышленником открываются широкие возможности для подготовки и совершения преступлений.

Если для ведения переписки с малолетними в социальных сетях злоумышленники вынуждены использовать открытый сегмент сети Интернет, что обусловлено, прежде всего, преимущественным пребыванием самих потерпевших на «легальных» ресурсах, то преступная деятельность, связанная с порнографией, все дальше погружается в так называемый невидимый Интернет. Синонимов у этого понятия предостаточно: Invisible web, Deep web, DeepNet, Hidden web, что в переводе с английского означает «невидимый Интернет», «глухой Интернет».

Примерно с 2005 г. в сети Интернет появилась и стала активно развиваться технология, обеспечивающая анонимность пользователей посредством специализированной маршрутизации. В то же время желание пользователей сохранить анонимность в Сети не стоит однозначно трактовать как противозаконное. Абсолютно объяснимой представляется позиция граждан, при которой предоставление минимальной личной информации о себе в виртуальной среде диктуется желанием противостоять воздействию вредоносного программного обеспечения, используемого злоумышленниками для противоправных действий.

Вместе с тем при пользовании интернет-сервисами применяется так называемый профайлинг онлайн-пользователей (веб-профайлинг), позволяющий отслеживать действия пользователей в сети Интернет в контексте анализа их предпочтений и интересов, складывающихся на основе поисковых запросов, осуществляемых пользователями, а также анализа посещаемых ресурсов. Анонимный доступ в сеть при этом представляет возможность снизить количество получаемой всплывающей рекламы или так называемого спама при посещении интернет-магазинов и иных интернет-ресурсов.

Активное развитие DeepWeb, или «невидимого Интернета», получило свое негативное ответвление — так называемый DarkNet, или Даркнет, часть сети Интернет, связанную с совершением различных неправомерных деяний с использованием технологий анонимизации.

Для уточнения определения «запрещенного сайта» следует разграничить два понятия: заблокированный ресурс и сайт в Даркнет. Первый индексируется поисковыми системами, но исключается из поисковой выдачи по решению уполномоченного государственного органа, а доступ к нему блокируется провайдерами телекоммуникационных услуг, осуществляющими свою деятельность на территории России. Для того чтобы попасть на эти сайты,

необходимо обойти блокировку, устанавливаемую на основании определения IP-адреса пользователя как «российского».

Сайты в Даркнет — это ресурсы, которые не обнаруживаются поисковыми машинами, доступ к которым предполагает либо платный характер, либо наличие специального разрешения на использование ресурсов. Получить доступ к таким ресурсам можно только используя специальные сервисы-анонимайзеры, наиболее распространенным из которых является TOR (от англ. The Onion Router) — свободное и открытое программное обеспечение для реализации так называемой луковой маршрутизации второго поколения [10], представляющее собой систему прокси-серверов, которая позволяет устанавливать анонимное сетевое соединение с защитой от прослушивания. TOR можно рассматривать как анонимную сеть виртуальных туннелей [11, р. 361], осуществляющую передачу данных в зашифрованном виде.

О реальных масштабах распространения сервисов-анонимайзеров в России свидетельствует следующая статистика: 11 июля 2019 г. российскими пользователями сервиса TOR поставлен своеобразный рекорд — в этот день к сети подключилось 595 240 пользователей из России, что составило 19,86 % от общего числа подключившихся, о чем свидетельствует статистика, размещенная на официальном сайте продукта [12].

Итак, Даркнет представляет собой «теневой сегмент» сети Интернет, выступающий торговой площадкой для совершения различных противозаконных сделок, хранения и распространения запрещенного контента. Оборот порнографических материалов, наркотических средств и психотропных веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, сим-карт без соответствующей регистрации, получение детализации соединений мобильных устройств, взлом сайтов и профилей в социальных сетях, размещение информации об оказании противоправных услуг, обмен секретными документами, закрытые форумы преступников, на которых они делятся противоправным опытом, — это лишь малая часть возможностей, предоставляемых Даркнетом.

Отметим, что получить такие «рекомендации» по соблюдению правил анонимности в сети Интернет нетрудно. На многочисленных ресурсах в Сети, к которым относятся как сообщества в социальных сетях, так и отдельно созданные коммерческие сайты, содержащие платный контент, злоумышленники делятся полученным опытом, создают «памятки для единомышленников».

Отметим, что в соответствии с действующим российским законодательством использование анонимных сетей не влечет за собой ответственности для простых пользователей. Ответственность несут те, кто обеспечивает доступ к таким сайтам, т. е. владельцы анонимайзеров и операторы поисковых систем.

Используя различные программные средства и возможности сетевых технологий, пользователю, обладающему базовым уровнем владения компьютером, под силу самостоятельно замаскировать данные о себе, что, несомненно, затрудняет работу правоохранительных органов и требует своевременного реагирования на новые, технологические вызовы преступности.

Таким образом, сложившаяся ситуация требует от государства принятия комплекса мер, направленных на противодействие преступности в Даркнете. Представляется, что помимо опережающего нормативного регулирования соответствующий комплекс мер должен обуславливаться и современными техническими решениями, позволяющими выйти на качественно новый уровень международного сотрудничества оперативно-технических подразделений компетентных органов. Так, МВД России объявило закрытый конкурс на выполнение научно-исследовательской работы по исследованию возможностей получения данных о пользователях анонимной интернет-сети TOR. Заказчиком проекта выступило научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России [13].

По нашему мнению, преступления, совершенные в Даркнете, представляют собой новую, самостоятельную разновидность преступности, обладающую специфическими характеристиками, что необходимо учитывать оперативным подразделениям органов внутренних дел при планировании и проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Таким образом, совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет характеризуется анонимностью, трансграничностью, возможностями ведения общения с неограниченным кругом пользователей вне зависимости от их возраста и местонахождения. Использование в пре-

ступных целях специальных знаний в области информационных технологий, а также совершенствование технической оснащенности преступников, неразрывно связанной с постоянным техническим прогрессом и, как следствие, отсутствием границ территориальной принадлежности преступности, являются отличительными чертами преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет.

В результате проведенного анализа различных точек зрения ученых, рассмотренных нами особенностей, характерных для рассматриваемой группы противоправных деяний, считаем, что в содержание оперативно-разыскной характеристики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, целесообразно включить следующие структурные элементы:

- 1) виды уголовно наказуемых деяний;
- 2) динамика и структура рассматриваемых преступлений;
- 3) способы приготовления, совершения и сокрытия преступлений в условиях функционирования в сети Интернет;
- 4) личность преступника и личность несовершеннолетнего потерпевшего;
- 5) особенности использования оперативных возможностей в виртуальной среде.

Таким образом, под оперативно-разыскной характеристикой преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, следует понимать совокупность сведений, характеризующих специфический для рассматриваемых уголовно наказуемых деяний механизм совершения преступлений, в том числе способы его приготовления и сокрытия и применяемые при этом технические решения, личность преступника и несовершеннолетнего потерпевшего, а также складывающийся при взаимодействии всех указанных элементов комплекс применяемых оперативных методов, включая агентурную работу, использование которых позволяет эффективно применять силы, средства и методы оперативно-разыскной деятельности в целях выявления и раскрытия преступлений.

Примечание

¹ Аватар — изображение, представляющее определенного человека (пользователя) в виртуальной реальности (форумах, блогах, ICQ и т. д.), наиболее полно отражающее сущность, внешность, характер обладателя.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: АЗЪ, 1995. 928 с.

2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. Москва: НОРМА — ИНФРА-М, 2001. 240 с.

3. Ларичев В. Д. Оперативно-разыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2009. № 1 (18). С. 11—16.

4. Чебышев П. Л. . Полное собрание сочинений П. Л. Чебышева. [В 5 т.] Т. 5. Прочие сочинения. Биографические материалы / АН СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. 474 с.

5. Катков С. В., Белокобыльская О. И., Горных С. А. Оперативно-разыскная характеристика преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере: отдельные вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 100—111.

6. Кесарева Т. П. Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 195 с.

7. Широков В. А., Беспалова Е. В. Киберпреступность: история уголовно-правового противодействия // Информационное право. 2006. № 4. С. 3—6.

8. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 235 с.

9. Суслопаров А. В. Информационные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 23 с.

10. Dingleline R., Mathewson N., Syverson P. Tor: The second-generation onion router // Onion Routing. URL: <http://www.onion-router.net/Publications/tor-design.pdf> (accessed: 29.12.2020).

11. Tanenbaum A. S., Wetherall D. J. Computer networks. 5th ed. New York: Prentice Hall, 2011. 960 p.

12. URL: <https://metrics.torproject.org/> (дата обращения: 29.12.2020).

13. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1338815> (дата обращения: 29.12.2020).

© Захаров Н. Д., 2021

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: AZ; 1995: 928 (in Russian).

2. Belkin R. S. Criminalistics: current problems. Topical Issues of the Russian Criminalistics. Moscow: NORMA — INFRA-M; 2001: 240 (in Russian).

3. Larichev V. D. Detective characteristics of economic crimes: concept and content. Operative (Detective), 11—16, 2009 (in Russian).

4. Chebyshev P. L. Full collection of works. In 5 vols. Vol. V. Other works. Biographical materials. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1951: 474 (in Russian).

5. Katkov S. V., Belokobylskaya O. I., Gornyx S. A. Detective characteristics of crimes committed in the credit and financial sphere: some issues of theory and practice. Journal of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, 100—111, 2019 (in Russian).

6. Kesareyeva T. P. Criminological characteristics and problems of crime prevention in the Russian segment of Internet. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 195 (in Russian).

7. Shirokov V. A., Bepalova Ye. V. Cybercrime: history of criminal law counteraction. Information Law, 3—6, 2006 (in Russian).

8. Tropina T. L. Cybercrime: concept, state, criminal and legal measures of fighting. Dissertation of candidate of juridical sciences. Vladivostok; 2005: 235 (in Russian).

9. Susloparov A. V. Information technologies crimes. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnoyarsk; 2008: 23 (in Russian).

10. Dingleline R., Mathewson N., Syverson P. Tor: The second-generation onion router. In: Onion Routing. Available from: <http://www.onion-router.net/Publications/tor-design.pdf>. Accessed: 29 December 2020 (in English).

11. Tanenbaum A. S., Wetherall D. J. Computer networks. 5th ed. New York: Prentice Hall; 2011: 960 (in English).

12. Available from: <https://metrics.torproject.org/>. Accessed: 29 December 2020.

13. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/1338815>. Accessed: 29 December 2020.

© Zakharov N. D., 2021

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Захаров Николай Дмитриевич,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: ratinho@bk.ru

Zakharov Nikolay Dmitrievich,
associate adjunct
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: ratinho@bk.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi: 10.25724/VAMVD.WCDE

С. М. Лугович

**О НЕОБХОДИМОСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ**

В статье автор выдвигает и последовательно аргументирует тезис о том, что категории участников оперативно-разыскной деятельности, в отношении которых проводятся оперативно-разыскные мероприятия, и их правовой статус в оперативно-разыском законодательстве четко не определены; в теории оперативно-разыскной деятельности отсутствуют научно обоснованные положения, характеризующие правовой статус таких лиц; ввиду наличия указанных обстоятельств участники оперативно-разыскной деятельности зачастую вынуждены действовать в ситуациях правовой неопределенности, что нередко приводит к существенному нарушению прав граждан, с одной стороны, а с другой — лицам, совершившим преступление, удается избежать заслуженного наказания. Положения, раскрывающие правовой статус лиц, заподозренных в совершении преступления, проверяемых (разрабатываемых) по делам оперативного учета, их связей и иных лиц, вступающих в оперативно-разыскные правоотношения, носят опосредованный, фрагментарный характер или вообще отсутствуют. Наличие данных обстоятельств на практике вынуждает участников оперативно-разыскных правоотношений действовать в условиях правовой неопределенности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, участники оперативно-разыскной деятельности, правовой статус.

S. M. Lugovich

**ON THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION
OF THE LEGAL STATUS OF PERSONS
IN RELATION TO WHOM OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES
ARE CARRIED OUT**

In the article, the author puts forward and consistently argues the thesis that the categories of participants in operational-search activities in respect of which operational-search measures are carried out and their legal status in operational-search legislation are not clearly defined; in the theory of operational-search activity there are no scientifically justified provisions characterizing the legal status of such persons; in view of these circumstances, participants in operational-search activities are often forced to act in situations of legal uncertainty, which often leads to a significant violation of the rights of citizens on the one hand, and on the other, persons who committed a crime manage to avoid well-deserved punishment. Provisions revealing the legal status of persons suspected of committing a crime, verified (developed) in cases of operational accounting, their connections and other persons entering into operational-search legal relations are indirect, fragmented or absent. The existence of these circumstances in practice forces participants in operational-search legal relations to act in conditions of legal uncertainty.

Key words: operational-search activity, participants of operational-search activity, legal status.

Конституция Российской Федерации в ст. 2 содержит положения, согласно которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод

человека и гражданина выступают прямой обязанностью государства [1]. Защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечения безопасности общества

и государства от преступных посягательств продекларированы и в качестве целей оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в соответствующем федеральном законе (далее — Закон об ОРД) [2]. В этом же нормативном правовом акте установлена обязанность органов, осуществляющих ОРД, при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, жилища и тайну корреспонденции.

С учетом специфики правоотношений в сфере ОРД, предполагающих возможность органов, ее осуществляющих, действовать преимущественно негласно, вопрос соблюдения прав граждан, вступающих в такие отношения, становится особенно остро. Отдельного внимания заслуживают правоотношения, возникающие между оперативными подразделениями и лицами, в отношении которых проводятся ОРМ, направленные на установление их причастности к преступлениям. Как справедливо отметил А. А. Маслов, данный вид оперативно-разыскных правоотношений наиболее сложен для анализа с позиции теории права, так как в них, как правило, отсутствует сознательное волеизъявление лица, выступающего объектом ОРМ [3, с. 252].

Проведенное нами исследование специальной литературы, а также деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел позволило выделить ряд проблемных вопросов: категории участников ОРД, в отношении которых проводятся ОРМ, и их правовой статус¹ в оперативно-разыском законодательстве четко не определены; в теории ОРД отсутствуют научно обоснованные положения, характеризующие правовой статус таких лиц; ввиду наличия указанных обстоятельств участники ОРД зачастую вынуждены действовать в ситуациях правовой неопределенности, что, с одной стороны, нередко приводит к существенному нарушению прав граждан, а с другой — лицам, совершившим преступление, удается избежать заслуженного наказания. Последовательно аргументируем свою позицию.

Подвергая контент-анализу нормы оперативно-разыского законодательства, с уверенностью можно заключить, что положения, раскрывающие правовой статус лиц, заподозренных в совершении преступления, проверяемых (разрабатываемых) по делам оперативного учета, их связей и иных лиц, вступающих в оперативно-разыские правоотношения, носят опосредованный, фрагментарный характер или вообще отсутствуют.

В науке ОРД правовое положение таких лиц также практически не исследовалось. Кроме того, ни в оперативно-разыском законодательстве, ни в теории не сформировалось четкое устоявшееся понятие, используемое при их обозначении. Исследуя нормативные источники и специальную литературу, можно встретить различные термины и словосочетания, определяющие данную категорию участников ОРД: подозреваемый; заподозренное лицо; изучаемый; проверяемый; наблюдаемый; разрабатываемый; лицо, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности; вовлекаемое лицо; лицо, представляющее оперативный интерес; объект оперативной заинтересованности, фигурант и т. д. Очевидно, что все эти термины используются в отношении тех лиц, которые становятся объектами ОРМ, чья личность и частная жизнь подвергается тщательному изучению со стороны государственных властных органов, и нередко ситуации, при которых возможно существенное ограничение их прав и свобод. В зависимости от стадии оперативно-разыского процесса (проверка, разработка и т. п.) и оперативно-тактической ситуации различна и степень вторжения в частную жизнь таких граждан (от опроса и проверки алиби до негласного проникновения в жилище, прослушивания телефонных переговоров и т. д.).

К слову, наиболее используемыми терминами являются «заподозренный» и «подозреваемый», которые нередко отождествляются. Так, на практике сотрудники оперативных подразделений расширительно трактуют термин «подозреваемый», употребляя его не только относительно лиц, имеющих официальный статус участника уголовного процесса, но и иных граждан, так или иначе попадающих в сферу их интересов в связи с проверкой на причастность к преступлению или вероятного обладания о нем какой-либо информацией. Представляется, что причинами такой ситуации является не только удобство применения данного термина для обозначения лиц указанных категорий в повседневном рабочем обиходе, но и неоднозначное его использование законодателем.

Так, согласно ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления.

В Законе об ОРД термин «подозреваемый» напрямую практически не используется, а ведется речь о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, а также скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания. Однако в ч. 4 ст. 8 Закона об ОРД отмечено, что «прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, *подозреваемых* (курсив наш. — С. Л.) или обвиняемых в совершении преступлений...». Как известно, ОРМ, в том числе прослушивание телефонных и иных переговоров, в соответствии с Законом об ОРД могут проводиться до возбуждения уголовного дела, следовательно, при таких обстоятельствах у лица, объекта данных ОРМ, еще отсутствует официальный статус участника уголовного процесса. Здесь возникает вопрос: резонно ли предположить, что в рассматриваемой нами норме термин «подозреваемый» используется законодателем несколько в ином контексте, отличном от УПК РФ, т. е. трактуется шире, поскольку данным понятием охватываются и лица, причастность которых к совершению преступлений только устанавливается? Однозначного ответа нет.

Любопытно, что в Федеральном законе «О полиции» (далее — Закон о полиции) наряду с понятием «подозреваемый» законодатель использует словосочетание «лицо, совершившее преступление», не отождествляя их между собой. Так, согласно п. 12 ч. 1 ст. 13 данного закона, полиция обязана, а в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 14 имеет право «объявлять в розыск и принимать меры по розыску лиц, совершивших преступление *или* (курсив наш. — С. Л.) подозреваемых и обвиняемых в их совершении». Пункт 13 ч. 1 этой же статьи позволяет полиции «доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции... в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте)». Вместе с тем, исходя из анализа конструкции отдельных норм, по смыслу закона (ст. 14 «Задержание», ст. 20 «Применение физической силы»), можно сделать вывод о том, что речь ведется о решении вопроса о задержании в уголовно-процессуальном или административном порядке на основании положений соответственно УПК РФ или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4]. К сожалению, оперативно-разыскное производство нормами государственного принуждения не обеспечено и в Законе об ОРД нет поло-

жений, регулирующих задержание граждан как участников ОРД. Данная правовая позиция достаточно четко обозначена в решении Конституционного суда Российской Федерации [5].

В ведомственных нормативных правовых актах, регулирующих вопросы организации и тактики ОРД органов внутренних дел, носящих закрытый характер, встречаются различные формулировки, обозначающие конкретного человека как объекта оперативной заинтересованности: изучаемое, наблюдаемое лицо; лицо, *подозреваемое* в подготовке и совершении преступления, и др. Анализ нормативных предписаний позволяет при этом заключить, что термин «подозреваемый» рассматривается в широком смысле и применяется как в отношении лица, поставленного в соответствующий уголовно-процессуальный статус, так и не имеющего такового.

Проблема отсутствия в оперативно-разыском законодательстве четко установленных категорий лиц, становящихся участниками ОРД в связи с проверкой их причастности к совершению преступлений, а также правового положения таких лиц, как мы заявляли ранее, имеет не только теоретический, но и прикладной характер. Так, на практике регулярно возникают ситуации, трактуемые участниками оперативно-разыского процесса по-разному, когда при схожих обстоятельствах в отношении вовлекаемого в сферу ОРД лица в одном случае проводятся ОРМ с учетом его статуса как подозреваемого по УПК РФ, в другом — не наделяя его таковым. Нередко сам гражданин не имеет четкого представления об объеме своих прав и обязанностей, ограничений и запретов, не всегда представляет себе механизм защиты в случае неправомерных действий оперативных сотрудников и т. д.

Типичными являются ситуации, когда такие граждане подвергаются задержанию, личному досмотру со стороны оперуполномоченных, удержанию в помещениях органов, осуществляющих ОРД, опросу без их согласия, им нередко отказывают в праве на квалифицированную юридическую помощь; к ним, либо в их отношении, применяются иные меры, содержащие в себе признаки принуждения (к примеру, проникновение на объект при проведении его обследования в гласной форме), и т. п. Заметим, что в подобных ситуациях должностные лица органов, осуществляющих ОРД, действуют в условиях оперативного риска, нечетко представляя себе допустимые пределы своих полномочий, создавая тем самым потенциальную возможность в дальнейшем их привлечения к какому-либо виду ответственности, или отказываются

от проведения ОРМ, проявляют пассивность. Часто возникают ситуации, когда оперуполномоченному в условиях правовой неопределенности приходится решать дилемму: ничего не предпринимать, боясь ответственности, тем самым позволив потенциальному преступнику избежать наказания, что само по себе не способствует восстановлению нарушенных законных прав и интересов потерпевшего, либо действовать по своему усмотрению в определенных обстоятельствах, ограничивая права граждан на свой страх и риск, обеспечивая решения задач ОРД. В обоих случаях, при оспаривании гражданином или проверке решений оперуполномоченного надзирающим или контролирующим органом, обе стороны зависят от субъективного усмотрения должностного лица (судьи, прокурора, субъекта ведомственного контроля), оценивающего такое решение. Очевидно, что из-за отсутствия четких нормативных предписаний действия оперуполномоченного в одной ситуации могут быть признаны правомерными, а в другой, при аналогичных обстоятельствах, незаконными.

Проведем аналогию с уголовно-процессуальной деятельностью. Гражданин, становясь ее участником (к примеру, свидетелем, подозреваемым), может ознакомиться с соответствующими положениями, характеризующими его статус, в определенном разделе УПК РФ. К сожалению, обратившись к оперативно-разыскному законодательству, в частности к Закону об ОРД, тот же гражданин не найдет положений, раскрывающих его права и обязанности, порядок вступления в оперативно-разыскной процесс и т. д. Более того, не всегда это по силам и специалисту, имеющему юридическое образование, ввиду фрагментарности и разрозненности данных норм, их наличия в различных нормативных правовых актах, регулирующих правоотношения в сфере ОРД.

Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что, приобретая официальный статус участника уголовного процесса, в том числе не со стороны защиты (к примеру, свидетеля), одновременно с этим человек может быть объектом оперативной заинтересованности. Каково при этом будет его правовое положение как участника *оперативно-разыскного* процесса? Естественным было бы предположить, что лицо, вовлекаемое в ОРД в качестве объекта ОРМ, должно обладать правами, аналогичными правам подозреваемого как участника уголовно-процессуальной деятельности. По большому счету гражданину не так важно, в каком правовом режиме фактически ограничиваются его конституционные права.

Так, интересным в контексте рассматриваемого вопроса представляется мнение Б. Б. Булатова, который отмечает, что обвинительная деятельность выражается в любых действиях и решениях избоблительного характера, направленных на проверку причастности лица к преступлению, когда оно это осознает, в том числе до постановки его в официальный статус подозреваемого. В то же время в целях обеспечения прав граждан приоритет в оценке такой деятельности как обвинительной необходимо отдавать частному лицу, а не государственным органам, пишет автор [6, с. 15—23]. Соглашаясь с позицией ученого, отметим, что, по нашему мнению, обвинительная деятельность, осуществляется и тогда, когда лицо может и не осознавать, что стало объектом оперативной заинтересованности, ввиду негласности или зашифровки факта проводимых в его отношении ОРМ. Негласность сама по себе не исключает правоотношений между участниками ОРД и не отражается на объеме их прав. Как верно отметили Л. А. Бакланов и Д. А. Бражников, в ситуациях, когда форма ОРМ в ходе его проведения из негласной трансформируется в гласную (к примеру, при задержании сбытчика наркотиков в результате проведения проверочной закупки), у лица лишь появляется повышенная заинтересованность в реализации своих прав [7, с. 10], так как ему становится известно о проводимых в его отношении мероприятиях.

Справедливости ради отметим, что констатировать отсутствие в оперативно-разыскном законодательстве каких-либо норм, регулирующих правовое положение лиц, становящихся объектами оперативной заинтересованности, нельзя. Однако такие правовые предписания носят отрывочный и фрагментарный характер. К ним следует отнести ст. 5 Закона об ОРД, согласно которой лицо может при определенных условиях обжаловать действия органов, осуществляющих ОРД, а также истребовать информацию о полученных о нем сведениях. Кроме того, запреты, установленные для сотрудников оперативных подразделений, содержащиеся в Законе об ОРД, основания и условия проведения ОРМ, прокурорский надзор и ведомственный контроль, по нашему убеждению, выступают гарантиями законности и правовой защиты граждан от нарушений и неправомерного ограничения их конституционных прав. Тем не менее следует признать, что содержание правового статуса участников ОРД вообще и лиц рассматриваемой категории в частности в законе четко не раскрывается.

Полагаем, на данный момент назрела необходимость проведения серьезного исследования

и научного осмысления правового положения лиц, вовлекаемых в орбиту оперативно-разыскных правоотношений в качестве объектов ОРМ. Представляется, что научные изыскания должны быть направлены на обоснование и формулирование положений, характеризующих основные элементы правового статуса таких лиц: права и обязанности, гарантии правовой защиты, порядок и пределы вступления в оперативно-разыскные правоотношения, ответственность и др.

В свою очередь, успешное решение данной научной задачи и своевременное использование законодателем результатов соответствующих иссле-

дований путем совершенствования оперативно-разыскного законодательства позволит решить ряд существенных задач. Во-первых, обеспечит полноценную защиту конституционных прав граждан, вовлекаемых в сферу ОРД. Во-вторых, четко установит пределы организационно-тактического усмотрения сотрудников органов, осуществляющих ОРД, сократив вероятность ситуаций, в которых они вынуждены действовать в условиях правовой неопределенности и оперативного риска, а следовательно, и их привлечения к ответственности различного рода.

Примечание

¹ Не вдаваясь в полемику относительно понятий «правовой статус» и «правовое положение», отметим, что мы их отождествляем. Вместе с тем полагаем, что в общих чертах правовой статус участников ОРД определяет все то, что характеризует их место в системе оперативно-разыскных правоотношений, порядок вступления в оперативно-разыскной процесс. Ключевыми являются такие элементы правового статуса, как права и обязанности, гарантии правовой защиты, пределы самостоятельности при принятии решений, ответственность.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Маслов А. А. Необходимость дорожной карты для развития оперативно-розыскной отрасли права // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2017.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлына Сурена Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 5 и пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации «О милиции», а также статьей 2 и пунктом 7 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Federal law No. 144-FL on 12 August 1995. "On operational-search activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Maslov A. A. The need for a roadmap for the development of the operational-search industry of law. In: Topical problems of the theory of operational-search activity. A collection of scientific works. General ed. by K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. Moscow: INFRA-M; 2017 (in Russian).

4. Russian Federation Code of Administrative Offences No. 195-FL on 30 December 2001. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation from No. 312-O-O on 15 April 2008. "On the refusal to accept the complaint of citizen Mikhailyan Suren Mikhailovich to violate his constitutional rights under article 5 and paragraph 4 of article 10 of the Law of the Russian Federation "On the Police", as well as article 2 and paragraph 7 of part one of article 6 of the Federal Law "On Operational Search Activities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 219 с.

7. Бакланов Л. А., Бражников Д. А. Правовой статус лица, вовлекаемого в оперативно-розыскные мероприятия // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (21 нояб. 2014 г.). Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2015. С. 8—11.

© Лугович С. М., 2021

Лугович Сергей Михайлович,
доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: lugovich1982@mail.ru

6. Bulatov B. B. Procedural status of persons against whom indictment is carried out: monograph. Moscow: Yurlitinform; 2013: 219 (in Russian).

7. Baklanov L. A., Brazhnikov D. A. Legal status of a person involved in operational-search measures. In: Topical issues of the theory and practice of operational-search activities. Materials of the III All-Russian scientific and practical conference, 21 November 2014, Krasnodar, Russia. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015: 8—11 (in Russian).

© Lugovich S. M., 2021

Lugovich Sergey Mikhailovich,
associate professor at the department
of operational and investigative activities
of the internal affairs bodies
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: lugovich1982@mail.ru

* * *

УДК 342.5
ББК 67.400.6
doi: 10.25724/VAMVD.WDEF

А. И. Мелихов

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ
РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)**

В более ранних публикациях автор обосновывал, что современная модель оперативно-разыскной деятельности является результатом эволюционного развития системы разделения властей и функций управления в государстве. Исходя из этой предпосылки, в настоящей работе оперативно-разыскная деятельность рассматривается как необходимый составляющий конструкт современной системы разделения властей, элемент системы сдержек и противовесов в организации и деятельности государственного аппарата. Будучи подконтрольной Президенту Российской Федерации, оперативно-разыскная деятельность, за счет разграничения компетенции между субъектами такой деятельности в зависимости от сфер и направлений их работы, численности сил и средств, полномочий по назначению на должности и присвоению воинских и специальных званий руководящим лицам органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, остается эффективным межведомственным институтом контроля над всеми уровнями публичной власти с целью обеспечения их единства и эффективности. Дальнейшее развитие отечественной модели оперативно-разыскной деятельности, при условии невмешательства во внутреннюю политику российского государства со стороны различных международных акторов посредством манипулирования институтами гражданского общества, должно идти не по пути дальнейшего увеличения количества государственных структур, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а развития иных форм сыска деятельности.

Ключевые слова: национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, принцип разделения властей, единство системы государственной власти.

A. I. Melikhov

**IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES
OF SEPARATION OF AUTHORITIES AND UNITY
OF THE SYSTEM STATE AUTHORITY
(ON THE EXAMPLE OF OPERATIONAL
SEARCH ACTIVITIES)**

In earlier publications, the author argued that the modern model of operational-investigative activity is the result of the evolutionary development of the system of separation of powers and management functions in the state. Based on this premise, in this work, operational-search activity is considered as a necessary component of the construct of the modern system of separation of powers, an element of the system of checks and balances in the organization and activities of the state apparatus. Under the control of the President of the Russian Federation, operational-search activities, due to the delimitation of competence between the subjects of such activities, depending on the spheres and directions of their work, the number of forces and means, powers to appoint to positions and assign military and special ranks to the leaders of the bodies carrying out operational-investigative activity, remains an effective interdepartmental institution of control over all levels of public authority in order to ensure their unity and efficiency. The further development of the domestic model of operational-search activity, provided that various international actors do not interfere in the domestic policy of the Russian state by manipulating civil society institutions, should not go along the path of further increasing the number of state structures carrying out operational-search activities, but the development of other forms of detective activities.

Key words: national security, operational-search activity, the principle of separation of powers, the unity of the system of state power.

В более ранних публикациях, посвященных историко-правовому исследованию становления современной оперативно-разыскной деятельности (ОРД) органов внутренних дел (ОВД) в контексте обеспечения национальной безопасности, основываясь на терминологии и исторической периодизации Д. Нортона, мы предприняли попытку доказать, что появление и развитие этого правового института является результатом эволюции системы разделения властей в государственно организованном обществе [1; 2]. В современных условиях роль и значение ОРД ОВД в системе разделения властей, обеспечении внутри нее сдержек и противовесов неуклонно повышается.

Согласно п. 30 действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия) отечественными национальными интересами на долгосрочную перспективу являются следующие объективно значимые потребности общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития: незыблемость конституционного строя, общественное согласие, политическая и социальная стабильность, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества [3].

Отражение угроз перечисленным национальным интересам можно рассматривать в качестве целей и задач деятельности правоохранительных органов, специальных служб и органов государственного контроля (надзора), которые входят в систему обеспечения национальной безопасности. Однако нередко указанные органы сами продуцируют факторы, отрицательно влияющие на вышеназванные цели и задачи их деятельности, что приводит к ряду негативных последствий в различных отраслях и сферах жизнедеятельности общества.

Эти факторы могут носить как субъективный, так и объективный характер. Но если первые (например, нарушение прав и свобод граждан, коррупция, злоупотребление полномочиями, разглашение информации, имеющей ограничительные грифы распространения, и др.) осознаны научной общественностью на отраслевом уровне, то целый ряд объективных факторов (в первую очередь, несовершенство действующей системы правовых и организационных моделей), являющихся первопричиной субъективных факторов, на прикладном отраслевом уровне исследуются нечасто.

В частности, практически не изученным остается позитивное влияние на состояние национальной безопасности использования конституционного принципа разделения властей и его дальнейшего развития на отраслевом уровне государственного управления, хотя объективный запрос на его применение во внутриведомственной организации целого ряда федеральных министерств и служб, на наш взгляд, вполне очевиден.

Между тем в правовых исследованиях практически не изученной остается связь ОРД с такими конституционно-правовыми институтами, как президентство, разделение властей, парламентское расследование и др. Теоретики права и конституционалисты не уделяют необходимого внимания или попросту игнорируют важные проблемы оперативно-разыскной политики [4, с. 132], которые, во-первых, являются важнейшими составными частями общей правовой политики государства, а во-вторых, выступают одной из фундаментальных основ обеспечения национальной безопасности. В последнее время появилось несколько работ, в которых были заложены основы исследования конституционного действия принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов в системе обеспечения национальной безопасности, касающихся деятельности силовых структур (А. А. Бабанов [5]), правоохранительных органов (Е. А. Соломатина [6]), органов по руководству Вооруженными Силами Российской Федерации (И. Г. Томилов [7]) и обороной в целом (А. А. Ковалев [8]). Можно также отметить статью А. С. Трусова, попытавшегося определить место уголовно-процессуальной деятельности в системе разделения властей [9]. Все это способствует более глубокому пониманию важности разграничения властных функций и полномочий в механизме осуществления публичной власти в целях улучшения его организации и повышения эффективности ее деятельности.

Особое место в преломлении принципа разделения властей для отдельной отрасли публичного управления занимает работа И. Г. Томилова, который разработал формы и выделил особенности реализации этой концепции в деятельности государственных органов по руководству вооруженными силами страны [7].

Следует также отметить монографию Е. А. Мельникова, который поднял проблему уголовного

преследования в системе разделения властей [10], но не затронул сферу ОРД.

К сожалению, применительно к ОРД принцип разделения властей исследовался косвенно, в основном в рамках научных дискуссий о необходимости совмещения или разделения отдельных этапов раскрытия и расследования преступлений [11—15] или исключительно в историческом аспекте (С. Н. Жаров, Я. А. Крутова, М. В. Макаричев, А. В. Шахматов, М. В. Шутова, Ю. Г. Юдин и др.).

Неразработанность в теории государства и права концептуальных вопросов структуры исполнительной власти, места и роли в ней различных правоохранительных органов в общем и субъектов ОРД в частности приводят к появлению различных «фантомов ОРД», как назвали их авторы коллективной монографии под редакцией С. И. Захарцева [16, с. 127—138]. К ним можно отнести предложения о вертикальном разделении оперативно-разыскных полномочий, отождествлении ОРД с отдельными направлениями военной и политической борьбы, разведкой, шпионажем (являющимися, несомненно, прародителями данного вида государственной деятельности, но играющими совершенно иную роль в современном государстве), попытках «суверенизации» ведомств путем разделения оперативно-разыскной, контрразведывательной и разведывательной деятельности и другие небесспорные суждения.

К сожалению, в советский период истории значение принципа разделения властей для безопасности и стабильности государства раскрыто не было, ведущие теоретики коммунизма относились к нему достаточно просто. Так, К. Маркс отмечал, что разделение властей «на самом деле есть не что иное, как прозаическое разделение труда, применяемое к государственному механизму с целью упрощения и контроля» [17, с. 203]; В. И. Ленин отрицал триединство власти и заложил в основу советской государственности принцип единовластия и полновластия государственной власти трудящегося народа [18—19]. Указанный принцип построения власти обеспечивал успешное развитие нашей страны на протяжении десятков лет. Одну из главных ролей в удачной реализации принципа единовластия и полновластия государственной власти трудящегося народа сыграл негласный контроль посредством сыска советских спецслужб за партийной и государственно-хозяйственной номенклатурой, просуществовавший в ленинский и сталинский периоды советской истории. По мнению А. Е. Шарихина, именно данный институт обеспечивал устойчивость советского государства, а отказ

от него в большей мере способствовал распаду СССР [20, с. 64].

С другой стороны, в условиях отсутствия принципа разделения властей на протяжении длительного периода в СССР существовал единый орган безопасности — НКВД (1934—1943 гг.), объединивший в себе все виды оперативной деятельности и все стадии уголовного преследования. Результатом его работы стала не только зачистка уголовной и политической преступности в органах государственного управления, но и тысячи невинно осужденных.

Классическое политико-правовое содержание теории разделения властей и концепции сдержек и противовесов составляют «не идеи рациональной и эффективной деятельности органов государственной власти и всего государственного механизма в целом, а идеи поиска средств от злоупотреблений со стороны этих органов и должностных лиц, поэтому основная идея, которую должен реализовать принцип разделения властей, — это недопущение концентрации слишком большого объема управленческих полномочий в рамках компетенции одного органа власти. Обеспечить это призвана система „сдержек и противовесов“ во взаимоотношениях между разными ветвями власти. Принято считать, что эта система призвана исключить возможность узурпации власти, диктатуры, деспотии, тирании и т. п. одним из высших органов» [21, с. 336].

В современный период в условиях сепаратизма, использования «мягкой силы» в международной борьбе, расширения технологических возможностей субъектов ОРД и возрастания значимости информации, отсутствие единства системы государственной власти является более актуальной угрозой национальной безопасности, чем внутренняя узурпация власти или злоупотребление полномочиями, которые сдерживаются уже проверенной системой институтов. Кроме того, в обстановке острой мировой конкуренции государственных юрисдикций становится крайне важной эффективность государственной власти (скорость, обоснованность и сбалансированность решений государственной платформы). С учетом этого действие принципа разделения властей должно коррелировать с действием принципа эффективности и единства системы государственной власти, согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей.

В настоящее время государственная власть в России имеет сложную структуру. Согласно ст. 10—11 Конституции Российской Федерации помимо деления власти на законодательную,

исполнительную и судебную она еще делится по вертикали на два уровня — федеральный и субъекта Российской Федерации, а также на уровень местного самоуправления, которому делегируется выполнение широкого спектра государственных задач.

Несмотря на то что обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности (п. «б», ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации), а также кадры судебных и правоохранительных органов (п. «л», ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации) находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, право осуществлять ОРД на территории России предоставлено только оперативным подразделениям федеральных органов исполнительной власти (ст. 13 Федерального закона «Об Оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД»)). Статья 4 ФЗ «Об ОРД» лишает субъекты Российской Федерации и муниципальные образования права на нормативно-правовое регулирование ОРД. Целесообразность отказа от «суверенизации» ОРД путем горизонтальной раздачи полномочий в этой области иным субъектам публичной власти, кроме органов власти Российской Федерации, справедливо обоснована возможностью обращения указанных полномочий «в мощную силу обеспечения сепаратизма» [22, с. 105—106]. Деструктивные попытки регулирования порядка проведения ОРД со стороны субъектов Российской Федерации неоднократно наблюдались ранее и продолжают периодически воспроизводиться в отдельных регионах по настоящее время [23]. Так, согласно официальному заявлению МВД России «19 апреля 2015 г. полицейские из Ставропольского края прибыли в Чечню для задержания местного жителя, находящегося в розыске за стрельбу по гражданину в их крае. В соответствии с установленным МВД РФ порядком они обратились к своим коллегам в Управлении уголовного розыска МВД по Чеченской Республике и проинформировали их о цели своего визита. В результате чего местные сыщики предложили свое содействие в проведении операции. В ходе самого задержания находящийся в розыске гражданин попытался прорваться на своем автомобиле, протаранив при этом автомашину приехавших сотрудников, тем самым подвергая опасности их жизни. После чего полицейские произвели по автомобилю преступника с целью его остановки несколько выстрелов, одним из которых он был смертельно ранен. При последующем осмотре этого транспортного средства был обнаружен боевой пистолет... В связи с вышеизло-

женным МВД России считает недопустимым для Руководителя Чеченской Республики заявление об „открытии огня на поражение“ по сотрудникам из других регионов без ведома местных правоохранительных органов, проводящих спецоперации в Республике» [24].

Указанный случай, как и много подобных ему, свидетельствует о недопустимости наделения субъектов федерации полномочиями в области ОРД в России в современных условиях. Между тем в некоторых исследованиях по-прежнему делаются необоснованные предложения об ограничении полномочий сотрудников полиции территориями муниципальных образований или субъектов федерации, в которых они проходят службу, и о разделении оперативных служб на федеральный, региональный и муниципальный уровни [25].

Обычно в доказательство возможности расширения полномочий региональных или муниципальных правоохранительных органов приводят пример США, где деятельностью по предупреждению, выявлению, пресечению и изобличению преступников занимаются подразделения местной, федеральной полиции и полиции штата, что создает хорошую основу для борьбы с коррупцией в правоохранительных органах и объективного расследования. Однако мало кто упоминает об особенностях обеспечения внутренней безопасности США, по сути являющегося островным государством. Даже сам термин «национальная безопасность», впервые примененный Т. Рузвельтом относительно присоединения зоны Панамского канала к территории США, в большей мере относится к вопросам обороны, чем обеспечения внутренней безопасности, т. е. угрозы национальной безопасности США всегда исходят от внешних геополитических противников. То же касается и концепций национальной безопасности США, относящихся исключительно к обороне и представлению интересов США вне их территории.

В философском аспекте тему особенностей модели нашего государства затронул отечественный современный философ А. Ю. Дугин, разделив в современной геополитике государства «суши» и государства «морья» [26].

Угрозы сепаратизма в федеративном государстве, окруженном водой, без границ с потенциальными и реальными геополитическими противниками ничтожно малы, отдельные штаты США не имеют географической возможности присоединиться к другим государствам или стать самодостаточными государствами на североамериканском континенте. В то время как территория России в XX в. значи-

тельно уменьшилась и при необдуманных решениях в области разделения властей и полномочий имеет тенденцию к дальнейшему отделению территорий.

Таким образом, существуют объективные причины, по которым именно действующая модель борьбы с преступностью, когда лишь федеральная власть обладает полномочиями по управлению ОРД, может обеспечить нашей стране национальную безопасность и политическую стабильность.

Разумеется, деспотизм государственной власти должен и может сдерживаться развитием различных гражданских ассоциаций в публичной сфере. Однако такой способ предотвращения авторитарного правления в силу особенностей континентального характера нашего государства не получил должного развития, прежде всего из-за активного вмешательства во внутренние дела России со стороны «морских» держав, в том числе посредством искусственного создания институтов гражданского общества и манипулирования их деятельностью. Несмотря на это, следует отметить высокий потенциал негосударственных форм сыскной деятельности в нашей стране, о чем свидетельствует активная научная разработка журналистского расследования (Н. В. Бергер, Е. И. Губенко, Е. С. Зубаркина, С. А. Мищенко, Д. В. Неренц, А. В. Пичугин, М. В. Спасова, В. П. Шашков), частной детективной деятельности (Е. Г. Андреева, В. Б. Белорусов, Д. К. Брагер, В. М. Землянов, В. В. Злобин, Т. Э. Зульфугарзаде, О. А. Евланова, Э. А. Ильясов, А. А. Качалов, В. Г. Семенов, Я. А. Сиротин, О. В. Солнышкова, В. В. Шушлебин), парламентского расследования (С. В. Бендюрина, Ю. В. Плюта, Ю. Г. Федотова, Е. М. Якимова) и др.

Еще одним аспектом соприкосновения ОРД и принципа разделения властей стало фактическое увеличение относительно самостоятельных ветвей публичной власти в государственно организованном обществе. В настоящее время в условиях кризиса суверенного государства к ним можно практически официально отнести: финансовую власть центральных банков, которые являются в современном мире одним из главных глобальных инструментов управления и независимое положение которых установлено в конституциях многих стран мира [27]; власть средств массовой информации, социальных сетей и информационных каналов, которые демонстрируют признаки независимости от действующей государственной власти и широкие возможности воздействия на нее и население; идеологические институты в лице традиционных и нетрадиционных религиозных конфессий, которые всегда обладали весьма значительной,

а в иные моменты истории и большей властью, чем многие официальные органы государства.

В свете сказанного можно утверждать, что и единый организационный субъект ОРД при определенных условиях вполне может играть роль самостоятельной ветви публичной власти, поскольку, осуществляя полный цикл уголовного преследования, он реально не подчинялся практически никому, кроме формального лидера, осуществляя функцию символического насилия в обществе. Это подтверждают многочисленные случаи захвата верховной власти представителями специальных и военных служб, получивших одновременно слишком много организационных средств, вооруженных подразделений и полномочий в странах Африки и Латинской Америки и трансформировавших их в государственную власть. Осознание исторического опыта приобрело большое значение для национальной безопасности, что было закреплено на конституционном уровне некоторых государств. Так, в соответствии с п. 2 ст. 159 Конституции Республики Сальвадор функции обеспечения национальной обороны и общественной безопасности должны осуществляться разными ведомствами [28].

Таким образом, возникает дилемма, когда наличие у государства служб и органов, осуществляющих ОРД, или их аналогов является важнейшим признаком суверенности государства. И наоборот: современная либеральная тенденция к «приватизации» различных государственных функций частными субъектами или иностранными юрисдикциями приводит к частичной утрате государственного суверенитета. С одной стороны, организация отечественной ОРД обязана эффективно обеспечивать единство системы государственной власти и не должна порождать конфликтов между субъектами ОРД, что подразумевает необходимость их внутреннего единения, достигаемого единоначалием и субординацией. Тем более что единый субъект сбора информации об угрозах национальной безопасности и борьбы с военными, политическими и криминальными угрозами обладает рядом таких привлекательных для его эффективности черт, как единая система оперативно-справочных учетов, агентурный аппарат, финансирование, а также корпоративная сплоченность. С другой стороны, единый субъект ОРД, будучи сплоченным, наделенным слишком широкими полномочиями и имея доступ к избыточным силам и средствам, сам стремится к суверенизации. В таких условиях влияние институтов гражданского общества на государство практически невозможно, а следовательно, разрушается канал обратной связи между верховной

властью и народом, что ведет к пагубным последствиям как для государства, так и для населения, поэтому в ОРД принципы единства системы государственной власти и разделения властей должны адекватно сочетаться.

В механизме российского государства совместить принцип единства и разделения властей позволяет институт Президента Российской Федерации. Российская конституционная модель дает президентской власти возможность «...фактически встать над системой разделения властей и активно проводить курс социальных реформ» [21, с. 162]. Наделение Президента Российской Федерации функцией общего руководства Правительством Российской Федерации (п. «б» ст. 83 Конституции Российской Федерации), закрепление за ним полномочий по непосредственному руководству всеми силовыми ведомствами в системе федеральных органов исполнительной власти, совмещение их с должностью Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации позволяют ему консолидировать руководство субъектами ОРД, проходящими службу в вооруженных силах и правоохранительных органах. Этим обеспечивается возможность проведения единой оперативно-разыскной политики, в том числе посредством контроля над количеством и полномочиями субъектов ОРД [29, с. 122], качеством их работы. К важнейшим инструментам проведения единой правоохранительной политики в регионах можно отнести полномочных представителей Президента Российской Федерации [30] и Следственный Комитет Российской Федерации. Как отмечает А. Б. Лобода, «в настоящее время

СК России не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти. По сути, реализуемая им следственная власть является продолжением президентской власти и может рассматриваться как элемент сдержек и противовесов в системе разделения властей» [31, с. 180].

В завершение отметим, что современная оперативно-разыскная политика должна решать следующие важные задачи:

— во-первых, предотвратить злоупотребления со стороны субъектов ОРД;

— во-вторых, не позволять каким-либо (международной, политической, финансовой, национальной, религиозной) группировкам или административным кланам воспользоваться потенциалом субъектов ОРД в собственных интересах вопреки интересам многонационального народа Российской Федерации;

— в-третьих, сохранить высокую эффективность ОРД в условиях возникновения новых угроз национальной безопасности за счет единства управления субъектами ОРД;

— в-четвертых, обеспечить общественный контроль над субъектами ОРД с целью ограничения (а в перспективе и ликвидации) возможности использования их какими-либо социально-политическими слоями или административными кланами для достижения своих узкогрупповых целей посредством создания системы сдержек и противовесов с участием других форм сыскной деятельности (парламентское и журналистское расследование, частный сыск и др.).

1. Мелихов А. И., Готчина Л. В. Оперативно-разыскная деятельность как институт предупреждения, контроля и пресечения насилия в истории России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 127—132.

2. Мелихов А. И., Костюченко Н. И. Роль и значение оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса в обеспечении национальной безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 86—93.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Захарцев С. И., Сальников В. П. Размышления об оперативно-разыскной политике // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 39 (49). С. 132—137.

1. Melikhov A. I., Gotchina L. V. Operational-search activity as an institution of prevention, control and suppression of violence in the history of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 127—132, 2021 (in Russian).

2. Melikhov A. I., Kostyuchenko N. I. The role and significance of operational-search activity and criminal procedure in ensuring national security. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 86—93, 2020 (in Russian).

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 on 31 December 2015. "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Reflections on the operational-search policy. Scientific notes

5. Бабанов А. А. Силовые институты в системе политической власти правового государства (на примере ВС и МВД Российской Федерации): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Москва, 2006. 312 с.

6. Соломатина Е. А. Теоретико-правовые основы контроля законодательной власти за деятельностью правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2004. 24 с.

7. Томилов И. Г. Реализация принципа разделения властей в деятельности государственных органов по руководству Вооруженными Силами Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. Москва, 1999. 236 с.

8. Ковалев А. А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Санкт-Петербург, 2015. 22 с.

9. Трусов А. И. Уголовный процесс в системе разделения властей // Вестник Московского университета. 1994. № 5. С. 54—63.

10. Мельников Е. А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство). Москва: Юрлитинформ, 2019. 168 с. (Уголовный процесс).

11. Новикова Е. А., Шумилин С. Ф. Следственная и оперативно-розыскная деятельность: интеграция или взаимодействие? // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 86—95.

12. Мелихов А. И. Исторические аргументы целесообразности разделения деятельности следственных органов и органов дознания на современном этапе развития российской системы выявления, раскрытия и расследования преступлений // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 2 (48). С. 65—70.

13. Мелихов А. И. Разделение оперативно-дознания и объективности следствия как залог национальной безопасности России // Криминологический журнал. 2020. №4. С. 63—66.

14. Насонова И. А. Об отдельных аспектах соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 123—130.

15. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 9—15.

of the Faculty of Law, 132—137, 2015 (in Russian).

5. Babanov A. A. Power institutions in the system of political power of the rule of law (on the example of the Armed Forces and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). Dissertation of doctor of political sciences. 23.00.02. Moscow; 2006: 312 (in Russian).

6. Solomatina E. A. Theoretical and legal foundations of the control of the legislative power over the activities of law enforcement agencies. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. 12.00.01. Moscow; 2004: 24 (in Russian).

7. Tomilov I. G. Implementation of the principle of separation of powers in the activities of state bodies for the leadership of the Armed Forces of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. 20.02.03. Moscow; 1999: 236 (in Russian).

8. Kovalev A. A. Power mechanisms for ensuring the military security of the Russian Federation. Abstract of dissertation of candidate of political sciences. 23.00.02. Saint Petersburg; 2015: 22 (in Russian).

9. Trusov A. I. Criminal process in the system of separation of powers. Bulletin of Moscow University, 54—63, 1994 (in Russian).

10. Melnikov E. A. Criminal prosecution in the system of separation of powers (pre-trial proceedings). Moscow: JurLitinform; 2019: 168; Criminal process (in Russian).

11. Novikova E. A., Shumilin S. F. Investigative and operational-search activity: integration or interaction? Judicial power and criminal procedure, 86—95, 2018 (in Russian).

12. Melikhov A. I. Historical arguments for the expediency of dividing the activities of investigative bodies and bodies of inquiry at the present stage of development of the Russian system for detecting, disclosing and investigating crimes. Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 65—70, 2020 (in Russian).

13. Melikhov A. I. Separation of the promptness of inquiry and objectivity of the investigation as a guarantee of the national security of Russia. Criminological journal, 63—66, 2020 (in Russian).

14. Nasonova I. A. About certain aspects of the correlation of criminal procedure and operational-search activity. Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 123—130, 2015 (in Russian).

15. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Operational-search activity and criminal procedure: issues of rapprochement and interpenetration. Journal of the

16. Захарцев С. И., Вихров В. А., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность. Москва: Российская академия ракетных и артиллерийских наук, 2017. С. 127—138.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Москва, 1955. Т. 5. 678 с.
18. Еньшина Е. Н. В. И. Ленин о единовласти и полновласти государственной власти трудящегося народа // Новый ракурс. 2020. № 2. С. 16—21.
19. Пахомов В. Г., Чурилов С. Н. К вопросу об отношении к принципу разделения властей классиков марксизма // История государства и права. 2012. № 10. С. 17—20.
20. Шарихин А. Е. Парадигмы оперативно-розыскной деятельности и их влияние на формирование системы обеспечения экономической и общественной безопасности страны // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 63—67.
21. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. Волгоград: Волгогр. гуманит. ин-т; Москва: Зерцало-М, 2018. 876 с.
22. Основы оперативно-розыскной деятельности / Н. Н. Васильев, В. М. Егоршин, В. В. Зубов [и др.]; под общ. ред. С. В. Степашина. Санкт-Петербург: Лань, 1999. 704 с.
23. На нашей территории такого не будет. Рамзан Кадыров запретил российским силовикам проводить спецоперации в Чечне. URL: <https://meduza.io/feature/2015/04/23/na-nashey-territorii-takogo-ne-budet> (дата обращения: 28.06.2021).
24. Официальное заявление МВД РФ от 23 апреля 2015. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/3368697/> (дата обращения: 28.06.2021).
25. Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ // Городское управление. 2013. № 12 (209). С. 8—24.
26. Дугин А. Г. Геополитика как эффективный метод современной Российской политической теории и практики // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3 (55). С. 5—13.
27. Багдасарян В. Э. Сравнительный конституционный анализ. Конституция РФ как конституция побежденного государства // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены: материалы науч.-экспертной сессии / Центр научной политической мысли и идеологии; Институт законодательства и нормативно-правовых разработок. Москва: Наука и политика, 2014. С. 14—42.
- Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 9—15, 2019 (in Russian).
16. Zakhartsev S. I., Vikhrov V. A., Ignaschenkov Yu. Yu., Salnikov V. P. Operational-search activity and military security. Moscow: Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences; 2017: 127—138 (in Russian).
17. Marx K., Engels F. Works. Vol. 5. 2nd ed. Moscow; 1955: 678 (in Russian).
18. Yenshina E. N. V. I. Lenin on the autocracy and sovereignty of the state power of the working people. New perspective, 16—21, 2020 (in Russian).
19. Pakhomov V. G., Churilov S. N. On the question of the attitude to the principle of separation of powers of the classics of Marxism. History of State and Law, 17—20, 2012 (in Russian).
20. Sharikhin A. E. Paradigms of operational-search activity and their influence on the formation of a system for ensuring the country's economic and public security. Gaps in Russian legislation, 63—67, 2017 (in Russian).
21. Theory of state and law. Textbook. General ed. N. I. Grachev. Volgograd: Volgograd humanities institute; Moscow: Zertsalo-M; 2018: 876 (in Russian).
22. Vasiliev N. N., Egorshin V. M., Zubov V. V. (et al.) Fundamentals of operational-search activity. Ed. by S. V. Stepashina. Saint Petersburg: Lan; 1999: 704 (in Russian).
23. This will not happen on our territory. Ramzan Kadyrov has banned Russian security officials from conducting special operations in Chechnya. Available from: <https://meduza.io/feature/2015/04/23/na-nashey-territorii-takogo-ne-budet>. Accessed: 28 June 2021 (in Russian).
24. Official statement of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on 23 April 2015. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/3368697/>. Accessed: 28 June 2021 (in Russian).
25. The concept of a comprehensive organizational and managerial reform of the law enforcement agencies of the Russian Federation. City Administration, 8—24, 2013 (in Russian).
26. Dugin A. G. Geopolitics as an effective method of modern Russian political theory and practice. Scientific Thought of the Caucasus, 5—13, 2008 (in Russian).
27. Baghdasaryan V. E. Comparative constitutional analysis. The Constitution of the Russian Federation as the Constitution of a Defeated State. In: Liberal Constitution of Russia in 1993: the Problem of Change. Materials of a scientific and expert session. Center for Scientific Political Thought and Ideology; Institute of Legislation and Regulatory

28. Конституция Республики Сальвадор. URL: https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/171117_072857074_archivo_documento_legislativo.pdf/ (дата обращения: 01.02.2018).

29. Степашин С. В., Егоршин В. М. Книга, опередившая время (рец. на монографию: Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке (Москва: Норма, 2015. 400 с.)) // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 119—124.

30. Ковалев А. А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. 2018. № 2 (110). С. 24—31.

31. Лобода А. Б., Норенко И. В. Пути совершенствования законодательства в области реализации функции Российского государства по охране правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах // Военное право. 2019. № 4 (56). С. 175—182.

© Мелихов А. И., 2021

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Development. Moscow: Science and Politics; 2014: 14—42 (in Russian).

28. Constitution of the Republic of El Salvador. Available from: https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/171117_072857074_archivo_documento_legislativo.pdf/. Accessed: 1 February 2018 (in Russian).

29. Stepashin S. V., Egorshin V. M. A book ahead of its time (revision on the monograph: Zakhartsev S. I., Ignaschenkov Yu. Yu., Salnikov V. P. Operational-search activity in the XXI century (Moscow: Norma; 2015: 400)). Legal science: history and modernity, 119—124, 2015 (in Russian).

30. Kovalev A. A. On the role and place of the plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in the power mechanism of ensuring the country's military security. Management consulting, 24—31, 2018 (in Russian).

31. Loboda A. B., Norenko I. V. Ways of improving legislation in the field of implementing the function of the Russian state in the protection of law and order in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies. Military law, 175—182, 2019 (in Russian).

© Melikhov A. I., 2021

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

* * *

УДК 343.985.7:343.7
ББК 67.523.12
doi: 10.25724/VAMVD.WEFG

А. В. Пупцева, О. М. Дорошенко

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОВЕРШЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ**

В статье на основе научных исследований и результатов комплексного анализа эмпирического материала рассмотрены вопросы мошенничества в банковско-кредитной сфере, в сфере компьютерных платежей, системы целевых социальных выплат (материнский капитал, жилищные сертификаты и т. д.) и др.

Возможность денежных расчетов с использованием электронных средств платежа стала причиной возникновения нового вида мошенничества, когда лицо, не являясь законным владельцем банковской карты и банковского счета, выдавая себя за такое, присваивает чужие денежные средства.

Проблеме расследования и раскрытия криминальных деяний, совершенных с использованием IT-технологий, в настоящее время уделяется внимание на самом высоком уровне. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольников отметил, что динамика ежегодного прироста киберпреступлений фиксируется последние несколько лет. Доля мошенничества с использованием IT-технологий занимает уже 25 % от всех зарегистрированных преступлений. Данные изменения являются отражением глобальных тенденций. Своеобразным катализатором здесь стала пандемия, которая повлекла масштабный уход в интернет-онлайн многих сфер жизнедеятельности общества [1].

Цель настоящей статьи заключается в анализе современного состояния и основных направлений развития раскрытия и расследования мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в банковско-кредитной сфере.

Ключевые слова: мошенничество в банковско-кредитной сфере, бесконтактная оплата, банковская карта, использование электронных средств платежа.

А. В. Puptseva, O. M. Doroshenko

**THE MAIN ISSUES OF CONCERN
IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF FRAUD
COMMITTED THROUGH INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES
IN BANKING AND CREDIT**

Based on scientific research and the results of a comprehensive analysis of empirical material, the article discusses the issues of fraud in the banking and credit sphere, in the field of computer payments, the system of targeted social payments (maternity capital, housing certificates, etc.), etc.

The possibility of cash settlements using electronic means of payment has become the cause of a new type of fraud, when a person, not being the legal owner of a bank card and bank account, posing as such, appropriates other people's funds.

The problem of investigation and disclosure of criminal acts committed using IT-technologies is currently receiving attention at the highest level. Thus, the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V. A. Kolokoltsev noted that the dynamics of the annual increase in cybercrimes has been recorded over the past few years. Fraud with the use of IT-technologies already accounts for 25 % of all registered crimes. These changes are a reflection of global trends. A kind of catalyst here was the pandemic, which led to a large-scale withdrawal from the Internet in many areas of society [1].

The purpose of this article is to analyze the current state and the main directions of development of the disclosure and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies in the banking and credit sector.

Key words: fraud in the banking and credit sector, contactless payment, bank card, use of electronic means of payment.

По масштабам причинения вреда в Российской Федерации особую группу экономических преступлений составляет мошенничество в сфере денежного обращения, кредитной и банковской деятельности, которое имеет свою специфику, обусловленную переходом страны на рыночную экономику [2, с. 5]. Традиционно мошенничество, совершаемое с использованием банковских инструментов, определяют как обманное обращение в собственность имущества или права на него, принадлежащего банку или иной кредитной организации; любого чужого имущества, совершенное с использованием банковских операций или документов; любого чужого имущества, совершенное банковскими служащими с использованием своего служебного положения; любого чужого имущества с использованием лжебанка или иной лжекредитной организации [3, с. 1].

Технологический прогресс, происходящий в обществе, влечет за собой возникновение новых форм мошенничества и способов его совершения. С сожалением приходится констатировать, что сегодня уже привычным явлением стало мошенничество с использованием электронных систем расчетов, под которыми понимается сложный механизм, включающий в себя и электронные средства платежа – банковские карты и электронные кошельки.

Раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений сопряжено с рядом проблем. Безналичные деньги персонифицированы, т. е. их движение довольно легко отследить, поскольку каждое перемещение со счета на счет находит отражение в банковских документах [4, с. 76]. Такая «прозрачность» мешает преступникам, поэтому для вывода похищенных средств они используют различные схемы:

1. Перевод денег с карты на карту, а затем их снятие в банкоматах различных банков. Преимущественно карты регистрируются на подставных лиц (без определенного места жительства, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью и т. д.), приобретаются через посредников или в сети Интернет. В банкоматах деньги снимают специально нанятые люди. Кроме того, не все банкоматы оборудованы камерами видео-

наблюдения, соответственно, идентифицировать граждан, снявших деньги, удается далеко не всегда.

2. Переводы на QIWI-кошелек, в цифровую валюту, вывод денежных средств через букмекерские конторы и биржевые фонды, где при оформлении счетов не требуется подтверждения личности либо существует дистанционная регистрация (направляется копия паспорта гражданина).

3. Приобретение в интернет-магазинах различных товаров, которые затем забирают специально нанятые люди.

4. Мошеннические действия сотрудников банков с использованием системы электронных платежей путем внедрения в компьютерные программы.

5. Действия мошенников по хищению денежных средств с помощью создания разницы в процентной ставке при выделении краткосрочных кредитов.

Сегодня так называемые дистанционные мошенничества получили широкое распространение по причине использования системы бесконтактных платежей — расчетов в специально оборудованных терминалах без введения подтверждающего транзакцию пин-кода. Средством таких платежей являются банковские карты, электронные кошельки, приложения для мобильных телефонов и т. д. Если они были утеряны, злоумышленники могут воспользоваться ими в своих целях. Отметим, что в случае отсутствия защиты в виде пароля или пин-кода реализации преступления, как правило, не предшествует подготовительный этап (если же средство оплаты защищено, то, прежде чем воспользоваться им, преступники устанавливают пин-код или подбирают пароль).

Обстановку совершения мошенничества образуют такие факторы, как:

— пространственно-временной (место, время совершения мошенничества);

— социально-экономический (состояние правового регулирования экономических отношений, эффективность деятельности государственных институтов и т. д.);

— организационно-правовой (форма собственности предприятия, организации, учреждения, где совершено мошенничество, нормативные правовые акты, регулирующие порядок их деятельности, должностные инструкции сотрудников и пр.);

— административно-управленческий (кадровая политика, система учета и отчетности, состояние дисциплины, наличие и состояние технических средств охраны и т. д.);

— социально-психологический (взаимоотношения между сотрудниками, сотрудниками и руководством, уровень правового воспитания и т. д.).

«Дистанционные» мошенничества наносят банкам огромный урон, однако не меньшие убытки они терпят и из-за недобросовестных заемщиков, взявших денежные средства с заранее имевшимся умыслом на невозврат и сознательно уклоняющихся от погашения кредиторской задолженности. Вина в сложившейся ситуации отчасти лежит и на самих банках, которые сделали процедуру получения кредита простой и доступной. Это привело к росту числа потребительских кредитов и спровоцировало активизацию действий злоумышленников.

При сборе материала проверки факта мошенничества в сфере кредитования нужно провести такие процессуальные и следственные действия, как:

— опросить заявителя о совершенных в отношении него действиях;

— направить запрос в банк для получения сведений о наличии банковской карты у пострадавшего, ее номере, дате открытия, наличии и сумме списанных денежных средств;

— установить возможность видеофиксации факта совершения действия с электронными средствами платежа и изъять соответствующие видеозаписи;

— опросить сотрудников банка;

— установить и приобщить к материалам проверки: документы, регулирующие отношения между держателем карты и банком; выписки по банковским (лицевым) счетам заявителя и подозреваемых лиц; сведения о владельце электронного кошелька; регистрационные данные доменных имен; IP-адрес владельца сайта; документы, отражающие факт получения кредита, и др.

Большое значение при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеет оперативно-разыскная деятельность. Только ее средствами можно установить время, место совершения оплаты и т. д., что необходимо для выявления лиц, причастных к совершению преступления. Здесь следует сказать несколько слов об изъятии записей с камер видеонаблюдения, которое во многих случаях требует участия специалиста. В этой роли могут выступать представители службы технической поддержки торговых центров, павильонов, магазинов и иных объектов, где установлены средства видеофиксации; сотруд-

ники центров автоматической фиксации административных правонарушений; операторы и специалисты, обеспечивающие работу системы «Безопасный город», и др.

Отметим, что мошенничества с использованием электронных средств платежа отличаются высокой латентностью. Потерпевшие часто не обращаются в правоохранительные органы, особенно если сумма причиненного ущерба незначительна.

Что касается личности преступника, совершающего «дистанционные» хищения, то нередко им является мужчина 18—35 лет, имеющий среднее или среднее специальное образование, трудоспособный, но без постоянного места работы или учебы, дееспособный, действующий в одиночку, не обладающий специальными знаниями в области информационных технологий и навыками работы с электронно-вычислительными машинами [5, с. 211].

Стоит сделать акцент и на механизме следообразования. Следы хищения можно обнаружить в фиктивных документах (банковских, регистрационных, бухгалтерских и т. д.): договорах о приеме на работу, аренду помещений, соглашениях о рекламе в средствах массовой информации, характеристиках и отзывах, — в компьютерной технике, счетных машинах, средствах печатного воспроизведения текста документов, которые могут использоваться для изготовления поддельных документов [6, с. 85]. Важную роль будут играть и идеальные следы, сохраняющиеся в памяти потерпевших, свидетелей и подозреваемых. Это могут быть показания об особенностях личности преступника, его поведении, семейном положении, месте проживания и т. д., поскольку встречаются случаи, когда злоумышленники используют реальные данные о своей личности.

Для эффективного расследования преступлений, в том числе мошенничеств, необходимы не отдельные, разрозненные данные, а совокупность сведений об основных элементах их криминалистической характеристики, что повышает информативность теоретической базы версии и результативность версионного процесса [7, с. 87].

За 2020 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, увеличилось на 73,4 % (с использованием сети Интернет — на 91,3 %, с использованием средств сотовой связи — на 88,3 %) [8]. Данные статистики свидетельствуют о том, что раскрытие и расследование таких преступлений остается на низком уровне. Это обусловлено сложностью сбора доказательств причаст-

ности конкретных лиц к совершению преступлений, которая, в свою очередь, детерминирована:

— длительностью получения (от одного до трех месяцев) информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, об их владельцах, о движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров и др., имеющей доказательственное значение по уголовным делам, от операторов сотовой связи, банков;

— необходимостью командировочных выездов сотрудников следственных и оперативных подразделений в другие регионы России, что влечет за собой значительные затраты сил и средств;

— невозможностью во многих случаях использовать весь перечень оперативно-разыскных мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права и свободы граждан (снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров и т. д.);

— непродолжительным сроком хранения видеоматериалов с изображением лиц, осуществлявших обналаживание денежных средств в банкоматах;

— отсутствием систем электронного документооборота с кредитно-финансовыми организациями;

— невозможностью использовать в оперативно-служебной деятельности автоматизированные банковские системы обработки инцидентов «ФинЦЕРТ» и «Фид-АнтиФрод»;

— проблемой получения информации о банковских реквизитах, используемых при перечислении денежных средств со счетов абонентских номеров (например, АО «НСК» предоставляет неполную информацию о номере карты (отсутствует полный номер: 4276*****5230), ссылаясь на защиту систем VISA и MasterCard);

— отсутствием эффективных механизмов блокировки банковских счетов и телефонных номеров, используемых при совершении преступлений указанной категории;

— недостаточным количеством сотрудников следственных подразделений, специализирующихся на расследовании киберпреступлений;

— стремлением кредитно-финансовых организаций быстро проводить денежные средства с одного банковского счета на другой.

Еще одной проблемой является длительность получения ответов из банковских организаций на поступившие им запросы. Часто сроки таковы, что когда удается установить счет, на который были переведены денежные средства, его владелец уже находится в другом городе или стране. Тогда сотрудники правоохранительных органов вынуждены отправлять запросы уже своим коллегам

в другие субъекты Федерации или государства, что затягивает сроки проведения расследования.

Важно также отметить, что мошенничества, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеют некоторые особенности, обуславливающие трудности их раскрытия и расследования:

1) использование современных технологий изготовления и подделки платежных карт;

2) высокий профессионализм преступников;

3) обширная география;

4) непрерывный процесс создания новых способов совершения преступлений и их сокрытия;

5) высокая степень организованности участников преступной деятельности.

Кроме того, сложности раскрытия и расследования «дистанционных» мошенничеств связаны с отсутствием методических рекомендаций по организации расследования и тактике производства следственных действий; недостаточной квалификацией следователей, работающих со специфическими источниками доказательственной информации; низкой мобильностью правоохранительных органов, что накладывает отпечаток на процесс доказывания, поскольку преступления совершаются в режиме реального времени с использованием технических средств и преступник сразу имеет возможность распорядиться похищенными деньгами [9, с. 127].

Приведенный перечень проблем, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных и следственных подразделений в ходе раскрытия и расследования мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в банковско-кредитной сфере, не является исчерпывающим. Чтобы сократить их число, мы предлагаем реализовать некоторые организационно-управленческие меры:

1) закрепить в рамках уголовно-процессуального закона обязанность кредитных организаций и операторов сотовой связи предоставлять запрашиваемую органами предварительного следствия или дознания информацию, в том числе охраняемую законом, в течение трех суток с момента получения соответствующего запроса;

2) на законодательном уровне запретить использование незарегистрированных номеров сотовой связи, установить административную ответственность операторов сотовой связи за невыполнение указанного запрета;

3) создать базу данных номеров сотовой связи, использовавшихся для совершения мошеннических действий, обязать операторов сотовой связи

уведомлять своих абонентов о том, что звонящий номер входит в эту базу.

Безусловно, перечень мер противодействия «дистанционным» мошенничествам можно расширить.

В завершение скажем несколько слов и о профилактике мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, необходимо оповещать граждан о возможных способах совершения данных преступлений, об алгоритме действий, которые нужно предпринять, если преступление все-таки было совершено; организовать подготовку сотрудников органов внут-

ренних дел, специализирующихся на расследовании рассматриваемых преступлений; разработать алгоритм действий для правоохранительных органов при поступлении сообщений, заявлений о «дистанционных» мошенничествах, методические рекомендации по их раскрытию и расследованию; заключить с банковскими организациями соглашения об обмене соответствующей информацией; создать базу данных «дистанционных» хищений, куда внести всю информацию, связанную с раскрытием и расследованием данных преступлений.

---

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23305248/> (дата обращения: 21.06.2021).

2. Байло А. Ю. Характеристика способов мошенничества в сфере потребительского кредитования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2. С. 78—83.

3. Воронцова С. В. К вопросу квалификации преступлений в сфере электронных платежей // Банковское право. 2019. № 1. С. 35—38.

4. Голятина С. М., Ковальченко А. А. Некоторые элементы криминалистической характеристики хищения электронных денежных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 74—78.

5. Голятина С. М. Криминалистическое изучение личности преступника, совершающего хищение электронных денежных средств // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 4 (95). С. 208—211.

6. Кнопко И. С. Анализ судебной практики некоторых мошеннических действий: учебник. Москва: Синтез, 2016. 386 с.

7. Колесниченко А. Н. Криминалистические аспекты обеспечения выявления и раскрытия мошенничества: учебник. Москва: Юрист, 2016. 404 с.

8. Состояние преступности: архивные данные // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.06.2021).

9. Катков С. В., Семенов Г. М., Костенко Н. С., Алексева А. П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с ис-

---

1. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, General of the Police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at an expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23305248/>. Accessed: 21 June 2021 (in Russian).

2. Baylo A. Yu. Characteristics of fraud methods in the sphere of consumer lending. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 78—83, 2017 (in Russian).

3. Vorontsova S. V. On the issue of qualification of crimes in the field of electronic payments. Banking law, 35—38, 2019 (in Russian).

4. Golyatina S. M., Kovalchenko A. A. Some elements of the criminalistic characteristics of the theft of electronic money. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 74—78, 2019 (in Russian).

5. Golyatina S. M. Forensic study of the personality of a criminal who steals electronic money. Jurist-Pravoved, 208—211, 2020 (in Russian).

6. Knopko I. S. Analysis of judicial practice of some fraudulent actions. Textbook. Moscow: Sintez; 2016: 386 (in Russian).

7. Kolesnichenko A. N. Forensic aspects of ensuring the detection and disclosure of fraud. Textbook. Moscow: Lawyer; 2016: 404 (in Russian).

8. The state of crime: archival data. In: Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>. Accessed: 21 June 2021 (in Russian).

9. Katkov S. V., Semenenko G. M., Kostenko N. S., Alekseeva A. P. On measures to improve the organization of the work of operational and investigative divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to identify, disclose and investigate the theft of funds using bank cards on the territory

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

пользованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4. С. 123—128.

© Пупцева А. В., Дорошенко О. М., 2021

Пупцева Анна Викторовна,

начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Дорошенко Ольга Марковна,

заместитель начальника кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
e-mail: olka-olga@yandex.ru

of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 123—128, 2020 (in Russian).

© Puptseva A. V., Doroshenko O. M., 2021

Puptseva Anna Viktorovna,

head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Doroshenko Olga Markovna,

deputy head of the department of pedagogy
of the educational and scientific complex
of psychology of service activity
of the Kikot Moscow university
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: olka-olga@yandex.ru

* * *

УДК 343.985.7
ББК 67.522.1
doi: 10.25724/VAMVD.WFGH

И. А. Ретюнских, О. С. Колосович

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 210.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье анализируются уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования «нового» преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, — занятие высшего положения в преступной иерархии. Проведен краткий сравнительный анализ терминов «вор в законе» и «положенец». Авторами сделан акцент на особенностях возбуждения уголовного дела, производства отдельных следственных действий, формирующих доказательственную базу расследования занятия высшего положения в преступной иерархии. Отдельное внимание в статье уделяется исследованию предмета допроса подозреваемого (обвиняемого). Определяется круг лиц, подлежащих допросу в качестве свидетелей по данному виду преступления, предмет их допроса. Раскрываются требования, предъявляемые к специалисту, и обстоятельства, подлежащие установлению в ходе его допроса. Перечисляются типичные виды судебных экспертиз при производстве предварительного расследования по преступлениям, предусмотренным ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, и основания их назначения. Материалы статьи основаны на первом опыте работы следователей по указанным выше преступлениям.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии, вор в законе, предварительное расследование, следственные действия.

I. A. Retunskikh, O. S. Kolosovich

**PECULIARITIES OF CONDUCTING
SOME INVESTIGATIVE ACTIONS DURING INVESTIGATION
OF CRIMES PROVIDED FOR IN art. 210.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article analyzes criminal procedural and criminalistic aspects of investigating a relatively new crime provided for in art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation — taking the highest position in the criminal hierarchy. A brief comparative analysis of the terms "thief-in-law" and "polozhenets" has been carried out. The authors have highlighted peculiarities of initiating a criminal case, conducting certain investigative actions, which form an evidentiary database for investigating the process of taking the highest position in the criminal hierarchy. Special attention is paid to analyzing the subject matter of interrogation when the suspect (the accused) is interrogated. The authors identify the persons to be interrogated as witnesses to the given type of crime, determine the subject matter of their interrogation. The requirements for the specialist and the circumstances to be clarified during his (or her) interrogation are also revealed. The article enumerates typical types of forensic examinations assigned during preliminary investigation of crimes provided for in art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The materials of the article are based on the study of the first attempts to investigate the above-mentioned crimes in Russia.

Key words: taking the highest position in the criminal hierarchy, thief-in-law, preliminary investigation, investigative actions.

1 апреля 2019 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в соответствии с Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» введена ст. 210.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В настоящий момент в производстве следователей имеется несколько уголовных дел по данной статье. Первый опыт расследования подобных уголовных дел показывает, сколь трудно по ним работать. Прежде всего нет единого понимания, кто же занимает высшее положение в преступной иерархии.

Уголовно-преступная среда России имеет строго определенную иерархию, на вершине которой находятся так называемые воры в законе, а при их отсутствии — положенцы. В связи с этим под уголовную ответственность по данной статье подпадают лица, занимающие высшее положение в преступном мире, а именно причисляющие себя к категории «вор в законе» и принятые в данном статусе лицами, имеющими аналогичный статус. При определенном стечении обстоятельств, например в случае отсутствия на определенной территории (субъекте Российской Федерации) вора в законе, высшее положение будет занимать положенец (так называемый кандидат в воры в законе), или смотрящий. Фактически положенец обладает полномочиями, аналогичными полномочиям вора в законе, и несет полную ответственность за происходящее на вверенной ему территории. Положение вора в законе позволяет оказывать влияние на лиц, имеющих более низкий криминальный статус, благодаря чему можно контролировать различные направления деятельности криминальных структур в России и обеспечивать их существование.

Таким образом, для возбуждения уголовного дела по ст. 210.1 УК РФ необходимо определиться, что лицо обладает статусом вора в законе или положенца, по сути, являясь с точки зрения уголовного права специальным субъектом.

Среди воров в законе действует перечень правил, которые они называют «кодекс воровской чести», и правила эти обязательны к исполнению.

Воры в законе являются основной неформальной категорией в преступной деятельности, которая, будучи масштабной, требует серьезных организационных мер. Она может быть обеспечена усилиями нескольких лиц или группы. В таких орга-

низациях руководители могут не совершать конкретных преступлений: у них другое назначение — осуществлять координацию деятельности групп; обеспечивать разработку и реализацию преступных замыслов; различными способами обеспечивать безнаказанность преступности; решать транспортные проблемы; легализовать преступные доходы; осуществлять взаимодействие с другими преступными формированиями и т. п.

Задача вора в законе (положенца) поддерживать и укреплять «воровскую семью» либо образовывать новую. Когда воровских группировок в городе или районе нет, воры пытаются перевербовать или взять под свой контроль другие преступные группировки. Вор в законе или положенец может самостоятельно руководить преступной группировкой или назначить смотрящего (ставленника), например, за городом, колонией либо за определенным объектом, таким как казино, ресторан, гостиница.

Допрос подозреваемого (обвиняемого). Основным источником информации о занятии кем-то высшего положения в преступной иерархии является допрос. При расследовании таких преступлений особую важность приобретает допрос самого подозреваемого (обвиняемого). Проводится в основном в условиях конфликтной ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) не признает вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, и отрицает высокий статус в преступных кругах, прямо противодействует следователю, давая откровенно ложные показания.

При расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии в процессе допроса необходимо постоянно анализировать показания подозреваемого (обвиняемого), с тем чтобы в удобный момент внезапно предъявить изобличающие доказательства. В качестве таковых могут выступать заключения судебных экспертиз: судебно-культурологической, судебно-психологической. Так, на вопрос следователя: «Что означают татуировки на теле подозреваемого (обвиняемого)?» допрашиваемый отвечает: «Татуировки сделал по случаю, они ничего не означают». В то время как заключение судебно-культурологической экспертизы говорит о том, что определить статус подозреваемого (обвиняемого) в преступной иерархии по перманентным рисункам, нанесенным на тело, возможно с высокой долей вероятности, что может свидетельствовать о наличии у подозреваемого (обвиняемого) статуса вора в законе.

Несмотря на то что подозреваемый отрицает свою причастность к ст. 210.1 УК РФ, в ходе допроса выясняется:

— пользуется ли он авторитетом среди лиц криминальной направленности;

— имеет ли статус вора в законе или положенца;

— является ли криминальным авторитетом, если да, то какой статус занимает в настоящий момент;

— проходил ли процедуру коронации, если да, то где и при каких обстоятельствах; кто рекомендовал его кандидатуру в воры в законе;

— с какими криминальными авторитетами поддерживает отношения;

— содержался ли ранее под стражей или отбывал ли наказание в местах лишения свободы (МЛС), если да, то по какой статье УК РФ;

— каким образом заключенные узнали о его поступлении в учреждения Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) (следственный изолятор (СИЗО), колонию, тюрьму);

— поведение в МЛС или содержания под стражей, признавал (не признавал) порядки, выполнял или нет требования администрации или следовал криминальным традициям;

— обращались ли к нему осужденные или содержащиеся под стражей за помощью или разрешить конфликт между собой, а также решить какую-либо проблему;

— решал ли какие-либо вопросы в МЛС и содержания под стражей для подозреваемых, обвиняемых и осужденных;

— занимался сбором «общака» и оказывал ли финансовую помощь нуждающимся подозреваемым, обвиняемым и осужденным; организовывал ли в места содержания под стражей или лишения свободы пронос «общего», т. е. сигарет, чая, конфет, предназначенных для находящихся в этих учреждениях лиц;

— придерживается ли воровской идеи, соблюдает ли преступные традиции на свободе;

— какими полномочиями обладает в криминальной среде;

— какие функции выполняет на условно закрепленной за ним территории Российской Федерации, связаны ли они с криминальным бизнесом, например организовывать совершение преступлений;

— имеет ли на теле какие-либо татуировки, при каких обстоятельствах они были нанесены и что означают; могут ли татуировки, которые имеются на теле подозреваемого (обвиняемого), наносить иные лица, занимающие низшее положение в преступной иерархии;

— имеет ли право давать указания, какого рода и всегда ли они выполняются безоговорочно.

Допрос свидетелей. В качестве свидетелей обязательно допрашиваются сотрудники подразделений, наделенных правом производства оперативно-разыскных мероприятий (оперуполномоченные), занимающиеся разработкой лидеров преступных групп, в том числе лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Их допрос аналогичен по предмету и по задаваемым вопросам допросу подозреваемого (обвиняемого).

Допрос начинается с общих вопросов, касающихся криминальной ситуации в конкретно взятом регионе. Оперуполномоченному предлагается также охарактеризовать структуру преступной иерархии, из каких элементов она состоит, пояснить, кто является вором в законе и можно ли говорить, что вор в законе и есть высшая ступень в криминальном мире, и он, соответственно, занимает высшее положение в преступной иерархии; определить, что необходимо для получения статуса вора в законе, каким критериям должны отвечать кандидаты в воры в законе, какая процедура предусмотрена для получения преступного статуса «вор в законе», какими полномочиями обладает вор в законе, что происходит, если его помещают в места лишения свободы, каким образом остальные подозреваемые, обвиняемые, осужденные узнают о поступлении вора в законе в МЛС, какие функции он там выполняет. Перечисленные данные устанавливаются и в отношении статуса «положенец».

Таким образом, первая часть допроса касается общих вопросов относительно уклада преступной жизни.

Далее следуют вопросы, касающиеся непосредственно личности подозреваемого (обвиняемого). Свидетелю могут быть заданы следующие вопросы:

— имеется ли какая-либо информация в подразделениях уголовного розыска относительно того, является ли вором в законе или положенцем на территории данного субъекта Российской Федерации подозреваемый (обвиняемый);

— где, когда и при каких обстоятельствах прошла так называемая коронация подозреваемого (обвиняемого) или наделение его статусом положенца;

— кто из криминальных авторитетов давал рекомендации на коронацию подозреваемому (обвиняемому);

— какими личностными качествами обладает подозреваемый (обвиняемый), пользуется ли авторитетом и уважением в криминальной среде;

— какие данные личности характеризуют подозреваемого (обвиняемого) как лидера преступной среды;

— с какими лидерами уголовно-преступной среды данного региона и в Москве, в том числе причисляющих себя к категории «вор в законе», подозреваемый (обвиняемый) поддерживает отношения;

— на каких принципах строятся взаимоотношения с нижестоящими в преступной среде лицами;

— какими полномочиями обладает лицо, занимающее высшее положение в преступной среде, в обычной жизни и в местах содержания под стражей и отбывания наказания; связаны ли были эти полномочия со сбором и распределением финансовых средств; были ли названные финансовые средства получены от преступной деятельности;

— какие функции осуществлял непосредственно подозреваемый (обвиняемый) и соответствуют ли они высшему положению в преступной среде;

— собирал ли он вокруг себя преступную группу для совершения преступлений; если да, то какие взаимоотношения были внутри группы между сообщниками;

— имеются ли на теле подозреваемого (обвиняемого) какие-либо татуировки, если да, то что они могут означать;

— какие лица могут подтвердить высокий преступный статус подозреваемого (обвиняемого).

В качестве свидетелей допрашиваются также сотрудники учреждений ФСИН, где ранее содержался или отбывал наказание подозреваемый (обвиняемый). При необходимости обеспечения защиты жизни и здоровья названного сотрудника данные о нем засекречиваются (легендируются).

В начале допроса сотруднику ФСИН задаются общие вопросы о структуре криминальной иерархии, из каких элементов она состоит. Например: кто такие «воры», «бродяги» и т. д.? кто из них находится на вершине преступной пирамиды? какими личностными качествами должен обладать лидер, занимающий высшее положение в преступной иерархии? можно ли говорить, что вор в законе и есть высшая ступень в криминальном мире, порядке получения криминального статуса «вор в законе» или «положенец»? какими критериям должны отвечать кандидаты в воры в законе? что включает в себя статусы «вор в законе» или «положенец»? какие задачи стоят перед ворами в законе и положенцами? какими полномочиями обладает вор в законе, имеет ли право наказывать провинившихся, может ли решать споры, выступая в качестве третейского судьи?

Относительно поведения подозреваемого (обвиняемого) в учреждениях ФСИН могут быть заданы вопросы:

— какая иерархия осужденных существует в учреждениях ФСИН;

— на каких принципах она основывается; кто является лидером и какими личностными качествами он должен обладать;

— каким образом подозреваемые, обвиняемые или осужденные узнают о поступлении в СИЗО или места лишения свободы вора в законе или положенца, что такое «прогон»;

— можно ли говорить, что вор в законе или положенец и есть лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии; если да, то почему;

— какими полномочиями обладает данное лицо в местах содержания под стражей или отбывания наказания;

— соответствуют ли эти полномочия высшему положению в преступной иерархии;

— как характеризовался подозреваемый (обвиняемый) во время нахождения в учреждениях ФСИН, соблюдает ли правила внутреннего распорядка, шел ли на сотрудничество с администрацией учреждения, выполнял ли требования сотрудников ФСИН;

— как к нему относились остальные лица, содержащиеся под стражей или отбывающие наказание, проявляли ли уважение, беспрекословно подчинялись или нет;

— придерживался ли подозреваемый (обвиняемый) так называемых преступных традиций;

— оказывал ли подозреваемый (обвиняемый) негативное влияние на содержащихся под стражей;

— имеются ли на теле подозреваемого (обвиняемого) татуировки и что они означают с точки зрения преступной идеологии;

— кто может подтвердить высокий преступный статус подозреваемого (обвиняемого).

Допрос специалиста. В ходе предварительного расследования по уголовным делам о занятии высшего положения в преступной иерархии целесообразно проводить допрос специалиста. В качестве такого может выступать ученый, занимающийся научной деятельностью по изучению криминальной среды России и ее субкультуры. Собственно, обвинение в занятии каким-то лицом высшего положения в преступной иерархии основывается на тех фактах, что подозреваемый (обвиняемый), обладая авторитетом в криминальной среде, управляет преступным сообществом, выполняет организационно-распорядительные функции. Согласно сложившейся практике такими полномочиями обла-

дает вор в законе либо положенец, по воровским традициям находящийся на вершине криминального мира. Поэтому занятие высшего положения в преступной иерархии отождествляют с ворами в законе или положенцами. У специалиста выясняются моменты, касающиеся криминальной субкультуры.

Могут быть заданы следующие вопросы:

— что включает в себя криминальная идеология?

— какие лица относятся к лицам криминальной направленности?

— какие понятия используют лица, придерживающиеся криминальной идеологии, и каково их значение?

— что представляет собой преступная иерархия?

— что означают понятия «вор в законе» и «положенец»?

— какое место в преступной иерархии занимает вор в законе?

— какое место в преступной иерархии занимает положенец?

— какие существуют правила и традиции в криминальной среде (воровской субкультуры)?

— какие существуют взаимоотношения между лицами, которые придерживаются криминальной идеологии?

— какова иерархическая лестница уголовно-преступной среды?

— какими организационно-распределительными функциями обладает лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии (вор в законе, положенец)?

— что представляют собой преступные традиции? Какие существуют преступные традиции?

— какого образа жизни придерживается лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии (вор в законе, положенец)?

— каким образом происходит наделение лица высшим положением в преступной иерархии (вор в законе, положенец)?

— какие существуют взаимоотношения между лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и лицами, имеющими более низкий криминальный статус?

— обязаны ли лица, имеющие более низкий криминальный статус, беспрекословно выполнять требования и указания лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии?

— каковы последствия отказа выполнять данные указания?

— является ли подозреваемый (обвиняемый) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии?

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, возможно производство таких судебных экспертиз, как технико-криминалистическая, почерковедческая, судебно-лингвистическая, автороведческая, портретная, фоноскопическая, психофизиологическая. Учитывая, что привлечение к ответственности по ст. 210.1 УК РФ, скорее всего, не обойдется без совокупности составов, предусмотренных ст. 210 УК РФ, то можно добавить необходимость проведения судебной экономической экспертизы и ряда других в зависимости от складывающейся следственной ситуации и объекта исследования. Остановимся только на видах экспертиз, характерных для специфики рассматриваемого состава преступления.

Технико-криминалистическая экспертиза назначается в случае необходимости определения использованных для изготовления документа технических средств и способов, материалов и реквизитов документов. Вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертами, связаны с определением способов изготовления документов или бланков; оборудования, на котором отпечатаны документы; установления факта и способов изменения содержания документа; сравнительного исследования печатей и штампов с оттисками на документах; установления факта и способов изготовления поддельных денежных купюр.

Почерковедческая экспертиза назначается при необходимости определения подлинности рукописных документов, почерка и подписи. Вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертами, связаны с определением по образцам почерка лица или лиц, выполнивших рукописный документ.

Судебно-лингвистическая экспертиза направлена на установление обстоятельств (фактов) путем исследования продуктов речевой деятельности человека. Проводится данная экспертиза при расследовании уголовных дел об унижении чести, достоинства и деловой репутации, клевете, экстремизме, для определения в тексте признаков угрозы, установления его смыслового содержания, выявления завуалированной информации в устных разговорах и письменной речи. Лингвистическое исследование также применяется для определения содержания «уголовных» татуировок на теле человека: можно получить информацию о свойствах личности ее носителя.

Таким образом, рисунок и смысловое значение татуировки может раскрыть следующую информацию о личности его носителя:

— дату рождения, год заключения в места содержания под стражей, год освобождения из мест лишения свободы, номера исправительных учреждений и местности, где лицо отбывало наказание;

— сведения о преступной деятельности (количество судимостей, срок лишения свободы, вид режима и исправительного учреждения, состав преступления, преступная специализация и квалификация, способ и место совершения преступлений, статус в преступной иерархии, принадлежность к определенной преступной группе).

Автороведческая экспертиза связана с исследованием письменной речи человека, также указывает на особенности личности, характера по стилю письменно изложенного материала, текста.

Портретная экспертиза необходима для идентификации человека по фотографиям, как электронным, так и сделанным на бумажных носителях, что сейчас встречается реже.

Фоноскопическая экспертиза (исследование видео- и аудиозаписи) проводится для установления объекта голоса и звучащей речи и сравнения их с представленными образцами голоса.

Психофизиологическая экспертиза проводится с использованием полиграфа. В ходе исследования полиграфолог оценивает психофизиологические реакции подэкспертного. Реакции на определенные визуальные или вербальные стимулы могут свидетельствовать о субъективной значимости какого-то явления для человека, что позволяет говорить о наличии в памяти следов того или иного факта, события. Анализ указанных следов позволяет решить вопрос о сокрытии информации, значимой для расследования преступления.

Целесообразность назначения данного вида экспертиз связана с наличием противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства, в случае если их невозможно устранить с помощью других процессуальных средств, например проведением очной ставки. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа позволяет также разрешать противоречия, возникающие между показаниями, например подозреваемого, обвиняемого, и имеющимися доказательствами по делу.

Объектом судебно-культурологической экспертизы могут быть татуировки на теле человека. Так, одним из доказательств по обвинению Ш. Т. Озмана в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, стали результаты данной экспертизы. В заключении эксперта исследовались перманентные рисунки, обнаруженные на теле подсудимого. Эксперт пришел к выводу, что они относятся к типу воровских (тюремных) татуировок, которые могут нести информацию об отбывании носителем наказания в МЛС, его склонности к асоциальному поведению в виде отрицания обще-

признанных норм и правил и совершению противоправных деяний, к его принадлежности к высшим кругам преступного мира, авторитетам, ворами в законе [1].

Комментируя приведенное в качестве примера экспертное исследование, Т. В. Стукалова указывала, что на теле Ш. Т. Озмана были изображены восьмиконечные звезды на коже в районе коленей и ключиц, кресты, пауки, пистолеты и др. [2]

Судебно-биологическая, в том числе судебно-генетическая экспертиза отвечают на вопрос происхождения биологических следов, изъятых с мест происшествий, от конкретных лиц. В рамках этих исследований отбираются образцы биологического материала для определения родства, отцовства, а также для сравнения с биологическими образцами, обнаруженными и изъятыми в ходе расследования. Так, по уголовному делу в отношении Ш. Т. Озмана у последнего отбирались образцы буккального эпителия для биологического исследования. В дальнейшем по результатам судебно-биологической экспертизы было установлено, что слюна на окурке сигареты, изъятой на месте происшествия, принадлежала Ш. Т. Озманову.

А. Н. Богомолов отмечал, что при расследовании организации преступного сообщества (преступной организации) проводятся также судебно-экономические экспертизы, которые, основываясь на изучении документов бухгалтерского учета, позволяют установить данные об экономических показателях, совершаемых финансовых операциях, отсутствии или наличии денежных средств [3].

Кроме того, причастность лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, может подтверждаться фототаблицей с изображениями перманентных рисунков, имеющихся на теле подозреваемого (обвиняемого); письмом управления ФСИН России, в котором дается расшифровка выражений, используемых лицами криминальной направленности; отрицательной характеристикой из учреждений ФСИН; копиями приговора суда о прежних судимостях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный инструментарий лица, осуществляющего предварительное расследование по преступлениям, предусмотренным ст. 210.1 УК РФ, разнообразен. К основным следственным действиям, позволяющим получить доказательства занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, можно отнести допрос свидетеля (оперуполномоченного, сотрудника учреждения ФСИН, специалиста), допрос подозреваемого (обвиняемого), назначение и производство судебных экспертиз (техничес-

криминалистической, почерковедческой, судебно-лингвистической, автороведческой, портретной, фоноскопической, психофизиологической, судебно-биологической). Значительное внимание следователю необходимо уделить и получению данных, характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого) в учреждениях ФСИН, свидетельствующую

щих о наличии у подозреваемого (обвиняемого) дисциплинарных взысканий, о его нахождении на профилактическом учете как лидера и активного участника группировок отрицательной направленности, как лица, оказывающего негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

1. Приговор Московского городского суда от 7 октября 2020 г. по делу № 2-0016/2020 по обвинению Ш. Т. Озманова. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/fba86107-66d1-4be6-9eea-956f6f8c301f?respondent=%D0%9E%D0%B7%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2&sessionRangeDateFrom=07.10.2020&formType=fullForm> (дата обращения: 10.07.2021).

2. Стукалова Т. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103), ч. 4. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.105> (дата обращения: 10.07.2021).

3. Богомолов А. Н. Особенности назначения и проведения судебных экспертиз в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ // Территория науки. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-i-provedeniya-sudebnyh-ekspertiz-v-hode-rassledovaniya-prestupleniy-predusmotrennyh-st-210-uk-rf/viewer> (дата обращения: 10.07.2021).

© Ретюнских И. А., Колосович О. С., 2021

Ретюнских Ирина Алексеевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: retunskich@mail.ru

Колосович Оксана Сергеевна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

1. The Verdict of the Moscow City Court on Case No. 2-0016/2020 on the Charge of Sh.T. Ozmanov of 7 October 2020. Available from: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/fba86107-66d1-4be6-9eea-956f6f8c301f?respondent=%D0%9E%D0%B7%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2&sessionRangeDateFrom=10/07/2020&formType=fullForm>. Accessed: 10 July 2021 (in Russian).

2. Stukalova T. V. Taking the Highest Position in the Criminal Hierarchy: Problems of Qualifying and Proving. International Research Journal, 2021. Available from: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.105>. Accessed: 10 July 2021 (in Russian).

3. Bogomolov A. N. Peculiarities of Assigning and Conducting Forensic Examinations During Investigation of Crimes provided for in Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. The Field of Science, 2017. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-i-provedeniya-sudebnyh-ekspertiz-v-hode-rassledovaniya-prestupleniy-predusmotrennyh-st-210-uk-rf/viewer>. Accessed: 10 July 2021 (in Russian).

© Retunskikh I. A., Kolosovich O. S., 2021

Retunskikh Irina Alexeevna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: retunskich@mail.ru

Kolosovich Oksana Sergeevna,
deputy head of the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.985
ББК 67.522.1
doi: 10.25724/VAMVD.WGHI

Д. А. Сафонов

**ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОПОЗНАНИЯ
ПУТЕМ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ОПОЗНАЮЩИМ**

В статье раскрываются проблемные вопросы предъявления для опознания предметов и людей путем осязания через тактильное восприятие опознающими лицами, которые в силу физиологических особенностей, болезни органов зрения, иных ситуационных факторов не имеют возможности воспринимать события визуально. Дается краткая характеристика понятия осязания и сущности психофизиологической тактильной дискриминации как способности различать и сравнивать информацию посредством ощущения осязания. Проанализированы позиции ученых, которые являются как сторонниками, так и противниками данной формы проведения опознания.

Предлагаются рекомендации по организации и подготовке к проведению для опознания путем тактильного восприятия. В частности, рассматриваются тактические рекомендации по проведению допроса опознающего, участие специалиста в ходе допроса. Особое внимание уделяется проверке возможности опознающего лица объективно и полно воспринимать через осязание частные признаки объектов.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, криминалистическое обеспечение, следственное действие, предъявление для опознания, тактильное восприятие, механорецепция, следственное действие.

D. A. Safonov

**TACTICAL, PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS
OF ORGANIZATION AND CONDUCTING IDENTIFICATION
BY TACTICAL PERCEPTION BY THE IDENTIFIER**

The article reveals problematic issues of presentation for identification of objects and people by touch through tactile perception, by identifying persons who, due to physiological characteristics, diseases of the organs of vision, and other situational factors, do not have the ability to perceive events visually. A brief description of the concept of touch and the essence of psychophysiological tactile discrimination as the ability to distinguish and compare information through the sense of touch is given. The positions of scientists who are both supporters and opponents of this form of identification are analyzed.

Recommendations are offered for the organization and preparation for conducting for recognition by tactile perception. In particular, tactical recommendations for the interrogation of an identifying person are considered, the participation of a specialist during interrogation. Particular attention is paid to checking the ability of the identifying person to objectively and fully perceive and through the touch of particular features of objects.

Key words: forensic tactics, forensic support, investigative action, presentation for identification, tactile perception, mechanoreception, investigative action.

Среди первоочередных задач борьбы с преступностью в современных условиях разработка научно-практических рекомендаций по усовершенствованию тактики проведения отдельных следственных действий является одним из важных элементов криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений.

Механизм совершения любого преступления — это всегда неповторимый комплекс объективных и субъективных условий и процессов, последствия которого в соответствии с законами материалистической диалектики находят свое отображение как в обстановке совершения противоправного деяния, так и в психофизиологических особенностях

восприятия и запечатления значимой доказательственной информации его участников.

Так, в большинстве случаев потерпевшие или свидетели обладают возможностью объективно и достоверно передать органам дознания и предварительного следствия сведения о фактах, которые будут использованы в качестве ориентирующих, и доказательственных данных о признаках внешности преступника или предметах преступного посягательства, которыми завладел правонарушитель.

В судебно-следственной практике при этом имеют место редкие случаи, когда жертвы преступного события — в силу физиологических особенностей органов зрения, применения нападавшим аэрозолей раздражающего действия, недостатка освещения и т. д. — располагали возможностью только воспринимать отдельные события и факты посредством осязания вещей, предметов, частей тела преступника через тактильное восприятие. Кроме того, известны случаи, когда преступники выступали в качестве опознающих лиц, которым предъявлялись орудия или средства совершения преступления.

В данной статье поставлена цель: с одной стороны, показать возможности использования тактильного восприятия как разновидности чувственного восприятия объектов в ходе проведения следственных действий на предварительном следствии, с другой — учитывая достижения криминалистической науки, предложить тактические рекомендации по реализации вынесенных в данной статье положений предъявления с использованием тактильного восприятия.

В настоящий момент вопросы тактики опознавания по морфологическим признакам, разновидности его проведения достаточно изучены как учеными в рамках уголовно-процессуальной науки, так и учеными в области криминалистики, судебной психологии и других наук криминального блока.

Однако проблематика и возможности использования других органов чувственного восприятия для процесса идентификации объектов по мысленному образу не получила такого научного развития ввиду малой изученности корреляционных связей в процессе «нетрадиционного» опознавания путем осязания, слуха и обоняния. Вместе с тем следует отметить, что перспективность их использования в ходе осуществления доказывания по уголовным делам отмечалась отдельными учеными еще во второй половине XX в., например Б. С. Каменским [1, с. 236].

На современном этапе развития криминалистической тактики ученые разделились на тех, кто

придерживается прагматической точки зрения относительно указанных видов познания, среди них Д. А. Бурька, М. Г. Решняк и др. [2, с. 5], и тех, кто допускает возможность их использования в качестве как самостоятельного средства доказывания, так и дополняющего визуальное опознавание (В. Н. Китаева, Н. Н. Китаев, А. Е. Михайлов, А. С. Князьков, О. В. Кругликова, Д. А. Степаненко и др. [3—7]).

Доводы, которые приводит первая группа ученых, достаточно аргументированны и понятны, а именно: крайне сложный процесс организации предъявления для опознавания в таких формах; трудность подбора статистов (предметов), не имеющих резких отличий по признакам, на которые указывает потенциальное опознающее лицо; отсутствие понимания алгоритма и хода проведения следственного действия; небольшое, а в некоторых случаях даже сомнительное доказательственное значение предъявления для опознавания [8, с. 20].

А. Е. Михайлов отчасти соглашается с такой позицией, указывая на слабое тактическое обеспечение, отсутствие современных научно обоснованных рекомендаций, несовершенный и неисследованный понятийный аппарат, несоответствие отдельных положений криминалистической тактики с достижениями в области изучения психологии и физиологии человека, доказавшими возможность объективного отражения материальной действительности имеющимися органами чувств, необходимость изучения вопросов технического обеспечения проведения данного следственного действия. Вместе с тем ученый обосновывает практические потребности и реальные научные возможности использования предъявления объектов материального мира по признакам и свойствам, воспринимаемым органами чувств человека [3, с. 185].

В. Н. Китаева, Н. Н. Китаев убеждены в перспективности использования предъявления объектов для опознавания на основе осязания либо его сочетания с другими видами восприятия. Они приводят примеры ситуаций, в которых лицо воспринимало предмет путем сочетания зрительных ощущений и активного осязания; только путем активного осязания; слабовидящий или слепой воспринимал предмет путем активного осязания [4, с. 32—33].

О. В. Кругликова отмечает, что результаты опознавания напрямую зависят от личностных особенностей опознающего (зрение, слух, осязание, состояние, в котором находился опознающий в момент восприятия, и т. д.) [5, с. 133].

Исходя из приведенной аргументации, нельзя однозначно говорить о состоятельности или несостоятельности организационно-тактического и доказательственного значения проведения опознавания посредством осязательно-тактильных восприятий опознающим, что, на наш взгляд, объясняется малой изученностью данного вопроса. Достаточно важным направлением научного поиска является установление психофизиологических закономерностей, на основе которых возможно делать объективные выводы об отражении материальной действительности в показаниях опознающего лица.

Для понимания сущности и основ указанных психофизиологических процессов следует рассмотреть более детально, что понимается под понятиями «осязание», «тактильное восприятие», «механорецепция» в информационно-справочной литературе.

Большая медицинская энциклопедия содержит определение понятия «осязание» как процесса восприятия действия физических факторов окружающей среды с помощью опорно-двигательного аппарата, рецепторов кожи, основанного на способности различных рецепторов реагировать на прикосновение, давление, растяжение, вибрацию, тепло или холод, а также на болевые раздражители с последующим преобразованием поступающей информации в различных отделах центральной нервной системы [8].

Под тактильным восприятием понимается форма кожно-эпидермической чувствительности, которая в различных условиях приводит нервные окончания в состояние тактильной дискриминации. Последняя, в свою очередь, позволяет различать и сравнивать полученную через осязание информацию, ощущать давление и текстуру объектов, которых они касаются [9].

Основное участие в тактильном восприятии принимает кожный покров. Кожа человека — самый крупный сенсорный орган, сами же тактильные ощущения складываются из двух независимых сенсорных систем — осязающей и эмоциональной механорецепции [10, с. 75]. Наиболее хорошо изучена классическая система механорецепции, оперативно предоставляющая нам широкий спектр тактильных ощущений и позволяющая нам распознавать на ощупь различные характеристики объектов [11, р. 738].

Соответственно, механорецепторами являются специальные чувствительные нервные окончания (рецепторы), приспособленные для восприятия механических раздражений.

В рассматриваемом контексте немаловажным является учет дифференцирования уровня тактильного восприятия лицами, которые не имеют проблем со здоровьем органов зрения, и лицами с врожденными физиологическими патологиями, в том числе приобретенными болезнями органов зрения, основным способом восприятия которых является осязание.

Установлено, что осязание является необходимым компонентом человеческой деятельности, а при утрате зрения компенсирует его познавательные и контролирующие функции. Полное возмещение утраченных функций невозможно, так как, во-первых, кожные и мышечно-суставные ощущения отражают не все признаки предметов, воспринимаемые зрительно, а во-вторых, осязательное поле ограничено зоной действия рук и восприятие протекает более длительно, чем зрительное. Однако осязание дает слепому необходимые знания об окружающем мире и достаточно точно регулирует его взаимодействие со средой. Осязание является одним из основных средств компенсации слепоты [12].

В рамках проводимых психофизиологических исследований, направленных на установление и проверку уровня тактильной дискриминации среди различных групп лиц, было установлено, что у людей с ограниченными возможностями визуального восприятия чувство осязания является доминантным и, как следствие, позволяет детально и объективно отражать не только общие морфологические признаки предметов, но и незначительные деформации и неровности, микрорельефы поверхностей и т. д. [13, с. 57; 14, с. 23].

В контексте указанного предмета исследования отдельными учеными были проведены исследования в отношении среднестатистических граждан, у которых превалирует зрительное восприятие и нет заболеваний (дефектов) органов зрения. В ходе проведения экспериментальных опытов установлено, что у несовершеннолетних в возрасте до 18 лет лучше развита мелкая моторика, в отличие от взрослых лиц, что выражается в способности к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию и успешному выполнению различных видов деятельности. Основной ошибкой при этом является несоответствие общей пропорциональности и точности размера. Главная причина данной ошибки обоснована большим количеством мелких деталей, поскольку восприятие направлено на тактильную дискриминацию всего предмета. Дискриминантная валидизация показала, что измеряемая способность является самостоятельной

характеристикой восприятия, построенной на развитии мелкой моторики руки, при отношении к общему фактору интеллекта [15, с. 122; 16, с. 324].

Из приведенных сведений о сущности и возможностях тактильной дискриминации (восприятия объектов) различными группами лиц следует вывести предположение о том, что в целом проведение сравнительно-дифференцированных исследований допустимо при условии предварительной проверки развитости чувств осязания лица.

Вопросы организации проведения следственных действий по предъявлению лиц или предметов для опознания в форме тактильного восприятия не имеют кардинальных различий в вопросах уголовно-процессуальной регламентации. Кроме того, в ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) предусмотрено опознание ранее наблюдаемых объектов, что вызывает у многих авторов вопрос о необоснованном нивелировании законодателем других возможностей для проведения опознания. В целом считаем правильным поддержать тех ученых, которые предлагают внести дополнения в ст. 193 УПК РФ, связанные с введением термина «воспринимали» [3, с. 182; 4, с. 32], так как это расширит как правоприменительные, так и тактические возможности производства данных форм следственных действий, а также решит проблему безосновательной критики со стороны юристов-позитивистов.

Обязательным на стадии проведения любого опознания должен быть допрос опознающего лица об отличительных признаках предметов или внешности опознаваемого. Не вдаваясь в суть общепринятых тактических рекомендаций проведения допроса перед осуществлением предъявления для опознания объектов по морфологическим признакам, укажем, что в большинстве случаев они являются типичными.

В ходе проведения допроса потерпевшего (свидетеля и т. д.) и получения от него сведений о том, что на момент преступного события он воспринимал интересующие следствие объекты исключительно путем осязания (тактильного восприятия), необходимо: а) выяснить условия обстановки, при которых он воспринимал объект; б) описать общие физические признаки и свойства, по которым он сможет опознать (плотность, материал, рельефность, часть тела, конечность и т. д.); в) отразить психофизиологическое состояние органов восприятия — зрения, слуха, осязания — на момент контакта (объективные и субъективные факторы восприятия); г) предложить детально описать признаки, которые он выделил при тактильном контакте

с объектом, в том числе сделать зарисовку объекта или его частей; д) выяснить уверенность и готовность опознать объекты в ходе производства следственного действия с разъяснением процесса его проведения; е) предложить опознающему лицу провести следственный эксперимент по возможности воспринимать объекты путем тактильного контакта. Это вполне допустимо, поскольку, как уже указывалось ранее, чувствительность пальцев у таких лиц выше, кроме того, чем более тонкую функцию выполняет тот или иной участок кожи, тем большую площадь занимает его проекция в коре головного мозга и, следовательно, выше вероятность объективной передачи через осязание существенных отличительных признаков.

Сразу акцентируем внимание на том, что следственный эксперимент на возможность воспринимать объекты путем тактильного восприятия нельзя отождествлять с тактильным предъявлением для опознания предметов. Во-первых, эксперимент проводится со слабовидящими (слепыми) лицами для проверки их тактильной дискриминации. Во-вторых, в следственном эксперименте опознающему не представляется возможность осязать материальный объект, который будет опознаваться в дальнейшем. В-третьих, в опознании исключены экспериментальные попытки опознавать ранее воспринимавшийся объект с изменением заданных условий. И наконец, результаты следственного эксперимента не должны полагаться в основу принятия решения проведения опознания.

Относительно проведения следственного эксперимента на возможность воспринимать объекты в заданных условиях путем тактильной дискриминации следует отметить, что его задачей является проверка умений и навыков лиц слабовидящих или с дефектами органов зрения.

В качестве рекомендаций для проведения следственного эксперимента могут выступать: а) подготовка эталонных объектов с микрорельефными, структурными неровностями в том количестве, которое позволит объективно оценить возможности проверяемого лица; б) задействование специалиста для помощи в определении признаков и свойств объекта; в) время, отводимое на первичное контактное взаимодействие, не должно превышать 1 минуты; г) после контакта лицо должно озвучить выделенные им в объекте частные признаки; д) через установленный промежуток времени (примерно до 10 минут) провести предъявление ранее воспринятого объекта в числе других — в количестве не менее четырех, по возможности схожих и не имеющих резких отличий; е) исключить

возможность подсказки и помощи сопровождающих лиц и участников следственного эксперимента; ж) зафиксировать результаты с помощью технических средств в протоколе следственного действия.

На подготовительном этапе при проведении опознания путем тактильного восприятия следователь должен: а) провести инструктаж с участниками и разъяснить опознающему порядок и условия производства следственного действия; б) надеть на глаза опознающему повязку для исключения визуального контакта; в) расположить объекты на определенном расстоянии либо отделить их перегородкой, чтобы исключить путаницу в их нумерации; г) уделить особое внимание сопутствующим признакам объектов (если это материальные предметы, то они должны быть одинаковой температуры, недопустимо также наличие на поверхности предметов или других веществ влаги (конденсации), наслоений); д) если это живые лица (трупы) — исключить наличие сопутствующих признаков (очков, головных уборов, нависших на лицо волос и т. д.).

На рабочем этапе следователь предлагает опознающему лицу из трех представленных объектов опознать путем осязания тот, который связан с событием или обстановкой преступления, а после обосновать свой выбор исходя из свойственных ему признаков. Время на проведение данной процедуры не должно быть ограничено. Опознающему следует дать возможность в спокойной обстановке исследовать объекты.

После завершения изучения последнего объекта следователь убеждается в том, что решение, принятое опознающим, обоснованно.

На заключительном этапе следователь составляет протокол с указанием полученных результатов и после окончания процессуального оформления знакомит с его содержанием всех участников следственного действия.

После проведения опознания путем тактильного восприятия живых лиц рекомендуется произвести допрос опознаваемого в целях получения признательных показаний.

Подводя итоги, отметим, что данный вид следственного действия характеризуется повышенным уровнем тактического риска. При рассмотрении вопроса по предъявлению для опознания объектов путем тактильного восприятия вероятность риска не получить истинный результат значительно увеличивается. В каждой конкретной ситуации следователю необходимо принять единственно правильное и взвешенное решение о целесообразности его производства. Вместе с тем следует учитывать большое количество факторов, влияющих на объективность полученных результатов, среди них важная роль отводится изучению особенностей физиологических и психологических качеств опознающего. Данное направление научных исследований является актуальным и перспективным в условиях совершенствования тактических рекомендаций и научно-технических средств обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Много проблемных вопросов в сфере производства отдельных следственных действий, к сожалению, остаются нерешенными, что должно стимулировать к научному поиску современных ученых на получение обоснованных и практически полезных результатов.

---

1. Каменский Б. С. Предъявление для опознания // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1965 год. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1966. 294 с.

2. Бурька Д. А., Решняк М. Г. Предъявление для опознания: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: монография. Москва: Междунар. юрид. ин-т, 2011. 188 с.

3. Михайлов А. Е. Проблемные вопросы допустимости использования нетрадиционных источников получения информации при производстве предъявления для опознания // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4 (9). С. 181—185.

4. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Предъявление для опознания предметов с использованием активного осязания // Следователь. 2009. № 10 (138). С. 32—33.

---

1. Kamensky B. S. Presentation for identification. In: Conference materials on the results of research work for 1965. Sverdlovsk: Sverdlovsk juridical institute; 1966: 294 (in Russian).

2. Buryka D. A., Reshnyak M. G. Presentation for identification: criminal procedure and criminal aspects. Monograph. Moscow: International juridical institute; 2011: 188 (in Russian).

3. Mikhailov A. E. Problem issues of admissibility of using unconventional sources of obtaining information in the production of presentation for identification. Bulletin of the Vladimir law institute, 181—185, 2008 (in Russian).

4. Kitaev N. N., Kitaeva V. N. The presentation for identification of objects using active touch. Investigator, 32—33, 2009 (in Russian).

5. Кругликова О. В. Некоторые аспекты тактики предъявления для опознания // Право и государство: теория и практика. 2020. № 12 (192). С. 133.

6. Князьков А. С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-predyavleniya-dlya-opoznaniya> (дата обращения: 05.05.2021).

7. Степаненко Д. А. Современное состояние и тенденции развития системы принципов предъявления для опознания // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2006. № 5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya-sistemy-printsipov-predyavleniya-dlya-opoznaniya> (дата обращения: 05.05.2021).

8. Осязание // Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е изд., онлайн-версия. URL: <https://бмэ.орг> (дата обращения: 05.05.2021).

9. Тактильные ощущения: что это, понятие и определение термина, особенности // Psychbook.ru: сайт. URL: <https://psychbook.ru/435792a-taktilnyie-oschuscheniya-cto-eto-ponyatie-i-opredelenie-termina-osobennosti> (дата обращения: 05.05.2021).

10. Варламов А. А., Кравченко А. Н., Горбачева А. В., Осадчий М. А. Язык прикосновений: биологические аспекты тактильного восприятия и особенности тактильных коммуникативных сигналов // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 75.

11. McGlone F., Wessberg J., Olausson H. Discriminative and affective touch: Sensing and feeling // Neuron. 2014. № 82 (4). P. 738.

12. Роль осязания в деятельности слепых. URL: <http://www.detsadparus.ru/rol-osyazaniya-v-deyatelnosti-slepyx/> (дата обращения: 05.05.2021).

13. Литвак А. Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 1998. 271 с.

14. Земцова М. И., Соколянский И. А. Особенности восприятия у слепых и компенсация отсутствующего зрения при помощи тифлотехники: сб. ст. Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1957. 320 с.

15. Бельх С. Л., Мильчакова С. И. Способность к воссозданию визуального образа по тактильному восприятию и ее операционализация // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 122.

16. Вартанов А. В., Кузнецов А. С., Лосик Г. В. Тактильное восприятие объектов с вариативной формой // Сенсорные системы. 2008. Т. 22, № 4. С. 324.

5. Kruglikova O. V. Some aspects of the tactics of presentation for identification. Right and state: theory and practice, 133, 2020 (in Russian).

6. Knyaz'kov A. S. Problem issues of presentation for identification. Criminal justice, 2013. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-predyavleniya-dlya-opoznaniya>. Accessed: 5 May 2021 (in Russian).

7. Stepanenko D. A. The current state and trends in the development of the system of prevention principles for identification. Vestnik SUSTA. Series "Law", 2006. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya-sistemy-printsipov-predyavleniya-dlya-opoznaniya>. Accessed: 5 May 2021 (in Russian).

8. Touch. In: Big medical encyclopedia. General ed. B. V. Petrovsky. 3rd ed. Available from: <https://бмэ.орг>. Accessed: 5 May 2021 (in Russian).

9. Tactile sensations: what is this, the concept and definition of the term, features. In: Psychbook.ru. [Site]. Available from: <https://psychbook.ru/435792a-taktilnyie-oschuscheniya-cto-eto-ponyatie-i-opredelenie-termina-osobennosti>. Accessed: 5 May 2021 (in Russian).

10. Varlamov A. A., Kravchenko A. N., Gorbacheva A. V., Osadchij M. A. Touch language: biological aspects of tactile perception and features of tactile communicative signals. Questions of linguistics, 75, 2020 (in Russian).

11. McGlone F., Wessberg J., Olausson H. Discriminative and affective touch: Sensing and feeling. Neuron, 738, 2014 (in English).

12. The role of tanging in the activities of the blind. Available from: <http://www.detsadparus.ru/rol-osyazaniya-v-deyatelnosti-slepyx/>. Accessed: 5 May 2021 (in Russian).

13. Litvak A. G. Psychology of the blind and visually impaired: studies benefit. Saint Petersburg: Publishing house of RSPU; 1998: 271 (in Russian).

14. Zemtsova M. I., Sokolyansky I. A. Features of perception of the blind and compensation of absent vision with the help of typhlotechnics. Collection of articles. Moscow: Publishing house of APN RSFSR; 1957: 320 (in Russian).

15. Belykh S. L., Milchakova S. I. The ability to recreate a visual image on tactile perception and its operationalization. Psychological magazine, 122, 2008 (in Russian).

16. Vartanov A. V., Kuznetsov A. S., Losik G. V. Tactile perception of objects with a variable form. Sensory systems, 324, 2008 (in Russian).

© Сафонов Д. А., 2021

© Safonov D. A., 2021

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сафонов Денис Андреевич,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: safonovda83@mail.ru

Safonov Denis Andreevich,
deputy head of the department
of the criminal process and criminalistics
of the Crimean branch
of the Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia;
candidate of juridical sciences;
e-mail: safonovda83@mail.ru

* * *

УДК 343.125
ББК 67.410.207
doi: 10.25724/VAMVD.WHIJ

В. В. Синкевич

**НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ
О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

События в мире, происходящие на протяжении последних нескольких лет, наглядно показали наличие «правовой пустоты», пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, нерешенных проблем в применении соответствующих норм в условиях чрезвычайных ситуаций. В статье рассматриваются вопросы применения мер процессуального принуждения в условиях чрезвычайного положения к лицам, задержанным по подозрению в совершении преступлений против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства. Анализируется на предмет неоднозначного толкования положение, закрепленное в п. «ж» ст. 13 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», в части продления срока содержания под стражей задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством лиц. В рамках подготовленной автором статьи формулируется и обосновывается вывод о необходимости внесения изменений в нормы, регламентирующие особенности задержания подозреваемого в совершении особо тяжких преступлений при объявлении чрезвычайного положения и установлении предельного срока содержания таких лиц под стражей.

Ключевые слова: подозреваемый, задержание, меры пресечения, меры процессуального принуждения, чрезвычайное положение, обвиняемый, срок содержания под стражей.

V. V. Sinkevich

**AMBIGUITY OF INTERPRETATION OF NORMS
OF APPLYING MEASURES OF PROCEDURAL COERCION
UNDER THE STATE OF EMERGENCY**

The world events that have been taking place for recent years demonstrate the "legal vacuum", certain gaps in the legislation of criminal procedure, and unresolved problems related to application of corresponding norms in emergency situations. The article focuses on the issues of applying measures of procedural coercion under the state of emergency towards individuals detained on suspicion of committing crimes against public security, fundamentals of the constitutional system, and state security. The author analyzes an ambiguously interpreted provision stipulated in Paragraph "zh" of Article 13 of the Federal Constitutional Law "On the state of emergency" regarding the extension of the period of custody of a detainee. Within the framework of the prepared article, the author draws a conclusion about the necessity to amend the norms regulating peculiarities of detention of a person suspected of committing especially grave crimes, when the state of emergency is declared, and determination of the time limit for custody for such individuals.

Key words: suspect, detention, preventive measures, measures of procedural coercion, state of emergency, accused, period of custody.

Коренные изменения политической, экологической, экономической, криминогенной обстановки существенным образом влияют на любую деятельность, наделяя ее соответствующей спецификой. Не является исключением и уголовно-процессуальная деятельность, которую при наличии конкретных условий отличает дифференцированная про-

цессуальная форма, в частности при применении мер процессуального принуждения. Одним из оснований такой дифференциации выступает введение в государстве чрезвычайного положения.

Объявление в Российской Федерации особого правового положения как на всей ее территории, так и в отдельных местностях знаменует введение

правового режима, который, нося временный характер, своей целью являет обеспечение глобальных государственных и общественных интересов. Его специфика находит свое отражение в различных аспектах, в частности в установлении мер и ограничений, действующих во время чрезвычайного положения. Вместе с тем отдельные меры и временные ограничения применимы только при наличии конкретных обстоятельств, послуживших основанием для объявления экстраординарного положения. Если детерминантом подписания Указа о чрезвычайном положении выступили факты, свидетельствующие о подготовке или совершении преступлений против правительственной власти, общественного строя, общественной безопасности, в дополнение к общим мерам, предусмотренным ст. 11 Федерального конституционного закона (ФКЗ) «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ, могут быть применены и те, которые закреплены в ст. 12 названного закона [1]. Так, в п. «ж» этой нормы законодатель предусмотрел право пролонгации задержанному по подозрению в совершении специфичных преступлений срока содержания его под стражей на максимальный, трехмесячный срок.

Конструкция данного положения представляется не вполне однозначной с точки зрения уголовно-процессуального закона, что может повлечь трудности в формировании единой практики применения и, что самое значимое, нарушение конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

О продлении какого именно срока ведет речь законодатель, какой смысл закладывает в понятие «срок содержания под стражей задержанного»? Возможно несколько толкований данного положения:

1) речь идет о сроке свыше 48 часов;

2) или о 45-суточном сроке, в течение которого закон обязывает должностное лицо предъявить обвинение подозреваемому, к которому применено заключение под стражу (при совершении особо тяжких преступлений).

Правовую пустоту следует отметить и в части регламентации механизма продления срока задержания, содержания под стражей в условиях особого правового режима. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) вообще не содержит норм, регулирующих особенности применения мер процессуального принуждения в условиях чрезвычайного положения. В ФКЗ ограничение, изложенное в пункте «ж» ст. 12, — единственное упоминание о специфике такой деятельности, кото-

рая, к слову, влечет существенное воздействие на неотъемлемые главные права человека. Самостоятельное процессуальное действие по продлению срока задержания УПК РФ не предусмотрено, данное решение принимается судом в связи с рассмотрением ходатайства об избрании заключения под стражу. Поэтому если порядок такого продления не регламентируется дополнительно в ФКЗ, то п. «ж» ст. 12 должен содержать отсылочную норму. Интересно, возможно ли дополнительное продление (до трех месяцев) срока задержания в отношении лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, но на период возбуждения перед судом ходатайства об избрании заключения под стражу находящегося уже в статусе обвиняемого?

В России с момента вступления в силу ФКЗ «О чрезвычайном положении» особый правовой режим не вводился. Нормативные правовые акты, действующие в девяностые годы, в период введения чрезвычайного положения не содержали норм, прописывающих особенности продления срока содержания под стражей задержанному лицу. Кроме того, в период действия чрезвычайного положения в 1991—1993 гг. в отношении задержанных по подозрению в совершении преступлений лиц практически незамедлительно принимались решения о заключении их под стражу. В связи с этим практику применения дополнительных ограничений, применяемых при чрезвычайном положении, изучить не представляется возможным.

Судебная же практика по вопросам применения задержания, заключения под стражу по отношению к подозреваемым (обвиняемым) вне особых правовых режимов свидетельствует об отсутствии единого правила употребления процессуальной терминологии. Так, в одном из решений суд указывает: «В ходе следствия ДД.ММ.ГГГГ обвиняемому Афанасьеву П. Г. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении согласно ст. 102 УПК РФ. В то же время с 26 июня по ДД.ММ.ГГГГ он задерживался в порядке ст. 91—92 УПК РФ (48 часов), и затем в соответствии с ч. 7 ст. 108 УПК РФ содержался под стражей (72 часа)» [2]. Таким образом, срок 48 часов обозначен судом как срок задержания, а 72 часа, на которые срок задержания был продлен при решении вопроса об избрании меры пресечения, — сроком содержания под стражей. Считаем, что логически верно понятийно разделять время, на которое лицо было задержано (48 часов), и именовать его сроком задержания и время, предоставленное судом сторонам для

сбора дополнительных материалов. Учитывая, что данный срок (до 72 часов) устанавливается при решении вопроса об избрании заключения под стражу, можно обозначить его как срок содержания под стражей.

Анализ научной литературы свидетельствует о неоднозначности толкования позиции законодателя. Одни процессуалисты говорят о сроке содержания подозреваемого с момента фактического задержания до принятия судом решения о применении заключения под стражу, с точки зрения других — установление трехмесячного срока истекает с момента избрания такой меры пресечения. Некоторые ученые отмечают недопустимость увеличения срока задержания более чем на 72 часа, независимо от применяемого правового режима.

Стоит обратить внимание и на невысокую информативность комментариев к рассматриваемому дополнительному ограничению в различных источниках, при интерпретации авторы ограничиваются констатацией того, что речь идет о сроке задержания, который продлевается до трех месяцев, без аргументаций такого понимания нормы.

С. С. Козлов, обращаясь к ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении», пишет: «Обжалование действий уполномоченных субъектов возможно и по окончании чрезвычайного положения или трехмесячного срока, когда в суд будут представлены материалы для решения в судебном порядке в соответствии со ст. 108 УПК РФ вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу» [3].

В практическом пособии под редакцией В. М. Лебедева относительно п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» говорится, что законодатель имеет в виду именно срок задержания подозреваемого и разрешает его увеличение с 48 часов до 3 месяцев, а также обращает внимание на то, что в качестве обоснования продления срока задержания следует считать установленные Указом Президента ограничения [4]. Думается, не изложенные в Указе Президента дополнительные меры или ограничения будут являться основанием такого продления, а, например, сбор дополнительных доказательств, предоставление дополнительных материалов послужит фактическими основаниями к принятию судом решения о продлении срока задержания.

Есть и противоположные мнения, суть которых сводится к тому, что в описываемой норме говорится не о сроке задержания подозреваемого.

Некоторые процессуалисты считают, что положение п. «ж» ст. 12 стоит применять не только к сроку, на который лицо было задержано. С. А. Гал-

лиев и А. А. Торовков, рассматривая во взаимосвязанном единстве нормы анализируемого федерального конституционного закона и УПК РФ, отмечают двусмысленность контекста и приходят к выводу, что речь идет о продлении двух сроков — срока задержания подозреваемого, срока содержания под стражей, порядок которого регламентирован ст. 109 УПК РФ [5].

Авторы предлагают внести изменения в ФКЗ в части продления срока задержания, предусмотрев возможность его продления судом не более чем на 72 часа, а также в ч. 2 ст. 100 УПК РФ, заключающиеся в установлении максимального 45-суточного срока, по истечении которого в период действия чрезвычайного положения должно быть предъявлено обвинение в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений лицу, в отношении которого избрана мера пресечения.

Однако в ч. 2 ст. 100 УПК РФ уже закреплен срок 45 суток по отношению к тем же преступлениям. Некоторые из них могут быть совершены и вне введенного чрезвычайного положения, и для предъявления обвинения в их совершении может потребоваться значительно больше времени, чем 10 предельных суток, предусмотренных ч. 1 ст. 100 УПК РФ. Дублировать в ФКЗ «О чрезвычайном положении» общий порядок продления срока задержания нецелесообразно, так как в ст. 12 ФКЗ изложены именно дополнительные ограничения, действующие в условиях экстраординарности; кроме общих положений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, должны быть установлены и нормы исключительного характера.

Далее изложено собственное видение толкования п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении», определены возможные проблемы применения и предложены некоторые способы их разрешения посредством законодательного урегулирования.

В пункте «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» законодательная конструкция преимущественно состоит из двух процессуальных понятий: «срок содержания под стражей» и «лицо, задержанное в соответствии с УПК РФ по подозрению в совершении преступления». Именно взаимосвязь этих двух терминов влияет на умозаключение, касающееся предельного трехмесячного срока и его относимости.

УПК РФ в ст. 91—96 устанавливает общий порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления. В отдельных его нормах закреплены и некоторые особенности применения указанной меры процессуального принуждения (ст. 423, 449 УПК РФ). Какой-либо специфики задержания

лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в условиях введенного чрезвычайного положения, как уже было отмечено, УПК РФ не оговаривает. Самостоятельного раздела, посвященного особенностям осуществления уголовно-процессуальной деятельности во время установленных специальных правовых режимов, в законе не содержится.

Задержанное в порядке ст. 91, 92 УПК РФ (по подозрению) лицо приобретает статус подозреваемого, что регламентировано уголовно-процессуальным законом в ст. 46. Таким образом, «лицо, задержанное в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении преступления» — это лицо, задержанное в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, являющееся на этом основании подозреваемым по уголовному делу.

Согласно п. 42 ст. 5 УПК РФ «содержание под стражей — пребывание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом». Иными словами, нахождение лица, задержанного на основании ст. 91, 92 УПК РФ в изоляторе временного содержания или в следственном изоляторе до применения к подозреваемому самой строгой меры пресечения, законодатель определяет как содержание под стражей. И независимо от дальнейшей его судьбы, применения или неприменения к подозреваемому такой меры пресечения, указанное выше время есть срок содержания под стражей.

Таким образом, термин «содержание под стражей» употребляется в законе по отношению к двум участникам уголовного судопроизводства: подозреваемый, обвиняемый. А также по различным основаниям: задержание либо заключение под стражу. Срок содержания под стражей по отношению к подозреваемому ситуационно можно отобразить следующим образом:

1) подозреваемый задержан — с момента фактического задержания до и после избрания заключения под стражу;

2) в отношении подозреваемого (ранее не задержанного в порядке ст. 91 УПК РФ) избрана мера пресечения заключение под стражу — с момента вынесения такого решения судом.

Согласно ст. 5 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «основанием содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении

преступлений, является протокол задержания, составленный в порядке, установленном УПК РФ». А «основанием содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, является судебное решение» [6]. И если бы по отношению к подозреваемому содержание под стражей означало только факт избрания в его отношении заключения под стражу, то основанием для такого содержания являлось бы соответствующее судебное решение.

Таким образом, анализ ФКЗ «О чрезвычайном положении», УПК РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» позволяет полагать, что в п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» в качестве одного из ограничений предусмотрено продление срока задержания максимально до трех месяцев при решении вопроса об избрании по отношению к подозреваемому заключения под стражу. Но не всегда задержанное по подозрению в совершении преступления лицо предстает перед судом при решении вопроса о заключении под стражу в качестве подозреваемого.

В период содержания задержанного лица под стражей его статус способен видоизмениться: например, если ему в течение 48 часов было предъявлено обвинение, то вопрос о применении заключения под стражу будет решаться уже в отношении обвиняемого, и суд также может принять решение о продлении срока задержания на 72 часа для обоснованного и законного разрешения в дальнейшем вопроса об избрании меры пресечения.

Пример из судебной практики наглядно иллюстрирует такую ситуацию.

7 сентября 2020 г. СУ УМВД России по городу Пскову в отношении неустановленного лица возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

В тот же день в 20 ч 00 мин по подозрению в совершении указанного преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ задержан С. 8 сентября 2020 г. С. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Постановлением Псковского городского суда от 9 сентября 2020 г. в отношении обвиняемого С. продлен срок его задержания на 72 ч, т. е. до 13 ч 30 мин 12 сентября 2020 г.

Постановлением этого же суда от 11 сентября 2020 г. обвиняемому С. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 2 месяца 00 суток, т. е. по 6 ноября 2020 г. включительно [7].

Поэтому в случае если задержанному в порядке ст. 91, 92 УПК РФ лицу будет предъявлено обвинение до разрешения вопроса об избрании меры пресечения — заключения под стражу, срок задержания такому обвиняемому тоже можно продлить до 3 месяцев.

В связи с реализацией указа Президента о введении чрезвычайного положения возникает и еще один вопрос. Рассмотрение Советом Федерации указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения должно быть осуществлено в определенный срок — не позднее 72 ч с момента его обнародования. По результатам принимается решение об утверждении указа. То есть указ Президента имеет силу только в случае его утверждения. Каков алгоритм действий в части продления срока содержания задержанным лицам, если 48-часовой срок задержания на исходе, а 72 ч, предусмотренные на утверждение указа, еще не прошли? В таком случае следует продлевать срок задержания в общем порядке или руководствоваться изложенными в указе Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения ограничениями в отношении подозреваемых лиц.

Максимально возможный срок три месяца, который прибавляется к 48 ч, безапелляционно существенное и долговременное ограничение конституционных прав и свобод задержанного лица. Законно ли такое продление? Конституция Российской Федерации, исходя из общемировых правовых принципов, провозглашая основные постулаты реализации прав и свобод граждан, устанавливает положение, согласно которому лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 ч до судебного решения. В связи с этим в уголовно-процессуальном законе закреплена возможность такого продления только судом при решении вопроса об избрании заключения под стражу. По решению же суда возможно продление такого срока и еще на трое суток при избрании залога вместо заключения под стражу и предоставлении соответствующего времени для его внесения. Если при объявлении чрезвычайного положения установленное в указе Президента дополнительное ограничение осуществлять в общем порядке принятия решения о продлении срока задержания, то теоретически, учитывая, что срок свыше 48 ч будет продлен судом, можно говорить о должной реализации принципа законности.

Как иначе действовать законодателю при необходимости продления срока содержания под стражей задержанного по подозрению в совершении

преступлений лица в условиях чрезвычайного положения? Объявленное положение по своей сути экстраординарно. Имманентно это выражается в такой обстановке в стране, которая отличается дестабилизацией общественного порядка, установившихся режимов, оказывает существенное влияние на работу правоохранительных органов, в частности на деятельность и выполнение своих функций органами предварительного расследования прокуратуры, судов; когда работа всей правоохранительной системы может оказаться «замороженной». Вполне возможно, работа судов, органов предварительного расследования, прокуратуры будет не просто затруднена, а прекращена на определенный период времени. Необходимость увеличения сроков предоставления материалов в суд может быть аргументирована и количеством задержанных лиц, в отношении которых решается вопрос о применении заключения под стражу, которых может быть и 10, и 100 человек. В условиях экстраординарности, форс-мажоров приходится выбирать между одним человеком, группой людей и целым государством, обществом страны. Поэтому в случае, если задержано лицо по подозрению в совершении попытки насильственного изменения конституционного строя России, захвата или присвоения власти, вооруженного мятежа, массовых беспорядков, террористических актов и т. д., выбор между тем, чтобы отпустить предполагаемого преступника в случае дефункциональности судов или содержать его под стражей до окончания действия чрезвычайного положения или восстановления нормальной работы органов правоохраны, очевиден. Несмотря на то что права и свободы каждого человека как отдельной личности должны находиться под защитой государства.

На основании изложенного ранее считаем целесообразным в целях приведения нормы в соответствие с критериями формальной определенности, точности, ясности и недвусмысленности, а также установления взаимосвязанного единства с УПК РФ изложить п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» в иной редакции, предусматривающей однозначный вариант толкования и отсутствие герменевтических проблем. В тексте названной нормы употреблять не понятие «задержанный по подозрению», а «подозреваемый», так как именно такой участник известен уголовному судопроизводству, и задержанный по подозрению в совершении преступления гражданин приобретает статус подозреваемого. Кроме того, учитывая, что содержание подозреваемого под стражей — это срок и с момента фактического задержания до избрания заключения под

стражу, и с момента заключения подозреваемого под стражу до предъявления ему обвинения, следует более точно определить срок содержания под стражей подозреваемого, продление которого до трех месяцев может предусматривать указ Президента Российской Федерации: 48 часов или 45 суток. Или указать, что возможно продление обоих сроков: 48-часового срока содержания под стражей до трех месяцев и 45-суточного срока до трех месяцев при недостаточности оснований для предъявления подозреваемому, в отношении которого применено заключение под стражу, обвинения. Если содержание анализируемого дополнительного ограничения имеет отношение только к сроку задержания, то в п. «ж» ст. 12, представляется верным использовать именно это понятие, а не «срок содержания». В части 3 ст. 108 УПК РФ употреблено понятие «срок задержания», судом выносится «постановление о продлении срока задержания», «продление срока задержания допускается на срок не более 72 часов», «в постановлении указывается дата и время, до которых продлевается срок задержания» и т. д.

В связи с этим предпочтительнее иная редакция п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» из следующих предложенных вариантов:

«Продление срока содержания под стражей подозреваемых в совершении преступлений, ука-

занных в пункте „а“ статьи третьей настоящего Федерального конституционного закона, задержанных в порядке ст. 91 УПК РФ либо в отношении которых применено заключение под стражу в порядке ст. 100 УПК РФ, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более, чем на три месяца».

«Продление срока задержания подозреваемым в совершении преступлений, указанных в пункте „а“ статьи третьей настоящего Федерального конституционного закона, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца».

Кроме того, считаем целесообразным закрепить особенности применения отдельных мер процессуального принуждения в условиях чрезвычайного положения в УПК РФ.

В настоящей статье обосновывается важность, актуальность и проблемность института задержания в уголовном судопроизводстве. Бесспорно, что разночтения закона при производстве процессуальных действий, направленных на ограничение конституционных прав, и тем более в условиях чрезвычайных ситуаций, когда любая деятельность и так заторможена, разрознена, затруднена различными факторами, — недопустимы.

---

1. О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Приговор № 1-96/2016 от 9 декабря 2016 г. по делу № 1-96/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1gsrsURNrMW4> (дата обращения: 15.06.2021).

3. Козлов С. С. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Галиев С. А., Торков А. А. Проблемы правового регулирования содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких пре-

---

1. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ on 30 May 2001 (as amended on 3 July 2016). "On the state of emergency". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Judgment No. 1-96/2016 on 9 December 2016 on the case No. 1-96/2016. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/1gsrsURNrMW4>. Accessed: 15 June 2021 (in Russian).

3. Kozlov S. S. Commentary to the Federal Constitutional Law No. 3-FKZ on 30 May 2001. "On the state of emergency" (article-by-article). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Davydov V. A., Doroshkov V. V., Kolokolov N. A. (et al.) The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Practical guide. In 2 parts. Part 2. Ed. by V. M. Lebedev. 7th ed., updated and revised. Moscow: Yurait; 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Galiev S. A., Torovkov A. A. Problems of legal regulation of holding individuals detained on suspicion of committing acts of terrorism and other especially

ступлений в период чрезвычайного положения // Вестник экономической безопасности. 2020; 5: 151—156.

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 26.05.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное постановление № 22-787/2020 22К-787/2020 от 27 ноября 2020 г. по делу № 3/2-334/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/656aEx6YnnZZ/?regular-txt> (дата обращения: 15. 06.2021).

© Синкевич В. В., 2021

Синкевич Вероника Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

grave crimes under the state of emergency in custody. Vestnik of Economic Security. 2020; 5: 151—156.

6. Federal Law No. 103-FZ on 15 July 1995 (as amended on 26.05.2021). "On holding individuals suspected and accused of committing crimes in custody". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

7. Appellate ruling No. 22-787/2020 22K-787/2020 on 27 November 2020 on the case No. 3/2-334/2020. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/656aEx6YnnZZ/?regular-txt>. Accessed: 15 June 2021 (in Russian).

© Sinkevich V. V., 2021

Sinkevich Veronika Viktorovna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.123
ББК 67.410.211
doi: 10.25724/VAMVD.WIJK

К. А. Трифонова

**ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
В ОТНОШЕНИИ УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО
ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО**

В статье рассмотрены проблемные вопросы нормативной регламентации деятельности уполномоченного должностного лица при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого. Анализируется субъектный состав возникающих правоотношений. Отмечаются сложности правоприменения ввиду отсутствия регламентации правового статуса умершего лица, которому еще не был придан соответствующий процессуальный статус, но собранными доказательствами уже установлена его причастность к совершению преступления, а также правового статуса его близких родственников, мнение которых учитывается при принятии решения в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Исследуется цель досудебного производства в отношении умершего подозреваемого или обвиняемого, порядок и оформление ряда следственных и процессуальных действий сквозь призму необходимости определения правового положения представителя умершего лица. Отмечается, что данный вид досудебной деятельности органа расследования представляет собой особое производство, характеризующееся переходом некоторых прав умершего лица его близким родственникам и спецификой ряда процессуальных действий при продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего лица.

Ключевые слова: смерть подозреваемого или обвиняемого, подозрение в совершении преступления, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела, реабилитация, близкие родственники.

Ch. A. Trifonova

**PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE
AGAINST A DECEASED SUSPECTED OR ACCUSED PERSON**

The article deals with the problematic issues of normative regulation of the activities of an authorized official when deciding to refuse to initiate a criminal case or terminate a criminal case (criminal prosecution) in connection with the death of a suspect or accused person. The parties of the arising legal relations is analyzed. The difficulties of law enforcement are noted, in view of the lack of regulation of the legal status of a deceased person who has not yet been given the appropriate procedural status, but his involvement in the commission of a crime has already been established by the collected evidence, as well as the legal status of his close relatives, whose opinion is taken into account when making a decision in the order of para. 4 of part 1 of article 24 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The purpose of pre-trial proceedings in relation to a deceased suspect or accused, the order and execution of a series of investigative and procedural actions, through the prism of the need to determine the legal status of a representative of a deceased person, is investigated. It is noted that this type of pre-trial activity of the investigating body is a special procedure, characterized by the transfer of certain rights of the deceased person to his close relatives and the specifics of a series of procedural actions when continuing the criminal proceedings with the aim of possible rehabilitation of the deceased person.

Key words: death of a suspect or accused person, suspicion of a crime, refusal to initiate a criminal case, termination of a criminal case, rehabilitation, close relatives.

Нормативная регламентация уголовно-процессуальных отношений, юридическим фактом возникновения которых выступает смерть подозреваемого или обвиняемого, представлена в п. 4 ч. 1 ст. 24, п. 2. ч. 1 ст. 27 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Буквальный анализ законодательных установлений при первоначальном прочтении позволяет сделать вывод о недостаточности правового регулирования, что порождает в практической деятельности отсутствие единообразной практики применения указанных норм.

С целью выяснения пробелов законодательного регулирования рассмотрим уголовно-процессуальные отношения, возникающие при производстве по уголовному делу, вызванному смертью лица, совершившего преступление. С позиции теории права определено, что уголовно-процессуальные правоотношения связаны с реализацией прав и обязанностей любыми участниками производства по уголовному делу с целью защиты своих законных интересов. Уголовно-процессуальные отношения разнообразны, возникают на различных этапах производства по уголовному делу, складываются по поводу различных ситуаций, но отправной точкой правоотношений в любом случае выступают установленный органом расследования факт совершения преступления и начало осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в том числе избрание лица, совершившего преступление, т. е. осуществление следователем или дознавателем (далее — субъектом расследования) уголовного преследования. Обязательными элементами данных правоотношений являются взаимообусловленные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношения, которые в совокупности определяют их содержание. Без должного нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности могут возникать проблемы при взаимодействии участников правоотношений.

Итак, изначально неопределенность возникает после буквального толкования требования п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. когда речь идет об отказе в возбуждении уголовного дела и еще не произошло документального оформления уголовно-процессуального статуса лица, совершившего преступление. Смерть лица, причастного к совершению преступления, в ходе досудебного производства может наступить как на этапе процессуальной проверки, так и после возбуждения уголовного дела. В то же время процессуальный статус «подозреваемый» на этапе процессуальной проверки лицо приобре-

сти не может в силу уголовно-процессуальной «точки отсчета» приобретения такого статуса. После возбуждения уголовного дела лицо могло находиться в статусе подозреваемого либо обвиняемого. Однако также возможны ситуации, когда дело возбуждено по факту, но в отношении конкретного лица осуществлялись проверочные действия. Например, такое лицо написало явку с повинной и давало объяснение, его опознал потерпевший как лицо, совершившее преступные действия, в отношении него осуществлялся особый порядок производства по уголовному делу, установленный гл. 52 УПК РФ. В таких случаях речь идет фактически о «заподозренном» лице, когда первичное подозрение уже сформировано. Легализация факта существования подобного участника неоднократно поднималась в научных кругах, особенно после расширения круга проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 19], обсуждался в научных дискуссиях момент фактического задержания лица, когда уголовное дело еще не возбуждено, но уже произведен захват на месте совершения преступления [2, с. 1477]. Существует и противоположная позиция, что уголовно-процессуальные отношения на этой стадии не возникают ввиду отсутствия процессуально урегулированного статуса умершего лица [3, с. 12].

В призма принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ разрешение проблемы однозначного наименования «заподозренного» лица весьма актуально. Солидаризируясь с мнением И. В. Смольковой об отсутствии необходимости введения новых участников [4, с. 77], отметим, что фактически законодатель сформулировал наименование такого участника в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ: «Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) подчеркивает конституционно-правовой смысл и широкую трактовку понятия «подозреваемый» [5], а в контексте проверки конституционности рассматриваемых выше норм говорит лишь о «лице, привлекавшемся к участию в уголовном судопроизводстве ввиду выдвижения против него подозрения или обвинения» [6], т. е. органы предварительного расследования, констатировав совершение деяния конкретным лицом, прекратили доказывание его виновности, но с данного лица не сняли подозрение или обвинение. Решающим при этом является факт начала уголовного преследования, т. е. осуществление в отношении лица обвинительной деятельности, а не фактическое положение лица в статусе

подозреваемого или обвиняемого. Схожая позиция прослеживается в решениях Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ). Так, рассматривая административное дело, суд пришел к выводу, что со дня вручения копии представления о даче согласия на привлечение судьи в качестве обвиняемого последний фактически стал подозреваемым по уголовному делу [7].

В отклоненном Государственной Думой Российской Федерации в 2018 г. проекте федерального закона [8], разработанного в соответствии с предписаниями постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П, был определен статус лица в обозначенных выше ситуациях — «лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности». В уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья в подобной ситуации, когда установлены достаточные данные о совершении конкретным лицом преступления, но в отношении которого уголовное дело не возбуждалось и оно умерло, уголовно-процессуальный статус лица нормативно закреплён (п. 12.1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь; ч. 5 ст. 78 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан).

Несмотря на указанные ранее различные предложения отечественных ученых-процессуалистов о легализации факта существования «заподозренного» лица, практическим сотрудникам приходится принимать решения в условиях отсутствия надлежащего правового регулирования.

Представим две модели действий правоприменителя при принятии решения в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Если смерть лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, наступила до принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, то возможно использование формулировки в резолютивной части документа с указанием только анкетных данных умершего; если же производство по уголовному делу будет продолжено с целью реабилитации умершего, то уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица, смерть которого наступила. В случае наступления смерти «заподозренного» лица при производстве по уголовному делу, возбужденному по факту (ранее приводились примеры таких следственных ситуаций), должностное лицо должно оценить полученные доказательства виновности умершего лица в совершении преступления и принять решение в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ также без придания лицу соответствующего статуса. Иного реше-

ния принять невозможно, так как приостановление производства по уголовному делу по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в такой следственной ситуации необоснованно. Таким образом, так называемый перевод умершего лица в иной статус — условно назовем его «подозреваемый или обвиняемый» — возможен только в случае продолжения производства по уголовному делу. Однако такой перевод специфичен и может быть обусловлен только передачей уголовного дела в суд, о чем речь пойдет далее.

Проанализируем субъектный состав данных правоотношений. С одной стороны, это властные субъекты, наделенные полномочиями по осуществлению производства по уголовному делу. С другой — это некий круг субъектов, выступающих на стороне умершего, мнение которых надлежит выяснить в связи с принимаемым решением в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Умершее лицо лишено возможности инициировать реабилитацию как в силу объективных причин, так и в силу норм ст. 133 УПК РФ, не предусматривающих такого основания реабилитации. Уяснение конкретных участников данного круга субъектов имеет важное практическое значение не только при прекращении производства по уголовному делу, но и в случае его продолжения (независимо от стадии, на которой принимается решение). Участие данных лиц должно быть обличено в соответствующую уголовно-процессуальную форму.

Выборочное изучение судебной практики позволило констатировать негативные последствия указанного правового пробела в виде отсутствия единообразия в наименовании представителя умершего, участия его без придания какого-либо статуса, выяснения позиции только защитника, оказывающего обвиняемому юридическую помощь во время предварительного следствия при жизни последнего [9; 10]. Наиболее сложная ситуация возникает, когда у умершего лица нет близких родственников.

КС РФ в ряде постановлений предлагает выяснять мнение таких заинтересованных лиц и частично перечисляет их состав. В частности, в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П [6] суд, не конкретизируя этот список, говорит о близких родственниках и других заинтересованных лицах умершего подозреваемого или обвиняемого в контексте их возражения против прекращения производства и предоставления им прав по аналогии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ; в определении от 6 марта 2013 г. № 354-О также речь идет о близких родственниках и других заинтересованных лицах, при этом отмечается равенство законных интересов как при принятии

решения об отказе в возбуждении уголовного дела, так и при прекращении уголовного дела; в определении от 10 марта 2016 г. № 456-О высшей судебной инстанцией была определена так называемая «презумпция согласия близких родственников» на момент принимаемого решения, т. е. отсутствие возражения заинтересованных лиц при наличии согласия одного из близких родственников на прекращение производства. Для органа расследования это фактически означает необходимость предпринять меры для установления всех участников такого круга заинтересованных лиц с целью предоставления им возможности выразить свое мнение, исключить конфликт позиций и сохранить баланс законных интересов до принятия решения в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В определении КС РФ от 29 сентября 2020 г. № 1944-О упоминается о выяснении мнения только близких родственников. Как видно, КС РФ расширительно подходит к субъектному составу данных заинтересованных лиц. Хотя в п. 1.12 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» указывается о необходимости выяснения мнения только близких родственников. Отметим, что вышеуказанный проект федерального закона предполагал выяснять мнение не только близкого родственника, но и родственника или близкого лица либо их законных представителей. Конечно, такой обширный список увеличивает процессуальные затраты субъекта расследования, но в то же время аналогичен списку лиц в случае смерти потерпевшего с учетом приоритетности каждой категории лиц. В связи с этим в условиях отсутствия должного правового регулирования считаем обоснованным применить схожие нормы, а именно ч. 8 ст. 42 УПК РФ, что в то же время не должно означать приобретение представителем статуса подозреваемого или обвиняемого и перехода личных прав умершего. Вместе с тем преимущественное право определить, кто именно будет представлять интересы умершего лица, должно принадлежать самим заинтересованным лицам.

На стадии возбуждения уголовного дела также недопустимо принятие данного решения без предоставления права близким родственникам, родственникам или близким лицам добиваться возможной реабилитации умершего. Обязанность выяснения мнения широкого круга каждой категории заинтересованных лиц позволяет говорить о реальности данных правоотношений, несмотря на отсут-

ствие их надлежащего нормативного регулирования. Игнорирование же необходимости выяснять мнение этих лиц влечет в дальнейшем отмену принятого решения. Для того чтобы реализовать свое право близкому родственнику, родственнику или близкому лицу либо их законным представителям (далее близкие родственники и иные заинтересованные лица) субъекту расследования надлежит предпринять действия к их установлению и затем разъяснению этого права. Приоритетность очередности предполагается такая: близкие родственники, в случае их отсутствия родственники, и далее — близкие лица (например, гражданский супруг, близкий друг). Однако не стоит доводить данную деятельность до абсурда; как справедливо замечает О. В. Шипунова, приоритет уведомления и принятия решения должен быть у близких родственников, а при их отсутствии — у других родственников, а также близких лиц [14, с. 193]. В то же время при наличии близких родственников и их согласия на прекращение уголовного дела иные заинтересованные лица (родственники и близкие лица) не могут быть лишены права обжаловать данное решение.

Проанализированная проблематика правового положения умершего лица и его правопреемников в лице близких родственников и иных заинтересованных лиц позволяет отметить особый характер возникающих уголовно-процессуальных отношений, а значит, и специфику производства по уголовному делу в целях реабилитации умершего лица, о котором уже не раз упоминалось в ряде исследований [15, с. 10; 16, с. 132].

Данный вид досудебной деятельности органа расследования представляет собой особое производство (фактически заочное, без участия лица, совершившего преступление), характеризующееся переходом некоторых процессуальных прав умершего лица его близким родственникам либо иным заинтересованным лицам, и спецификой ряда процессуальных действий при продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего лица. Инициатива продолжения производства исходит от близких родственников и иных заинтересованных лиц и не может игнорироваться субъектом расследования. Если же получено недостаточно доказательств виновности умершего лица, то отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение, в том числе преследование, по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ недопустимы. Таким образом, продолжение расследования зависит от воли стороны защиты в лице правопреемника умершего лица.

Несмотря на смерть лица, совершившего преступление, расследование должно быть проведено полно и всесторонне — это основной ориентир в деятельности субъекта расследования. Для близкого родственника цель производства — это реабилитация в ее широком понимании: защита памяти умершего и сохранение к нему достойного уважения в контексте возможной непричастности его к совершению преступления (представляемый интерес), а также снятие возможных ограничений своих конституционных прав в будущем (личный интерес) [17, с. 49]. Кроме того, возможна компенсация имущественного и морального вреда в денежном выражении [18, с. 122].

Отметим, что, например, по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (УПК РК) основаниями продолжения уголовного преследования являются: расследование дела в отношении других лиц, установление имущества, добытого незаконным путем, денежных средств и иных ценностей, подлежащих конфискации, обеспечивающих возмещение причиненного вреда (п. 11 ч. 1 ст. 35 УПК РК). Несмотря на то что УПК РФ не содержит упоминания о таких основаниях, указанное не должно игнорироваться органом расследования. Это вытекает из общих правил продолжения производства по уголовному делу, например в случае совершения преступления группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем в итоговом обвинительном документе досудебной стадии умерший соучастник указывается без обозначения анкетных данных, но с указанием, что преступление совершено в соучастии с ним, и основания прекращения уголовного преследования. Такая формулировка соответствует п. 24 постановления Пленума ВС РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 г. № 55. Кроме того, смерть подозреваемого или обвиняемого не означает незамедлительного вынесения следователем или дознавателем решения о прекращении уголовного дела, так как в течение процессуальных сроков следует установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые затем найдут отражение в итоговом процессуальном документе досудебного производства.

Особенности производства по уголовному делу обусловлены физическим отсутствием такого участника, несмотря на то что в суде дело будет рассматриваться в общем порядке с выяснением степени вины (или невиновности) умершего лица. Хотя процессуальное правопреемство не означает замены умершего подозреваемого или обвиняемого, оно в то же время влияет на производство некоторых процессуальных действий.

Смоделируем такие следственные ситуации. После наступления смерти (следует исходить из того, что на данном этапе факт смерти подтвержден документально) подозреваемого, обвиняемого или лица, причастность которого к совершению преступления подтверждается ранее собранными доказательствами, субъект расследования предпринимает меры к установлению близких родственников и иных заинтересованных лиц умершего в порядке приоритетности данных лиц. Установив местонахождение таких субъектов, надлежит письменно уведомить их о принимаемом решении с разъяснением возможности выразить несогласие с решением о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также обязать их явкой в орган расследования. Целесообразный срок для принятия заинтересованными лицами решения не установлен УПК РФ. Возможно предположить, что он может составлять не более 10 суток (такого же срока будет достаточно, если потребуется выполнение данных процессуальных действий путем направления письменного поручения в связи с проживанием близкого родственника или иного заинтересованного лица в другом субъекте). В материалах уголовного дела эта деятельность должна подтверждаться документально: направление запросов в миграционные подразделения, территориальные отделы записи актов гражданского состояния, городские архивы, допросы свидетелей и т. д. В противном случае (например, если согласие будет получено от гражданского супруга) можно констатировать факт игнорирования необходимости выяснить мнение близкого родственника органом расследования.

Далее деятельность субъекта расследования может развиваться в двух направлениях. При получении письменного согласия близкого родственника, например, в виде отдельного документа или в ходе допроса, и отсутствии возражений иных заинтересованных лиц на прекращение производства по уголовному делу в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, выносится постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по указанному нереабилитирующему основанию. О принятом решении письменно уведомляются ранее установленные близкие родственники либо иные заинтересованные лица. Анализ собранных по уголовному делу доказательств вины отражается в постановлении о прекращении уголовного дела в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Суть этого документа схожа с процессуальными документами, в которых формулируется обвинительный тезис, иначе принятие такого решения в отношении

конкретного лица было бы невозможным. Происходит констатация факта, что преступление совершено именно умершим лицом, но его уголовное преследование невозможно по объективным причинам.

Вне зависимости от сложившейся ситуации, согласия или возражения по поводу принимаемого решения близкого родственника или иного заинтересованного лица нужно допросить в качестве свидетеля. Содержание допроса может быть следующим: что известно допрашиваемому о совершенном преступлении, его отношении к обвинению или подозрению, личности умершего, а также мотивы несогласия с решением о прекращении уголовного дела. При продолжении производства по уголовному делу необходимо вынести постановление о допуске близкого родственника или иного заинтересованного лица к участию в уголовном деле в качестве представителя умершего лица. Такое лицо вправе знакомиться с протоколами следственных и процессуальных действий, ранее проведенных с участием умершего лица.

Не менее важным и обязательным участником в таком производстве является защитник. Со смертью лица деятельность последнего не прекращается, так как он «фактически остается единственным участником со стороны защиты, в этих условиях именно на нем лежит обязанность обеспечить законность, обоснованность и справедливость вынесенного решения» [19, с. 23].

Как уже указывалось, смерть лица может наступить до придания ему статуса подозреваемого или обвиняемого. Традиционным документом предварительного следствия, в котором первоначально формулируется обвинительный тезис, является постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, выносимое, когда собраны достаточные доказательства для обвинения лица в совершении преступления. Для рассматриваемого вида производства вынесение такого процессуального документа в отношении умершего лица, как отмечается в науке [20, с. 39], не соответствует не только нормам закона, но и нравственным началам. Хотя нормы УПК РФ, позиция КС РФ свидетельствуют, что такое уголовное дело передается в суд для рассмотрения в общем порядке, но в суде по итогам рассмотрения уголовного дела может быть принято только два вида решений. Суд, придя к выводу о невиновности умершего лица, выносит оправдательный приговор либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекращает уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ. В обозначенных

случаях умершее лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности. Вынесение такого процессуального документа на данном этапе теряет юридический смысл. Фиксация нового статуса невозможна, со смертью лица прекращается его правосубъектность. Подобная деятельность следователя по привлечению умершего лица в качестве обвиняемого, допускаемая в практической деятельности, усеченная, так как отсутствует ее неотъемлемый элемент — нет допроса обвиняемого по существу предъявленного обвинения и некому выразить отношение к предъявленному обвинению. Предъявление обвинения невозможно. Ознакомление представителя умершего лица с обвинением будет произведено в дальнейшем при ознакомлении с материалами уголовного дела и удостоверено вручением копии итогового процессуального документа досудебного производства. Позиция представителя относительно уголовного преследования в отношении близкого ему лица уже была обозначена, так как он не согласился с прекращением уголовного преследования и потребовал продолжения производства для реабилитации.

Смерть лица — подозреваемого, обвиняемого или лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, — это критическая точка. В рамках процессуальных сроков все совершаемые следственные и процессуальные действия, которые тем или иным образом касаются умершего, усеченные, в связи с невозможностью участия последнего в них и вступлением в дело его представителя.

Таким образом, сформулированный обвинительный тезис, если субъектом расследования к этому моменту не представилось возможным принять реабилитирующее решение, должен отражаться в итоговом процессуальном документе досудебного производства. Однако рассматриваемый вид процессуальной деятельности следователя сложно совместить с действующими нормами, регулирующими завершающий этап расследования с составлением обвинительного заключения (акта). Более логичным представляется составление, например, постановления о направлении уголовного дела в суд в отношении умершего лица. Сформулированный обвинительный тезис будет являться предметом рассмотрения в суде (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). Вынесение такого постановления фактически будет означать перевод лица в статус обвиняемого, если до этого момента такового не произошло. Конечно, такая возможная модель окончания производства в отношении умершего лица может быть представлена только в теоретическом

плане, так как вопрос о наделении умершего лица статусом обвиняемого дискуссионный. Производство по такой категории уголовных дел в сокращенной форме дознания недопустимо, поэтому ст. 226.2 УПК РФ должна быть дополнена нормой о том, что смерть подозреваемого является обстоятельством, исключающим производство дознания в сокращенной форме.

Кроме того, проанализированная проблематика досудебного производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого позволила выделить ключевые моменты, требующие нормативного разрешения. Так, следует проработать процессуальный статус лица, в отношении которого установлены достаточные данные о совершении преступления, но уголовное дело не возбуждалось, либо ему не придавался

процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого до его смерти, а также процессуальный статус близких родственников, родственников или близких лиц, приоритетность выяснения их мнения в связи с принимаемым решением в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Объем прав представителя должен быть схожим с объемом прав обвиняемого, за исключением личных прав. Особый характер производства по уголовному делу ввиду смерти лица, виновность которого в совершении преступления доказана на стадии предварительного расследования, и участие в дальнейшем производстве по уголовному делу его близких родственников и иных заинтересованных лиц требует применения специальных правил при формулировании обвинительного тезиса, а также на окончательном этапе расследования.

---

1. Обидина Л. Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 1. С. 17—21.

2. Сопнева Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1474—1479.

3. Волынская О. В., Грашичева О. Н. Проблема разграничения основания отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 17. С. 11—14.

4. Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3. С. 70—77.

5. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

---

1. Obidina L. B. Some issues of ensuring the rights of participants in the pre-investigation check. Russian investigator, 17—21, 2016 (in Russian).

2. Sopneva E. V. Suspected as a way of expressing suspicion. Actual problems of Russian law, 1474—1479, 2014 (in Russian).

3. Volynskaya O. V., Grashicheva O. N. The problem of differentiating the grounds for refusing to initiate a criminal case and its termination in accordance with paragraph 4 of Part 1 of Art. 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Russian investigator, 11—14, 2017 (in Russian).

4. Smolkova I. V. Is the "Suspect" figure needed in criminal proceedings? Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 70—77, 2019 (in Russian).

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P on 27 June 2000. "In the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the bill of complaint of citizen V. I. Maslova". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P on 14 July 2011. "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of part 1 of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the bills of complaint of citizens S. I. Alexandrina and Yu. F. Vaschenko". Available

7. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № АПЛ17-385. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14112017-n-apl17-385/> (дата обращения: 01.08.2021).

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности): законопроект № 180771-6 // СОЗД: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6> (дата обращения: 14.08.2021).

9. Анализ практики прекращения уголовных дел Советского районного суда г. Орска. URL: <https://orsks12.kodms.ru/press/analiz-praktiki-prekrasneniya-ugolovnyh-del/> (дата обращения: 12.08.2021).

10. Апелляционное постановление № 22-881/2017 от 1 июня 2017 г. по делу № 22-881/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TDWTwJvkCHdW/> (дата обращения: 12.08.2021).

11. По жалобе гражданки Тришкиной Татьяны Петровны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2013 № 354-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision126897.pdf> (дата обращения: 13.08.2021).

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 г. № 456-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision228376.pdf> (дата обращения: 13.08.2021).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Жиделева Дмитрия Константиновича и Кожевникова Юрия Ивановича на нарушение их конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 1944-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision497485.pdf> (дата обращения: 13.08.2021).

14. Шипунова О. В. Смерть лица, совершившего преступление, как основание отказа в возбуждении уголовного дела // Юридическая

from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

7. The ruling on appeal of the Board of Appeals of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL17-385 on 14 November 2017. Available from: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14112017-n-apl17-385/>. Accessed: 1 August 2021 (in Russian).

8. Bill No. 180771-6 "On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of clarifying the procedure for criminal proceedings in the event of the death of the accused, the suspect, the person subject to criminal prosecution)". In: SOZD. Website. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6>. Accessed: 14 August 2021 (in Russian).

9. Analysis of the practice of termination of criminal cases of the Sovetsky District Court of Orsk. Available from: <https://orsks12.kodms.ru/press/analiz-praktiki-prekrasneniya-ugolovnyh-del/>. Accessed: 12 August 2021 (in Russian).

10. Decree of appeal No. 22-881/2017 on 1 June 2017 in case No. 22-881/2017. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/TDWTwJvkCHdW/>. Accessed: 12 August 2021 (in Russian).

11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 354-O on 6 March 2013. "On the bill of complaint of citizen Tatyana Petrovna Trishkina about violation of her constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of part one of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision126897.pdf>. Accessed: 13 August 2021 (in Russian).

12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 456-O on 10 March 2016. "On the refusal to accept for processing of a complaint of citizen Andrey Valentinovich Zakharov on violation of his constitutional rights by paragraph 4 of part one of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision228376.pdf>. Accessed: 13 August 2021 (in Russian).

13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1944-O on 29 September 2020. "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Zhidelev Dmitry Konstantinovich and Kozhevnikov Yuri Ivanovich on violation of their constitutional rights by paragraph 4 of part one of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from:

наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 189—195.

15. Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самарский университет, 2018. 22 с.

16. Патрушева А. А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 257 с.

17. Богданович Н. А. Право умершего подозреваемого (обвиняемого) и его представителей на реабилитацию: законодательные и нравственные аспекты // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 48—53.

18. Мещерякова Ю. О. Реабилитация как цель производства по уголовному делу в отношении умершего // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 1. С. 118—124.

19. Лазарева В. А., Мещерякова Ю. О. Если умер подсудимый // Мировой судья. 2019. № 10. С. 21—26.

20. Хитрова О. В. Производство по уголовному делу в целях реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого: проблемы правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36). С. 36—40.

© Трифонова К. А., 2021

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision497485.pdf>. Accessed: 13 August 2021 (in Russian).

14. Shipunova O. V. Death of a crime committer as a basis for refusing to initiate a criminal case. Legal Science and Law Enforcement Practice, 189—195, 2015 (in Russian).

15. Meshcheryakova Yu. O. Proceedings in the criminal case against the deceased. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Samara: Samara University; 2018: 22 (in Russian).

16. Patrusheva A. A. Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2020: 257 (in Russian).

17. Bogdanovich N. A. The right of the deceased suspect (accused) and his representatives to rehabilitation: legislative and moral aspects. Judicial power and criminal procedure, 48—53, 2019 (in Russian).

18. Meshcheryakova Yu. O. Rehabilitation as the goal of criminal proceedings against the deceased. Legal Bulletin of Samara University, 118—124, 2018 (in Russian).

19. Lazareva V. A., Meshcheryakova Yu. O. If the defendant died. Justice of the Peace, 21—26, 2019 (in Russian).

20. Khitrova O. V. Proceedings in a criminal case for the rehabilitation of a deceased suspect or accused: problems of legal regulation. Writings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 36—40, 2015 (in Russian).

© Trifonova Ch. A., 2021

Трифонова Кристина Алексеевна,
доцент кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному расследованию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

Trifonova Christina Alexeevna,
associate professor at the Department
of preliminary investigation of the training
and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: trifonova1102@mail.ru

* * *

УДК 343.12(410.1)
ББК 67.410.201(4Вел)
doi: 10.25724/VAMVD.WJKL

А. Ю. Чурикова, М. А. Лавнов

**ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА¹**

Исследование зарубежного опыта правового регулирования деятельности прокурора в уголовном процессе, его научное осмысление способствуют оптимизации совершенствования российского законодательства. В статье с использованием методов правового моделирования, анализа и сравнительного правоведения осуществляется комплексное исследование особенностей правовой регламентации деятельности органов прокуратуры в Англии и Уэльсе. Выделяются основополагающие начала организации участия прокуратуры в уголовном судопроизводстве. Анализируется нормативная основа построения английской модели деятельности прокурора при производстве по уголовным делам. Затрагиваются проблемы обеспечения права на доступ к правосудию. Формулируется представление о роли и месте Королевской прокуратуры в системе уголовной юстиции. Особое внимание уделяется анализу принципов деятельности Королевской прокурорской службы Англии и Уэльса. Характер данных принципов свидетельствует о конвергенции состязательных и инквизиционных типов уголовного судопроизводства в правовом регулировании английского уголовного процесса. Подчеркивается значение принципа усмотрения (дискреции) в деятельности прокурора, а также анализируется его взаимосвязь с принципами независимости, справедливости, беспристрастности и объективности. Рассмотрены все этапы осуществления прокурорами уголовного преследования и стандарты доказывания при проверке прокурором уголовного дела. Отдельное внимание уделяется исследованию взаимоотношений прокуроров с полицией, способов их взаимодействия. Проанализированы возможности прокуратуры прекратить уголовное дело, рассмотрены все шесть вариаций принятия прокурорами такого решения. По итогам исследования были выделены перспективные с точки зрения заимствования положения: обеспечение прокурором общественных интересов; целесообразность уголовного преследования; расширение возможностей применения прокурором альтернатив уголовному преследованию; возможность официального консультирования органов расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс зарубежных стран, сравнительное правоведение, принципы деятельности прокурора, уголовное преследование, независимость, беспристрастность, справедливость, целесообразность, дискреционные полномочия.

A. Yu. Churikova, M. A. Lavnov

**LEGAL MODEL OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY
IN ENGLAND AND WALES: GENERAL CHARACTERISTICS**

The examination of the foreign experience of the legal regulation of the prosecutor's activities in the criminal proceedings as well as its scientific understanding promotes optimization of improvement of the Russian legislation. The given article deals with a comprehensive study of the features of the legal regulation of the prosecutor's office activities in England and Wales using the methods of legal modeling, analysis and comparative jurisprudence. The authors of the article point out the fundamental principles of organizing participation of the prosecutor's office in the criminal proceedings. The authors of the article analyze the normative basis to form the English model of the prosecutor's activity in the criminal proceedings as well as the problems of ensuring the right to access to justice. The authors of the articles formulate an idea of the role and status of the Crown Prosecutor's Office in the criminal justice system. The authors of the given article pay a great attention to the analysis of the principles of the Crown Prosecution Service both in England and Wales. The nature of the mentioned principles testifies to the convergence of adversarial and inquisitorial types of the criminal proceedings in the legal regulation of the English criminal procedure. The authors of the article point out the importance of the principle of discretion

(discretion) in the prosecutor's activity as well as examine its relationship with the principles of independence, impersonality, justice and objectivity. All the stages of the criminal prosecution by prosecutors and standards of proving while checking a criminal case by a prosecutor are considered. The authors of the given article pay attention to the study of the relationship of the prosecutors with the police and ways of their interaction. The possibilities of the prosecutor's office activity to dismiss a prosecution are analyzed. All six variations of adopting such a decision by the prosecutors are considered. Based on the results of the study, the authors of the article identified provisions to be advantageous ones from the point of view of borrowing: ensuring public interests by the prosecutor, expediency of the criminal prosecution, expanding the possibilities for the prosecutor to apply alternatives to the criminal prosecution, the possibility of formal consultation with the investigative units' authorities.

Key words: criminal proceedings of foreign states, comparative jurisprudence, principles of prosecutor's activity, criminal prosecution, independence, impersonality, justice, expediency, discretionary powers.

На протяжении нескольких десятилетий прослеживается устойчивая тенденция сближения и интеграции правовых систем. Наиболее значимые общечеловеческие ценности признаются и гарантируются как на национальном уровне, так и на уровне международного права. Уголовный процесс, как деятельность, тесно связанная с базовыми правами и свободами человека, не остается в стороне. Практическое законодательное выражение международных трендов обусловлено, в первую очередь, серьезным межгосударственным сотрудничеством на политическом и научном уровне. Выстраивание национальной системы уголовного судопроизводства сложно представить без ориентации государств на лучшие мировые практики, показавшие свою эффективность. В юридической литературе такой подход к выстраиванию системы отечественного уголовно-процессуального законодательства оценивается как позитивный [1, с. 175—176; 2, с. 19—20]. В то же время, безусловно, нельзя допустить слепого заимствования зарубежных уголовно-процессуальных институтов без их серьезного научного осмысления с теоретической и практической точек зрения, а равно с учетом исторических традиций и современных правоприменительных реалий. Таким образом, изучение основных положений, касающихся правовой модели деятельности прокурора в одной из наиболее развитых правовых систем — англо-саксонской, представляется крайне перспективным с точки зрения совершенствования российского законодательства.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе изучения английского законодательства в сфере уголовного судопроизводства, нормативных актов, регламентирующих организацию деятельности прокуратуры, научных представлений выявить основные критерии, характеризующие правовую модель деятельности прокурора как основного участника уголовного процесса и ведущего субъекта осуществления уголовного преследования,

а также проанализировать положительные стороны правового регулирования деятельности прокурора в уголовном процессе Англии и Уэльса с позиции их возможной интеграции в отечественное уголовное судопроизводство.

Нормативная основа построения английской правовой модели деятельности прокурора при производстве по уголовным делам

Приступая к решению поставленных задач, отметим, что традиционная для отечественной правовой науки методология познания сложно применима к изучению системы права англосаксонского типа в целом и отдельных отраслей, институтов права в частности. Обусловлено это, прежде всего, тем, что на заре формирования английской государственности одним из средств укрепления централизованной королевской власти было право, которое распространялось через судебные инстанции различных уровней. Это привело к тому, что уже начиная с XII в. именно суды формировали «общее право», которое со временем стало обрастать проявлениями процессуальной формы. Быстрое изменение общественной и политической жизни в стране привело к тому, что новые правоотношения, связанные с развитием капитализма, не могли адекватно регулироваться в рамках общего права. Это определило появление центрального королевского суда (Суда канцлера), разрешающего правовые конфликты на основе «права справедливости». Таким образом, в Англии сложились две системы правовых норм, которые были основаны на судебных прецедентах. Роль прецедентной судебной практики и в настоящее время является определяющей, что свидетельствует о невозможности определения системы той или иной отрасли права, привычной для континентальной правовой семьи.

Отсутствие единого кодифицированного нормативного правового акта, посвященного вопросам уголовного судопроизводства, не позволяет гово-

речь о существовании единой и завершенной системы уголовно-процессуального законодательства. В Англии нормы уголовно-процессуального права содержатся, в основном, в законодательных актах, касающихся судоустройства, к примеру, в таких законах, как: закон о Высших судах 1981 г. (Senior Courts Act 1981), Закон 1980 г. о мировых судах (Magistrates' Courts Act 1980), Закон о присяжных 1974 г. (Juries Act 1974), Закон об уголовном правосудии 1967 г. (Criminal Justice Act 1967), Закон об уголовном правосудии и судах 2015 г. (Criminal Justice and Courts Act 2015), Кодекс Королевских прокуроров 2018 г. (Code for Crown Prosecutors 2018). Помимо названных нормативных правовых актов прокуратуры в соответствии с Законом о правах человека 1998 г. должны руководствоваться общепризнанными принципами Европейской конвенции по правам человека, а также применить множество подзаконных актов в виде различного рода инструкций и разъяснений.

The Crown Prosecution Service (CPS, Королевская прокуратура) в Англии и Уэльсе занимается уголовными делами, которые расследовались полицией или иными следственными органами. Задачами прокуратуры является возбуждение уголовного преследования перед судом, определение объема обвинения, подготовка дела к судебному рассмотрению, а также оказание помощи и защиты потерпевшим и свидетелям обвинения. Королевская прокуратура при этом тесным образом взаимодействует с иными органами, образующими в совокупности систему уголовной юстиции. К числу таких органов относятся:

1. Полиция, ответственная за расследование преступлений, сбор доказательственной базы, задержание подозреваемых.

2. Суды (Суды, HM Courts & Tribunals Service)². Мировые суды рассматривают уголовные дела о преступлениях «небольшой тяжести»³, связанных с управлением транспортными средствами, нарушением общественного порядка. Суды по делам несовершеннолетних — это специальные мировые суды, которые рассматривают все уголовные дела, кроме наиболее тяжких, серьезных, в отношении лиц в возрасте от 10 (возраст уголовной ответственности) до 17 лет. Королевскому суду подсудны наиболее тяжкие категории преступлений, такие как убийство и изнасилование, которые рассматриваются с участием присяжных заседателей.

3. The Law Officer — Генеральный прокурор. Он играет роль главного правового советника правительства и руководит работой Королевской

прокуратуры и Управления по борьбе с крупным мошенничеством, взяточничеством и коррупцией на самом высоком уровне. Генеральный прокурор отвечает за Правовой департамент правительства и Инспекцию Королевской прокуратуры, а также выполняет ряд независимых функций по обеспечению общественных интересов.

4. Министерство юстиции осуществляет свою деятельность в различных сферах уголовного, гражданского, семейного правосудия.

5. Министерство внутренних дел (The Home Office) — занимается вопросами миграции, паспортного контроля, политикой в сфере борьбы с наркотиками, терроризмом и отвечает за организацию деятельности полиции.

6. Her Majesty's Prison & Probation Service (аналог российской уголовно-исполнительной системы) — возлагаются обязанности по исполнению приговоров, содержанию под стражей подозреваемых (обвиняемых), а также социализации осужденных посредством их образования и трудоустройства.

7. Инспекция Королевской прокуратуры (Her Majesty's Crown Prosecution Service Inspectorate) — реализует контрольные полномочия в отношении органов прокуратуры в целях повышения качества и эффективности их деятельности, а также справедливого отправления правосудия.

Принципы организации деятельности прокуратуры

Ключевым принципом организации деятельности органов прокуратуры в соответствии с Кодексом Королевских прокуроров является *независимость*, которая является центральным элементом системы уголовной юстиции в демократическом обществе. Прокурор, участвующий в уголовном деле, должен быть независим от любых лиц и организаций, а также от органов следствия и полиции. Прокурор, согласно ст. 2.1 Кодекса Королевских прокуроров, должен выполнять свои профессиональные обязанности без политического вмешательства и быть защищенным от любого внешнего воздействия и давления [3]. Реализация данного принципа тесно связана с решением вопроса о подотчетности деятельности прокуроров и с возможностью применения прокурорами дискреционных полномочий. Это относится не только к прокурорам Англии и Уэльса, но и к деятельности органов прокуратуры любой страны с идентичной системой принципов в уголовном процессе. Так, П. Дафф указывает на тесную связь между независимостью органов прокуратуры и реализацией прокурорами альтернатив уголовного преследования, отмечая

при этом высокую степень значимости последствий принимаемых прокурорами решений [4]. К. Брантс и А. Рингнальда, исследуя вопросы конвергенции английского и континентального типа регулирования уголовного процесса, приходят к выводу, что расширение полномочий прокуроров и укоренение принципов независимости и дискреционности «имеют значение для типа поиска истины», что в целом отражается на типе уголовного судопроизводства [5]. В. Мишель также подчеркивает значимость принципа независимости и подотчетности прокуроров, связывая этот принцип с решением прокурорами вопросов о целесообразности уголовного преследования [6, с. 193—195]. Таким образом, как видно из правовых исследований зарубежных авторов, принцип независимости прокурора тесно связан с целесообразностью уголовного преследования.

Целесообразность публичного уголовного преследования и защита общественного интереса именуется принципом *усмотрения (дискреции)* в деятельности прокурора. Д. Б. Бакибинга называет принципы независимости, усмотрения и планирования в деятельности прокурора «краеугольными камнями эффективной и действенной системы уголовного правосудия» [7].

Одной из основных функций Королевской прокуратуры является не решение вопроса о виновности лица в совершении преступления, а оценка целесообразности предъявления публичного обвинения для рассмотрения дела судом, которое является серьезным решением, существенно затрагивающим интересы подозреваемого, потерпевшего, свидетелей и общества в целом. Такое решение прокуратура должна принимать с максимальной осторожностью.

Идея возложения на прокуратуру функции обеспечения баланса частных и публичных интересов представляется достаточно интересной для научного осмысления в контексте отечественного опыта построения системы уголовной юстиции.

Наличие у прокурора обширных дискреционных полномочий, с одной стороны, позволяет применять различные альтернативы уголовного преследования. С другой — приближает в таком случае статус прокурора к судейскому, ведь получается, что в досудебном производстве прокурор фактически становится квазисудьей, решающим вопрос о виновности или невиновности [8].

Кроме того, значительное влияние на правовую модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве Англии и Уэльса оказывают такие принципы организации работы органов прокуратуры

в уголовном процессе, как *справедливость, беспристрастность и объективность*.

Казалось бы, данные принципы не сочетаются с традиционно состязательным уголовным процессом Англии и Уэльса, но именно они являются основой организации деятельности Королевской прокуратуры. Ученые-процессуалисты Великобритании связывают закрепление данных принципов деятельности прокурора с конвергенцией традиционных правовых систем: состязательной и инквизиционной [5].

Справедливость и объективность предполагает, что никакие личные взгляды на этническое происхождение, национальность, пол, возраст, религию или убеждения, сексуальную ориентацию или гендерную идентичность участников уголовного судопроизводства не должны влиять на существо принимаемых прокурором процессуальных решений. Прокурор всегда должен действовать в интересах правосудия, быть свободным от различного рода политических мотиваций и ориентироваться на законное, обоснованное и справедливое разрешение дела по существу [3].

Прокурор должен быть беспристрастен в своих взглядах по каждому уголовному делу, в котором он принимает участие, и в равной степени несет ответственность за обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Это вытекает также из соответствующего предписания (инструкции) Королевской прокуратуры Англии и Уэльса — *Human Rights and Criminal Prosecutions: General Principles* [9].

Фактически данные принципы и полномочия прокуроров по их реализации схожи с тем, что в российском уголовном процессе именуется как «прокурорский надзор».

Изложенное позволяет сделать вывод, что принципы деятельности прокуратуры в Англии и Уэльсе определяют роль прокурора в системе уголовной юстиции как субъекта, ответственного:

- за законность, обоснованность и целесообразность уголовного преследования;
- обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля;
- защиту общественного интереса и интересов правосудия.

Отдельные элементы уголовно-процессуальной деятельности Королевской прокуратуры. Уголовное преследование

Возбуждение уголовного дела в англосаксонской системе права представляет собой несколько иной правовой институт, чем в российском уголовном процессе. Прокуратура всегда решает,

когда должно предъявляться публичное обвинение (возбуждение уголовного преследования) или возможно применение внесудебной процедуры разрешения уголовно-правового конфликта как альтернативы судебному разбирательству [10].

Прокуроры не должны возбуждать или продолжать публичное уголовное преследование в тех случаях, когда, по их мнению, существует большая вероятность того, что это может привести к злоупотреблению правосудием. Каждое уголовное дело, полученное от полиции или других следственных органов, должно проверяться полно и всесторонне [11].

Согласно Кодексу Королевских прокуроров прокуроры должны начинать или продолжать публичное судебное уголовное преследование только в том случае, если дело прошло полную проверку, состоящую из двух этапов (за исключением случаев, когда может применяться «пороговый тест»):

1-й этап — проверка собранных по делу доказательств;

2-й этап — полная проверка, включающая защиту общественных интересов [3].

Полная проверка уголовного дела производится в случаях, когда все следственные версии были надлежащим образом проверены, либо когда собрана достаточная совокупность доказательств и любые дополнительные материалы не смогут повлиять на предъявление обвинения.

В большинстве случаев прокуроры должны рассматривать вопрос о том, отвечает ли судебное преследование общественным интересам, только после того, как рассмотрят, имеются ли достаточные доказательства для судебного преследования. Однако возможны случаи, когда до рассмотрения всех доказательств очевидно, что общественные интересы не требуют судебного преследования. В этих случаях прокуратура может принять решение о прекращении рассмотрения дела. Следует при этом разумно подходить к выбору метода прекращения уголовного дела, так как это решение существенным образом затрагивает права потерпевшего от преступления.

Стандарты доказывания на этапе проверки прокурором уголовного дела перед возбуждением публичного обвинения предполагают необходимость в каждом случае ответить на следующие вопросы:

1. Можно ли использовать доказательства в суде с точки зрения их допустимости?
2. Надежны ли доказательства с позиции их целостности и относимости?
3. Достоверны ли доказательства?
4. Есть ли другие материалы, которые могут повлиять на достаточность доказательств?

Прокуроры должны рассмотреть на этом этапе и на протяжении всего дела, есть ли какие-либо материалы, которые могут повлиять на оценку достаточности доказательств, в том числе исследованные и неисследованные материалы, имеющиеся в распоряжении полиции, и материалы, которые могут быть получены в ходе дальнейшего разумного расследования.

Если уголовное дело проходит этап проверки доказательств, то королевские прокуроры должны решить, необходимо ли уголовное преследование в судебном порядке в общественных интересах. Все «за» и «против» должны быть тщательно проверены и справедливо оценены. В каждом случае, при наличии достаточных доказательств, для начала судебного преследования или применения внесудебного разрешения дела прокуроры должны установить, требуют ли общественные интересы уголовного преследования. В отдельных случаях внесудебный порядок разрешения уголовного дела будет в приоритете перед возбуждением публичного уголовного преследования.

Для того чтобы выявить и определить факторы общественных интересов, способствующие и препятствующие судебному преследованию, прокуроры должны рассмотреть каждый из предусмотренных законом вопросов, что в совокупности позволит дать общую оценку общественным интересам. К числу таких вопросов относятся:

1. Насколько серьезное правонарушение совершено?
2. Каков уровень виновности подозреваемого?
3. Каковы обстоятельства причинения ущерба потерпевшему?
4. Каков был возраст и зрелость подозреваемого на момент совершения преступления?
5. Какое влияние оказало на общество совершенное преступление?
6. Является публичное судебное уголовное преследование соразмерным содеянному?
7. Требуется ли защита конфиденциальной информации?

Вполне возможно, что один только фактор общественных интересов может стать определяющим для судьбы уголовного дела.

«Руководство расследованием» и отношения с полицией

Этому вопросу посвящена отдельная инструкция Королевской прокуратуры (Police and CPS Relations) [12]. Прокуратура должна оказывать поддержку полиции и другим следователям в выборе направления расследования, требований к доказательствам, процедурах предварительного обвине-

ния, управлении раскрытием информации и общей стратегии расследования. Это может включать решения по квалификации содеянного и количеству подозреваемых. Такие советы благоприятствуют завершению расследования в разумные сроки и формулированию наиболее верной версии обвинения. И в этом случае вновь прослеживается сближение англосаксонской и романо-германской правовых систем в сфере уголовного судопроизводства. Фактически, согласно действующим инструкциям, деятельность прокурора в уголовном процессе Англии и Уэльса нацелена на установление истины по делу, что не свойственно для традиционного состязательного процесса.

С другой стороны, прокуратура не может руководить полицией или следственными органами. Тем не менее, отношения между Королевской прокурорской службой (КПС) и полицией очень важны. Полиция играет ключевую роль в процессе судебного преследования: несет ответственность за выявление и расследование уголовных преступлений. Кроме того, выполняет многие задачи, тесно связанные с уголовным преследованием: предупреждает свидетелей о необходимости явки в суд и обеспечивает их явку; получает дополнительные свидетельские показания по мере необходимости и информирует потерпевших о ходе рассмотрения дела.

Поддержка и развитие конструктивных отношений с полицией крайне важны для прокуратуры, особенно при предъявлении обвинения в совершении преступления. Однако такое тесное сотрудничество не должно ставить под угрозу независимость Королевской прокуратуры. Функции Королевской прокурорской службы и полиции различны. Давая советы полиции, прокурор не должен брать на себя роль следователя или руководить оперативными мероприятиями полиции.

Взаимодействие между Королевской прокурорской службой и полицией осуществляется в следующих формах: уведомление; консультирование и советы.

Консультации и предоставление информации — это двусторонние действия. На многих этапах процесса уголовного преследования важно, чтобы обе обязанности успешно реализовывались.

Обязанность консультировать полицию вытекает из положений ст. 3(2)е Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 г. [13] и параграфа 2.2 Кодекса королевских прокуроров [3]. Это логическое продолжение функции Королевской прокурорской службы по ведению уголовных дел, возбужденных полицией. Своевременные реко-

мендации КПС могут гарантировать, что дела будут возбуждены своевременно и надлежащим образом. В частности, в крупных, серьезных и сложных делах активное вовлечение прокурора на раннем этапе может быть крайне полезным как для полиции, так и для КПС в обеспечении будущего эффективного уголовного преследования.

В большинстве случаев полиция запрашивает совета прокуратуры по конкретным делам или наиболее сложным вопросам. Кодекс Королевских прокуроров закрепляет следующие виды такого взаимодействия:

- 1) неформальный совет;
- 2) совет на раннем этапе расследования;
- 3) консультации по предварительному уведомлению о предъявлении обвинения и по поводу предъявления обвинения.

Инструкция о взаимодействии с полицией накладывает определенные ограничения по вопросам взаимодействия КПС с полицией. Так, Королевская прокуратура не должна консультировать полицию по вопросам оперативно-разыскной работы; вопросам гражданского права; делам, которые не подлежат рассмотрению прокурорами и должны рассматриваться руководством полиции; по поводу выдачи лицензий (спиртные напитки, игры, огнестрельное оружие и т. д.); по вопросам дисциплинарных проступков; вопросам, связанным с контролем дорожного движения (ограничения на парковку, лицензирование и т. д.).

В тоже время консультирование по уголовно-процессуальным вопросам должно быть в определенных рамках и ограничиваться характером и объемом необходимых доказательств; замечаниями о возможных последствиях фактической или предполагаемой деятельности при реализации уголовного преследования; определением юридических или фактических обстоятельств, подлежащих рассмотрению; консультированием по вопросам допустимости доказательств; определением общественного интереса, который может повлиять на судебное уголовное преследование.

Прекращение уголовного дела

Своевременное прекращение производства по делу отвечает интересам правосудия. Разделы 23 и 23А Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 г. [13] дают прокурорам право прекращать разбирательство без необходимости получения разрешения суда. Прекращение производства позволяет избежать судебного слушания и ненужного присутствия сторон. Это позволяет немедленно освободить обвиняе-

мого, находящегося под стражей, без необходимости ждать до следующего слушания [14].

В большинстве случаев прокуроры должны рассматривать вопрос о том, отвечает ли судебное преследование общественным интересам, только после того, как выяснят, имеются ли достаточные доказательства для судебного преследования. Однако встречаются случаи, когда до рассмотрения всех доказательств очевидно, что общественные интересы не требуют судебного преследования. В таких ситуациях прокуратура может принять решение о прекращении рассмотрения дела без исследования достаточности доказательств, что существенно экономит процессуальное время.

Если прекращение дела в соответствии с разделом 23А Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 г. недоступно, единственный способ, с помощью которого прокурор может полностью прекратить разбирательство, — это не предоставить в суд никаких доказательств. Это относится как к отдельным пунктам обвинения, так и ко всему обвинительному заключению.

Обобщая все возможности прокуратуры на прекращение уголовного дела, можно выделить следующие вариации принятия такого решения:

1. *Discontinuance* (прекращение) — применяется в мировом суде и в Королевском Суде в соответствии со ст. 23 и 23А Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 г. В мировом суде принятие такого решения возможно до того, как уголовное дело будет направлено в суд, или до начала исследования доказательств в упрощенном порядке судебного разбирательства. В Королевском Суде прекращение уголовного дела возможно после отправки уголовного дела в суд, но до вынесения обвинительного заключения (до предъявления обвинения) в суде. Прекращение уголовного дела в данном случае не исключает возможности повторного предъявления обвинения.

2. *Withdrawal* (отказ) — применяется только в мировом суде на основании Общего права и прецедентной практики в любой стадии рассмотрения дела по существу. Не исключается предъявление повторного обвинения. Прекращение уголовного дела прокурором в данном случае возможно только по согласованию с судом.

3. *Offering no evidence* (отказ в предъявлении доказательств) — применяется в мировом суде и в Королевском Суде на основании Общего права. В мировом суде такой отказ возможен на любом этапе до начала исследования доказательств. В Королевском Суде — после предъявления обвинения и до начала исследования доказательств.

Прекращение уголовного дела по такому основанию окончательно и является препятствием для предъявления повторного обвинения по тому же преступлению. Следует при этом учитывать, какое влияние прекращение уголовного дела в данном случае окажет на жертву преступления.

4. *Lie on File* (передача дела в архив) — применяется только в Королевском Суде на основании Общего права. Принятие такого решения возможно после того, как обвиняемый не признал себя виновным по предъявленному обвинению, но признал себя виновным по другим обвинениям. Производство по уголовному делу может быть возобновлено в суде Апелляционной инстанции с согласия Королевского Суда.

5. *Quashing an Indictment* (отзыв обвинения, отмена обвинительного заключения) — применяется в Королевском Суде на основании Общего права и ст. 2(3) Закона об отправлении правосудия 1933 г. на любой стадии рассмотрения дела [15].

6. *Nolle Prosequi* (отказ от уголовного преследования и привлечения к ответственности) — применяется в Королевском Суде на основании Общего права в любой момент после предъявления обвинения. Такое прекращение уголовного дела не является препятствием для повторного предъявления обвинения, однако таким правом наделен только Генеральный прокурор.

В заключение отметим, что Королевская прокуратура Англии и Уэльса является государственным органом, основное назначение которого — это осуществление законного и обоснованного уголовного преследования, а также обеспечение законности уголовного преследования путем консультирования полиции и иных органов расследования. Ключевыми принципами деятельности КПС является независимость от полиции, правительства и политических организаций, справедливость, объективность и усмотрение (дискреция) при осуществлении уголовного преследования. Одна из ключевых особенностей Королевской прокуратуры Англии и Уэльса — это нацеленность на защиту общественных интересов и установление объективных обстоятельств дела.

Если рассматривать заимствование положительного зарубежного опыта правового регулирования деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, представляются наиболее перспективными следующие положения:

1. Обеспечение прокурором общественных интересов, которое было «вычеркнуто» из отечественного уголовно-процессуального законодательства,

однако, по нашему мнению, нуждается в восстановлении.

2. Прокурор должен отвечать не только за законность и обоснованность уголовного преследования, но и за его целесообразность, причем целесообразность следует понимать в данном случае максимально широко, как разумный баланс между интересами государственными, общественными и интересами личности, вовлеченной в том или ином статусе в производство по уголовному делу.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

² Мировые суды, Суды по делам несовершеннолетних, Королевский суд.

³ В данном случае такой термин применим с определенной долей условности.

1. Таричко И. Ю. Мировые тенденции оптимизации уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 171—177.

2. Абашидзе А. Х., Ильяшевич М. В. Соотношение и взаимодействие международного и национального права // Обозреватель = Observer: науч.-аналит. журн. 2020. № 8 (367). С. 5—21.

3. The Code for Crown Prosecutors (26 October 2018). URL: <https://www.cps.gov.uk/publication/code-crown-prosecutors> (accessed: 25.04.2021).

4. Duff P. The prosecution service: independence and accountability // Criminal justice in Scotland. Routledge, 2019. P. 115—130.

5. Brants C., Ringnalda A. Issues of convergence: inquisitorial prosecution in England and Wales. Wolff Legal Publishers, 2011. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2370008 (accessed: 20.03.2021).

6. Michel V. The role of prosecutorial independence and prosecutorial accountability in domestic human rights trials // Journal of human rights. 2017. Vol. 16, N. 2. P. 193—219.

7. Bakibinga D. B. Prosecutorial independence, discretion and strategy in the Commonwealth of The Bahamas. URL: <http://www.mpce.mp.br/wp-content/uploads/2019/12/ARTIGO-13.pdf> (accessed: 14.04.2021).

8. Luna E., Wade M. Prosecutors as judges // Wash. & Lee L. Rev. 2010. Vol. 67. P. 1413.

9. Human rights and criminal prosecutions: general principles. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/human-rights-and-criminal-prosecutions-general-principles> (accessed: 16.03.2021).

10. Meurmishvili B. Characteristics of initiating criminal prosecution in England and France // Journal

Наличие дискреционных полномочий у прокурора позволит применять альтернативы уголовному преследованию, не перегружая суды. Кроме того, это будет способствовать самостоятельному прекращению прокурором уголовного преследования.

3. Расширить полномочия прокурора в части возможности официального консультирования органов расследования вне зависимости от формы предварительного расследования.

1. Tarichko I. Yu. World trends of optimization of criminal procedure. Topical problems of the Russian law, 171—177, 2015 (in Russian).

2. Abashidze A. Kh., Ilyashevich M. V. Correlation and interaction of international and national law. Observer. Scientific and analytical journal, 5—21, 2020 (in Russian).

3. The Code for Crown Prosecutors (26 October 2018). Available from: <https://www.cps.gov.uk/publication/code-crown-prosecutors>. Accessed: 25 April 2021 (in Russian).

4. Duff P. The prosecution service: independence and accountability. In: Criminal justice in Scotland. Routledge; 2019: 115—130 (in English).

5. Brants C., Ringnalda A. Issues of convergence: inquisitorial prosecution in England and Wales. Wolff Legal Publishers; 2011. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2370008. Accessed: 20 March 2021 (in English).

6. Michel V. The role of prosecutorial independence and prosecutorial accountability in domestic human rights trials. Journal of human rights, 193—219, 2017 (in English).

7. Bakibinga D. B. Prosecutorial independence, discretion and strategy in the Commonwealth of the Bahamas. Available from: <http://www.mpce.mp.br/wp-content/uploads/2019/12/ARTIGO-13.pdf>. Accessed: 14 April 2021 (in English).

8. Luna E., Wade M. Prosecutors as judges. Wash. & Lee L. Rev., 1413, 2010 (in English).

9. Human rights and criminal prosecutions: general principles. Available from: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/human-rights-and-criminal-prosecutions-general-principles>. Accessed: 16 March 2021 (in English).

10. Meurmishvili B. Characteristics of initiating

of Social Sciences. 2015. Vol. 4, N. 2. P. 65—70.

11. Stephen J. F. A general view of the Criminal law of England. Cambridge University Press, 2014. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=zvHCAwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=the+criminal+process+of+England+is+a+public+interest&ots=5k1ldZaZcR&sig=yFLtm58xN92eHT2d6OGvRlvkW-0&redir_esc=y#v=onepage&q=the%20criminal%20process%20of%20England%20is%20a%20public%20interest&f=false (accessed: 17.03.2021).

12. Police and CPS Relations. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/police-and-cps-relations> (accessed: 10.04.2021).

13. Prosecution of Offences Act 1985 (Prosecution of Offences Act 1985 is up to date with all changes known to be in force on or before 24 June 2021). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/23/2020-12-01> (accessed: 12.04.2021).

14. Termination of proceedings (including discontinuance). URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/termination-proceedings-including-discontinuance> (accessed: 15.04.2021).

15. Administration of justice (miscellaneous provisions) Act 1933. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/23-24/36/contents> (accessed: 16.04.2021).

© Чурикова А. Ю., Лавнов М. А., 2021

criminal prosecution in England and France. Journal of social sciences, 65—70, 2015 (in English).

11. Stephen J. F. A general view of the Criminal law of England. Cambridge University Press; 2014. Available from: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=zvHCAwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=the+criminal+process+of+England+is+a+public+interest&ots=5k1ldZaZcR&sig=yFLtm58xN92eHT2d6OGvRlvkW0&redir_esc=y#v=onepage&q=the%20criminal%20process%20of%20England%20is%20a%20public%20interest&f=false. Accessed: 17 March 2021 (in English).

12. Police and CPS relations. Available from: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/police-and-cps-relations>. Accessed: 10 April 2021 (in English).

13. Prosecution of Offences Act 1985 (Prosecution of Offences Act 1985 is up to date with all changes known to be in force on or before 24 June 2021). Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/23/2020-12-01>. Accessed: 12 April 2021 (in English).

14. Termination of proceedings (including discontinuance). Available from: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/termination-proceedings-including-discontinuance>. Accessed: 15 April 2021 (in English).

15. Administration of justice (miscellaneous provisions) Act 1933. Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/23-24/36/contents>. Accessed: 16 April 2021 (in English).

© Churikova A. Yu., Lavnov M. A., 2021

Чурикова Анна Юрьевна,

доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Лавнов Михаил Александрович,

доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук; e-mail: m-lavnov@rambler.ru

Churikova Anna Yurevna,

associate professor at the department of administrative and criminal law of the Povolzhsky institute of management named after P. A. Stolypin — Branch of the Russian Presidential academy of national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Lavnov Mikhail Alexandrovich,

associate professor at the department of criminal procedure of the Saratov State Law Academy, candidate of juridical sciences; e-mail: m-lavnov@rambler.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi: 10.25724/VAMVD.WKLM

Н. В. Шувалов, М. Г. Горелов

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ УКЛОНЕНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ
(ПОДОЗРЕВАЕМЫХ) ОТ СЛЕДСТВИЯ И ИХ РОЗЫСКУ**

В статье рассматривается организация работы следователя по предупреждению уклонения обвиняемых (подозреваемых) от следствия и розыску скрывшихся преступников, в том числе за пределами обслуживаемой органом внутренних дел территории. Авторами проанализированы и определены в связи с этим несколько ситуаций, наиболее часто встречающихся в практической деятельности правоохранительных органов, которые осуществляют мероприятия по розыску лиц, скрывшихся от следствия и суда, а также приведены алгоритмы действий по ним сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания органов внутренних дел. Предлагаются конкретные организационные, тактические и процессуальные решения по каждой из приведенных ситуаций. В завершение сделан вывод о том, что проблема осуществления розыска скрывшихся от следствия виновных в преступлениях лиц при расследовании преступлений является одной из острейших и актуальных на стадии предварительного расследования, но ее решение также требует изучения, определения, разграничения и законодательной регламентации сущности, содержания и соотношения таких понятий, как деятельность следователя по розыску скрывшихся обвиняемых от следствия и суда, розыскная деятельность до приостановления предварительного следствия, розыскная деятельность следователя после приостановления предварительного следствия, розыскная деятельность органов дознания.

Ключевые слова: розыск, обвиняемый, подозреваемый, задержание, сотрудники органа дознания, следователь, уголовное дело, ситуация, обслуживаемая органом внутренних дел территория, мера пресечения, арест, подписка о невыезде, уклонение от следствия, алгоритм действий, содержание под стражей.

N. V. Shuvalov, M. G. Gorelov

**ORGANIZATION OF THE WORK OF THE INVESTIGATOR
TO PREVENT EVASION OF THE ACCUSED (SUSPECTS)
FROM THE INVESTIGATION AND THEIR SEARCH**

The article discusses the organization of the work of the investigator to prevent evasion accusing (suspected) from the investigation and search for hiding criminals, including outside the service of the territory of the territory. The authors were analyzed and defined in connection with this several situations most common in the practical activities of law enforcement agencies, which carry out activities to search for persons who hurned from investigation and court, and the algorithms of actions on employees of investigative units and divisions of the internal affairs bodies. Specific organizational, tactical and process-solids on each of the above situations are offered. In conclusion, it was concluded that the problem of the search was made from the investigation of persons responsible in crimes in the investigation of crimes is one of the most acute and relevant preliminary resignation, but its decision also requires learning, definitions, distinction and legislative Regulation of the essence, content and relationships of such concepts as the activities of the investigator on the search of hosted accused of investigation and the court, search for activities before suspension of the preliminary investigation, the search operation of the investigator after the suspension of the pre-investigation, the search for inquiry the inquiry bodies.

Key words: search, accused, suspect, arrest, employees of the body of inquiry, investigator, criminal case, situation, territory served by the internal affairs body, preventive measure, arrest, recognizance not to leave the place, evasion from investigation, algorithm of actions, detention.

Анализ правоприменительной практики по рассмотрению уголовных дел показывает, что наиболее действенной мерой, предотвращающей необходимость объявления розыска скрывшихся преступников, является своевременное и полное производство следственных действий в максимально возможный короткий срок, а также, при наличии оснований, процессуальное задержание подозреваемого с последующим избранием адекватной совершенному деянию и его личности меры пресечения.

Следственной практикой наработан определенный алгоритм действий следователя по предупреждению уклонения от следствия лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, лиц без определенного места жительства, а также ранее судимых: при наличии достаточных доказательств, как правило, нужно избирать в качестве меры пресечения содержание под стражей.

Иная ситуация складывается, когда избрание данной меры принуждения по каким-то причинам невозможна или нежелательна. Речь идет о случаях избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, не связанной с лишением свободы. При таких обстоятельствах следователю рекомендуется принять соответствующие необходимые и неотложные меры по предупреждению уклонения лица от следствия. Данные меры предусмотрены ведомственными нормативными актами правоохранительных органов и частично выработаны правоприменительной практикой. Они выражаются в составлении и направлении следователем в соответствующие подразделения органов внутренних дел и организации документов с требованием о принятии мер по предупреждению уклонения лица от явки к следователю. В следственных подразделениях они называются мерами сторожевого характера — направление так называемых сторожевых листков в отделы кадров по месту работы обвиняемых (подозреваемых), паспортные столы, военкоматы и др. [1]

Кроме того, в процессе расследования преступления следователь при получении сведений о намерении лица скрыться от следствия и суда безотлагательно принимает меры по предупреждению этого, проверяет информацию и при необходимости в установленном порядке решает вопрос об изменении меры пресечения.

В случаях, когда обвиняемый (подозреваемый), в отношении которого избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, длительное время не выходит на связь, не является по вызову и никак не проявляет себя, а сведениями о его ме-

стонахождении следователь не располагает, возникает необходимость в проведении розыскных мероприятий по его обнаружению и доставлению к месту производства следственных действий.

Если работа по установлению нахождения обвиняемых до объявления их в розыск не привела к желаемому результату и все другие принятые меры оказались неэффективными, следователь принимает решение об организации розыска подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений.

Алгоритм объявления розыска подозреваемого (обвиняемого) включает в себя следующие стадии или этапы.

1. Придание лицу процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого.

2. Удостоверение личности подозреваемого (обвиняемого). Это достигается путем непосредственного ознакомления с документами, удостоверяющими личность, и приобщения к материалам уголовного дела соответствующих копий.

Далее следователю необходимо установить непосредственные основания для объявления розыска подозреваемого (обвиняемого): наличие информации о том, что данное лицо по проверяемым адресам не проживает, а также отрицательных ответов сотрудников органов дознания на запросы следователя, дознавателя (письменные поручения).

Кроме того, необходимо учитывать сроки давности совершения преступления и наличие других оснований для прекращения уголовного преследования в отношении разыскиваемых лиц — например, вследствие вступившего в силу акта об амнистии.

В практике органов внутренних дел существует три вида розыска: местный, федеральный (межгосударственный) и международный. Каждый конкретный вид розыска и иные связанные с ним мероприятия выбираются в зависимости от тяжести совершенных преступлений и личности разыскиваемого лица, времени его нахождения в розыске, а также других данных, имеющихся в материалах уголовного дела.

На основании ч. 1 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) подразделениями, отвечающими за организацию розыскной работы в отношении скрывшихся подозреваемых (обвиняемых), являются органы дознания, а конкретно — подразделения уголовного розыска [2].

В соответствии с ведомственными актами и требованиями, выработанными правоохранительными органами, следователь вместе с постановлением об объявлении розыска с указанием избранной меры

пресечения обязан не позднее 3 суток с момента его вынесения представить в розыскное подразделение заверенные копии документов, которые могут быть эффективно использованы в розыске скрывшихся от следствия лиц.

При отсутствии в материалах для объявления в розыск одного или нескольких документов, важных для осуществления розыска скрывшихся лиц, данные материалы возвращаются направившему их следователю для доработки и дополнения.

Кроме копий необходимых документов следователем предоставляется постановление о приводе подозреваемого (обвиняемого), на основании которого оперативные сотрудники в случае задержания разыскиваемого доставят его к следователю.

Основания и особенности привода регламентированы ст. 113 УПК РФ и Инструкцией о порядке осуществления привода, утвержденной приказом МВД России от 21 июня 2003 г. № 438 (редакция от 01.02.2012) [3].

При объявлении розыска в постановлении о приводе необходимо отметить, что привод осуществляется после задержания разыскиваемого.

Вместе с тем отметим, что приостановление предварительного следствия в связи с неустановлением местонахождения подозреваемого (обвиняемого) допускается только по истечении срока расследования. Имеется в виду не буквально первые два месяца в смысле ч. 1 ст. 162 УПК РФ, а существующий на момент принятия решения о приостановлении срок предварительного следствия. Иными словами, расследование — в том объеме, выполнение которого возможно в отсутствие подозреваемого (обвиняемого) на момент принятия решения, — должно быть завершено. В противном случае требуется продление процессуального срока.

Одновременно в случае, если срок предварительного следствия продлен, приостановить следствие по уголовному делу возможно только после истечения этого срока.

Например, уголовное дело возбуждено 30 мая. Установленный законом срок предварительного следствия истекает 30 июля. 23 июля срок предварительного следствия продлевается на 02 месяца 00 суток, а всего до 04 месяцев 00 суток, т. е. до 30 сентября включительно. Обвиняемый объявлен в розыск 26 июля, т. е. после продления срока следствия. Приостановление предварительного следствия допускается только 30 сентября.

Важно отметить, что если по делу имеется несколько подозреваемых (обвиняемых), а скрылся

от следствия только один, уголовное дело в отношении него выделяется в отдельное производство. В то же время сроки предварительного следствия по выделенному уголовному делу исчисляются с учетом сроков дела, из которого оно выделено. В отношении остальных подозреваемых (обвиняемых) предварительное следствие осуществляется по общим правилам.

В период, когда предварительное следствие по уголовному делу приостановлено, недопустимо производство следственных, процессуальных действий и, соответственно, применение мер принуждения. Однако имеется возможность выполнять мероприятия непроцессуального характера, такие как:

- направление запросов;
- распространение ориентирующей информации о личности и приметах преступника через средства массовой информации;
- использование данных криминалистических и иных видов учетов.

Кроме того, следователь по приостановленному производству по уголовным делам обязан отслеживать возникновение оснований для прекращения уголовного преследования разыскиваемого лица, прежде всего связанных с изданием акта амнистии, истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности (только в случае, если основанием приостановления явилось неустановление местонахождения подозреваемого (обвиняемого) по иным причинам), устранением преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом.

В случае прекращения уголовного преследования, в том числе по перечисленным основаниям, следователь должен уведомить подразделение, осуществляющее розыск обвиняемого, подозреваемого, для прекращения розыскного дела.

При необоснованном прекращении розыска скрывшихся от следствия лиц, когда информация о месте их нахождения не подтверждена документально и проведение с ними следственных и процессуальных действий невозможно, следователь, дознаватель или начальник подразделения дознания вправе составить мотивированный рапорт на имя начальника органа внутренних дел (ОВД) для решения вопроса о назначении служебной проверки в отношении оперативного сотрудника, по рапорту которого розыск прекращен.

Вместе с тем находившийся в розыске и задержанный сотрудниками оперативных подразделений ОВД подозреваемый доставляется в дежурную часть или к следователю (дознавателю).

Постановление о возобновлении приостановленного предварительного расследования и установлении срока следствия должно быть вынесено в максимально короткий срок, после поступления сообщения о фактическом установлении места нахождения разыскиваемого лица.

До возобновления расследования применение мер уголовно-процессуального принуждения (прежде всего — процессуального задержания) в отношении разысканного недопустимо.

Далее целесообразно рассмотреть наиболее часто встречающиеся на практике ситуации, когда задержание разыскиваемого происходит не по месту дислокации органа предварительного следствия, объявившего розыск, а в другом территориальном или линейном органе внутренних дел. Для этого также предлагаются различные варианты действий.

Первый вариант заключается в том, что в отношении данного лица применяется ранее избранная при объявлении розыска мера пресечения, не связанная с заключением под стражу. В этом случае лицу разъясняется необходимость прибыть к месту производства предварительного следствия для дальнейшего участия в производстве по делу. Если он по объективным причинам (например, затруднительное материальное положение) не может приехать, следственные действия с его участием выполняются по месту нахождения, на основании отдельного поручения следователя.

Согласно информации, представленной территориальными органами МВД России, рассмотренный вариант наиболее распространенный, но, к сожалению, зачастую неэффективный. Это обусловлено тем, что явка подозреваемого (обвиняемого) практически не гарантирована, а полнота и качество проведенных процессуальных действий, выполненных по поручению, не позволяют направить уголовное дело в суд.

Второй вариант реализуется путем направления оперативного сотрудника к месту обнаружения разыскиваемого лица с целью его доставления к следователю на основании постановления о приходе.

Третий вариант предполагает откомандирование следователя к месту нахождения разыскиваемого, в том числе совместно с оперативным сотрудником, для выполнения необходимых процессуальных действий с подозреваемым (обвиняемым).

Четвертый вариант заключается в избрании лицу меры пресечения в виде заключения под стражу.

В настоящее время законодательно спектр возможностей правоприменителей по ограничению свободы действий подозреваемого (обви-

няемого) значительно расширился, что во многом упрощает задачу того же следователя по соблюдению баланса интересов между органами расследования по выполнению возложенных на них задач в сфере уголовного судопроизводства и частных прав граждан и организаций.

Вместе с тем последний вариант действий следователя, связанный с заключением под стражу лица, предполагает согласованную деятельность органов предварительного расследования как по месту объявления розыска, так и по месту фактического задержания и складывается, в свою очередь, также из нескольких взаимосвязанных стадий.

На первой стадии орган, задержавший лицо, сообщает о факте обнаружения органу предварительного расследования, принявшему решение об объявлении розыска, и направляет посредством соответствующего вида связи или ведомственной электронной почты подтверждающие документы (например, рапорт сотрудника полиции, объяснение подозреваемого (обвиняемого) и др.). Следователь, осуществляющий производство по уголовному делу, на основании полученных документов (при необходимости) выносит постановление о возобновлении предварительного расследования и одновременно об установлении срока дополнительного следствия, убедившись, что нет оснований для прекращения уголовного преследования (например, на основании акта об амнистии, истечения срока давности).

Вторая стадия заключается в задержании объявленного в розыск на срок до 48 часов в порядке, установленном гл. 12 УПК РФ (ч. 3 ст. 210 УПК РФ). В отношении разыскиваемого подозреваемого данная мера процессуального принуждения применяется при наличии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ.

Решение о процессуальном задержании может быть принято следователем следственного подразделения органа внутренних дел по месту обнаружения подозреваемого (обвиняемого), в том числе на основании письменного поручения следователя, в чьем производстве находится уголовное дело.

При принятии такого решения должностное лицо в целях обеспечения законности своих действий на основе представленных инициатором розыска копий документов (постановления о возбуждении уголовного дела в отношении лица; ранее составленного протокола задержания лица в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ; документа, подтверждающего применение меры пресечения; протокола о вручении уведомления о подозрении в совершении преступления; постановления о привлечении

в качестве обвиняемого; обвинительного акта (постановления); постановления об объявлении розыска; постановления о возобновлении приостановленного предварительного расследования) должно убедиться в процессуальном статусе подозреваемого (обвиняемого), его объявлении в розыск и возобновлении производства по делу (в случае его приостановления).

Процессуальное задержание может быть осуществлено при любом из указанных ранее вариантов.

На третьей стадии следователь, в производстве которого находится уголовное дело, выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

На четвертой стадии сотрудник органа, обнаружившего разыскиваемого, представляет поступивший материал в суд, где при положительном рассмотрении ходатайства решаются вопросы, связанные с этапированием подозреваемого (обвиняемого) к месту расследования уголовного преступления.

В заключение отметим, что проблема осуществления розыска скрывшихся от следствия виновных в преступлениях лиц при расследовании пре-

ступлений является одной из острейших и актуальных на стадии предварительного расследования. Однако ее решение требует не только разработки алгоритмов деятельности сотрудников правоохранительных органов, но и изучения, определения, разграничения и законодательной регламентации сущности, содержания и соотношения таких понятий, как деятельность следователя по розыску скрывшихся обвиняемых от следствия и суда, розыскная деятельность до приостановления предварительного следствия, розыскная деятельность следователя после приостановления предварительного следствия, розыскная деятельность органов дознания [4]. Вместе с тем в отсутствие современных и четких рекомендаций по совершенствованию практики розыскной деятельности, а также действий следователя по объявлению в розыск скрывшихся от следствия лиц по уголовным делам требуется обновление и модернизация наработанной методики. В связи с этим настоящая работа окажет определенную методическую поддержку и помощь следователям и сотрудникам органов дознания ОВД в определении алгоритма действий по предупреждению уклонения и объявлению в розыск подозреваемых (обвиняемых) на различных этапах расследования преступлений.

---

1. Шувалов Н. В., Большаков А. П., Пупцева А. В. Информационные процессы как базирующий компонент розыскной деятельности // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. 2014. № 6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22879076> (дата обращения: 28.06.2021).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Инструкция о порядке осуществления привода: утв. приказом МВД России от 21.06.2003 № 438. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Большаков А. П. Проблемы розыска обвиняемого по уголовным делам о хищениях чужого имущества // Криминалистические проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики: материалы междунар. науч.-практ. семинара (г. Волгоград, 6—7 апреля 1999 г.). Волгоград: БЮИ МВД РФ, 1999. С. 39—41.

---

1. Shuvalov N. V., Bolshakov A. P., Puptseva A. V. Information processes as a basic component of search activity. Modern problems of science and education. Electronic scientific journal, 2014. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22879076>. Accessed: 28 June 2021 (in Russian).

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ on 18 December 2001 (as amended on 01.10.2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Instructions on the procedure for the implementation of the juridical drive No. 438 on 21 June 2003. Approved by order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Bolshakov A. P. Problems of the search for the accused in criminal cases of theft of other people's property. In: Criminalistic problems of combating crimes in the economic sphere. Materials of the International scientific and practical seminar, 6—7 April 1999, Volgograd. Volgograd: Volgograd Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1999: 39—41 (in Russian).

Шувалов Николай Васильевич,
профессор кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
8 (919) 549-13-50

Горелов Максим Григорьевич,
старший следователь
по особо важным делам
2-го отдела КМУ Следственного
департамента МВД России;
8 (916) 004-46-24

Shuvalov Nikolay Vasilievich,
professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Internal Affairs Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
8 (919) 549-13-50

Gorelov Maxim Grigorievich,
senior investigator for particularly
important cases
of the II division of the control
and methodological directorate
of the Investigative department
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation;
8 (916) 004-46-24

* * *

УДК 343.985.7
ББК 67.523
doi: 10.25724/VAMVD.WLMN

Т. Н. Янина

**ТИПИЧНАЯ СЛЕДОВАЯ КАРТИНА
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ**

Как известно, культура этноса сохраняется в обычаях, традициях, памятниках и иных ценностях. Материальным ее выражением выступают объекты культурного наследия, в том числе памятники археологии, которые служат первоисточником достоверной информации о происходивших в течение существования российского государства событиях. Поэтому им присвоен особый правовой статус, археологические работы производятся по особым правилам. Ввиду высокой стоимости археологических предметов в отношении таких памятников все чаще совершаются преступные посягательства, расследовать которые призваны органы внутренних дел. Однако не все дознаватели, следователи в полной мере владеют методикой расследования подобных преступлений, что обусловлено недостатком методического обеспечения их деятельности. В настоящей статье проанализирован такой важный элемент криминалистической характеристики преступлений данного вида, как типичная следовая картина. На основе анализа судебно-следственной практики, литературных источников установлены типичные следы, остающиеся после совершения рассматриваемых преступлений, предложена их классификация; сделан вывод о важности владения следователем сведениями о типичной следовой картине, что позволяет устанавливать механизм совершения преступления и иные обстоятельства, составляющие предмет доказывания по делу, и эффективно бороться с посягательствами на отечественное культурное наследие.

Ключевые слова: культура, объекты археологического наследия, археологические предметы, незаконный поиск, типичные следы, расследование, механизм преступления.

T. N. Yanina

**A TYPICAL TRACE PICTURE OF THE COMMISSION OF CRIMES
AGAINST THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
OF THE NATIONALITIES OF RUSSIA**

It is commonly known that culture is the most important component of the preservation of an ethnos based on customs, traditions, monuments and other values. Its material manifestation is objects of cultural heritage, including archeological monuments, which serve as the primary source of reliable information about the events that took place during the existence of the Russian state. Therefore, the objects of archaeological heritage have a special legal status, archaeological work is carried out according to special rules. Due to the high cost of archaeological items, criminal encroachments are increasingly being committed against such monuments. Such encroachments are subject to investigation by the internal affairs bodies. However, not all interrogating officers and investigators are fully familiar with the methods of investigating such crimes, which is due to the lack of methodological support for their activities. This article analyzes such an important element of the forensic characteristics of this type of crime, as a typical trace picture. Based on the analysis of forensic practice and literary sources, typical traces left after the commission of the crimes under consideration have been established, their classification has been proposed; it was concluded that it is important for the investigator to possess information about a typical trace picture, which allows to establish the mechanism of committing a crime and other circumstances that are the fact to be proven in the case, and also to effectively fight against encroachments on the domestic cultural heritage.

Key words: culture, objects of archaeological heritage, archaeological items, illegal search, typical traces, investigation, crime mechanism.

В современных условиях экономического и идеологического, т. е., по сути, цивилизационного, противостояния Российской Федерации с западным миром, попыток переписывания истории России, принижения достижений ее народа в различные исторические периоды, разобщения народностей нашей страны особое значение приобретает культура как основа национального самосознания россиян, «стержень», который позволяет народу оставаться собой.

Преыдушие поколения, стоявшие у истоков зарождения и развития культуры народов России, оставили нам в наследство обычаи и традиции, памятники и предметы искусства — все то, что именуется культурными ценностями и составляет «фундамент» существования нашей цивилизации.

Не умаляя значения для общества духовных культурных ценностей (песен, сказок, легенд, обычаев, традиций), необходимо отметить важнейшую роль материальных (произведений декоративно-прикладного искусства, монументов, памятников, зданий, сооружений и т. п.), с помощью которых можно достоверно устанавливать обстоятельства различных исторических событий в жизни российского государства, развивать, дополнять историческую науку. Эти цели успешно решает археология, изучающая человеческую деятельность через восстановление и анализ материальной культуры, так как большое количество материальных культурных ценностей, исторических памятников обнаруживается именно в ходе археологических изысканий.

Необходимо отметить, что в археологии любые предметы, возникшие как результат деятельности человека, к числу которых могут относиться и материальные культурные ценности, принято называть «вещественными историческими источниками», или «археологическими предметами», а места их обнаружения — объектами археологического наследия. Последние служат основой для получения подкрепленной фактами исторической информации; по найденным на их территории археологическим предметам можно достоверно судить о том, кто и когда проживал на определенной территории, каковы были их уклад, быт и традиции.

Определив в Стратегии национальной безопасности [1] культуру как один из стратегических приоритетов, государство охраняет места, признанные объектами археологического наследия, присвоив им особый правовой статус и запрещая самовольные поисковые работы в границах их территорий.

Именно поэтому в принятом в 2002 г. Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Россий-

ской Федерации» [2] прямо указано, что объекты археологического наследия не могут отчуждаться из государственной собственности; археологические предметы принадлежат исключительно государству, и при их нахождении должны быть переданы в состав Музейного фонда Российской Федерации; археологические работы могут проводиться только в установленном порядке, на основании разрешительных документов.

Однако данные положения закона зачастую игнорируются, что обусловлено высокой рыночной стоимостью предметов из прошлых эпох. В России при отсутствии войн и гражданских конфликтов объекты культурного наследия, тем не менее, уничтожаются с завидным постоянством [3, с. 167]. Раскопки «черными копателями» стали настоящим бедствием для объектов археологического наследия, рынок заполнили археологические предметы.

Для защиты отечественной истории от подобных посягательств в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания». Прошедшие годы позволили накопить определенную судебную практику по ее применению, однако расследование указанных преступлений еще имеет немало недостатков, связанных с недостаточным методическим обеспечением, а также квалификацией сотрудников органов дознания, предварительного следствия, экспертно-криминалистических подразделений, осуществляющих борьбу с этими негативными явлениями.

Недостаток знаний в сфере технико-криминалистического и экспертного обеспечения в рамках методики расследования преступлений указанной категории отрицательно сказывается на качестве расследования, не позволяя в полной мере эффективно защищать объекты археологического наследия и археологические предметы от преступных посягательств.

Рассматривая методику расследования преступлений названного вида, необходимо традиционно уделять внимание их криминалистической характеристике. Отечественными учеными-криминалистами проведена немалая работа по обобщению теоретических знаний и материалов практики расследования преступлений, позволившая сформулировать определение данной научной категории. В целом оно сводится к пониманию криминалистической характеристики как системы сведений о типичных признаках определенной категории преступлений, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях их раскрытия и расследования [3].

Являясь, по сути, научным теоретическим обобщением, элементы криминалистической характеристики, как результат анализа практической деятельности, «вживляются» в нее через методику расследования преступлений отдельных видов, так как в целом играют роль фундамента для формирования и дальнейшей разработки алгоритма действий, в зависимости от исходных данных.

Одним из определяющих элементов такой характеристики являются следы, остающиеся в результате совершения преступных действий. С учетом отсутствия научных трудов, посвященных методике расследования преступлений анализируемого вида, в криминалистике не уделено должного внимания типичным следам, характерным для совершения таких преступлений. Отсутствие же у следователя, работника органа дознания, специалиста-криминалиста знаний о типичной следовой картине снижает эффективность следственных действий, производимых для их поиска, фиксации и изъятия, т. е. затрудняет формирование качественной доказательственной базы, усложняет работу специалистам с недостаточным опытом расследования данных преступлений, что отрицательно сказывается на его результатах. В связи с этим назрела насущная необходимость анализа вопросов, касающихся следов «археологических» преступлений как части их криминалистической характеристики.

Как известно, в толковом и энциклопедическом словарях русского языка понятие следа трактуется лингвистами в буквальном, общебытовом смысле. Однако с несколько иных позиций подходят к определению следа ученые-криминалисты.

Так, в широком смысле слова под следами в криминалистике понимаются любые изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику. Например, появление ранее отсутствующего объекта на месте совершения преступления (орудие, личная вещь преступника) или же, наоборот, исчезновение имевшегося; перестановка объектов относительно друг друга или изменение их состояния. Единый источник происхождения обуславливает информационное единство следов: каждый след несет часть, а совокупность следов — всю информацию о преступлении и лицах, его совершивших [4, с. 49].

В узком смысле след определяется как результат действий и контактов, связанных с событием преступления, материальные отображения признаков внешнего строения и иных свойств объектов, имеющих устойчивые пространственные границы. В частности, «Криминалистическая энциклопедия» определяет след как «отображение

морфологических особенностей внешнего строения объекта, имеющего устойчивые пространственные границы, образующееся в результате взаимодействия, сопряженного с событием преступления (след — отражение)».

Повторяемость следов, обусловленная одинаковыми способами совершения преступлений, позволяет установить общие закономерности их формирования и провести их типизацию, т. е. выявить следы типичные, наиболее часто остающиеся после совершения преступлений определенного вида. В полной мере данные положения относятся к следам, оставляемым преступниками после незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания.

Расследуя преступления анализируемого вида, правоприменители и специалисты сталкиваются не только со следами, «традиционными» с точки зрения криминалистики (рук, ног, транспорта и т. п.), но и специфическими, обусловленными видом и способами совершения «археологических» преступлений. Вместе с тем, учитывая их различную природу, механизм образования и многообразие следообразующих объектов, мы не можем рассматривать такие следы хаотично и бессистемно.

Соответственно, классификация данных следов, т. е. систематизация знаний о них, позволит, во-первых, сгруппировать имеющуюся в распоряжении специалиста информацию, облегчив процесс ее обработки; во-вторых, выявить их общегрупповые характеристики для формулирования рекомендаций по выявлению, фиксации, изъятию и исследованию таких объектов; в-третьих, установить наличие взаимосвязей между ними. Все перечисленное существенно повысит эффективность деятельности специалиста и расследования в целом.

Встречающиеся следы подразделяются как на традиционные — материальные и идеальные, так и на относительно новые — «цифровые», отнесение которых к отдельной группе продиктовано реалиями современного состояния преступности в эпоху стремительного технического прогресса.

Общеизвестно, что материальные следы имеют физические и пространственные характеристики, поэтому после проведения с ними определенных процессуальных действий они, как правило, признаются вещественными доказательствами по уголовному делу. Вовлечение же в процесс расследования идеальных и так называемых цифровых следов предусматривает необходимость их, если так можно выразиться, «овеществления», т. е. превращения их в очевидные для непосредственного воспри-

ятия участниками расследования и судебного разбирательства, а также для осуществления процесса исследования специалистами или экспертами.

Говоря о группе материальных следов, которые уже сами по себе представлены в виде реальных объектов (или объектов в натуре), мы подразумеваем, что их появление обуславливается действиями преступника по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления.

Так, с учетом того, что выбор места незаконных раскопок редко бывает случайным, о подготовке к совершению данного преступления могут свидетельствовать обнаруженные у подозреваемого топографические карты, атласы, в том числе старинные (их копии); научная и историческая литература с описанием конкретных местностей — объектов археологического наследия; аналогичная информация в памяти различных ЭВМ.

Конечно, все перечисленные следы не будут являться прямыми доказательствами по делу, но в комплексе с иными, в результате логического анализа всей совокупности обнаруженных следов, могут обосновать доказательственную базу.

Кроме того, для данного вида преступления характерны следы, которые можно условно обозначить как «следы зачистки территории», возникающие в результате пала травы или вырубка мелких деревьев и кустарников (емкости с остатками горючих жидкостей, различные средства поджога, опилки, волокна и т. д.). Они также, безусловно, могут быть отнесены к следам подготовки к совершению преступного деяния.

Так, в целях облегчения поиска археологических предметов Нестеренко взял принадлежащую ему бензопилу <...>, металлоискатель <...> и металлическую лопату. Прибыв на участок местности с указанными координатами, расположенный в <...> километрах к северу от поселка <...> МО г. Горячий ключ в Апшеронском районе Краснодарского края, на котором находится курганно-грунтовый могильник, Королев, Горобец, Дегтярев и Нестеренко визуально определили место раскопок, очистили его от поваленных деревьев с помощью бензопилы [5].

Непосредственное совершение преступления, т. е. производство запрещенных поисковых действий на местности, предусматривает образование традиционных для криминалистической науки следов-предметов, следов-отображений и следов-веществ.

К следам-предметам относятся лопаты, ломы, кирки, сита для просеивания грунта, средства

большой и малой механизации (землеройные машины — тракторы, бульдозеры, различные подъемные механизмы и т. д.), приборы и средства обнаружения и фиксации результатов поиска — металлоискатели, геолокаторы, эхолоты (если речь идет о подводном поиске), документы об их приобретении, видеокамеры, специальная и иная одежда, фонари, фрагменты артефактов, не представляющие ценности для преступников, сами обнаруженные археологические предметы, кости, фрагменты глиняной посуды, следы стоянки, лагеря (палатки, место готовки пищи и др.), и т. п.

К следам-отображениям, характерным для данной категории преступлений, помимо традиционных следов (ног, обуви, транспортных средств на грунте, следов рук на инструментах, иных изъятых объектах и пр.) можно отнести следы ручного и механизированного поиска, представляющие собой шурфы, копы, отвалы грунта, следы от использования щупов, каждый из которых в какой-то мере по определенным признакам характеризует рабочую грань применявшегося инструмента.

Следами-веществами являются следы на одежде (зачастую локализующиеся в ее складках, карманах), теле подозреваемого, его автотранспорте, инструментах (наслоение почвы, частиц растений, запаховые, потожировые следы, слюна, пятна ГСМ и т. п.).

Идеальные следы, хранясь в памяти участников события, «материализуются» протоколами допросов соответствующих лиц.

Кроме идеальных и материальных следов, как уже было сказано ранее, развитие технического прогресса, цифровизация современной жизни обуславливают необходимость выделения такой специфической группы следов, как цифровые, хранящиеся в памяти различных электронных устройств и ПЭВМ. Под цифровым следом можно понимать «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [6, с. 6].

Так, цифровые следы могут свидетельствовать:

— о подготовке к совершению преступления (посещение специализированных сайтов в сети Интернет, подыскание специальной литературы, карт);

— производстве незаконных поисковых действий (в случае, когда, например, процесс поиска, обнаружения, изъятия археологического предмета, сопутствующих действий фиксируется на смартфон, видеокамеру, видеорегиистратор);

— способах сокрытия преступления (активное общение подозреваемого на специализированных форумах нелегальных поисковиков в сети Интернет, социальных сетях, подача объявлений о продаже артефактов, обмен текстовой информацией, фотоизображениями обнаруженных предметов, видеозаписями процесса раскопок). Соответственно, источниками такой информации будут память ПЭВМ (планшетных, стационарных компьютеров, ноутбуков, смартфонов), видеокамеры, регистраторы, накопители информации (флэш-карты, внешние жесткие диски).

Например, *О. Н. Семенов, совершая незаконный поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания в земле на территории участка во Владимирской области, снимал свои действия на камеру мобильного телефона, где комментировал ход работ, правила пользования металлоискателем, демонстрировал свои находки, причем не только на открытой местности, но и в интерьере своей квартиры. Далее эти материалы были выложены им в сеть Интернет, в специализированную группу социальной сети «ВКонтакте» (группа «Нумизматика и раскопки»), на форум кладоискателей www.reviewdetector.net с целью определить цену находок и реализовать их. В дальнейшем, в процессе изучения и анализа информации, содержащейся на жестком диске компьютера подозреваемого О. Н. Семенова, также были обнаружены фотографии металлоискателей и файлы программного обеспечения для них, электронный географический атлас*

Российской империи 1871 г. и карта Владимирской губернии 1900 г. [7]

Все эти материалы были использованы для формирования качественной доказательственной базы и в конечном итоге позволили успешно завершить расследование и передать дело в суд.

Совокупность следов на месте происшествия дает криминалистам следовую картину — «возникшую в результате взаимодействия материальных элементов происшествия целостную систему вещественных источников уголовно-релевантной информации, используемую для формирования динамической интегральной модели механизма расследуемого события на соответствующих стадиях процесса раскрытия и расследования преступления» [8, с. 7—8]. Объединение следовой картины, материальной обстановки на месте преступления вкупе с пояснениями потерпевших, свидетелей предоставляет следователю важный новый ресурс получения информации о произошедшем событии, опираясь на который становится возможным получение доказательств по делу.

Исходя из изложенного, становится очевидным, насколько важным представляется знание типичной следовой картины, возникающей в ходе расследования преступлений рассматриваемого вида. Это знание позволяет направлять ход следствия, устанавливать механизм совершенного преступления, его участников и иные обстоятельства, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, и в конечном счете достигать целей уголовного судопроизводства, защищая отечественное культурное наследие.

---

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Янин С. А., Янина Т. Н. О некоторых особенностях возбуждения уголовного дела по факту уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1. С. 166—172.

---

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 on 2 July 2021. "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Federal law No. 73-FZ on 25 June 2002. "On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the nationalities of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Yanin S. A., Yanina T. N. On some features of initiation of criminal proceeding on the fact of destruction or damage to cultural heritage objects (historical and cultural monuments) of the nationalities of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 166—172, 2020 (in Russian).

4. Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Во-
лынского. Москва: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА,
1999. 615 с.

5. Криминалистика: в 3 т. / под ред. Р. С. Бел-
кина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. Москва:
Академия МВД России, 1995. Т. 1. 280 с.

6. Уголовное дело № 1-70/2015 // Архив Апше-
ронского районного суда (Краснодарский край).
2015.

7. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концеп-
ция цифровых следов в криминалистике // Ауба-
кировские чтения: материалы междунар. науч.-
практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019.
С. 6—8.

8. Уголовное дело № 1-1/2019 // Архив Юрь-
ев-Польского районного суда (Владимирская
область). 2019.

9. Дикунев А. И. Криминалистический анализ
следовой картины расследуемого события с при-
знаками преступления: автореф. дис. ... канд.
юрид. наук. Москва, 2005. 22 с.

© Янина Т. Н., 2021

Янина Татьяна Николаевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: s.yanin1@yandex.ru

4. Forensic. Science textbook. Ed. by A. F. Volyn-
sky. Moscow: Law and Right: UNITY-DANA; 1999:
615 (in Russian).

5. Forensic science. In 3 vol. Vol. 1. Ed. by
R. S. Belkin, V. G. Kolomatsky, I. M. Luzgin.
Moscow: Academy of the Ministry of Internal Af-
fairs of Russia; 1995: 280 (in Russian).

6. Criminal case No. 1-70/2015. In: Archive of the
Apsheron District Court (Krasnodar territory). 2015
(in Russian).

7. Rossinskaya E. R., Ryadovsky I. A. The
concept of digital footprints in criminalistics. In:
Aubakirov readings. Proceedings of the international
research-to-practice conference, 19 February
2019. Almaty; 2019: 6—8 (in Russian).

8. Criminal case No. 1-1/2019. In: Archive of the
Yuryev-Polsky District Court (Vladimir region).
2019 (in Russian).

9. Dikunov A. I. Forensic analysis of the trace
picture of the event under investigation with signs
of a crime. Abstract of dissertation of candidate
of juridical sciences. Moscow; 2005: 22 (in Russian).

© Yanina T. N., 2021

Yanina Tatiana Nikolaevna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: s.yanin1@yandex.ru

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.
Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и приставные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
_____»
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.